

И-712

Дагестанский филиал Академии наук СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том IX

Махачкала, 1961

72(2P-6A)

И 71

Дагестанский филиал Академии наук СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том IX

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала, 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. Аликберов, В. Г. Гаджиев, С. Ш. Гаджиева,
Г.-А. Д. Даниялов (ответств. редактор),
А. С. Омаров, Е. В. Сказин.

1978

Технический редактор Э. С. Геллер

СО4905. Сдано в набор — 17/IV-61 г. Подписано в печать — 27/IX-61 г.
Формат — 60×92^{1/16}. Объем — 20,0 п. л. Учетно-издат. листов — 19,89.
Тираж — 1000. Заказ № 853. Цена — 1 руб. 39 коп. Переплет — 15 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

ИСТОРИЯ

В. И. ЛЕНИН ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ И БОЕВОМ СОДРУЖЕСТВЕ НАРОДОВ КАВКАЗА

Народы Кавказа, в частности Закавказья, неоднократно подпадавшие под гнет то шахской Персии, то османской Турции, истари тяготели к России. В начале XIX века весь Кавказ окончательно отошел к Российской империи, и, будучи в составе России, народы Кавказа в прошлом разделяли с великим русским народом свою горькую судьбу, а теперь свое счастье в семье народов СССР.

При всем разнообразии национального состава общность интересов в борьбе против завоевателей и колонизаторов породила процесс консолидации народов Кавказа, формировались и закреплялись их интернациональные традиции и боевое содружество. Великолепные качества характера народов Кавказа проверялись всем ходом их истории.

Вполне понятно поэтому, что интернациональное, братское боевое содружество народов Кавказа всегда находилось в центре внимания основателя Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства — В. И. Ленина.

Для доказательства этого достаточно сослаться на письмо В. И. Ленина, адресованное С. Г. Шаумяну в 1913 году, в котором великий вождь народов настоятельно просил его непременно прислать «... побольше материалов о национальном вопросе на Кавказе (раз уже Вы, к сожалению, не можете писать сами) и статью *Кострова* (Н. Жордания—П. М.) и его книжки, доклады делегатов с переводом на русский язык (надеюсь, найдете кому поручить) и *статистику национальностей* на Кавказе и материал об отношении национальностей на Кавказе, в Персии, Турции и России, одним словом, все, что есть и что можете собрать, присылайте. Не забывайте также *искать* товарищей-кавказцев, которые бы могли писать статьи о национальном вопросе на Кавказе»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 76.

В. И. Ленин отмечал, что славные традиции пролетарского интернационализма большевистских организаций Кавказа явились образцом интернационального построения марксистской партии и единственно правильного пролетарского решения национального вопроса².

Нет сомнения, что ленинская характеристика традиций пролетарского интернационализма, ленинская оценка значения боевого братского содружества народов Кавказа с великим русским народом имеет большое воспитательное значение для молодого поколения нашей страны, когда народы Советского Союза вступили в период развернутого строительства коммунизма.

I.

Известно, что в далеком прошлом высокие недоступные горы и бурные, многоводные реки разделяли людей. Это в известной степени относится и к народам Кавказа. В географическом отношении Кавказ делится на две части — Северный Кавказ (250 тыс. кв. км.) и Закавказье (190 тыс. кв. км.). На Северном Кавказе, в горных районах, расположены Адыгея, Кабарда, Балкария, Карачай, Черкесия, Осетия, Дагестан; в Закавказье — Грузия, Азербайджан, Армения.

По своей территории Кавказ может сравниться с рядом больших государств Запада. Но на земном шаре невозможно найти района, равного Кавказу по разнообразию национального состава.

По переписи 1959 года население Кавказа (440 тыс. кв. км) составляет 21 114 тыс. человек³.

Как указывалось выше, Кавказ является самой многонациональной страной в мире. Северный Кавказ населяют чеченцы, осетины, кабардинцы, адыгейцы, ингуши, карачаевцы, черкесы, абазинцы, балкарцы, ногайцы и многие другие народности. Только на территории Дагестана (площадь 38 тыс. кв. км) проживают более 30 коренных народностей:

² В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 58.

³ На 15 января 1959 года городское население Кавказа составило — 9452 тыс. и сельское 11 662 тыс. человек. Население Кавказа по республикам, краям, областям: Грузия — 4044 тыс., Краснодарский край — 3766 тыс., Азербайджан — 3698 тыс., Ростовская область — 3314 тыс., Ставропольский край — 1886 тыс., Армения — 1763 тыс., Дагестан — 1063 тыс., Чечено-Ингушетия — 711 тыс., Северо-Осетия — 449 тыс., Кабардино-Балкария — 420 тыс. В крае насчитывается до 130 городов и более 170 поселков городского типа. Крупнейшими городами Кавказа являются: Баку (968 тыс. населения), Тбилиси (694 тыс.), Ростов-на-Дону (597 тыс.), Ереван (509 тыс.), Краснодар (312 тыс.), Грозный (240 тыс.), Орджоникидзе (164 тыс.), Ставрополь (140 тыс.), Кутанси (128 тыс.),

аварцы, лезгины, даргинцы, кумыки, таты и другие⁴. В Грузии проживают грузины, осетины, абхазцы, армяне, русские, азербайджанцы, греки, украинцы, евреи, курды; в Азербайджане — азербайджанцы, русские, армяне, грузины, аварцы, лезгины, курды, таты и другие; в Армении — армяне, азербайджанцы, русские, курды и другие⁵.

Как в Азербайджане, так и в Грузии, Армении, на Северном Кавказе имеются десятки и даже сотни селений со смешанным населением. Жители этих селений живут вместе, у них общие традиции, многие жители являются близкими родственниками, их дружба уходит в глубь веков. В районах Лори и Борчалу (Грузия), Физули, Евлаха и Акстафы (Азербайджан), высокогорного озера Севан (Армения), в полосе нагорья и плоскостных районов Северного Кавказа, от берегов Азовского моря и до берегов Каспийского моря рука об руку трудятся они во имя торжества коммунизма.

Не только Кавказ в целом является многонациональным краем в составе СССР, но и Азербайджанская ССР, Грузинская ССР, Армянская ССР, Дагестанская АССР, Чечено-Ингушская АССР, Северо-Осетинская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская область являются многонациональными союзными и автономными республиками, многонациональными краями и областями.

Естественность такого смешения народов и народностей, общность экономических, политических и культурных связей, совместная борьба против иноземных поработителей все теснее связывали народы Кавказа между собою, укрепляли их братское содружество и сближали с великим русским народом, со всеми народами СССР.

II.

В. И. Ленин указывал, что нельзя забывать о громадном значении национального вопроса, особенно в такой стране,

Махачкала (119 тыс.), Кировабад (116 тыс.), Армавир (111 тыс.), Ленинанкан (108 тыс.), Новороссийск (93 тыс.), Нальчик (87 тыс.), Черкесы (83 тыс.), Майкоп (82 тыс.), Кисловодск (79 тыс.), Пятигорск (69 тыс.), Сухуми, Рустави, Сумгаит, Нахичевань, Степанакерт и др. («О предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1959 года», газ. «Бакинский Рабочий», 10 мая 1959 года).

⁴ В настоящее время в Дагестане издаются центральные газеты на аварском, кумыкском, даргинском, лезгинском и русском языках, и некоторые районные газеты на языке коренной народности района.

⁵ «Об уровне образования, национальном составе и возрастной структуре населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года», газета «Правда», 4 февраля 1960 г.

как царская Россия, которую, как он особо подчеркивал, справедливо называют «тюрьмой народов»⁶.

В начале XIX века народы Закавказья полностью освободились от гнета Персии и Турции путем перехода под защиту России. Это было большим и исторически прогрессивным событием в жизни народов Закавказья и всего Кавказа.

Колониальная политика персидских и турецких завоевателей на Кавказе сопровождалась разрушением экономики и культуры, сохранением феодальных отношений и постепенным физическим истреблением народов, ими поработанных.

Колониальная политика Англии, равно как и других западных стран, в том числе и США, осуществлялась самыми грубыми методами и средствами эксплуатации колониальных народов. Англия — страна высокоразвитого капитализма, «мастерская мира», на многие годы задержала развитие экономики Индии и других своих колоний. Напротив Россия, проводя колониальную политику в отношении окраинных народов, в том числе и в отношении народов Кавказа, сама жестоко страдала от неразвитости капитализма.

В. И. Ленин различает два периода в истории колонизации Кавказа Россией: политическое, а затем и экономическое завоевание⁷. Во второй половине XIX века началось экономическое завоевание Кавказа путем вложения капитала в экономику края. Осуществлялось разрушение родовых и феодальных пережитков. В. И. Ленин указывал, что «капитализм будит к жизни и к сознанию целый ряд «новых», больших и малых наций»⁸, и что путем экономического приобщения Кавказа к России и мировому рынку создавались условия для *взаимодействия и взаимовлияния* демократических и социалистических начал национальных культур.

Еще Ф. Энгельс указывал, что Россия действительно играет прогрессивную и цивилизующую роль по отношению к Востоку⁹.

В. И. Ленин, разоблачая колонизаторскую политику царизма, отмечал, что великорусские рабочие хотят «гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства»...¹⁰

Вопрос о развитии капитализма в России начал привлекать внимание русских марксистов еще с тех пор, когда, вопреки закономерностям развития общества, народники считали, что капитализм в России представляет «случайное» явление, ошибочно усматривая историческую перспективу в

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 520.

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 85.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 211.

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 86.

победе социализма на базе крестьянской общины. Еще Плеханов, разоблачая народников, указывал, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития и что нет такой силы, которая могла бы свернуть ее с этого пути¹¹.

Кавказ, как составная часть России, быстрее других окраин страны стал на путь капиталистического развития в ходе экономического завоевания его Россией.

В. И. Ленин считал использование вольнонаемного труда в земледелии «главным проявлением земледельческого капитализма»¹².

К числу главных районов громадного передвижения крестьян в поисках работы по найму В. И. Ленин относил и Северный Кавказ. Он указывал, что здесь, как и в других районах России, образовалось множество рабочих рынков, куда съезжались и наниматели¹³.

Касаясь вопроса о развитии горной промышленности на юге России, в частности на Кавказе, В. И. Ленин указывал, что по сравнению со старым Уралом «Юг молод и находится в периоде формирования». Капиталистическая промышленность, выросшая на Юге, писал В. И. Ленин, «... не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения». На Юг устремляется иностранный капитал, переселяются инженеры и квалифицированные рабочие. «Международный капитал, — писал В. И. Ленин, — не затруднился переселиться внутрь таможенной стены и устроиться на «чужой» почве»...¹⁴

В. И. Ленин отмечал далее, что пореформенный период характеризуется для Кавказа поразительным ростом горной промышленности. Добыча нефти на Кавказе, не достигающая в 60-х годах и миллиона пудов (557 тыс. в 1865 году), в 1870 году составила 1,7 млн. пуд., в 1875 — 5,2 млн. пуд., в 1880—21,5 млн. пуд., в 1895—384,0 млн. пуд., в 1902 году—637,7 млн. пуд.

Русский капитализм втягивал Кавказ в мировое товарное обращение. Колониальная окраина «...превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку...»¹⁵. Вместе с тем на Кавказе быстро происходил «процесс отвлечения населения от земледелия к промышленности»¹⁶. С 1851 по 1897 гг., т. е. за 46 лет, все население Кавказа возросло на 95%, а городское население с 1863 по 1897 г. увеличилось с 350 тыс. до 900 тыс.

¹¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 270—271.

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 200.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 205—206.

¹⁴ Там же, стр. 427.

¹⁵ Там же, стр. 521.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 205—206.

В. И. Ленин указывал, что капитализм не может существовать и развиваться «...без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»¹⁷.

III.

Процесс быстрого развития капитализма на Кавказе имел огромные по своей силе и многосторонности результаты концентрации промышленности и пролетариата. Рабочее движение в Баку, Тифлисе, Батуме пустило «глубокие корни»¹⁸. В. И. Ленин подчеркивал, что «дело пролетариата — теснее сплачивать как можно более широкие массы рабочих всех и всяких национальностей, сплачивать для борьбы на *возможно более широкой арене* за демократическую республику и за социализм»¹⁹.

В конце 90-х годов XIX в. на Кавказе возникают первые марксистские кружки. Кавказские марксисты — В. З. Кецохвели, Б. М. Кнунянц, И. В. Сталин, С. Г. Шаумян, А. А. Джапаридзе, М. А. Азизбеков, А. Г. Цулукидзе, М. Г. Цхакая и др. при активной помощи ссыльных русских революционеров М. И. Калинина, В. К. Курнатовского, С. Я. Аллилуева и других развернули борьбу за создание революционных социал-демократических организаций, за осуществление ленинского плана построения марксистской партии нового типа.

В Баку, как важнейшем революционном центре Закавказья, весной 1901 года был создан первый Бакинский комитет РСДРП ленинско-искровского направления для руководства интернациональным бакинским пролетариатом. В начале 1903 года по инициативе Бакинского и Тифлисского комитетов РСДРП был созван I съезд кавказских организаций РСДРП, который создал объединенный руководящий центр — Кавказский Союзный Комитет РСДРП. Съезд одобрил политическую линию ленинской «Искры», принял программу и устав. Союзный Комитет по своему составу был интернациональным. Органом Союзного Комитета стала газета «Пролетариатис брдзолиа пурцели» («Листок борьбы пролетариата») на грузинском языке. В 1905 году органом комитета стал «Кавказский рабочий листок». Всего вышло 17 номеров газеты — два последних под названием «Елисаветпольский Вестник».

Интернациональное единство социал-демократических организаций на Кавказе явилось образцом пролетарского решения ленинской национальной политики. Основными этапами практической деятельности социал-демократических организа-

¹⁷ Там же, стр. 522.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 291.

¹⁹ Там же, стр. 293.

ний с единым интернациональным руководящим центром Кавказского союзного комитета были: I съезд Кавказского союза РСДРП (начало 1903 г.), II съезд (октябрь 1903) и III съезд (май 1904), ноябрьская (1904) большевистская конференция кавказских комитетов РСДРП. Кавказские большевики стали опорой Ленина, приняв самое деятельное участие в борьбе за созыв III съезда РСДРП(б). Известная всеобщая стачка бакинского пролетариата в декабре 1904 года, массовый характер организованной пролетарской борьбы и крестьянских выступлений в Азербайджане, Грузии, Армении и в различных местах Северного Кавказа в годы первой русской революции проходили под руководством Кавказского союзного комитета.

Еще в 1903 году, в статье «К деревенской бедноте», В. И. Ленин указывал, что полупролетарии в деревне, в силу развития капитализма в земледелии, это «родные братья городского рабочего, потому что их тоже обирают на все лады всякие хозяева». Для полупролетариев «.. нет иного спасения, кроме как соединиться сообща с социал-демократами для борьбы против всех богатеев, против всех собственников»²⁰.

В статье «Начало революции в России» (январь 1905 г.), В. И. Ленин указывал, что в Баку, как и в ряде городов страны, «растет брожение рабочих и ширится забастовка»²¹. Несколько позже, 1 мая 1905 года, в ходе подъема первой русской революции, В. И. Ленин писал: «Никогда еще не переживала Россия того пробуждения от сна, забитости и неволи, как теперь. Зашевелились все классы общества, от рабочих и крестьян до помещиков и капиталистов, поднялись голоса негодования отовсюду, в Петербурге и Кавказе, в Польше и Сибири»²². Здесь В. И. Ленин имел в виду не только территориальное, но и политическое значение указанных районов страны, поставив Кавказ рядом с Петербургом.

Крестьянское движение в Гурии (Грузии) в 1905 году В. И. Ленин считал «самым передовым»²³. По этому вопросу на III съезде РСДРП выступил с докладом М. Г. Цхакая, а проект резолюции составил В. И. Ленин. В проекте резолюции указывалось, что особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию здесь наиболее боевых организаций большевистской партии.

В июле 1905 года в статье «Революционная армия и революционное правительство» В. И. Ленин указывал, что на наших глазах идея всенародного вооруженного восстания

20 В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 351.

21 В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 78.

22 Там же, стр. 317.

23 Там же, стр. 368.

зрела в сознании людей. Делались смелые попытки вооруженного отпора масс царским войскам. Начались настоящие уличные сражения народа с войском, битвы на баррикадах. В. И. Ленин писал, что рядом с Лодзью, Одессой, Либавой и Кавказ показал «образцы пролетарского героизма и народного энтузиазма. Борьба переросла в восстание»²⁴.

В сентябре 1905 года в Риге состоялась конференция социал-демократических организаций России. В резолюции конференции «По поводу событий на Кавказе» указывалось, что с.-д. выражают свое негодование по поводу варварских действий царского самодержавия, превратившего политику разжигания межнациональной розни в главное орудие борьбы против революционного движения пролетариата. Конференция призывала пролетариев всех национальностей к совместной решительной борьбе против царизма под единым знаменем социал-демократии. Наконец, конференция выразила уверенность в том, что азербайджанские товарищи и весь пролетариат Кавказа и впредь будут продолжать революционную борьбу вместе с пролетариатом всей России для окончательной победы над царским самодержавием²⁵.

В острой полемике с меньшевиками в 1905 году, когда встал вопрос о том, сумеет ли пролетариат победить в отдельных городах или районах страны и законна ли будет его власть, В. И. Ленин писал: «Разве в числе «городов» нет такого, как Петербург, где имело место 9-е января? Разве в числе районов нет Кавказа, который больше многих государств?»²⁶.

В. И. Ленин писал, что за Петербургом, где грянул первый гром революции, последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет. Рига, Польша, Одесса, Кавказ стали по очереди очагами восстания, которое с каждой неделей, с каждым месяцем все более росло в ширину и в глубину²⁷. На Кавказе революционное движение отличалось «громким упорством, сравнительно более частым употреблением оружия и бомб со стороны населения»²⁸. Как и Польша, Кавказ дал «образец борьбы уже более высокой, где пролетариат стал выступать отчасти вооруженным, где война приняла затяжную форму»²⁹.

В статье «Между двух битв (ноябрь 1905 года) В. И. Ленин писал: «Кто не за революцию, — тот черносотенец». Так ставит вопрос сама жизнь. «Это говорят всем и каждому

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 525.

²⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. седьмое, 1954, стр. 94.

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 61.

²⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 308.

²⁸ Там же, стр. 311.

²⁹ Там же, стр. 323.

залитые кровью камни мостовых в Москве и Одессе, в Кронштадте и на Кавказе, в Польше и в Томске»³⁰.

Сравнивая террор и восстание масс против самодержавия, В. И. Ленин указывал, что террор — это месть отдельным лицам, неверие в народное восстание. Партизанские же действия, восстание масс, это уже не месть, это — военные действия, это уверенность в победоносном исходе всенародного вооруженного восстания. Но идея восстания зрела в массах территориально неравномерно. В связи с этим В. И. Ленин писал, что центральные районы отставали от окраин: «Нас опередили в этом отношении и Кавказ, и Польша и Прибалтийский край, т. е. именно такие центры, где движение всего дальше ушло от старого террора, где восстание подготовлено всего лучше, где массовый характер пролетарской борьбы всего сильнее и ярче выражен»³¹.

Как выборные сельские органы власти — революционное самоуправление — на Кавказе, так и Совет рабочих депутатов Петербурга, В. И. Ленин считал «зачатками новой революционной власти»³².

Итак, интересы революции, гегемония пролетариата в революции настоятельно требовали, чтобы пролетариат шел вместе с сознательным крестьянством.

В процессе подъема первой русской революции «тактика бойкота по отношению к булыгинской Думе верно учла и настроение революционного пролетариата, и объективные особенности момента, вызвавшие неизбежность близкого общего взрыва»³³. В. И. Ленин считал, что только посредством бойкота большевики могли при тогдашних обстоятельствах исполнить свой долг, а именно дать народу необходимое предостережение насчет царской конституции. Несомненно эта тактика была правильной и принесла пользу. Но в условиях спада революции встала необходимость участия в Думе. «История показала, что когда собирается Дума, — писал В. И. Ленин, — то является возможность полезной агитации внутри нее и около нее; — что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы. Это кажется парадоксом, но такова, несомненно, ирония истории..., но история безусловно доказала известную, хотя и скромную, пользу такого учреждения для революции, как трибуны для агитации, для разоблачения истинного «нутра» политических партий и т. д.»³⁴.

В статье «Выборы в Думу и тактика русской социал-демо-

³⁰ Там же, стр. 430.

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 99—100.

³² В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 134.

³³ В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 119.

³⁴ Там же, стр. 121—122.

кратии» (март, 1907) В. И. Ленин указывал: «На Кавказе революционное крестьянское движение очень сильно... левые здесь — самая сильная партия: 0/0 левых в Думе (53,60/0) примерно одинаков с 0/0 депутатов, вышедших из крестьянской курии (490/0)»³⁵.

Большевики с успехом использовали трибуну Государственной Думы для разоблачения антинародной политики царского правительства.

Как известно, решение аграрно-крестьянского вопроса было возможно лишь при условии свержения царского самодержавия, перехода власти в руки народа, установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Аграрная программа является составной частью общей программы большевистской партии. Именно этим и объясняется то исключительное внимание, которое постоянно уделял ей В. И. Ленин.

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905 — 1907 годов», анализируя аграрные программы «националов»³⁶ и, в частности, резко критикуя депутатов II Думы от мусульманской группы Хана Хойского (Елисаветпольской губ.), Сагателяна (Эриванской губ.), Тер-Аветикянца (Елисаветпольской губ.), Эльдарханова (Терской обл.), а также аграрную программу меньшевиков³⁷, В. И. Ленин указывал, что аграрный вопрос в России «составляет основу буржуазной революции... и обуславливает собой национальную особенность этой революции»³⁸.

В период временного затишья в массовом рабочем и крестьянском движении³⁹ В. И. Ленин придавал большое значение критическому изучению опыта первой русской революции с тем, чтобы «очистить от шлаков, передать его (опыт — П. М.) массам как руководство для грядущей борьбы»⁴⁰.

В. И. Ленин говорил, что «местью за революцию отмечена вся эпоха III Думы»⁴¹. После третьеиюньского переворота 1907 года РСДРП переживала кризис, ослабели местные партийные организации. Шатания, разброд и распад стали

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 177.

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 371—379.

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 373—386.

³⁸ Там же, стр. 386.

³⁹ Несмотря на спад стачечного движения в стране после начала реакции в 1907 году, в 1908 году в Баку стачечное движение охватило около 50 тысяч рабочих. В. И. Ленин называл бакинских стачечников «последними могианам массової политической стачки!». В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 368.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 394.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 453.

общим явлением в силу временного торжества черной реакции. Одним из внешних проявлений партийного кризиса был уход попутчиков революции, «бегство интеллигенции от партии»⁴².

Но, как указывал В. И. Ленин, здоровые элементы революционной партии сохранились и работали. В качестве явного признака настоящей партийной работы В. И. Ленин отмечал усиление деятельности нелегальных издательств. Он, в частности, указывал наряду с Петербургом, на значительное усиление издательской деятельности большевистских организаций Кавказа⁴³.

В сентябре — октябре 1911 года в Баку — Тифлисе состоялось совещание Российской организационной комиссии (РОК) с участием делегатов от Бакинской, Тифлисской, Екатеринбургской, Киевской и Екатеринославской парторганизаций. Организатором совещания по поручению В. И. Ленина был уполномоченный Заграничной организационной комиссии (ЗОК) Г. К. Орджоникидзе. Основным вопросом совещания был вопрос о созыве общепартийной конференции. Высоко оценив значение этого совещания и призывая партийные организации сплотиться вокруг РОК, В. И. Ленин писал, что кризис РСДРП кончается⁴⁴. Шестая (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП, руководимая В. И. Лениным, отметила громадную роль РОК «по сплочению всех российских партийных организаций без различия фракций и по воссозданию нашей партии, как общероссийской организации»⁴⁵.

Переселению крестьян царизм придавал в годы реакции особо важное значение. Царское правительство лелеяло надежду, что этим можно будет «... если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос»⁴⁶.

Кавказ в переселенческой политике царизма занимал одно из важных мест. Это и понятно, если учесть объективные условия и субъективные факторы общественно-политической жизни и развития здесь крестьянского движения.

В статье «Переселенческий вопрос» (июнь 1912 г.) В. И. Ленин подвергает всестороннему анализу вопрос о «земельном фонде» для переселения крестьян из России на Кавказ. На основании статистических материалов по Кутаисской губернии (Грузия), а также отчетов Бакинского комитета и сенатора Кузьминского о земельном обеспечении крестьян

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 3.

⁴³ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 6.

⁴⁴ «КПСС в резолюциях и решениях», ч. 1, 1954 г., стр. 251.

⁴⁵ Там же, стр. 268—269.

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 74.

Закавказья и Северного Кавказа и других данных⁴⁷, В. И. Ленин делает вывод, что в отношении обеспеченности земель положение кавказских крестьян мало чем разнится от положения крестьян в России. «Переселенческий фонд, — писал далее В. И. Ленин, — образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев (местного населения Кавказа. — П. М.), а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «руссификации окраин»⁴⁸.

Было ясно, что созданием новых сел из крестьян-переселенцев и снабжением их оружием (10 берданок на 100 дворов) царское правительство искусственно создавало враждебные отношения между местными и переселенными крестьянами. Таким образом, мероприятия царского правительства по переселению крестьян из России на Кавказ привели к противоположным результатам.

В конце 1912 года в Кракове состоялось совещание ЦК РСДРП с партийными работниками под руководством В. И. Ленина, названное по соображениям конспирации «февральским» 1913 года. Разоблачая проповедников так называемого «федералистического» принципа построения социал-демократической партии и учитывая огромный вред обособленности национальных с.-д. организаций для пролетариата в его борьбе против царизма и буржуазии, совещание настойчиво призвало рабочих всех национальностей России «... к самому решительному отпору воинствующему национализму реакции, к борьбе со всеми и всяческими проявлениями националистического духа среди трудящихся масс и к самому тесному сплочению и слиянию с.-д. рабочих на местах в единые организации РСДРП, ведущие работу на каждом из языков местного пролетариата и осуществляющие на деле единство снизу, как это ведется издавна на Кавказе»⁴⁹.

Как видим, и в этом отношении В. И. Ленин считал Кавказ примером интернационального построения РСДРП и осуществления большевиками на деле единства всех рабочих многонационального края.

В письме на имя А. М. Горького в феврале 1913 года В. И. Ленин дал высокую оценку революционной работе большевистских организаций Кавказа по интернациональному сплочению рабочих, всех трудящихся различных национальностей края. «У нас на Кавказе, — писал В. И. Ленин, — с.-д. грузины + армяне + татары (азербайджанцы. — П. М.) + русские работали вместе, в единой с.-д. организации больше десяти лет. Это не фраза, а пролетарское решение националь-

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 77—80.

⁴⁸ Там же, стр. 79.

⁴⁹ Там же, стр. 435. Подчеркнуто нами. — П. М.

ного вопроса. Единственное решение»⁵⁰. А в апреле того же года, в статье «Современная Россия и рабочее движение» В. И. Ленин писал, что «образцом для нас должна быть социал-демократия на Кавказе, которая вела пропаганду одновременно на грузинском, армянском, татарском (азербайджанском. — П. М.) и русском языках»⁵¹.

Рассматривая дальнейшее обострение национального вопроса в стране в мае 1913 года, В. И. Ленин указывал в статье «Рабочий класс и национальный вопрос», что Россия — пестрая в национальном отношении страна. В июне 1913 года в «Тезисах по национальному вопросу» В. И. Ленин писал, что усиление воинствующего национализма царской монархии и оживление буржуазного национализма, грузинского, армянского и т. д. со всей настоятельностью требовали от РСДРП выработки последовательно марксистских решений по национальному вопросу «...в духе выдержанного интернационализма и единства пролетариев всех наций»⁵².

Вопрос о русском языке на Кавказе был предметом особого внимания В. И. Ленина. В статье «Либералы и демократы в вопросе о языках» В. И. Ленин приводит высказывание кавказского наместника, который в своем отчете указывал, что на Кавказе представители нерусских народностей сами стараются научить детей по-русски в школах, в которых преподавание русского языка не обязательно⁵³.

В 1914 году В. И. Ленин выступил против обязательного государственного языка. В. И. Ленин говорил, что «*обязательный* государственный язык сопряжен с принуждением». Принудительность «приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д.».

В. И. Ленин указывал, что в демократическом государстве цивилизованные граждане «...сами предпочитают язык, понятный для большинства»⁵⁴, если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из языков, то все легко и быстро научатся понимать друг друга. В. И. Ленин говорил, что буржуазия *всех* наций, в том числе и России, под лозунгом «национальной культуры» проводит *на деле* раздробление рабочих. Поэтому лозунг рабочей демократии не «националь-

⁵⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 58.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 31.

⁵² Там же, стр. 220.

⁵³ Там же, стр. 317.

⁵⁴ Там же, стр. 318.

ная культура», а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения⁵⁵.

Ленинское положение о взаимоотношениях между различными нациями имеет огромное значение для правильного проведения политики партии в многонациональных районах и, прежде всего, для деятельности коммунистических организаций на Кавказе.

Правильное пролетарское решение национального вопроса под руководством большевиков, принцип интернационального единства с.-д. рабочих, принцип, «столь блестяще испытанный на Кавказе с 1898 года» (В. И. Ленин)⁵⁶, и составили фундамент прочной интернациональной традиции в практической деятельности большевиков.

Как известно, в канун первой империалистической войны, не только в России, в силу продолжавшейся здесь черной реакции, но и на Западе, национальный вопрос приобрел особую остроту. Это было результатом усиления воинствующего буржуазного национализма, перехода буржуазии к национализму и ее шовинистической пропаганды, усиления националистических шатаний среди «национальных» социал-демократических организаций.

В. И. Ленин указывал, что воинствующий буржуазный национализм отупляет, одурачивает, разъединяет рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии.

Памятуя, что интернациональная культура не является безнациональной, В. И. Ленин писал: «*В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую*». Далее Ленин пишет: «*...мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации*»⁵⁷.

Кавказские большевики — верная опора ленинской Коммунистической партии — закладывали фундамент и возводили каркас незыблемой ленинской национальной политики, основываясь на многолетнем опыте осуществления принципов пролетарской солидарности и интернациональной дружбы рабочих и всех трудящихся Кавказа.

Вслед за всеобщей забастовкой 1913 года, в начале мая 1914 года началась всеобщая забастовка бакинских нефте-

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 319.

⁵⁶ Там же, т. 20, стр. 485.

⁵⁷ Там же, стр. 8.

промышленных рабочих. Забастовка эта привлекла внимание всего пролетариата России и являла собой пример пролетарской интернациональной солидарности рабочих Баку, Москвы, Петербурга и других крупнейших городов и районов страны.

С начала первой мировой войны Кавказ стал одним из важнейших звеньев общего фронта России, а Закавказье вскоре фактически превратилось в прифронтовую полосу, в непосредственный тыл русской Кавказской армии, действовавшей против турецких войск. Первая мировая война стала испытанием государств, народов, партий, испытанием верности делу пролетарского интернационализма. В ноябре 1914 года В. И. Ленин писал, что «работа нашей партии теперь стала во 100 раз труднее»⁵⁸. С начала империалистической войны помещичье-буржуазные круги Кавказа еще более усилили шовинистическую пропаганду, всячески раздували межнациональные распри.

В обстановке глубокого кризиса в партиях II Интернационала, изменивших делу социализма, В. И. Ленин разработал теорию и тактику большевистской партии по вопросам войны, мира и революции. Эти установки В. И. Ленина легли в основу всей практической деятельности большевиков Кавказа.

Война затруднила, но не могла прервать связи В. И. Ленина с большевиками Кавказа и прежде всего Баку. Летом 1915 года по поручению Ленина Надежда Константиновна Крупская запрашивала «вести из Баку». С. Г. Шаумян регулярно информировал В. И. Ленина о работе большевистских организаций Кавказа. В феврале 1916 года ЦО большевистской партии газета «Социал-демократ» писала: «Партийная нелегальная работа сильно возрастает во всех местах Кавказа. Движение создается и идет исключительно под лозунгом революционных социал-демократов-интернационалистов. Несмотря на все препятствия, большевистское течение заметно растет на Кавказе. Такие крупные промышленные центры, как Баку и Грозный, находятся под гегемонией почти исключительно большевистского течения».

Кавказское бюро большевиков в годы первой мировой войны развернуло огромную пропагандистскую и агитационную работу среди трудящихся всех народов Кавказа и среди солдат Кавказской армии. В феврале 1916 года газета «Социал-демократ» писала: «Нам сообщают, что с.-д. большевики выпустили от имени Кавказских интернационалистов—русских, армян, грузин и татар (азербайджанцев — П. М.) —

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 133.

манифест, излагающий их точку зрения на войну. Документ стоит всецело на почве манифеста ЦК РСДРП...»⁵⁹.

Большевики Кавказа развернули огромную работу по разоблачению дашнаков, мусаватистов, панисламистов, национал-меньшевиков. Они призывали рабочих и широкие массы трудящихся всех народов Кавказа не поддаваться провокациям господствующих классов и националистических партий, помнить, что только в братском единении трудящихся всех национальностей залог их победы и освобождения от социального и национального гнета. Характеризуя эту деятельность большевиков Кавказа в годы империалистической войны, газета «Социал-демократ» отмечала, что они «хорошо и успешно защищают знамя революционного марксизма на Кавказе и в нынешние тяжелые дни»⁶⁰.

Всеобщая политическая стачка бакинских рабочих в январе 1917 года, в которой участвовало до 20 тыс. нефтепромышленных рабочих, была проведена под лозунгами: «Долой войну!», «За демократическую революцию!», «Долой буржуазию!», «За социализм!». Это уже был кануном второй буржуазно-демократической революции в России.

IV.

Пролетарская солидарность, интернационализм народов Кавказа, их братское боевое содружество с великим русским народом особенно ярко и полно проявились в период перерастания буржуазно-демократической революции в России в революцию социалистическую, в период борьбы против внутренней контрреволюции и многочисленных иностранных интервентов, за победу Советской власти.

После свержения царизма в России в феврале 1917 года большевистская партия вышла из подполья. Вскоре стали возвращаться из ссылки, тюрем и эмиграции видные деятели Коммунистической партии. Огромное значение для судеб революции имел приезд из эмиграции В. И. Ленина. Для Коммунистической партии, в том числе и одного из ее верных отрядов — большевистских организаций на Кавказе, начался период подготовки к пролетарской революции.

После кровавых июльских событий, когда империалистическая буржуазия установила свое единовластие в лице Временного правительства, VI съезд РСДРП(б) взял курс на вооруженное восстание. Партия большевиков вновь была

⁵⁹ Газ. «Социал-демократ», № 51, 29 февраля 1916 г. Как известно, указанный манифест ЦК «Война и Российская социал-демократия» был написан В. И. Лениным в сентябре—октябре 1914 г. (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 9—18.

⁶⁰ Газ. «Социал-демократ», № 51, 29 февраля 1916 г.

загнана в подполье. ЦК партии укрыл В. И. Ленина от преследований Временного правительства. В ответ на политический шантаж и буржуазную клевету по адресу большевистской партии, В. И. Ленин писал, что в большевистской партии «мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи»⁶¹.

Народы Кавказа и в этой обстановке разделяли судьбы всех народов России. Каждое событие в центре страны громким эхом отдавалось на окраинах. Пролетарская солидарность и интернациональное сплочение рабочего класса и трудящихся масс служили верной основой деятельности славной ленинской партии коммунистов. Большевики Кавказа усилили свое влияние на массы. В Бакинском Совете работали верные ленинцы — С. Шаумян, А. Джапаридзе, М. Азизбеков, В. Фиолетов и др. В войсковых частях Кавказского фронта революционную деятельность развернули большевики Г. Корганов, Г. Атарбеков и другие. Большую работу среди рабочих и трудящихся Грузии вели замечательные большевики Ф. Махарадзе, Миха Цхакая, С. Кавтарадзе и др., в Армении — славные сыны партии А. Мравян, Б. Гарибджанян и др. В Дагестане работу в массах большевики осуществляли под руководством У. Буйнакского. Наконец, на Северном Кавказе широкая работа была развернута большевиками под руководством С. М. Кирова.

Борясь за выполнение исторических решений VI съезда РСДРП(б), учитывая начало процесса большевизации Советов, партийные организации Кавказа по указанию ЦК партии готовились объединить силы и координировать руководство массами в канун социалистической революции на основе общей тактики большевиков Кавказа.

По инициативе Тифлисского и Бакинского комитетов партии было создано Оргбюро по созыву Кавказского краевого съезда РСДРП(б). В обращении Оргбюро от 5 сентября 1917 года указывалось, что в данный ответственный момент назрела необходимость решать «одинаково важные для всей области» вопросы. Поэтому необходимо создать в крае объединяющий, постоянно действующий, руководящий центр⁶².

Первый краевой съезд кавказских большевистских организаций состоялся 2—7 октября 1917 года. 19 организаций, объединявшие 8626 членов партии, делегировали на съезд 29 делегатов из Тифлиса, Баку, Туапсе, Александрополя, Кисловодска, Пятигорска, военных частей Кавказского фронта и т. д.

На Кавказском съезде обсуждался ряд вопросов: о VI

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 239.

⁶² «Борьба за победу Советской власти в Грузии». Документы и материалы, Тбилиси, 1958, стр. 81—82.

съезде большевистской партии (доклады с мест); о партийной печати. Съезд рассматривал также национальный вопрос, аграрный вопрос, вопрос о текущем моменте и избрал руководящий партийный центр — Кавказский краевой комитет РСДРП(б).

Руководствуясь решениями VI съезда РСДРП(б), съезд кавказских большевистских организаций определил тактику большевиков Кавказа в борьбе за социалистическую революцию.

В резолюции съезда по текущему моменту говорилось, что очередной задачей революции партия считает «созыв Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который должен взять в руки всю государственную власть... и приступить к немедленному осуществлению основных требований революции». Резолюция по национальному вопросу рекомендовала народам Кавказа самое тесное единение и сближение без различия национальностей, организацию широкого местного самоуправления на Кавказе, уничтожение привилегий государственного языка и полное равноправие языков во всех государственных и общественных учреждениях. В резолюции по аграрному вопросу на Кавказе отмечалось, что от решения аграрного вопроса зависит не только судьба многонационального крестьянского населения России, но и судьба самой революции, что разрешение аграрного вопроса в России, а также на Кавказе не может быть осуществлено «без перехода всей власти в руки Советов». Съезд указывал далее, что партия пролетариата требует национализации всей земли и перехода ее в руки всего народа. Партия признала необходимым немедленно приступить к организации Советов или крестьянских комитетов, непрестанно разъяснять беднейшим крестьянам Кавказа, что единственная партия, которая самым решительным образом поддерживает революционные требования беднейшего крестьянства, это партия большевиков, «только она одна борется за братство всех народов, за скорое прекращение войны и за свержение ига капитала»⁶³. Съезд обратил внимание большевиков на необходимость усиления партийно-пропагандистской и агитационной работы в частях Кавказской армии.

Кавказский краевой съезд партии послал приветствие В. И. Ленину, в котором выразил твердую уверенность в том, что рабочий класс и революционное крестьянство России свергнут буржуазное Временное правительство и «создадут возможность и для тов. Ленина выйти из подполья и открыто

⁶³ «Борьба за победу Советской власти в Грузии». Документы и материалы. Тбилиси, 1958, стр. №8.

занять свой пост вождя нашей партии, вождя русской революции»⁶⁴.

Кавказский съезд большевистских организаций избрал Краевой комитет в составе: С. Г. Шаумяна, М. Цхакая, Ф. Махарадзе, А. Джапаридзе, И. Фиолетова, А. Мравяна, Г. Корганова, С. Кавтарадзе, С. Касьяна, М. Орахелашвили и др.

25 октября (7 ноября) государственная власть перешла в руки Советов. Победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Она установила диктатуру пролетариата, открыла новую эру в истории человечества.

В обращении II съезда Советов «Рабочим, солдатам и крестьянам», написанном В. И. Лениным, говорилось, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение»⁶⁵. Таким образом Советская власть провозгласила принципы ленинской национальной политики, «основные начала новой жизни народов России». Великая Октябрьская социалистическая революция подняла на ноги угнетенные и эксплуатируемые массы.

*

* * *

Величайшие события в Петрограде — победа социалистической революции — были восприняты рабочими и всеми трудящимися страны с огромной радостью и воодушевлением. Но окончательная победа Октября на окраинах страны, в том числе и на Кавказе, значительно задержалась⁶⁶.

Кавказская краевая организация большевиков практически начала борьбу за победу Советской власти в крае. 2 (15)

⁶⁴ «Борьба за победу Советской власти в Грузии». Документы и материалы, Тбилиси, 1958, стр. 108.

⁶⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 215.

⁶⁶ Вопрос о научной периодизации истории победы Октября на Кавказе еще не решен. Наиболее приемлемой периодизацией истории борьбы за победу Октября на Кавказе в 1917—1921 г. г. мы считаем следующую:

- I. Большевистские организации РСДРП Кавказа в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции, март—октябрь 1917 года.
- II. Борьба Кавказской краевой организации большевиков за Советскую власть в крае в ноябре 1917 — июле 1918 годов. Деятельность Бакинского Совнаркома.
- III. Большевистские организации Кавказского края в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, 1918 — май 1920 гг. Победа Советской власти на Северном Кавказе, в Дагестане и Азербайджане.
- IV. Деятельность Кавказского бюро РКП(б) в период завершения интервенции в стране. Упрочение Советской власти на Северном Кавказе, в Дагестане и Азербайджане. Победа Советской власти в Армении и Грузии (май 1920—март 1921 гг.).

ноября 1917 года Бакинский Совет объявил о переходе власти в его руки. Это фактически означало начало победы Советской власти в Азербайджане. Рабочие Тифлиса, Батума, трудящиеся крестьяне Грузии сердечно приветствовали победу пролетарской революции в Петрограде. Рабочие Александропольского депо и Алахвердовского медеплавильного завода, трудящиеся крестьяне Армении единодушно приветствовали и одобряли первые ленинские декреты о мире и земле. Трудящиеся Северного Кавказа, Дагестана, все народы многонационального края обращали свои взоры к колыбели социалистической революции — Петрограду. Бюро военных организаций Кавказского краевого комитета РСДРП(б) в своем обращении к Кавказской армии писало: «На помощь революционному Петрограду — вот боевой клич... Все штыки, все патроны, все пулеметы и орудия — против врагов революции»⁶⁷.

11 ноября 1917 года Кавказский краевой комитет РСДРП(б) опубликовал Декларацию об организации власти в Закавказье. В ней говорилось об организации власти Советов в краевом центре и на местах. При этом Краевой Совет считался неотъемлемой частью Всероссийского Совета. Придерживаясь принципа самоопределения наций, Краевой комитет партии призывал «не доводить это самоопределение до отделения от России или разъединения друг от друга»⁶⁸.

15 ноября прекратил свое существование ОЗАКОМ — Краевой орган Временного буржуазного правительства. Взамен его в тот же день, с согласия американского консула в Тифлисе Ф. Смита, меньшевики, эсеры, дашнаки, мусаватисты и другие буржуазно-националистические и соглашательские партии создали Закавказский комиссариат. Правительство Закавказского комиссариата состояло из ярых врагов социалистической революции, оно требовало отторжения Кавказа от революционной России и тем самым готовило удар в спину борющемуся пролетариату.

Одновременно с созданием правительства Закавказского комиссариата, так же спешно, при помощи иностранных интервентов, была создана казачья контрреволюционная Кубанская «республика». Оба новых правительства Закавказья и Кубани немедленно объединили свои силы для совместных действий на юге страны против пролетарской революции, против молодой Советской республики.

Таким образом, к осени 1917—весне 1918 г. на Кавказе организовался мощный антисоветский блок, который стремился «...свергнуть правительство мира, правительство рабочих

⁶⁷ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 126.

⁶⁸ Там же.

и крестьян. свернуть знамя всех угнетенных и обездоленных, знамя международной солидарности всех трудящихся, знамя Красного Интернационала»⁶⁹.

Кавказский краевой комитет партии противопоставил контрреволюционному блоку единение сил рабочих, солдат, трудящихся всех народов Кавказа в совместной борьбе, направленной на поддержку пролетариата России. Только солидарность с трудящимися России могла обеспечить народам Кавказа победу над врагами революции, завоевание мира, земли и свободы.

Кавказский краевой комитет большевистской партии обратился к солдатам с призывом всеми силами защищать Советскую республику, немедленно проводить на Кавказе все законы, декреты, постановления Совнаркома, организовать Советскую власть, распустить самочинный Закавказский комиссариат.

Вопросом дня и предметом особой заботы Кавказского краевого комитета РСДРП(б) был вопрос об укреплении позиций Бакинского Совета, фактически ставшего законодательным и исполнительным органом власти на территории восточных районов Кавказа (Азербайджан, Дагестан).

Как известно, В. И. Ленин и ЦК партии одобрили первые шаги Бакинского Совета по укреплению и расширению власти Советов, разоблачению соглашательских партий, созданию Советских вооруженных сил и подготовке населения к борьбе против иностранной интервенции.

В ноябре — декабре 1917 года в Тифлисе нарастала революционная ситуация. Но контрреволюционные силы не дремали. Вдохновляемые Закавказским комиссариатом, они захватили Тифлисский арсенал, стали громить и выводить из города большевистски настроенные воинские части. По инициативе американского консула Смита было даже приступлено к разработке плана разоружения всех революционно настроенных частей Кавказской армии. Работая рука об руку с царскими генералами, меньшевистско-эсеровские заправилы из Закавказского комиссариата произвольно расформировали и демобилизовали отдельные части Кавказской армии, тем самым дезорганизовывали ее и по существу открыли Кавказский фронт для турецких интервентов.

Политическое положение значительно осложнилось и в других районах Кавказа.

16 (31) декабря 1917 года, по инициативе В. И. Ленина, Совнарком РСФСР, обсудив создавшуюся на Кавказе ситуацию, отпустил 500 тыс. рублей Бакинскому Совету для борьбы с Калединым и назначил Чрезвычайным комиссаром

⁶⁹ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 152.

Кавказа, впредь до образования краевой Советской власти на Кавказе, председателя Бакинского Совета С. Г. Шаумяна.

Чудовищные злодеяния контрреволюционных сил в Шамхоре, Елизаветполе, в Александровском саду в Тифлисе⁷⁰ вызывали возмущение трудящихся всех народов Кавказа.

Большевики Кавказа разоблачали чудовищные злодеяния контрреволюционного Закавказского комиссариата в отношении русских солдат, возвращавшихся домой. «В борьбе с царским режимом, — писал Кавказский краевой комитет, — Закавказье шло когда-то в первых рядах. Сейчас последним и самым прочным оплотом контрреволюции в России является Закавказье»⁷¹. Комитет требовал созыва Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для организации Советской власти на Кавказе.

После создания в Тифлисе так называемого Закавказского сейма Кавказский краевой комитет РСДРП(б) был вынужден уйти в подполье и отсюда руководить борьбой народов Кавказа за Советскую власть.

В обращении к Бакинскому, Тифлисскому, Грозненскому и другим Советам С. Г. Шаумян 31 января 1918 года указывал, что Кавказ стоит на краю пропасти. «Спасайте его! — писал С. Г. Шаумян, — создавайте здесь интернациональное Рабоче-Крестьянское правительство, которое в тесном единении с российскими советскими центрами и с Советом Народных Комиссаров положит конец контрреволюции на Кавказе и поведет рабочее и крестьянское население края к светлому будущему, к царству социализма»⁷².

В докладе «Наш взгляд на русскую революцию» Н. Нариманов в январе 1918 года высказал уверенность, что Каледин и его контрреволюционное окружение на Северном Кавказе, стеной стоящее между Азербайджаном и Советской Россией, скоро погибнет.

В. И. Ленин в телеграмме на имя С. Г. Шаумяна 14 февраля 1918 года дал высокую оценку политике, проводившейся тогда большевиками Кавказа. «Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики, — писал В. И. Ленин, — сумеете соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим. Трудности необъятны. Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалис-

⁷⁰ В день открытия контрреволюционного Закавказского сейма 10 февраля 1918 года Кавказский краевой и Тифлисский комитеты РСДРП(б) назначили в Александровском саду Тифлиса многотысячный митинг протеста. Главари меньшевиков направили вооруженный отряд, который открыл картечный огонь по участникам митинга.

⁷¹ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 217.

⁷² Газ. «Кавказский Вестник», № 1, 31 января 1918 г.

тами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии»⁷³.

В марте 1918 года политическое положение на Кавказе еще более осложнилось. Над Закавказьем нависла непосредственная угроза немецко-турецкой интервенции. Особенно активизировали свою деятельность контрреволюционные силы и национал-шовинистические элементы, игравшие на национальных чувствах трудящихся. Все это вылилось в националистический, антисоветский заговор мусаватистов в Баку. Успешный разгром этого заговора явился результатом совместной борьбы и боевого содружества интернациональных сил в Баку — азербайджанцев, армян, русских и других, под руководством коммунистов.

Коммунисты Кавказа возглавили борьбу рабочих, крестьян, солдат против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции. Большевистские организации призывали к бдительности, к защите социалистической Родины и завоеваний пролетарской революции.

В связи с непосредственной угрозой германо-турецкой интервенции в Закавказье, Комитет Западного Закавказья РКП(б) в конце апреля 1918 года обратился к рабочим, крестьянам и солдатам с призывом подняться на борьбу против интервентов⁷⁴.

В течение апреля—мая 1918 года Советская власть утвердилась на значительной части территории Азербайджана и Дагестана.

25 апреля 1918 года был образован Бакинский Совет Народных Комиссаров в составе С. Г. Шаумяна (председатель и нарком по внешним делам), М. А. Азизбекова, П. А. Джапаридзе, Н. Н. Нариманова, И. Т. Фиолетова, Я. Д. Зевина, А. Н. Корганова, Н. Н. Колесниковой, М. Г. Везирова, А. Б. Кариняна и других. Бакинский Совнарком являлся краевым органом Советской власти на Кавказе с местопребыванием в Баку. Он провел ряд социалистических мероприятий, с помощью Советской России организовал Азербайджанский фронт гражданской войны против националистической контрреволюции, германо-турецкой интервенции, а также против угрозы английской оккупации Кавказа.

Положение на Азербайджанском фронте гражданской войны и деятельность Бакинского Совнаркома привлекали пристальное внимание В. И. Ленина. 29 июля В. И. Ленин послал телеграмму С. Г. Шаумяну, в которой сообщал: «Всякие действия дашнаков против решения V-го съезда Советов и центральной Советской власти будут рассматриваться как

⁷³ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 268.

⁷⁴ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 255—258.

восстание и как измена. Насчет посылки войск примем меры, но обещать навверное не можем»⁷⁵.

Но под натиском превосходящих сил внешних врагов и в результате подрывной деятельности внутренних врагов революции Советская власть в Азербайджане 31 июля 1918 года временно пала. Бакинский Совнарком сложил свои полномочия.

В телеграмме от 9 августа на имя председателя Астраханского Совета Анисимова В. И. Ленин запрашивал:

«Положение в Баку для меня все же неясно.

Кто у власти?

Где Шаумян?

Запросите Сталина и действуйте по соображению всех обстоятельств, вы знаете, что я доверяю полностью Шаумяну. Отсюда нельзя разобраться в положении и нет возможности помочь быстро»⁷⁶.

В своей речи, произнесенной 29 июля 1918 года, В. И. Ленин сообщал, что в Баку «англо-французскому империализму удался очень эффектный ход»⁷⁷. В результате предательской роли партии дашнакцутюн меньшевикам и эсерам удалось незначительным большинством добиться в Совете решения пригласить английские войска как противовес германо-турецким оккупантам, оказавшимся у подступов Баку.

В. И. Ленин указывал, что на Кавказе положение большевиков-коммунистов, как единственной партии, которая империалистов не приглашала и в грабительский союз с ними не вступала, было особенно трудное, потому что кругом их предавали меньшевики, вступившие в союз с германскими империалистами⁷⁸.

Рассматривая политику и тактику коммунистов Кавказа, в частности тактику бакинской организации большевиков в столь сложной обстановке и в критический момент для судеб Советской власти на юге страны, В. И. Ленин говорил, что «...тысячу раз правы были наши бакинские товарищи, которые, нисколько не закрывая глаза на опасность положения, сказали себе: мы никогда не были бы против мира с империалистической державой на условиях уступки им части нашей территории, если бы это не наносило удара нам, не связывало бы наши войска союзом с штыками насильников и не лишало бы нас возможности продолжать нашу преобразовательную социалистическую деятельность... у нас не может быть ни минуты сомнения и колебания, что, как ни трудно положение наших бакинских товарищей, они, отказываясь от такого за-

⁷⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 283.

⁷⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 285.

⁷⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 3.

⁷⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 6.

ключения мира, сделали шаг, единственно достойный социалистов не на словах, а на деле. Решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами — единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны»⁷⁹.

На VI Всероссийском чрезвычайном съезде Советов 8 ноября 1918 года В. И. Ленин говорил, что «... Англия отняла по договору у турок Баку, чтобы душисть нас, отняв у нас сырье»⁸⁰.

Вскоре Антанта начала высаживать свои войска в Баку. США спешили получить мандат на Армению и создать здесь американское губернаторство. Кавказ стал объектом колонизации империалистов стран Антанты.

Кавказский краевой комитет РКП(б) в конце мая 1918 года перенес свое местопребывание на Северный Кавказ, в гор. Владикавказ. В Тифлисе же было оставлено бюро комитета во главе с М. Цхакая. В работе Кавказского краевого комитета, во Владикавказе, непосредственное участие принимал Чрезвычайный комиссар юга России Г. К. Орджоникидзе.

Кавказский краевой комитет РКП(б), развернув свою деятельность во Владикавказе, содействовал укреплению партийных организаций на Северном Кавказе. Члены Комитета Ф. Махарадзе и С. Кавтарадзе вели ответственную работу в органах Советской власти во Владикавказе. Комитет оказал большевикам Грузии помощь работниками, оружием, боеприпасами. Под руководством Кавказского краевого комитета РКП(б) значительно активизировалась партийная работа в Юго-Осетии, Аджарии, Абхазии.

В своем обращении 8 октября 1918 года Кавказский краевой и Тифлисский комитеты РКП(б) призывали рабочих и крестьян Закавказья еще больше усилить интернациональную сплоченность, вести борьбу против классовых врагов революции.

На Северном Кавказе огромную работу проводили С. М. Киров, Н. Буачидзе, М. Орахеловшвили, Г. Цаголов и Б. Калмыков (кабардинцы), Асланбек Шарипов (чеченец), Умар Алиев и Сеид Халилов (карачаевцы), Г. Ахриев и И. Зазиков (ингуши), У. Буйнакский (Дагестан), Г. Г. Анджиевский, Д. Тюленев, Каспарова, Ксения Ге и другие. Во главе всех революционных сил Северного Кавказа стоял Г. К. Орджоникидзе.

Еще в мае 1918 года в газете «Правда» И. В. Сталин

⁷⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 6.

⁸⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 141.

писал: «На Северном Кавказе, в Кубанской и Терской областях, укрепились действительно народные Советы депутатов, сплотившие вокруг себя широкие слои всех без исключения племен и народов Северного Кавказа. Кабардинцы и казаки, осетины и грузины, русские и украинцы широким кольцом сплотились вокруг **Терского** Совета депутатов... Широкие трудовые слои всех этих племен и народов громогласно провозгласили на своих съездах неразрывную связь с Советской Россией»⁸¹.

Трудящиеся казаки и горцы Терека единодушно заявляли, что «свободные сыны Терской земли будут бороться до последнего человека и скорее примут славную смерть борцов за свободу, чем рабство и насилие чужеземного ига».⁸²

В приветствии В. И. Ленину — почетному председателю съезда народов Терской республики, говорилось: «Терская республика, населенная мелкими народами, бессильными самостоятельно отражать меч империализма и монархизма, угрожающий им с востока и запада, видит спасение и избавление лишь в неразрывном органическом единении с рабоче-крестьянской Россией...»⁸³.

В декабре 1918 года, когда английские войска заняли Батум, Тифлис и готовились захватить Северный Кавказ, а вооруженный империалистами Деникин бросил свои силы против XI Красной Армии на Северном Кавказе, по инициативе В. И. Ленина были предприняты срочные меры для усиления помощи народам Северного Кавказа. Оценивая создавшуюся обстановку, В. И. Ленин писал, что Деникин на юге напрягает силы, чтобы «восстановить власть царя, помещиков и капиталистов»⁸⁴.

Но революционные силы на Северном Кавказе после падения Советской власти в Баку, без серьезной помощи со стороны Советской республики России не могли противостоять превосходящим силам внутренней контрреволюции и иностранной военной интервенции.

Вскоре пала Советская власть и на Северном Кавказе. Силы контрреволюции в крае восторжествовали. Обстановка на Кавказе и в частности в Закавказье, коренным образом изменилась. Баку стал фронтом борьбы двух империалистических коалиций, одинаково враждебных Советской республике. Началась полоса разгула черной реакции мусаватистов, дашнаков, грузинских меньшевиков и других врагов Советской власти.

Славный интернациональный отряд борцов за коммунизм—

⁸¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 98.

⁸² «История Кабарды», изд. АН СССР, М., 1957, стр. 199.

⁸³ Там же, стр. 204.

⁸⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 51.

26 бакинских комиссаров — был предательски захвачен силами контрреволюции и по указке английских империалистов злодейски расстрелян в степях Закаспия.

Еще в июне 1918 года, имея в виду тяжелое положение Советской власти на Кавказе, В. И. Ленин говорил, что кавказские меньшевики свели на нет все завоевания Советской власти на Кавказе⁸⁵.

Националистическая контрреволюция в Закавказье временно торжествовала. Мусаватисты, дашнаки и грузинские меньшевики начали дикие расправы с трудящимися, разжигали межнациональные распри.

В статье «Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!» (август 1918 года) В. И. Ленин указывал, что кулаки — бешеный враг Советской власти, и что везде «...жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединялось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще»⁸⁶.

Национальная буржуазия на Кавказе — грузинская, армянская, азербайджанская и на Северном Кавказе — держалась у власти силой иноземных империалистических войск. Империалистические войска одних стран уходили, а на смену им приходили войска других стран. В силу этого национальная буржуазия тем и занималась, что продавала, а затем перепродавала свое отечество разным империалистическим державам. В. И. Ленин говорил, что эти «переторжки» национальной буржуазии в Тифлисе равно и в Закавказье производились за счет интересов рабочих и крестьян; за счет Советской республики России⁸⁷.

Советская республика успешно отбивалась от наступавших на нее со всех сторон международных хищников; тем самым она вселяла в народы Кавказа уверенность в их победе с помощью великого русского народа. Поэтому необходимо было собирать силы рабочих и трудящихся для новой борьбы за Советскую власть, искать новые формы и методы единения и содружества всех народов Кавказа.

В декабре 1918 года Оргкомитет выступил с обращением ко всем партийным организациям по поводу созыва II Кавказского краевого съезда РКП(б). В обращении указывалось, что I Общекавказский съезд РСДРП(б), созданный в

⁸⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 413.

⁸⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 38—39.

⁸⁷ Там же, стр. 102.

Тифлисе накануне Октябрьской социалистической революции, дал громадный толчок для оживления и развития партийной работы на местах. Но вскоре разыгравшиеся в крае события привели к расчленению Кавказа на отдельные, якобы «самостоятельные» национально-территориальные единицы — меньшевистскую Грузию, мусаватский Азербайджан и дашнакскую Армению. Вследствие этого круг деятельности Краевого Комитета постепенно суживался. Комитет оказался почти совершенно оторванным от Северного Кавказа, а несколько позже от Восточного и Южного Закавказья. Во второй половине 1918 года сфера влияния Краевого Комитета ограничивалась лишь Западным Закавказьем. Что же касается связи коммунистов Кавказа с Центральным Комитетом РКП(б), то она была весьма затруднена.

II Кавказский съезд состоялся во Владикавказе. На съезде обсуждались отчет краевого комитета, доклады с мест, задачи партии на Кавказе в связи с политическим положением Закавказья и Северного Кавказа. На съезде присутствовали преимущественно делегаты от партийных организаций Северного Кавказа. Делегаты от партийных организаций Закавказья приехать на съезд не смогли. Съезд избрал состав Кавказского Краевого комитета РКП(б). Но после занятия Северного Кавказа армией Деникина члены Комитета принуждены были переехать в Тифлис и Баку.

Весь 1919 год на Кавказе характеризуется господством националистических антинародных правительств и интервенцией стран Антанты во главе с английскими вооруженными силами в Закавказье. На Северном Кавказе и в Дагестане господствовали белогвардейские банды Деникина.

К июню 1919 года Деникин, утвердившись на Дону и Северном Кавказе, стал угрожать Москве. В планы белогвардейских контрреволюционеров, щедро поддерживаемых империалистами стран Антанты, сколотившими против Советской республики России блок 14 государств, входил также захват Закавказья. В. И. Ленин в письме «Все на борьбу с Деникиным!» указывал, что «наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции»⁸⁸.

Тактика Кавказского краевого комитета РКП(б) и местных большевистских организаций в то время заключалась в максимальном использовании легальных форм борьбы с целью мобилизации трудящихся масс всех народов Кавказа, в создании единого интернационального фронта для борьбы с Деникиным — общим врагом всех народов России. Во главе борьбы против Деникина, интервентов и их наймитов —

⁸⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 402.

националистических правительств мусаватистов, дашнаков и грузинских меньшевиков, шел бакинский пролетариат.

Бакинское бюро Кавказского краевого комитета РКП(б) в составе А. И. Микояна, М. Д. Гусейнова, Г. Султанова было тесно связано с Советской Астраханью, во главе которой стоял С. М. Киров. Опираясь на интернациональный бакинский пролетариат, Краевое бюро умело использовало новую форму легальной работы — постоянно действующий политический орган — Рабочую конференцию, ставшую, как указывал С. М. Киров, подлинным «Рабочим парламентом» в мусаватском Баку. Результатом успешной деятельности Бакинского бюро Кавказского краевого и Бакинского комитетов РКП(б) явилась победа Советской власти на Мугани — Муганская республика (апрель — июль 1919 года). ЦК РКП(б) и большевистские организации Кавказа рассматривали район Мугани, как возможную политическую базу советской работы в тылу мусаватистов, всей местной контрреволюции и Деникина на Кавказе. Важную роль в победе и удержании Советской власти на Мугани сыграли посланцы ЦК РКП(б) — Т. Ульяновцев (Отраднев) и И. Коломейцев.

Наконец, важнейшей задачей Бакинского бюро Кавказского краевого и Бакинского комитетов РКП(б) в то время являлась всемерная помощь нефтепродуктами Советской Астрахани и XI Красной Армии. В мае 1919 года, выдвинув лозунги: за колдоговор с нефтепромышленниками и вывоз нефти в Астрахань и Советскую Россию, бакинский пролетариат под руководством большевиков сумел держать мусаватское правительство, интервентов и Деникина в постоянной тревоге. Значительную работу бакинские большевики в то время проводили среди матросов Каспийской флотилии.

Мощное выступление бакинских рабочих в августе 1919 года против Деникина — смертельного врага трудящихся всего Кавказа — явилось показателем усиления влияния большевиков на массы, результатом интернациональной работы коммунистов.

В Грузии в то время нарастали революционные выступления. В мае 1919 года Тифлисский комитет РКП(б) стал готовиться к вооруженному восстанию против меньшевистского правительства и иностранных интервентов. В августе — сентябре 1919 года партийные конференции большевистских организаций Грузии и пленум Кавказского краевого комитета РКП(б) проходили под лозунгом подготовки вооруженного восстания в Грузии, которое даже при его поражении могло бы в значительной мере нарушить планы империалистов Антанты и помешать деникинскому авантюре против молодой Советской Республики.

В Армении положение рабочих и всех трудящихся было еще более тяжелым.

В середине 1919 года коммунистические организации Армении организационно укрепились. В это же время была создана коммунистическая молодежная организация «Спартак». Политическая ситуация в стране требовала объединения усилий всех большевистских организаций Армении для защиты интересов рабочих и крестьян, для борьбы за Советскую власть. По инициативе и под руководством Кавказского краевого комитета РКП(б) в сентябре 1919 года в Ереване состоялось совещание большевистских организаций Армении. Значение этого совещания состояло в том, что оно создало единый руководящий центр — Армянский комитет РКП(б) (Арменком). А в январе 1920 года в Ереване состоялась первая нелегальная конференция коммунистических организаций, в которой участвовали 22 делегата, представлявшие 120 членов партии.

Деятельность Кавказского краевого комитета РКП(б) на Северном Кавказе была прервана в результате подавления Деникиным Советской власти во Владикавказе. Местные партийные организации на Северном Кавказе были разгромлены, связь с отдельными уцелевшими от преследования большевиками была невозможна.

В Закавказье контрреволюционные правительства арестовали многих видных деятелей Краевого комитета РКП(б). Для того, чтобы сохранить Комитет, как руководящий партийный центр на Кавказе, пришлось образовать Тифлисское и Бакинское бюро Кавказского краевого комитета РКП(б). Но Крайком все же твердо стоял на своем посту, как местный партийный центр ЦК РКП(б), вел неустанную работу по организации партийных ячеек, пропаганде и агитации среди рабоче-крестьянских масс.

В конце 1919 года и начале 1920 года Красная Армия одержала исторические победы над Деникиным, полностью расстроив коварные планы империалистов Антанты. Трудящиеся всех народов Кавказа не остались безучастными в этой титанической схватке с врагами Советской республики; они активно боролись против врагов революции, с надеждой обращали свои взоры к Советской России, с уверенностью ждали от нее братской помощи. Вдохновляемые историческими победами Красной Армии, рабочие и все трудящиеся Кавказа еще более усилили свою борьбу против внутренней и внешней контрреволюции. Кавказский крайком РКП(б) весной 1920 года организовал на Северном Кавказе новые партизанские отряды и создал военно-революционные комитеты для руководства восстанием на местах. Комитет всемерно поддерживал и помогал восставшим в Дагестане, Чечне,

Ингушетии, Осетии, Кабарде, трудящимся Черноморского побережья. В октябре 1919 года, в обращении «К товарищам-красноармейцам», В. И. Ленин писал: «... крестьяне восстают уже в тылу Деникина. На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина. Кубанские казаки ропщут и волнуются, недовольные деникинскими насилиями и грабежом в пользу помещиков и англичан»⁸⁹. Видную роль в борьбе трудящихся Северного Кавказа за Советскую власть играли большевики Гикало, С. Токаев, М. Далгат и многие другие. С приближением Красной Армии к Кавказу рухнули контрреволюционные режимы на Кубани и Тереке.

К началу 1920 года мусаватское правительство переживало серьезный политический кризис. В докладе о работе ВЦИК и Совнаркома 2 февраля 1920 года В. И. Ленин говорил, что Советская Россия предлагала Грузии и Азербайджану заключить соглашение против Деникина. Но... «они отказались, ссылаясь на то, что они не вмешиваются в дела других государств. Мы посмотрим, как будут смотреть на это рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана»⁹⁰.

Значительным событием в Азербайджане был съезд в феврале 1920 года, на котором образовалась Коммунистическая партия Азербайджана, как неотъемлемая часть РКП(б) и Кавказской организации большевиков. Она была создана путем объединения Бакинской организации большевиков, «Гуммет» и «Адалят» на принципе пролетарского интернационализма. На съезде компартии Азербайджана В. И. Ленин был избран почетным председателем. Съезд послал приветствия Коминтерну, ЦК РКП(б), ВЦИК, Кавказскому краевому комитету РКП(б), Красной Армии и Н. Нариманову.

Великий русский народ и его славная Красная Армия вскоре пришли на помощь народам Кавказа. В марте 1920 года были освобождены Грозный, Владикавказ и Порт-Петровск.

В начале апреля 1920 года Г. К. Орджоникидзе информировал В. И. Ленина о том, что народы Северного Кавказа — осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы и другие полны сознанием могущества Советской власти и безграничным доверием к ней. Революционное настроение масс во многих местах достигало такого напряжения, что еще задолго до прихода на помощь к ним Красной Армии население по собственной инициативе сбрасывало власть белогвардейщины, избирало ревкомы, сплошь состоявшие из коммунистов. Взоры народов Кавказа были обращены к Москве, они требовали распоряжений только от центра, от Совнаркома, возглавляемого В. И. Лениным.

⁸⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 51.

⁹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 301.

6 апреля 1920 года Г. К. Орджоникидзе обратился к В. И. Ленину с просьбой об оказании материальной помощи горцам. В ответ на эту просьбу В. И. Ленин 25 апреля 1920 года телеграфировал: «Уполномочиваю вас объявить горцам, что я обещаю провести через Совет народных комиссаров денежную помощь им. Выдайте им за счет этого до 200 миллионов»⁹¹.

Борьба за Советскую власть в Азербайджане вступила в фазу прямой и непосредственной практической задачи. Бакинский пролетариат и трудящиеся крестьяне республики готовились к решительной схватке с антинародным мусаватским режимом.

17 марта 1920 года в телеграмме в Реввоенсовет Кавказского фронта на имя Серго Орджоникидзе В. И. Ленин писал: «Взять Баку нам крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичным и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно. О перебросках условьтесь с Главкомом»⁹².

Известно, что полный провал дашнакско-мусаватской военной авантюры в Карабахе весной 1920 года явился результатом решительного протеста и гнева интернационалистических сил края, и прежде всего, шедшей из Советской республики братской интернациональной помощи великого русского народа азербайджанскому, армянскому и другим народам Кавказа.

В Азербайджане назревала непосредственно революционная ситуация. Вскоре по решению Кавказского краевого комитета и ЦК и БК Коммунистической партии Азербайджана она была переведена на военное положение. В результате выступления боевых сил трудящихся и с помощью передовых частей славной XI Красной Армии 28 апреля 1920 года в Азербайджане была восстановлена Советская власть, была провозглашена Азербайджанская Советская Социалистическая Республика.

На следующий день после восстановления Советской власти в Азербайджане В. И. Ленин указывал, что положение Советской России улучшается.

Как известно, в то время промышленность Советской республики не имела топлива. Восстановление Советской власти в Азербайджане сразу же создало такую экономическую базу, которая могла быстро оживить промышленность молодой Советской Республики. «В Баку,—говорил В. И. Ленин,—

⁹¹ «Ленинский сборник», т. XXXIV, стр. 291.

⁹² В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 378.

имеется миллион пудов нефти, для которой до последнего времени не было сбыта, вследствие чего даже нефтепромышленник Нобель пытался начать с нами переговоры о доставке этой нефти в Советскую Россию. Таким образом наш транспорт и промышленность от бакинских нефтяных промыслов получают весьма существенную помощь»⁹³.

Приветствуя освобождение трудовых масс и провозглашение независимой Азербайджанской республики, В. И. Ленин выражал твердую уверенность, что она совместно с РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока—от империализма. В. И. Ленин призывал к укреплению союза рабочих и крестьян Советского Азербайджана с Советской Республикой России⁹⁴.

Борясь за упрочнение Советской власти в Азербайджане, огромное внимание коммунисты уделяли быстрому восстановлению и развитию бакинской нефтяной промышленности. Подробно информированный об этом, В. И. Ленин заявил на VIII Всероссийском съезде Советов: «Теперь, при громадном энтузиазме, который проявляют рабочие в Азербайджанской республике... дело с нефтью идет хорошо, и мы начинаем становиться на собственные ноги и с топливом»⁹⁵.

Победа Советской власти в Азербайджане — детище Великой Октябрьской социалистической революции — блестящий пример совместной борьбы и интернациональной дружбы, яркий пример осуществления на деле ленинской национальной политики Коммунистической партии, политики взаимного доверия, взаимной помощи великих и малых народов в борьбе против общего врага рабочего класса и трудящихся масс различных народов.

Победа Советской власти в Азербайджане существенно изменила политическое положение в Закавказье. Азербайджанский народ вместе с великим русским народом протянул руку братской помощи рабочим, всем трудящимся Грузии и Армении. Одновременно Советский Азербайджан вступил на путь оказания существенной помощи Советской России и ее славной Красной Армии в разгроме третьего похода Антанты в лице белополяков и Врангеля. Так рабочие и трудящиеся молодой Азербайджанской Советской республики проявляли свою пролетарскую солидарность и выполняли свой великий интернациональный долг перед Советской Родиной и международным пролетариатом.

* *
*

⁹³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 100.

⁹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 113.

⁹⁵ Там же, стр. 477.

Большевистская партия, исходя из исторической традиции, рассматривала Северный Кавказ и Закавказье как неразрывные составные части одного целого, как неотъемлемую часть Советской страны.

В период разгула контрреволюции трудящиеся массы Северного Кавказа получали значительную революционную помощь из Советской России, Закавказья и Советского Баку. Когда же Красная Армия освободила Северный Кавказ и здесь была восстановлена Советская власть, Северный Кавказ и Закавказье поменялись ролями. Теперь огромная помощь рабочим и трудящимся Закавказья приходила из Советской России и Советского Северного Кавказа.

Интернациональный долг рабочих и крестьян всех народов Кавказа мог считаться выполненным только тогда, когда они общими совместными действиями и в боевом содружестве превратили весь Кавказ в прочную базу Советов.

Коммунистические организации Кавказа входили как одно целое в РКП(б). Какие бы формы ни приняла Советская власть на Кавказе, ввиду географических, этнических, культурно-исторических, бытовых условий и иных местных национальных особенностей, в форме ли самостоятельной Советской республики или Советской автономии, настоящее и будущее народов Кавказа заключалось в том, чтобы быть вместе с Советской Россией.

По инициативе В. И. Ленина и указанию ЦК партии, 20 мая 1920 года Кавказский краевой комитет РКП(б) был преобразован в Кавказское бюро ЦК РКП(б). В состав бюро вошли: Орджоникидзе, Киров, Назаретян, Орахеловили и другие видные большевики. Это был новый этап в организационно-партийном строительстве партийных организаций Кавказа.

Кавказское бюро ЦК сыграло важнейшую роль в упрочении Советской власти в Азербайджане и борьбе за победу и упрочение Советской власти в Армении и Грузии. Кавбюро ЦК провело огромную работу по созданию национальных вооруженных сил Красной Армии на Кавказе, по идейному сплочению коммунистов Азербайджана, по оформлению и укреплению коммунистических партий Армении и Грузии, по проведению ленинской национальной политики на Кавказе.

Призывы нового руководящего партийного центра во главе с Орджоникидзе к совместной борьбе против врагов революции, за победу Советской власти, нашли широкий отклик среди трудящихся масс всего Закавказья.

Характеризуя революционные настроения трудящихся Армении, Г. Орджоникидзе 8 мая 1920 года телеграфно сообщил В. И. Ленину: «Во всей Армении с объявлением Советской

власти в Баку существовало торжественное и радостное настроение в массах»⁹⁶.

Первого мая 1920 года по всей Армении прокатились первомайские демонстрации под коммунистическими лозунгами и вылились в демонстрацию солидарности трудящихся Армении с Советской Россией и братским народом Советского Азербайджана. Майские демонстрации в Армении переросли в вооруженное восстание против антинародного режима дашнаков и их англо-американских хозяев. Была установлена рабоче-крестьянская власть в Александрополе, Карсе, Сарыкамыше, Нор Баязете, Казах-Шамшадине, Зангезуре и в других местах. Однако дашнакское правительство с помощью иностранных империалистов жестоко подавило восстание.

Коммунисты Армении не сложили своего боевого оружия в борьбе против режима дашнаков-маузеристов. 1 июня 1920 года была образована Коммунистическая партия (большевиков) Армении⁹⁷ с местопребыванием партийного руководства в столице Советского Азербайджана — Баку.

В июне 1920 года, когда дашнакские власти в Армении начали дикие репрессии и бесчинства в отношении армянских коммунистов, правительства РСФСР, Советского Азербайджана, ЦК КП Азербайджана и Коммунистическая организация Грузии направили свои протесты дашнакскому правительству. В ноте правительства РСФСР антинародному дашнакскому правительству 4 июня 1920 года говорилось: «Советское правительство настаивает на том, чтобы арестованные коммунисты были немедленно освобождены и без промедления прекращены самосуды и расстрелы деятелей коммунистического движения в Армении»⁹⁸.

14 августа 1920 года Тифлисский комитет РКП(б) обратился ко всем рабочим и крестьянам Кавказа с призывом к решительной борьбе против белого террора, проводимого дашнакским правительством Армении.

Как известно, 1 сентября 1920 года в Баку открылся 1 съезд народов Востока, на котором присутствовало свыше 1800 делегатов — представителей 38 народов. Созыв съезда в Баку, в цитадели Советской власти на Кавказе, верной

⁹⁶ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 569.

⁹⁷ Нельзя смешивать Коммунистическую партию (большевиков) Армении с существовавшей в 1918—1920 гг. экстерриториальной и сепаратной группой, именовавшей себя «Айастан коммунистакан кусацутюн» («Коммунистическая партия Армении»). Эта группа не была большевистской, действовала в отрыве от руководства Кавказского крайкома РКП(б). Возникновение и деятельность группы «Коммунистической партии Армении» не были связаны с созданием и деятельностью КП(б) Армении. (См. «Вопросы истории КПСС», № 5, 1960, стр. 59).

⁹⁸ С. Варганян «Победа Советской власти в Армении», Ереван, 1959, стр. 247.

опоре интернационального движения на Востоке, имел важное политическое значение для распространения идей Советов.

В Советском Баку 10 сентября 1920 года проходила конференция коммунистических организаций Армении. Конференция послала приветственную телеграмму В. И. Ленину. Она выразила свою признательность Советскому правительству и Коммунистической партии Азербайджана, Коммунистической партии Грузии и всем рабочим и крестьянам Грузии и Азербайджана за их солидарность и братскую помощь трудящимся Армении.

Здесь же в Баку, 30 сентября 1920 года, состоялось партийное совещание коммунистов Грузии, на котором присутствовало 85 человек. Совещание наметило мероприятия по дальнейшему усилению работы в деревне и в армии и высказалось за необходимость созыва съезда КП(б) Грузии.

16 октября 1920 года состоялся II съезд Коммунистической партии Азербайджана. В резолюции съезда по текущему моменту говорилось: «АКП организационно слита с РКП и полностью принимает и проводит ее программу, тактику и все решения ее руководящих органов. Поэтому задачи, стоящие перед РКП в целом, являются важнейшими очередными задачами АКП».

Учитывая международную обстановку и экономическую и культурную отсталость многих народов Кавказа, как тяжелое наследие царизма, В. И. Ленин рекомендовал коммунистам проявлять особую осторожность при проведении на Кавказе государственного и партийного строительства. Руководствуясь этим указанием, народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин в ноябре 1920 года выступил во Владикавказе с докладом о создании автономии горцев, в котором говорил: «Автономия должна вас научить ходить на своих собственных ногах, — в этом цель автономии»⁹⁹. Как известно, исходя из ленинского плана государственного строительства горцев Северного Кавказа, 20 января 1921 года ВЦИК издал декрет об образовании Горской Автономной Советской Социалистической Республики.

13 ноября 1920 года В. И. Ленин в телеграмме И. В. Сталину запрашивал о положении на Кавказском фронте, о возможном мирном улаживании отношений с меньшевистской Грузией и дашнакской Арменией, о работах по укреплению подходов к Баку и др.¹⁰⁰.

Прибыв в Баку, И. В. Сталин на объединенном заседании КП(б) Азербайджана, Кавказского бюро ЦК РКП(б), бакинских партийных и советских организаций 9 ноября 1920 года

⁹⁹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 406.

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 375.

наметил мероприятия по упрочению Советской власти в Азербайджане, помощи трудящимся Армении, по укреплению и интернациональной дружбе между народами Закавказья.

21 ноября 1920 года В. И. Ленин писал: «... на Кавказе сейчас сплетаются очень сложные условия, разобраться в которых в высшей степени нелегко, причем война может быть нам навязана даже со дня на день. Но эта война, при условии почти обеспеченного мира с Польшей и при полной ликвидации Врангеля, не может быть очень страшна, а если бы ее нам навязали, то она нам обещает еще большее усиление и укрепление нашего положения, чем прежде»¹⁰¹.

Весь ноябрь 1920 года прошел в Армении под флагом всенародной борьбы за освобождение от кровавого режима дашнаков и американо-английских оккупантов, от турецких головорезов-кизылбашев. В успехе героической борьбы армянского народа за свое светлое будущее решающую роль сыграли руководство коммунистов, помощь великого русского народа и славной Красной Армии, помощь Советского Азербайджана, боевая интернациональная дружба народов всего Кавказа. 29 ноября 1920 года Советская власть в Армении победила.

Но для ее укрепления и национально-культурного строительства требовалась немедленная политическая и материально-техническая помощь. Такая помощь Советской Армении была оказана великим русским народом и братским народом Советского Азербайджана. Приветствуя освобожденную от гнета империализма трудовую Советскую Армению, В. И. Ленин выразил твердую уверенность в установлении братской солидарности между трудящимися советских республик Армении и Азербайджана¹⁰².

Приветствуя образование Азербайджанской и Армянской советских республик, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян, В. И. Ленин указывал, что эти республики являются «... доказательством и подтверждением того, что идеи и принципы Советской власти доступны и немедленно осуществимы не только в странах, в промышленном отношении развитых, но только с такой социальной опорой, как пролетариат, но и с такой основой, как крестьянство. Идеи крестьянских Советов победили. Власть в руках крестьян обеспечена; в их руках земля, средства производства. Дружественные отношения крестьянско-советских республик с Российской социалистической республикой уже закреплены практическими результатами нашей политики»¹⁰³.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31. стр. 387.

¹⁰² Там же, стр. 409.

¹⁰³ Там же, стр. 459—460.

Грузия под властью меньшевиков все еще продолжала оставаться базой интервентов и контрреволюции. Здесь был предоставлен приют остаткам разбитой армии Деникина, Врангеля, контрреволюционному «горскому правительству», «Комитету содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков», «мусаватскому правительству», «дашнакскому правительству» и другим бежавшим сюда контрреволюционерам.

Интервенты и вся контрреволюционная свора в Тифлисе лихорадочно подготавливали новую военную авантюру против Советской республики.

Но меньшевистское правительство Грузии переживало предсмертную агонию. 16 февраля 1921 года Революционный комитет Грузии обратился к председателю Совнаркома Советской России В. И. Ленину с просьбой об оказании помощи трудящимся Грузии, Революционный комитет писал: «Мы надеемся, мы уверены, что страна не только Великой пролетарской революции, но и великих материальных возможностей не оставит нас в неравной борьбе и придет на помощь ново-рожденной Социалистической Советской республике Грузии»¹⁰⁴.

25 февраля 1921 года свершилось неизбежное. Г. Орджоникидзе телеграфно сообщил В. И. Ленину и И. В. Сталину о том, что над Тифлисом реет красное знамя Советской власти.

2 марта 1921 года В. И. Ленин через Г. Орджоникидзе передал горячий привет Советской Грузии. Он просил напомнить грузинским коммунистам, «что и внутренние и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики...»¹⁰⁵.

В телеграмме Реввоенсовету XI Армии 10 марта 1921 года В. И. Ленин писал: «Ввиду того, что части войск одиннадцатой армии находятся на территории Грузии, вам предлагается установить полный контакт с Ревкомом Грузии и строго сообразоваться с директивами Ревкома, не предпринимать никаких мер, могущих затронуть интересы местного населения, без согласования с Грузинским ревкомом, относиться с особым уважением к суверенным органам Грузии, особое внимание и осторожность проявлять в отношении грузинского населения. Дайте немедленно соответствующую директиву всем учреждениям армии, в том числе и Особому отделу. Привлекайте к ответственности всех, нарушающих эту директиву. Сообщайте о каждом случае нарушения или

¹⁰⁴ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 659.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 137.

хотя бы малейших трениях и недоразумениях с местным населением»¹⁰⁶.

Победа Советской власти в Грузии явила собой торжество идей пролетарской солидарности, боевого содружества народов Кавказа, интернациональной дружбы трудящихся края с великим русским народом.

В своем приветствии братскому грузинскому народу Бакинский Совет писал, что борьбу своих братьев — грузинских рабочих и крестьян за Советскую Грузию — бакинские рабочие рассматривали как свое кровное дело.

Далее в приветствии говорилось: «... общими усилиями, нога в ногу с передовым русским пролетариатом трудящиеся Закавказья пойдут от победы к победе в светлое царство коммунизма»¹⁰⁷.

В телеграмме В. И. Ленину, ЦК РКП(б), Кавказскому бюро ЦК РКП(б), Ревкому Грузии, Г. Орджоникидзе 12 марта 1921 года Н. Нариманов сообщал, что он в присутствии всех наркомов Азербайджанской ССР открыл нефтепровод Баку—Тифлис—Батум. «Трудящиеся Азербайджана, — писал Н. Нариманов, — протянувшие вооруженную руку помощи грузинским рабочим и крестьянам... сегодня закрепляют братский союз трудящихся Грузии и Азербайджана экономическими узами»¹⁰⁸.

Несмотря на победу Советской власти в Грузии, «грузинский вопрос» продолжал мушкетироваться в западных странах, в частности, в Англии, предлагавшей Советской республике от лица так называемой английской рабочей партии вывести войска из Грузии и провести там референдум. По этому поводу В. И. Ленин в письме в ЦК РКП(б) указывал, что предложение Рабочей партии могло бы быть признано разумным, «если бы оно было распространено на все народности земного шара»¹⁰⁹.

V.

Пролетарское решение национального вопроса на Кавказе имеет огромное международное значение и служит идейной основой воспитания молодого поколения.

Сложность тактики большевиков Кавказа обуславливалась тем, что в самых трудных условиях, при сложных классовых и национальных взаимоотношениях, необходимо было выработать формы и методы деятельности, вытекающие из строгого соблюдения в практической работе принципов правильного

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 408.

¹⁰⁷ «Борьба за победу Советской власти в Грузии», стр. 679—680.

¹⁰⁸ Там же, стр. 695—696.

¹⁰⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 157.

сочетания общепартийной, общекавказской и местной партийной работы среди многочисленных народов и народностей края.

В письме «Товарищам-коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики», 14 апреля 1921 года, В. И. Ленин указывал на необходимость разработки богатств Кавказа — нефти, марганца, угля, меди и др., использования белого угля, орошения, осуществления более медленного, более осторожного, более систематического перехода к социализму¹¹⁰. Наконец В. И. Ленин предлагал: «Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего *пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму*»¹¹¹.

В телеграмме на имя Г. Орджоникидзе от 9 апреля 1921 года В. И. Ленин писал: «... получил вашу шифровку об отчаянном предположении Закавказья. Мы приняли ряд мер, дали немного золота Армении, подтвердили всяческие поручения Компроду. Но я должен предупредить, что мы здесь сильно нуждаемся и помогать не сможем. Настоятельно требую создать областной хозяйственный орган для всего Закавказья, налечь изо всех сил на концессию, особенно в Грузии, постараться купить хоть за границей семян и двинуть орошение в Азербайджане при помощи ресурсов Баку, чтобы развить земледелие и скотоводство, а также постараться развить товарообмен с Северным Кавказом. Усвоили ли вы и грузинские товарищи значение нашей новой политики в связи с продналогом? Прочтите это им и извещайте меня чаще; прочтите мое письмо Серебровскому в Баку»¹¹².

Определяя очередные задачи РКП(б) по национальной политике в условиях диктатуры рабочего класса, X съезд РКП(б), работа которого направлялась В. И. Лениным, исходил из того, что пролетарская, социалистическая революция на место империалистического многонационального государства ставит свободную федерацию национальных советских республик с целью обеспечения трудящимся ранее угнетенных наций и народов постепенное развитие к коммунизму. Известно, что политика царизма по отношению к народам Кавказа и другим состояла в том, чтобы «... убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве, наконец, по возможности русифицировать их»¹¹³.

¹¹⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 296.

¹¹¹ Там же, стр. 297. (Подчеркнуто нами. — П. М.)

¹¹² В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 412.

¹¹³ «КПСС в резолюциях и решениях», ч. 1, 1954, стр. 559.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции и торжества Советской власти на Кавказе, задача Коммунистической партии заключалась в том, чтобы развить и укрепить здесь советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; развить и укрепить у этих народов на родном их языке административно-хозяйственные органы, судопроизводство, состоящие из местных людей, знающих быт и психологию местного населения; развить у всех народов Кавказа печать, школы, театр, клубное дело и другие культурно-просветительные учреждения, организовать широкую сеть курсов общеобразовательного и профессионально — технического характера на родном языке и т. д.

Интернациональный бакинский пролетариат всегда являлся незыблемой опорой Советской власти, стражем национального мира и пролетарской солидарности на Кавказе. Г. Орджоникидзе указывал, что бакинский пролетариат, будучи верным делу социалистической революции, не раз своим грозным криком одергивал спотыкавшихся. Интернациональные традиции, совместные действия, боевое содружество и тесный союз рабочих и трудящихся масс всех народов Кавказа во главе с большевистскими организациями Кавказа В. И. Ленин считал образцом национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного при буржуазном строе.

Маркс и Ленин всегда придавали решающее значение идейно-политическому воспитанию людей в процессе их труда, в ходе борьбы за демократию, за победу социализма и коммунизма. Именно поэтому марксистско-ленинская идеология, как самое глубокое и всестороннее выражение коренных интересов рабочего класса и всех трудящихся масс ныне владеет умами сотен миллионов борцов за коммунизм во всех странах мира.

В историческом постановлении ЦК КПСС от 9 января 1960 года «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», в этой широкой и ясно выраженной программе идеологической работы Коммунистической партии в период развернутого строительства коммунистического общества, отмечается, что в «некоторых партийных организациях не придается должного значения вопросам воспитания трудящихся в духе социалистического интернационализма, нерушимой, постоянно крепнущей дружбы народов, непримиримости к пережиткам буржуазного национализма, к восстановлению и искусственному насаждению под маской «национальных традиций» отсталых, реакционных обычаев и нравов, к малейшим попыткам противопоставления ложно понятых местных

«интересов» общим интересам борьбы советского народа за коммунизм»¹¹⁴.

Идеологическая работа и политическое воспитание трудящихся масс могут быть успешными лишь при условии строгого соблюдения принципов интернационализма и советского патриотизма в ходе совместной борьбы и творческого труда людей во имя торжества коммунизма.

Коммунистическая партия в своей практической деятельности по идеологическому воспитанию людей строго учитывает национальные особенности различных слоев населения нашей страны, делает главный упор на интернациональное воспитание трудящихся всех народов СССР, на дальнейшее упрочение дружбы народов, на неуклонное сближение и всестороннее взаимное обогащение социалистических наций. А этого можно добиться при условии непримиримой борьбы против «проявлений буржуазного национализма, тенденций к идеализации и затушевыванию социальных противоречий прошлого, к извращению подлинной истории той или иной нации и ее взаимоотношений с другими народами СССР, против отдельных проявлений национальной замкнутости и исключительности»¹¹⁵.

В апреле 1960 года народы Кавказа вместе со всеми народами СССР и прогрессивным человечеством отметили 90-летие со дня рождения В. И. Ленина.

Народы Кавказа в братском интернациональном содружестве со всеми народами Советского Союза полны решимости идти вместе, рука об руку, в борьбе за претворение в жизнь величественной программы развернутого коммунистического строительства.

Идейное и организационное единство большевиков Кавказа явилось главным условием сплочения трудящихся всех народов Кавказа, которые в ходе борьбы против врагов социалистической революции сроднились друг с другом, еще крепче связались между собой и с великим русским народом во имя торжества коммунизма.

¹¹⁴ Газ. «Правда» от 10 января 1960 г.

¹¹⁵ Там же.

Р. М. МАГОМЕДОВ

доктор исторических наук

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ ЛЕЗГИНИСТАН

В произведениях средневековых авторов, писавших о Кавказе, встречается в качестве названия страны слово «Лезгинистан». Название это употреблялось ими, главным образом, применительно к дагестанским землям. О том, кем и когда было дано это наименование Дагестану, в исторической литературе сведений не сохранилось. Усилия современных исследователей также не внесли ясности в этот вопрос.

В наше время, когда изучению исторического прошлого дагестанских народов уделяется большое внимание, нельзя мириться с тем, что этот вопрос остается все еще нерешенным, тем более, что вопрос о происхождении названия «Лезгинистан», во-первых, в той или иной мере затрагивает историю всех дагестанских народов, во-вторых, установление истоков этого названия во многом облегчит решение проблемы этногенеза ряда дагестанских народов и, в частности лезгин. Наконец, правильное определение научной значимости термина «Лезгинистан» может уточнить наши представления о средневековой истории Дагестана.

При уточнении этимологии этнических и географических названий Дагестана встречается ряд трудностей. Мы, например, еще не располагаем достаточными данными для определения времени появления названия «Лезгинистан», в частности потому, что отсутствуют местные письменные источники по раннему периоду истории Дагестана. И все же материал, позволяющий не только подойти к рассмотрению затронутого нами вопроса в целом, но и определить основные направления его изучения, уже имеется.

Прежде всего это древние географические названия Дагестана, сохранившиеся в литературе. Историческое изучение изменений, происшедших в названиях Дагестана, должно

подвести нас к пониманию слов «Дагестан», «Лезгинистан», их этимологического значения и языковой принадлежности.

Наиболее древним наименованием Дагестана, которое донесли до нас античные авторы (Страбон, Плиний, Птоломей), является Албания¹. Албанией (по армянским источникам Агванией²) Дагестан³, наряду с Северным Азербайджаном, назывался вплоть до гуннского нашествия на Северный Кавказ. Следы этого наименования встречаются до настоящего времени. В Дагестане именем «ахвалал» (Гахъвалал) называют ахвахцев. Лезгинское селение, расположенное в горной части Кусарского района Азербайджана, поныне продолжает носить название «Алпанар», «Алпаны». В Агульском районе Дагестана, близ сел. Буркихан сохранились развалины населенного пункта, носившего некогда название «Алпан» (Алпанах). Вообще надо отметить, что в топонимике Южного Дагестана распространен термин «Алпан». Со времени гуннского нашествия (с IV в.) за Дагестаном, по сведениям армянских историков (Казар Парбский, Егише), закрепляется название Гунния. Слово гунн употреблялось армянскими писателями в том же смысле, в каком армянами, грузинами, азербайджанцами употреблялось более позднее слово леки (лекзи), т. е. как общее название всех дагестанских горцев⁴.

Начиная с V—VI вв., Дагестан в источниках иногда выступает под именем Массагетии⁵ и Алании. Когда хазары закрепились на северо-восточном Кавказе, Дагестан становится частью Хазарии⁶. Таковы основные названия, которые одновременно носил Дагестан с древнейших времен до VIII века.

Установить прямую этимологическую связь слова Лезгинистан со словами Албания, Агвания, Гунния, Массагетия, Алания, Хазария нельзя. Между приведенными словами, служившими для наименования Дагестана, и словом Лезгинистан нет никакого фонетического сходства. Этнического сходства между ними также не было. Несмотря на то, что Албания, Агвания, Гунния, Алания, Массагетия, Хазария являлись назва-

¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, СПб, 1893, стр. 147, 492; т. II, СПб, 1906, стр. 242—243.

² История Армении Моисея Хоренского. М., 1858, стр. 21; Моисей Каганкатвацц. История Агван. СПб, 1861, стр. 190—192.

³ К. В. Тревер в состав Албании включает не весь Дагестан, а только южную его часть. См. «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании». М.-Л. 1959.

⁴ История Егише Вардапета. Тифлис, 1853; Ягуб-бек Лазарев. О гуннах Дагестана. Тифлис, 1859, стр. 9.

⁵ Евсевий Иероним. ВДИ, IV, 4, 1949, стр. 228.

⁶ См. М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1936.

ниями одной и той же страны в территориальном отношении, в этническом отношении их нельзя отождествить со средневековым понятием «Лезгинистан».

После падения власти хазар в Дагестане установили свое владычество арабы. С этого времени в исторической литературе, за редким исключением, исчезли древние наименования Дагестана, о которых мы говорили выше. Арабские писатели IX—XI вв., наряду с Табасараном, Зирихгераном, Хайдаком, Сериром, Джиданом, Гуммиком⁷ много говорят о царстве «Лакзов» (иногда о «царстве Лан»), имеющем общую границу с Ширваном, но нигде не употребляют названия «Лакз» для обозначения территории всего Дагестана. Дагестанская земля тогда была расчленена на десятки политических образований.

Побывавший в начале XII века в Дербенте Абу-Хамид Андалуси свидетельствует о том, что в походе дербентского правителя из Кубачи в 1128 году участвовали люди из «Лакзана»⁸. Страну «Лакзов», расположенную по соседству с Ширваном, знает и современник монголов Ибн-Ал-Асир⁹. Можно предположить, что название Лезгинистан закрепляется за Дагестаном не ранее XI—XII вв. В 1253 году посланник Людовика XI к монгольскому хану Вильгельм де Рубрук совершил свое путешествие через Дагестан. Жителей его он называет «лесками»¹⁰. Он знает также кумыков.

Впервые страна, расположенная на северо-востоке Кавказа, именуется в источниках «Лезгинистаном» только в первой половине XIII в. Персидский историк Рашид ад-Дин¹¹ уже именуется Дагестан «Лезгинистаном», а правителей гор — «эмирами Лезгинистана». С этого времени за Дагестаном закрепляется название «Лезгинистан». Одновременно для обозначения дагестанских земель в литературном обиходе уже существовало и другое слово — «Дагестан».

Происхождение названия «Дагестан» нетрудно объяснить. Дагестан в переводе означает «страна гор». Кстати сказать, по смыслу своему слово Албания (от алб, альпы) тоже означает «горная страна». На это указывал в свое время акад.

⁷ Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Далее цит. СМОМПК, вып. 29, 31, 32, 38.

⁸ Ал-Мукаддасий, писатель X в., перечисляя в своем труде политические объединения северо-восточного Кавказа, употребляет выражение «близ горы Лакзан». См. СМОМПК, вып. 37, стр. 8.

⁹ Т а р и х и - А л - К а м и л ь и б н - а л - А с и р а. Баку, 1940, стр. 145.

¹⁰ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 121.

¹¹ Р а ш и д - а д - Д и н. Сборник летописей, т. III, М.-Л., 1946, стр. 60, 189.

Н. Я. Марр¹². Надо отметить, что у средневековых авторов часто употребляется древнекельтское слово «алп», «алб» для обозначения горных стран. Что же касается самого названия Дагестан, то оно происходит от тюркского слова «даг» — гора и иранского «стан» — страна. Можно сказать, что дагестанцы наименованием народа и страны обязаны ее ландшафту¹³. Хотя термины «Лезгинистан», «Дагестан» употреблялись как тождественные, название Лезгинистан (у некоторых писателей — «Лажистан», «Лан»¹⁴) в восточных странах было более распространенным, чем название Дагестан. Даже в XVII веке в Иране ходила поговорка: «Если шах глуп, пусть войною идет на Лезгинистан», т. е. на Дагестан.

С XIV—XV вв. название «Дагестан» употребляют и местные источники. К этим источникам относятся в первую очередь исторические хроники «Тарихи Дагестан»¹⁵ и «Дербенд-наме»¹⁶. Любопытно, однако, что авторы указанных хроник совершенно не применяют к Дагестану наименование Лезгинистан. Еще более удивительным является тот факт, что известные историки Восточного Кавказа А. Бакиханов¹⁷ и Г. Алкадари в своих трудах о Дагестане тоже ничего не говорят о Лезгинистане.

Гасан Алкадари употребляет выражение «дагестанские лезгины»¹⁸. Ему хорошо известно, что, кроме кумыков и азербайджанцев, живущих в Дагестане, восточные писатели всех жителей его называли лезгинами и все их языки — лезгинскими языками. Но сам он ни разу не употребляет термин Лезгинистан для обозначения им территории всего Дагестана.

Между тем русские путешественники, этнографы и историки времен Бакиханова и Алкадари знали названия и «Даге-

¹² См. К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, стр. 5.

¹³ Существует следующее предание, иначе объясняющее происхождение названия Дагестан. У аула Харагани находились безлесные, безводные скалы с пещерами. Там жили когда-то великаны, которые назывались «деулетами». Отсюда страна между Дербентом и аулом Гимры получила название Деулетстан, а от этого слова произошло название «Дагестан». См. А. Барсов. Предание о некоторых местах Дагестана. СМОМПК, вып. II, стр. 140.

¹⁴ Гасан Алкадари. Асари Дагестана. СМОМПК, т. 46. Махачкала, 1929. См. примечание к «Асари Дагестана» А. Гасанова, стр. 179—180.

¹⁵ Извлечение из истории Дагестана, составленной Мухамедом Рафи. Сборник сведений о кавказских горцах. Далее цит. ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871.

¹⁶ Дербенд-наме. Под редакцией М. Алиханова-Аварского, Тифлис, 1898.

¹⁷ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926.

¹⁸ Гасан Алкадари. Указ. соч., стр. 22—29.

стан» и «Лезгинистан». Густав Гербер¹⁹, один из участников похода Петра I на Кавказ, в своем труде пишет, что Дагестан делился на несколько частей и земель. К «Лезгинистану» он относил владения: Акуша, Кюра, Табасаран и Казикумух. А ведь Гербер почти семь лет прожил в Дагестане и лучше других современников должен был знать наименования частей страны. Но и он, как было принято в то время, называет Дагестан «Лезгинистаном». Это наименование среди современников настолько укоренилось, что Гербер, даже при непосредственном знакомстве с Дагестаном, не смог отказаться от него.

Для выяснения истоков слова «Лезгинистан» важно знать и то, что сохранилось о нем в народных преданиях. Насколько нам известно, ни у даргинцев, ни у аварцев в материалах устного народного творчества не сохранилось никаких упоминаний о Лезгинистане. Слово «Лезгинистан» не встречается ни в лакском, ни в кумыкском фольклоре. Да и у лезгин в исторических легендах, преданиях и песнях слово «Лезгинистан» встречается не так уж часто. Мы знаем один лишь случай упоминания этого слова в лезгинской легенде «Шарвели». В ней рассказывается о том, что на «Лезгинистан» напали враждебные силы, против которых выступил Шарвели²⁰.

Известный исследователь дагестанских языков П. К. Услар указывает, что самих себя кюринцы называли общим именем лезги (ед. число), лезгияр (мн. число), а лезгинский язык — лезгичал²¹. Лезги — это то же, что и лезгин.

Следует отметить, что такие северокавказские народы, как чеченцы, кабардинцы, адыгейцы, осетины²², называют своих соседей не жителями Лезгинистана, а дагестанцами, и их страну — Дагестаном.

Возникает вопрос, почему в исторических трудах восточных, русских, кавказских авторов говорится о Лезгинистане, а в трудах местных авторов и в дагестанском фольклоре о

¹⁹ Г. Гербер. Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курюк, народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения к пользе и увеселению служащие». 1760, стр. 110—111. См. также: И.-Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728 г. Сб. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958 г., стр. 101—110.

²⁰ Лезгинский фольклор. Сост. А г а л а р Г а д ж и е в. Приложение на русском языке. Описание материалов и фольклорные параллели. Сост. А. Н а з а р е в и ч. Махачкала, 1941, стр. 17.

²¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896, стр. 7.

²² См. Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947; История Кабарды. М., 1957; История Осетии. На правах рукописи. Орджоникидзе. 1954.

нем мало или вовсе ничего не говорится? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны в первую очередь выяснить, что означало название «Лезгинистан» у средневековых авторов. Этим названием они обозначали территорию, населенную почти всеми дагестанскими народностями и этническими группами. Такое понимание Лезгинистана сохранилось и в XVIII—XIX веках в официальной переписке и в трудах многих историков, географов и этнографов, писавших о Кавказе²³. В их трудах даргинцы, аварцы, лакцы, агульцы, рутульцы, джарцы тоже назывались лезгинами. В качестве примера можно сослаться на «Манифест к жителям прикаспийских областей» Петра I, который называет Хаджи Дауда «владельцем лезгинской страны»²⁴. Правитель соседней с Дагестаном страны, грузинский царь Вахтанг VI, обращаясь к Петру I, в 1724 году писал: «Лезгины завоевали»²⁵ всю Кахетию. Речь идет не о южнодагестанцах, а о джаробелоканцах. Несмотря на то, что они аварцы, Вахтанг именует их лезгинами. Императрица Екатерина I в своем послании правителю Грузии Гусейн-Кули-хану называет всех дагестанцев «лезгинским народом»²⁶. Русский консул при персидском дворе Калушкин в (1741) году доносил в Коллегию иностранных дел о неудаче в войне персидского шаха «против лезгинцев»²⁷. Калушкин хорошо знал, что в Дагестане живет много народностей, но когда дело касалось официального донесения, он всех их объединял под общим именем «лезгинцев». Так тогда было принято. Другой автор того же времени, описывая борьбу дагестанцев против Надир-шаха, вместо Лезгинистана употребляет название «Дагестан»²⁸. В книге русского офицера П. Зубова, написанной в 30-х годах XIX века по заданию графа Паскевича, к «Лезгинистану» причисляются ханства Аварское и Казикумухское²⁹.

Из сказанного следует вывод, что значение названия «Лез-

²³ См. Д. Зубков. О народонаселении за Кавказом. Русский Вестник. Май—июнь, 5—6, 1842; О. Евецкий. Статистическое описание Закавказского края. СПб, 1835; Н. Данилевский. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846; П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. II, СПб, 1835; Глиноецкий. Поездка в Дагестан. (Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 году). Военный сборник, т. XXIII, СПб, 1862.

²⁴ Военная история походов россиян в XVIII столетии, часть вторая, заключающая в себе описание персидской войны с 1722 по 1734 гг., т. IV, СПб, 1823, стр. 212.

²⁵ Переписка на иностранных языках грузинских царей с Российскими государями, от 1639 по 1770 г. СПб, 1861, стр. 162.

²⁶ Там же, стр. 184.

²⁷ Архив князя Воронцова. М., 1870, стр. 98.

²⁸ П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. I, 1869, стр. 383.

²⁹ П. Зубов. Указ. со., стр. 206—209.

гинистан» выходило далеко за рамки собственно лезгинской истории. «Лезгинистан» и лезгинская земля — это не одно и то же. Термину «Лезгинистан» восточными авторами придавалось примерно такое же значение, как названиям «Гурджи-стан» (Грузия), «Армянистан» (Армения). Конечно, при этом не имелось в виду, что название «Лезгинистан» одновременно воплощает в себе и государственное единство на всей территории Дагестана. «Лезгинистан» тогда состоял из множества частей, каждая из которых имела свою обособленную, исторически сложившуюся территорию. Из этнографических материалов известно, что отдельные части Дагестана назывались «Аваристаном»³⁰ и «Тавлистаном». Иногда эти названия употреблялись применительно к отдельным этническим частям страны, а иногда и обезличенно. Можно допустить, что названия «Аваристан» и «Тавлистан» восходят к более древнему периоду, чем «Лезгинистан». Но никто никогда под этими именами не подразумевал весь Дагестан.

Крайне важно выяснить, почему название «Лезгинистан» не получило широкого распространения в самом Дагестане. Может быть это происходило от того, что слово «лезгин» было заимствовано из другого, не дагестанского языка?³¹ Но для такого утверждения нет никаких оснований. Этимологию слов «лезгин» и «Лезгинистан» надо искать не где-то на чужбине, а в самом Дагестане. Это легко проверить не только на материалах дагестанского языковедения, но и на данных произведений античных и средневековых писателей. Так, например, Страбон знает дагестанское племя «легов»³², а Плиний Секунд племя «лупиниев»³³. Армянские источники зафиксировали название одного дагестанского племени в разных вариациях: «лубны», «лбины», «липнийцы»³⁴. В древнегрузинских исторических сочинениях часто упоминаются такие выражения, как «удел Лекоса», «Лекетия», «леки»³⁵. В грузинской летописи происхождение дагестанских народов связывается с

³⁰ См. Об «Аваристане» в «Дербенд-наме», под редакцией М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 32.

³¹ П. К. Услар считал, что в языке лезгин нет корней, связанных с происхождением названия Лезгинистан, а прозвище свое лезгины получили от соседних народов. См. П. К. Услар. Кюринский язык, стр. 7; А. Бакиханов считал возможным, что название «Лазги» произошло от смешения их с лазами Закавказья. См. Гюлистан-Ирам, стр. 8.

³² Страбон. Указ. соч., т. I, стр. 147.

³³ Плиний Секунд. Естественная история, ВДИ, № 2, 1949, стр. 298. У Птоломея вместо лупени — лубни.

³⁴ Моисей Каганкатваци. История агван. СПб, 1861, стр. 70.

³⁵ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. 22, стр. 63, 81—83.

грузинами. В летописи говорится, что Картлоси (отсюда название Картли) и Лекоси были родные братья³⁶.

Нам кажется, что имеются все основания взять за основу названия «Лезгинистан» наименование легов, а затем и армянских липнийцев и грузинского лекоса. Правда, источники прямо не говорят, что слова «леги», «липнийцы», «леки» являются именами местного происхождения. Но надо полагать, что они были в действительности местными. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к фактам. Факты свидетельствуют, что в южном Дагестане в древности жило много племен. Некоторые из них даже переросли в крупные политические объединения на территории северо-восточного Кавказа. Племена, выделившиеся в результате этого из остальной массы племен, поглощали своими племенными названиями названия остальных. Вполне вероятно, что античные «лезги» или «лупени» могли на определенном этапе выступить в восточном Дагестане в качестве господствующей силы. Немалую роль они играли, по-видимому, и в истории Албании. Кроме того, южнодагестанские племена в силу своего географического положения очень рано соприкоснулись с окружающим их внешним миром. Ни одно нашествие кочевников с севера в Закавказье не миновало южный Дагестан. Через территорию северного, приморского, южного Дагестана прошли скифы, сарматы, гунны, болгары, хазары, арабы, сельджуки, татаро-монголы. Названия племен восточного Дагестана, расположенных близко от торговых путей и путей передвижений кочевников, становились известны в других странах. После вторжения легионов Помпея на Кавказ, в произведениях античных писателей появились названия дагестанских племен: леги, гели, ути (удины), дидуры, лупенни, гаргары и другие. Вторжение арабов, а затем монголов, закрепило в сочинениях восточных авторов имя лезги³⁷.

Вначале у соседних народов Закавказья название дагестанского племени «леги» (по грузински «леки») прочно и надолго закрепляется только за группой родственных племен южного Дагестана, а затем оно распространяется почти на всю его территорию. Таким путем и закрепляется за Дагестаном название «Лезгинистан». Это название распространилось не только у соседних народов, но и у разноязычных, удаленных друг от друга народов (турок, персов и арабов). С лингвистической точки зрения перенос названия одного племени на группу родственных племен также вполне возможен.

³⁶ Там же, стр. 7.

³⁷ Слово лезги по словам Г. Алкадари употреблялось арабами и с перестановкой букв г и з — в форме лезги. См. «Асари Дагестан», стр. 22.

Традиционные восточные термины «лезгин», «Лезгинистан», с середины XVIII века получают известность и в странах Западной Европы. Востоковеды И. А. Гильденштедт³⁸, Эйхвальд³⁹ в своих трудах широко пользуются терминами «Лезгинистан» и «лезгин» для наименования Дагестана и его населения.

Как случилось, что столь распространенное за пределами Дагестана название «Лезгинистан» оказалось неприемлемым для дагестанских историков? Для дореволюционных местных авторов, как мы уже указывали, название «Лезгинистан» как бы не существовало. Объясняется это тем, что дагестанские историки и филологи, хотя и знали по восточным источникам о распространенности названия Лезгинистан, но не придавали этому названию того значения, какое придавали ему недагестанские историки. В этом нет ничего удивительного. Люди, знающие историю народов северо-восточного Кавказа, не решались назвать Дагестан Лезгинистаном потому, что имя это не отражало действительного положения вещей.

Название «Лезгинистан» не получило гражданского признания и у рядовых горцев. Горец не привык называть себя дагестанцем⁴⁰ и тем более лезгином. Эти понятия для массы горцев долгое время были чужды. Даже накануне революции лезгин не всегда называл себя лезгином, а говорил, что он курушеч; другие называли себя кюринцами. Ахтынцы называли себя «ахдахарами»⁴¹. Жители Аварии называли себя по имени той этнической группы, откуда они происходили, т. е. андийцами, ботлихцами, тиндинцами или чамалинцами и т. д. Когда спрашивали даргинцев, откуда они родом и кто они по национальности, — они называли себя акушинцами, кубачинцами, урахинцами, сюргинцами, цудахарцами, мекегинцами. Эти названия в народе оказались более распространенными, чем название даргинцев.

Итак, сами дагестанцы свою страну не называли «Лезгинистаном».

Каким же образом общедاغестанское название «Лезгинистан» стало узко южнодагестанским термином, включившим в себя уже конкретное этническое понятие? Это произошло

³⁸ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 гг., СПб, 1819.

³⁹ Путешествие Эйхвальда к Каспийскому морю и по Кавказскому краю. «Библиотека для чтения», 1838, т. 26.

⁴⁰ «Дагестанец» — это был скорее литературный термин. Дагестанские ученые пользовались им как собирательным именем. См. Хроника войны «Джара в XVIII столетии», 1931, стр. 36; Г а д ж и А л и. Сказание очевидца о Шамиле. ССКГ, вып. VII.

⁴¹ Поездка г. Беккера по южному Дагестану. ССКГ, вып. IX, стр. 33.

гораздо позже, при известных исторических условиях. Определенную роль в этом сыграли русские путешественники и послы, бывавшие в разное время на Кавказе. Поскольку русские познакомились с южнодагестанцами раньше, чем с другими дагестанскими народами (после кумыков), то они и закрепили за южнодагестанцами название лезгин. Вначале слова «Лезгинистан», «лезгин» в русских источниках употреблялись довольно неопределенно. Например, русский купец Федот Котов, побывавший в Дагестане в 1623 году, пишет, что между Тарками и Дербентом «живут лезгины»⁴², у которых князем был уцмий кайтагский. Чаще всего под «Лезгинистаном» подразумевалась вся территория Дагестана. Но в русских источниках название «Лезгинистан» употреблялось также и для обозначения восточного Дагестана. В таких случаях в употреблении были оба названия страны — «Лезгинистан» и «Дагестан».

По мере того, как русские люди ближе знакомились с другими дагестанскими народами, двойное значение названия «Лезгинистан» начало исчезать. На географических картах и в топографических описаниях XVIII—XIX вв. южнодагестанское население стали называть более определенно лезгинами, а их страну «Лезгинистаном». В период Кавказской войны это имя уже прочно закрепилось за южным Дагестаном. Учреждение во время войны «Лезгинской кордонной линии» — вдоль дагестанской границы с Азербайджаном и Грузией способствовало распространению имени лезгин не только среди южнодагестанских, но и среди других народностей и этнических групп Дагестана. В литературе это также находит свое отражение. А. В. Комаров, автор специального исследования о Дагестане, свидетельствует, что «аварские племена в числе прочих горцев Дагестана называются также «лезгинами»⁴³. Даже для А. Берже, этого основного издателя кавказской литературы, жители внутреннего Дагестана являлись «лезгинами»⁴⁴.

Подводя итоги сказанному, мы можем отметить, во-первых, что «Лезгинистан» — это одно из средневековых названий Дагестана. В основе его образования лежало имя древнедагестанского племени «леги», а позднее «легзи», «леки». Во-вторых, средневековый Дагестан стал именоваться «Лезгинистаном» не потому, что это название соответствовало этни-

⁴² Хождение купца Федота Котова в Персию. Москва, 1958, стр. 34.

⁴³ А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. «Записки Кавказского отд. русского геогр. общества». Кн. VIII, Тифлис, 1873, стр. 6.

⁴⁴ А. Берже. Материалы для описания нагорного Дагестана. «Кавказский календарь» за 1859 год, стр. 251.

ческому составу населения страны, а в силу того, что лезгинские и близкие им племена в этот период выдвигаются на первый план в политической и военной жизни Кавказа и их имя стало известно соседним народам. В-третьих, начиная с позднего средневековья, слова «Лезгинистан», «лезгин» постепенно начинают закрепляться за южнодагестанской территорией. Это было связано с отмиранием старых племенных названий в южном Дагестане и широкими связями Дагестана с другими странами. В новых исторических условиях, после того, как Дагестан был присоединен к России, этот процесс еще более углубился. Дальнейшую историю, связанную с названием «Лезгинистан», надо рассматривать в связи с образованием лезгинской народности.

Окончательное решение всей проблемы происхождения и определения первоначального значения названия «Лезгинистан» зависит от дальнейшей ее разработки советскими историками и лингвистами.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МОЛОДЕЖЬ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ДАГЕСТАНА В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Глубокое изучение истории борьбы молодежи против царизма и капитализма поможет советской молодежи правильно осмыслить прошлое и по достоинству оценить успехи нашего народа, достигнутые им под руководством Коммунистической партии.

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящается борьбе революционной, в особенности учащейся молодежи края в годы первой русской революции. По этому вопросу в нашей историографии нет не только специальных исследований, но даже сколько-нибудь значительной статьи. В данной работе автор делает попытку систематизировать материалы, выявленные им в процессе исследования темы «Рабочее движение на Северном Кавказе и в Дагестане в 1905—1907 гг.».

Революция 1905—1907 гг. вызвала движение широких слоев народа, в том числе трудящихся Северного Кавказа и Дагестана. Участие революционной молодежи в этой борьбе явилось одной из характерных черт первой русской революции. Оно свидетельствовало о всенародном характере революции, о широком влиянии большевистских идей на массы молодежи.

Большевистская партия и ее вождь В. И. Ленин требовали привлечения молодежи к активному участию в классовой борьбе. В самом начале революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин писал: «Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и смелее вербовать молодежь, **не боясь ее**»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 124.

Большевики края, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, направляли деятельность организаций и кружков молодежи на путь активного революционного действия.

* * *

Очень горька и тяжела была жизнь трудящейся молодежи и учащихся при царизме. Волнующим свидетельством такого положения является воспоминание участника первой русской революции Мамсурова, где он говорит о тяжелой доле юношества при царизме и о том, как оно вступало на героический путь классовой борьбы. «В 1897 году, — писал он, — когда я, желая доставить удовольствие матери, прочитывал... стихотворение осетинского поэта Хетагурова «Мать сирот», она до того расчувствовалась, что, не давши мне дочитать до самого трогательного места, дня два потом не могла придти в себя. Когда она успокоилась, произнесла на бога сильный, обоснованный ропот, который произвел на меня самое глубокое влияние... По прочтении потом биографии Джордано Бруно, я окончательно порвал с богом, связался с революционным кружком, а из семинарии был исключен за неисполнение религиозных обязанностей»².

Для детей трудящихся доступ в школу был сильно затруднен. По Владикавказской железной дороге, например, на которой трудилась основная масса пролетариата края, рабочая молодежь оставалась вне школы. По данным управления дороги 1885 г. 60% мальчиков и 80% девочек школьного возраста не могли посещать школу³.

Но, несмотря на реакционную политику царизма, некоторое количество выходцев из рабочих, крестьян и передовой интеллигенции Северного Кавказа и Дагестана попадало в учебные заведения Москвы, Петербурга, Харькова, Ростова, Новочеркасска и других городов, где они под влиянием социал-демократов и русских рабочих становились на путь классовой борьбы.

Молодежь не могла пользоваться элементарными правами личности; личность юноши крепко держалась в тисках реакционных школьных инспекторов, священников и т. д. Учащейся молодежи запрещалось посещать общественные места, например, театр, организовывать школьные кружки, читать некоторые произведения передовых русских писателей и мыслителей. Например, в Ставропольской мужской гимназии, по

² Партархив Ростовского н/Д. обкома КПСС, ф. 12, д. 28, лл. 1—2об.

³ «Вестник Владикавказской железной дороги», № 18, 1915. Ростов н/Д, стр. 446.

решению педагогического совета, из ученической библиотеки были изъяты некоторые произведения Пушкина, Тургенева, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина.

Широко использовался на фабриках, заводах, в мастерских и на железной дороге детский труд. В 1904 г. количество рабочих обрабатывающей промышленности Дагестанской области — не считая рабочих рыбной и горнозаводской — достигало 3080 человек, из которых 666 человек, т. е. 21,6%, составляли дети и подростки⁴. Большое количество детей было занято в ремесленном производстве. В одном Дербенте из 1641 ремесленника 20,5% детей⁵ считалось учениками, более 12% — рабочими.

Положение рабочих-подростков края, как и во всей России, было очень тяжелым. Их труд оплачивался значительно ниже, чем труд взрослых. Например, по данным горного инженера IV Кавказского горного округа, в горнозаводской промышленности таблица дневного заработка рабочих была следующей⁶:

Административная единица	Взрослые	Подростки	Малолетние
Дагестанская область	57 коп.	35 коп.	25 коп.
Кубанская область	73 коп.	35 коп.	33 коп.
Терская область	73 коп.	35 коп.	33 коп.

Таким образом, молодые рабочие, испытывая все ужасы капиталистической эксплуатации, работая в одинаковых условиях со взрослыми, зарабатывали почти в два раза меньше, чем взрослые. Дети должны были не только работать на владельца предприятия, оставляя ему львиную долю результатов своего труда, они должны были еще выполнять всякие поручения по его хозяйству. Вот что писала газета «Колос»⁷: «В жестяной мастерской Исаковича находится несколько мальчиков. Положение их невыносимое. Чуть свет хозяин будит их, заставляет работать до поздней ночи. В свободные минуты навязывает им постороннюю работу»⁸.

⁴ Центральный гос. архив Дагестанской АССР, ф. 21, оп. 3, д. 28, лл. 56—57 об.

⁵ Там же, оп. 4, д. 32, л. 70.

⁶ Центр. гос. архив Грузинской ССР, ф. 265, оп. 1, д. 70, лл. 1, об. 2, 2 об.

⁷ Орган Ставропольского комитета РСДРП. Издавалась в гор. Ставрополе с апреля по июнь 1906 г., выходила под названиями «Голос», «Колос», «Работник», «Свобода» и т. д.

⁸ Газ. «Колос», № 13, 8 июля 1906 г.

Приведенная выше таблица свидетельствует, что в Дагестане степень эксплуатации детского труда была еще выше, чем в соседних областях края.

Не лучшим было положение крестьянской молодежи и детей. Оно особенно ухудшилось в связи с русско-японской войной. Характерным является письмо молодых крестьян села Орбельяновского Ставропольской губернии в редакцию газеты «Народ»⁹ о тяжелом положении детей. Они писали: «... война с Японией и безжалостная расправа над выведенным из терпения народом отняли у многих десятков тысяч маленьких детей их отцов и матерей... Мы знаем, что эти несчастные малолетние наши братья и сестры нуждаются во всем. Они голодают без хлеба, мерзнут без одежды и теплой хаты...

...Родители наши не имеют возможности пускать нас в школу. Они арендуют землю великого князя Николая Николаевича.

Главный управляющий сказал нашим отцам, что они посылали в школу нас только по окончании всех полевых работ и брали из школы ранней весной, как только они возобновятся. Так что мы учимся меньше 4-х месяцев.

Плохо нам от господ живется!»¹⁰.

Свидетельством того, что молодые люди не могли пользоваться никакими правами, является тот факт, что на сельский сход допускался только один старший член каждого семейства. Молодые люди, таким образом, оставались всегда в стороне от решения каких-либо общественных вопросов.

Выход из этого положения рабоче-крестьянская молодежь видела в классовой борьбе против эксплуатации детского труда, реакционного царского режима в целом. Плечом к плечу со своими родителями, под руководством революционной социал-демократии молодежь шла к революции.

* * *

Расстрел петербургских рабочих царизмом 9 января 1905 года ознаменовал начало первой русской революции. По всей России на злодеяние царских властей рабочие ответили забастовками, стачками, демонстрациями. Окончательно потеряв веру в царя, они шли под лозунгами: «Долой самодержавие!». «Долой убийцу!», «Да здравствует свобода!». Волна забастовочного движения охватила и Северный Кавказ.

Социал-демократические группы Северного Кавказа

⁹ Общественно-политическая газета, издавалась в г. Пятигорске.

¹⁰ Газ. «Народ», № 18, 15 декабря 1905 г.

развернули работу по организации боевых действий поднимающегося революционного пролетариата и молодежи. Они выпускали листовки и прокламации, в которых народные массы призывались к организованному выступлению против самодержавия и капитала, устраивали кратковременные стачки, сходки рабочих, где социал-демократические ораторы произносили пламенные речи, руководили движением молодежи. В феврале 1905 года Екатеринодарская социал-демократическая организация молодежи по поводу петербургских событий выпустила листовку «К учащейся молодежи»¹¹. В листовке говорилось: «Реагируют на эти события и учащиеся средних учебных заведений, и целым рядом забастовок... выражают свое сочувствие борьбе рабочих за политическую свободу»¹². Листовка заканчивалась призывом к молодежи организовать революционный фонд для помощи восставшим рабочим.

Крупным центром революционного движения молодежи на Северном Кавказе была Ставропольская мужская гимназия, имеющая большое революционное влияние на другие учебные заведения города и края. В гимназии функционировали социал-демократические кружки, входившие еще в 1902—1903 гг. в «Южнорусскую группу средних школ»¹³, которая сыграла большую роль в развитии юношеского революционного движения не только на Северном Кавказе и в Дагестане, но и на Юге России.

Не случайно большевики уделяли большое внимание этой организации молодежи. Так Донской комитет РСДРП во главе с ленинцем С. И. Гусевым в предреволюционные годы направлял деятельность этой организации. Во главе революционного движения в ставропольских учебных заведениях стояли большевики.

Большевистская газета «Пролетарий», издаваемая под руководством В. И. Ленина в Женеве, периодически реагировала на революционные события в Ставрополе. Она писала: «...движение среди учащихся растет, организация крепнет. Выпускают прокламации за подписью и с печатью «Ставр. орган. учащ. соц.-дем.». И далее газета сообщала: «...почти все учащиеся в наших руках»¹⁴. Ставропольская организация уча-

¹¹ Госархив Краснодарского края. (ГАКК), ф. 583, д. 207, л. 150.

¹² Там же.

¹³ «Южнорусская группа средних школ» была создана в 1902 г. по инициативе ЦК РСДРП, являлась проводником революционных идей пролетариата среди трудящейся молодежи. Она объединяла социал-демократическую массу молодежи Юга страны в борьбе с царизмом и капитализмом. Деятельность ее в 1902—1903 гг. проходила в Ростове на/Д под руководством Донкома РСДРП, стоящего на позициях Ленина.

¹⁴ Газ. «Пролетарий», № 23, 31 октября 1905 г., стр. 15.

щихся социал-демократов воспитала целую плеяду пламенных революционеров-большевиков. Среди них был видный деятель нашей партии Уллубий Буйнакский¹⁵, который впоследствии руководил, вместе с Орджоникидзе и Кировым, революционной борьбой горцев Северного Кавказа и Дагестана за установление Советской власти.

Социал-демократические группы и кружки учащейся молодежи существовали во Владикавказе¹⁶, в Екатеринодаре¹⁷, Пятигорске и других городах Северного Кавказа и Дагестана, через них большевики проводили революционную работу среди юношества.

Январско-февральские события на Северном Кавказе наши живейший отклик у молодежи края.

На Северном Кавказе был свой кровавый день. В январе 1905 г. забастовали рабочие на ст. Тихорецкой и предъявили свои требования к хозяевам, жандармскому подполковнику Мартосу, который обещал выслушать их на другой день. Но на другой день, когда рабочие с женщинами и детьми подошли к дому Мартоса, по ним был дан залп. «Многие остались лежать у дома жандарма»¹⁸, — вспоминает один из участников этого кровавого события. «Я помню случай, — продолжает он далее, — когда казак зашел в одну из квартир, и не делая усилия нагнуться, шарил шашкой под кроватью, так он изрубил семилетнего мальчика, спрятавшегося под ней»¹⁹.

По поводу событий в Петербурге ученики старших классов г. Майкопа организовали в январе антиправительственную демонстрацию. Демонстранты, главным образом учащаяся молодежь и мастеровые, несли два черных флага²⁰, на которых были надписи: «Смерть палачам!». «Слава павшим!». Как сообщает начальник Кубанского областного жандармского управления, полиция не могла принять никаких мер к прекращению демонстрации²¹.

4 февраля выступили ученики Владикавказской классической гимназии, поддержанные рабочими и трудящейся молодежью города. В жандармском документе по этому поводу говорится, что беспорядки среди гимназистов выразились

¹⁵ Он обучался в Ставропольской мужской гимназии с февраля 1901 г. по 27 августа 1907г.

¹⁶ Ныне г. Орджоникидзе.

¹⁷ Ныне г. Краснодар.

¹⁸ Краснодарский крайпартархив, ф. 2830, оп. 1, д. 1070.

¹⁹ Там же.

²⁰ В период первой русской революции демонстранты часто вместе с красными флагами несли и черные в знак протеста против расстрелов царскими властями рабочих.

²¹ Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 38—39.

«... бурным проявлением бесчинств в здании гимназии, шествием по улицам города..., попыткой выразить подражание со стороны питомцев местного реального училища и подачей попечителю неприемлемой петиции, несогласованной в своих требованиях с уставами учебных заведений»²².

Выступления молодежи края с каждым днем принимали все более организованный характер. Влияние революционных выступлений молодежи гг. Ставрополя, Владикавказа и других городов края было настолько велико, что дирекция Новороссийской мужской гимназии в донесении попечителю Кавказского учебного округа в конце февраля 1905 г., говоря о забастовке гимназистов, об их революционных сходках, бойкотах школьных занятий, отмечала, что ученики разных гимназий не только списываются, но ездят друг к другу²³.

Так школьная молодежь края, изживая стихийность и разрозненность, характерные для первых дней революции, держала связь между собой, действовала сообща, что являлось важным условием для более мощного развертывания ее революционной энергии.

О том, как укреплялись в сознании молодежи большевистские идеи вооруженной борьбы, свидетельствует письмо учащихся Владикавказской гимназии своему директору в марте 1905 г. В нем говорилось: «Знай, если только один ученик будет уволен, то мы в тот же день устроим грандиозный бунт, но только с той разницей, что когда мы бунтовали 4 февраля, то мы били стекла, а теперь при нас будут палки и огнестрельное оружие»²⁴.

Весной и летом 1905 г. революционное движение пролетариата края, под влиянием поднимавшегося русского пролетариата, развернулось с новой силой. Отличительной чертой этих выступлений был переход от чисто экономической борьбы с хозяевами и царизмом к политическим стачкам, демонстрациям, а зачастую к сопротивлению царским властям с оружием в руках. В центре этой борьбы наряду с рабочими находились трудящаяся молодежь и студенты, высланные из центральных заведений на родину за участие в революционном движении. Порою бывшие студенты, как это неоднократно отмечается в донесениях жандармских управлений Северного Кавказа и Дагестана, являлись членами стачечных бюро на железной дороге, организаторами демонстраций, ораторами, активными участниками боевых революционных дружин, агитаторами в войсках. Из рапорта начальника полиции на

²² Северная Осетия в революции 1905—1907 гг. Документы и материалы. Орджоникидзе, 1955, стр. 94.

²³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 422, д. 17157, л. 4.

²⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 422, оп. 1, д. 8795, лл. 23—23 об.

Кавказе кавказскому наместнику видно, что «студент института инженеров путей сообщения Махач Дахадаев..., разъясняя своим односельчанам высочайший манифест 17 октября, возбуждал их к аграрным беспорядкам»²⁵. Дербентский полицмейстер сообщал о том, что на митингах «...ораторствуют студенты»²⁶ и т. д. Многие из них впоследствии стали руководителями революционных масс. Махач Дахадаев, например, который вел революционную работу еще в период первой русской революции, стал впоследствии популярным руководителем горской бедноты в борьбе за Советскую власть в Дагестане. Рабочая молодежь являлась важной опорой социал-демократических организаций края в ходе революции, активным элементом в осуществлении пролетарских лозунгов и пропаганды революции.

Весенне-летние выступления пролетариата края были поддержаны учащейся молодежью. На призыв большевиков пореволюционному, организованно провести международный праздник трудящихся — 1 Мая молодежь ответила участием в сходках, митингах, в политических демонстрациях, где она несла охрану от полицейских агентов и пела революционные песни. В Майкопе, Екатеринодаре учащаяся молодежь, вместе с рабочими и рабочей молодежью, в эти дни выступила со своими требованиями. Так, учащиеся 2-го общеобразовательного класса Майкопского технического училища на призыв социал-демократов об организованном проведении Первомайского праздника трудящихся ответили бойкотом школьных занятий, требованием отмены экзаменов²⁷.

Первомайский митинг молодежи и рабочих г. Екатеринодара был разогнан военной силой казаков, которые дали по собравшимся несколько залпов и пустили в ход плетки и нагайки. Эта расправа вызвала новые протесты и способствовала пробуждению других слоев учащейся молодежи города. Революционное движение проникало даже в закрытые учебные заведения военного министерства. 3 мая 1905 г. учащиеся Екатеринодарской военно-фельдшерской школы в полном составе бросили занятия в школе. Они выступили с требованием отменить полицейско-тюремный режим для учащихся. «Мы достаточно наглотали пыли, — писали они в своих требованиях, — мы почти все больны физически и нравственно»²⁸. Забастовка учащихся продолжалась до 12 мая и была подавлена; из школы было исключено восемь наиболее активных участников этого выступления.

²⁵ Революционное движение в Дагестане 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов, Махачкала, 1955, стр. 117.

²⁶ Там же, 184.

²⁷ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 3136, лл. 7, 7 об, 8.

²⁸ Там же, лл. 1—2, 10.

В июне 1905 года революционное движение рабочих г. Ставрополя, активно поддержанное учащимися, студентами всех учебных заведений города, развернулось с новой силой. Ближайшим поводом к нему послужила кровавая расправа властей с народом 7 июня 1905 г. Войска по приказу губернатора открыли огонь по безоружной толпе. В результате подобрано 14 убитых, в том числе сельская учительница Тутова и гимназист 5-го класса Лежнев, остальные — рабочие. Раненых, которым требовалась серьезная медицинская помощь, насчитывалось до 30 человек²⁹, а всего раненых было до 70 человек. Эта расправа вызвала возмущение народных масс, молодежи города. 9 июня 1905 года состоялась мощная политическая демонстрация ставропольских рабочих и учащихся почти всех учебных заведений города по поводу похорон жертв 7 июня. «Настроение продолжает быть, — писал жандармский ротмистр Фридрихов, — весьма тревожным, офицеры на улицах подвергаются оскорблениям со стороны учащихся, которые свистят им вслед и кричат: «убийцы!»³⁰.

Молодежь откликнулась на революционные события, происходившие не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье. 29 августа 1905 г. царские власти расстреляли в здании тифлисской городской управы участников митинга — рабочих—социал-демократов. В знак протеста молодежь, студенты, гимназисты и ученики мастерских гор. Владикавказа устроили 4 сентября 1905 года политическую демонстрацию³¹. Ораторы, выступавшие на митинге, заклеили позором расправу царских властей над социал-демократами в Тифлисе. Для расправы с молодежью были вызваны казаки, разогнавшие демонстрацию; несколько человек было арестовано.

Таким образом, в период нарастания первой русской революции молодежь Северного Кавказа принимала активное участие в борьбе трудящихся масс за свободу. В этой борьбе она закалялась и готовилась к вооруженной схватке пролетариата края против царизма и капитализма.

Революция в России осенью 1905 года шла на подъем; пролетариат готовился к решающей схватке с самодержавием. В первой половине октября 1905 г. на Московско-Казанской

²⁹ Ставропольский краевой госархив (СКГА), ф. 1008, д. 60, лл. 156—157.

³⁰ СКГА, ф. 1008, оп. 1, д. 60, лл. 155—157.

³¹ Указ. сборник. Документы и материалы, Орджоникидзе, 1955, стр. 95—96.

железной дороге началась забастовка, которой ознаменовалось начало всероссийской политической стачки, перекинувшейся вскоре и на Северный Кавказ.

Молодежь края, по призыву большевиков, принимает активное участие в октябрьской схватке угнетенных масс с царизмом и капитализмом. Царизм, готовясь к вооруженному подавлению революционного движения, но не имея достаточных сил, объявил в сентябре—октябре 1905 г. мобилизацию молодежи края в армию. По призыву революционной социал-демократии «не давать ни одного солдата царизму» началась широкая кампания против мобилизации. Большевики гор. Ставрополя решили протестовать против царской мобилизации демонстрациями, в которых рабочая молодежь, гимназисты и учащиеся учебных заведений должны были принять активное участие. «Здесь не прекращаются сходки учащихся в средних учебных заведениях. На сходках обсуждаются как академические, так и общие вопросы. Революционные настроения растут»³², — писала газета «Пролетарий» в начале октября 1905 г. 2 октября социал-демократы из молодежной организации города распространили прокламацию, направленную против царской мобилизации. В этот же день в городском саду собралось на митинг, как сообщали полицейские, более 600³³ учащихся средних учебных заведений города, рабочих и трудящейся молодежи. Было решено подготовиться к однодневной политической стачке протеста против объявленной мобилизации. Под руководством большевиков рабочая молодежь и семинаристы с красными флагами вышли 3 октября 1905 г. на демонстрацию³⁴, которую охраняли вооруженные дружинники из молодежи. Количество демонстрантов доходило до 800 человек. Слышались призывы: «Долой самодержавие!», «Долой полицию!». Произошло вооруженное столкновение, в результате чего было много убитых и раненых. «Участки переполнены ранеными и убитыми»³⁵, — сообщила газета «Пролетарий».

Кровавая расправа царских властей над ставропольскими демонстрантами вызвала возмущение рабочих и молодежи края. Вслед за ставропольцами, 4 октября 1905 года выступили рабочие, учащиеся мужской гимназии, городского училища и учительской семинарии г. Екатеринодара с призывом «Долой самодержавие!»³⁶. Когда царский офицер приказал солдатам

³² Газ. «Пролетарий», № 23, 31 октября 1905 г., стр. 15.

³³ СКГА, ф. 1008, д. 50, лл. 652—654.

³⁴ Центральный гос. исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ), ф. 174, д. 1511, л. 105; СКГА, ф. 1008, д. 50, лл. 652—654; газ. «Пролетарий», № 23, 31 октября 1905 г.

³⁵ Там же.

³⁶ ГАКК, ф. 454, д. 3186, лл. 654—655.

открыть огонь по безоружной толпе, из демонстрантов вышла женщина и произнесла сильную, взволнованную речь, обращенную к солдатам. Они опустили штыки, и офицер вынужден был увести солдат, неповиновавшихся его приказу и с сочувствием встретивших революционный народ. Это было победой революционных сил. Как известно, в царских войсках проходила службу в основном крестьянская молодежь. Ее сочувствие восставшим говорило о постепенно складывавшемся союзе рабочей и крестьянской молодежи.

Однако, вводя неповиновавшихся солдат, царские власти направили против демонстрантов кавалерийский отряд казаков. По призыву революционеров «К оружию!», «Нас стреляют, бей полицию!», молодежь, ворвавшись в оружейный магазин Гуренкова и Болденкова, начала вооружаться. Как сообщает начальник Кубанской области, в магазине было захвачено более 200 охотничьих ружей и столько же револьверов³⁷. Это событие описал участник политической демонстрации Д. Е. Козюпа: «...молодежь, рабочие и учащиеся, когда казаки вытащили шашки, встретили их градом камней... Это смутило урунцев (казаков — М. Ш.), они стали отступать и повернули назад, молодежь еще больше осмелела и кинулась за ними»³⁸. Победа рабочих и молодежи 4 октября 1905 г. в вооруженном столкновении с полицией и казаками говорила о том, что ряды революционной молодежи и рабочих укрепляются, что молодежь готова защищать интересы народа в вооруженной борьбе с царскими властями, что рабочие и молодежь от всеобщей стачки переходят к высшей форме борьбы — к вооруженному сопротивлению царизму.

С 13 октября 1905 года Всероссийская политическая забастовка перекинулась и на Владикавказскую дорогу. Почти на всех значительных железнодорожных станциях были организованы железнодорожные бюро.

В поддержку этой забастовки выступили рабочие и молодежь Грозного, Владикавказа, Минеральных Вод, Екатеринодара, Петровска, Дербента, Новороссийска и других городов Северного Кавказа и Дагестана. Под громадным напором революционного народа, боясь потерять свою власть, стремясь обманом и обещаниями внести раскол в революционные ряды пролетариата и молодежи, царизм вынужден был объявить манифест 17 октября. Большевики края разъясняли массам, что царский манифест — обман, что это только вынужденная уступка царского правительства, они призывали революцион-

³⁷ Там же.

³⁸ Указ. сборник документов и материалов, Краснодар, 1956, стр. 115—116.

ные массы вооружаться, довести борьбу до полного свержения царизма.

На Северном Кавказе и в Дагестане по призыву и под руководством большевиков, началась широкая деятельность по разоблачению царского манифеста, в которой энергичное участие приняла молодежь. Во Владикавказе с бойкотом «дарованной свободы» выступили рабочие, рабочая и учащаяся молодежь. С утра 18 октября 1905 года реалисты старших классов прекратили занятия в училище и предъявили свои требования начальству³⁹. Несколько позже это выступление учащихся превратилось в демонстрацию протеста, которую «патриотические» силы стремились использовать в своих целях, но молодежь своим революционным энтузиазмом заглушила их старания. Военный оркестр, который должен был по знаку черносотенной толпы играть гимн Российской империи, вынужден был удалиться под свистки и крики революционной молодежи. После демонстрации состоялся политический митинг, на котором революционные социал-демократы выступили с речами, разъясняя смысл царского манифеста, а присутствующие на митинге черносотенцы вынуждены были или потихоньку покинуть его, или слушать революционных ораторов.

Давая «свободы», царизм готовился нанести ощутимый удар по революционным силам. Так и случилось во Владикавказе 19 октября 1905 г. Революционеры решили выступить с политической демонстрацией, а царские власти намеревались при помощи черносотенцев разгромить ее. По сигналу черносотенцев началось избиение демонстрантов, продолжавшееся два часа. В результате оказалось убитыми 6 демонстрантов, ранеными 17, в том числе 5 учащихся⁴⁰.

В те дни происходили вооруженные столкновения между революционными демонстрантами и «патриотическими» силами гор. Екатеринодара. Как видно из донесения директора Кубанского Александровского реального училища попечителю Кавказского учебного округа, вечером 17 октября 1905 года в учительской семинарии Екатеринодара состоялась сходка молодежи всех учебных заведений города с участием представителей рабочих. Количество участников доходило до 200 человек⁴¹. На собрании было решено организовать 18 октября во всех учебных заведениях митинги и выработать свои требования. Решено было также объявить всеобщую забастовку.

³⁹ Указ. сборник. Документы и материалы, Орджоникидзе, 1955, стр. 113.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 108, д. 6487, лл. 1—8. Взято из партархива Дагобкома КПСС.

⁴¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 422, д. 8795, лл. 170—171 об.

ставку учащихся города. 18 октября громадная толпа учащейся молодежи—семинаристов, гимназистов, реалистов направилась в городской сад, где она влилась в митинг рабочих, после чего по Красной улице началась антиправительственная демонстрация. Демонстранты требовали удаления с некоторых домов императорских флагов, вывешанных по случаю «дарованных свобод». За демонстрантами двинулись вооруженные казаки и черносотенные отряды, которые, улучив момент, напали на демонстрантов и начали их избиение, продолжавшееся также 19 октября. Много молодежи было ранено и избито, но тем не менее забастовка учащихся продолжалась вплоть до 30 октября.

В антиправительственных демонстрациях, направленных против манифеста 17 октября, активное участие принимала и молодежь гг. Новороссийска, Ейска, Армавира, Майкопа и т. д. 24 октября учащиеся г. Новороссийска предъявили свои требования, состоящие из 11 пунктов, дирекции гимназии. Наряду с пунктами, требующими отмены платы за обучение, улучшения обучения и т. д., выдвигались и такие: разрешить организовывать сходки, отменить обязательное для учащихся хождение в церковь, ввести ученические товарищеские суды и т. д.⁴² Аналогичные требования были выдвинуты учащимися почти всех средних учебных заведений края. Полицеймейстер г. Майкопа в своем рапорте начальнику Кубанской области писал, что 19 октября 1905 г. с утра «...ученики реального технического и городского училищ, предводимые агитаторами и своими учителями, вместе с ученицами и учительницами женской гимназии, в сопровождении тысячной толпы, с музыкой ходили по городу с красными флагами, с разного рода надписями на них: «Смерть царизму!», «Да здравствует конституция!», «Свобода!..», «Слава воинам, павшим за свободу!»⁴³.

Революционной молодежью были сорваны «патриотического» характера лозунги, правительственные флаги, вывешенные черносотенцами по случаю «дарованной свободы». Речи социал-демократов на митинге, состоявшемся после демонстрации, были поддержаны возгласами собравшихся: «Ура!», «Долой полицию и жандармов — бить их!». На митинге было решено прекратить занятия на три дня во всех учебных заведениях и предприятиях города.

Новым явлением в революционном подъеме молодежи Северного Кавказа и Дагестана являлось участие в нем девушек.

⁴² ЦГИА Груз. ССР, ф. 422, д. 17156, л. 27.

⁴³ Указ. сборник документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 126—127; ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 1386, л. 133.

Никогда не забудут девушки и юноши края светлый образ молодой учительницы Тихорецкого железнодорожного училища Прасковьи Дугинец. Являясь членом большевистской группы и душой революционной молодежи Тихорецка, она вела вместе с передовыми рабочими и революционной молодежью упорную борьбу против царского самодержавия и капиталистического гнета. 19 октября 1905 г. под ее руководством состоялась политическая демонстрация революционной молодежи и рабочих станции, во время которой она была убита черносотенцами при содействии полиции. Похороны П. Дугинец превратились в мощную политическую демонстрацию рабочих и молодежи станции. На следующий день после зверской расправы властей с Дугинец началось сильное брожение молодежи в соседних со станцией селах и хуторах⁴⁴.

Возмущение и негодование вызвали у рабочих и учащейся молодежи гор. Темир-Хан-Шуры зверская расправа царских властей с революционным народом и кровавые погромы черносотенцев. 23 октября 1905 года состоялась антиправительственная демонстрация рабочих и учащихся учебных заведений города⁴⁵. Демонстрация прошла под лозунгами бойкота царских «свобод», созыва Учредительного собрания и требования полной свободы для трудящихся. В 20-х числах ноября 1905 года сильным революционным брожением была охвачена также учащаяся молодежь гор. Дербента. Еще ранее в Дербенте была распространена социал-демократами прокламация «Дербентским учащимся» с призывом предъявлять требования своему начальству. В ней говорилось: «Неужели Вы не примите участия в этом движении, неужели Вы не постараетесь освободить среднюю школу от власти бюрократов. Предъявите же требования, которые предъявила молодежь России. Итак, за дело товарищи! Но успеха можно ожидать только при полном единении...»⁴⁶. На призыв социал-демократов дербентские учащиеся ответили выработкой своих требований и прекращением занятий до тех пор, пока они не будут удовлетворены. Учащейся молодежи Дербента приходилось вести революционную борьбу с царским школьным режимом в напряженной обстановке, созданной черносотенцами города. Еще в первых числах ноября 1905 г. на дверях реального училища черносотенцами было вывешено объявление с угрозой избиения учащихся. «Республиканты, вам не нужно царя, вам мало свободы. Так мы вам покажем свободу. Выбили в других городах учащихся, не останется и в Дербенте ни одного.

⁴⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 422, оп. 1, д. 8795, л. 100.

⁴⁵ Указ. сборник документов, Махачкала, 1956, стр. 133.

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 84, оп. 2, д. 5, л. 40.

Посмотрим, кто возьмет перевес, вы..., или мы, хулиганы, как вы нас называете»⁴⁷. Несмотря на такие угрозы, учащиеся вместе со своими товарищами рабочими принимали активное участие в классовой борьбе. На собрании 22 ноября молодежь выработала требования: предоставить свободу кружков и собраний, на которых не должны присутствовать полицейские, полностью снять внешкольный полицейский надзор за учащимися, уничтожить шпионство в училище и с уважением относиться к личности учащегося. Они заявили о прекращении занятий, пока не будут удовлетворены их требования. В поддержку требований реалистов выступили ученицы 5—7 классов Дербентской женской гимназии и 25 ноября присоединились к реалистам. Начальство гимназии объявило об исключении учениц, не явившихся на занятия 29 ноября 1905 г., реалисты и гимназистки вынуждены были возобновить занятия. Вслед за дербентцами выступили со своими требованиями воспитанницы Владикавказского женского приюта. Молодые горянки-осетинки, обсудив на собрании свои нужды, 22 ноября 1905 года предъявили начальству приюта следующие требования: ввести в приюте родной осетинский язык, сократить программу изучения закона божьего, отменить учение молитв и текстов на славянском языке, организовать кружки для самообразования и т. д.⁴⁸.

Знаменательно, что горянки, задавленные адатами, обычаями и царским колониальным режимом, попадавшие в женские учебные заведения исключительно единицами, пробуждались к революционному движению и выступили в преддекабрьские дни со своими требованиями.

Массовыми протестами ответила молодежь края на расстрел революционных матросов Севастополя царизмом. Так 27 ноября в гор. Анапе состоялась мощная революционная демонстрация учащихся мореходных классов, учителей городских училищ и рабочих⁴⁹. Над демонстрантами развевался черный флаг с надписью: «Вечная память борцам за свободу, павшим севастопольцам», и красный с надписью: «Да здравствует социализм!». По словам полицейского, оратор закончил свою речь на митинге словами: «... вечная память погибшим в Севастополе, проклятие нынешнему правительству»⁵⁰.

Выступления молодежи и учащихся Северного Кавказа и Дагестана летом и осенью 1905 г. явились яркой демонстрацией роста политического самосознания молодежи, ее решимости.

47 ЦГИА Груз. ССР, ф. 422, оп. 1, д. 8794, лл. 51—51 об.

48 Указ. сборник. Документы и материалы, Орджоникидзе, 1955, стр. 111.

49 ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 3284, лл. 1—2.

50 Там же.

с оружием в руках защищать революционные интересы народа; они свидетельствовали о вовлечении широких слоев трудящихся и учащейся молодежи в революционную борьбу. Наконец, они говорили о том, что революционные лозунги большевистской партии крепко вошли в широкие массы молодежи, что деятельность социал-демократических кружков и организаций молодежи не замыкалась лишь в узких рамках чисто школьных протестов, а приобретала политический, массовый характер.

Декабрь 1905 г. в крае, как по всей России, знаменуется наивысшим подъемом революции. Всеобщая декабрьская стачка, начатая по инициативе московского пролетариата 7 декабря 1905 г., охватывала всю страну и, начиная с 8 декабря, постепенно перекинулась на Северный Кавказ и Дагестан.

В решающий для революции момент большевики края направили свою энергию на то, чтобы вытащить из-под влияния царизма крестьянскую молодежь, привлечь ее на сторону восставшего пролетариата. Из материалов, извлеченных из архивов Северо-Осетинской АССР, Ставропольского края и др., видно, что рабочие-агитаторы, студенты и учащаяся молодежь из социал-демократов, представители стачечных комитетов разъясняли крестьянской молодежи, для чего царизму нужны новобранцы. Царские власти старались завербовать в военную службу особенно горскую молодежь. Как отмечала газета «Эхо», агенты царских администраций вербовали «добровольцев» из молодых горцев насильно⁵¹. Чеченцев, например, изловили и, изолировав в отдельных вагонах, отправили в Гудермес, даже не дав попрощаться с семьями. Все это вызвало беспокойство и негодование горцев. Так, родители чечено-ингушской молодежи организовали депутацию начальнику Терской области, генералу Колюбакину с требованием возвратить их сыновей⁵².

В результате большевистской работы было много случаев, когда новобранцы отказывались участвовать в подавлении революционного движения, порою — стрелять в восставший народ. Так, полицмейстер г. Ейска доносил начальнику области о том, что «новобранцы настроены повышено, благодаря агитации и чтения революционного направления газет, замечается брожение в направлении не идти на действительную службу»⁵³. Это говорило о том, что крестьянская молодежь, одетая в солдатские шинели, начинала понимать для чего

⁵¹ Газ. «Эхо», № 10, 2 июля 1906 г., стр. 4. Большевистская газета, выходила в Петербурге со 2 июня по 7 июля 1906 г.

⁵² Там же.

⁵³ ГАКК, ф. 454, д. 3283, лл. 1—8.

царские власти призывают молодежь в армию. Получая тревожные письма от своих родителей о жестоких расправах властей над восставшими за землю и свободу крестьянами, новобранцы-крестьяне, под влиянием революционной пропаганды социал-демократии, постепенно определяли свое место в общенародной борьбе.

Революционно настроенная молодежь являлась резервом боевых дружин. Определяя боевую готовность ставропольской боевой дружины, губернатор сообщал министру внутренних дел о возможности пополнения ее в любое время, «... ибо к ней... примкнут многие добровольцы из учащейся молодежи»⁵⁴.

Как известно, в ходе революции, в октябре—декабре 1905 г. в гг. Грозном, Ставрополе, Екатеринодаре, Минеральных Водах, Пятигорске, Новороссийске, Сочи и т. д. создавались революционные боевые дружины, куда входили передовые рабочие, революционная часть молодежи. В этих дружинах молодежь прошла первую революционную боевую выучку. Участник декабрьского вооруженного восстания в Новороссийске Гольман в своих воспоминаниях писал: «Если бы кто-нибудь посмотрел тогда на картину штабной жизни, то увидел бы следующее: в одном месте начальник дружины дает приказ какому-то отряду пойти куда-то; **тут молодежь** (подчеркнуто нами — Ш. М.) обучают революционным песням и маршировке»⁵⁵.

С созданием боевых дружин черносотенцы вынуждены были ослабить свою погромную деятельность, а в большинстве городов и железнодорожных станций власть в дни всеобщей декабрьской политической стачки находилась фактически в руках штабов боевых дружин. Молодежь принимала активное участие в разоружении жандармов и полицейских, в осуществлении революционных мероприятий.

В восстании революционного народа Ростова, Новороссийска, Сочи в декабре 1905 года молодежь была активной революционной силой. Молодые рабочие, студенты, гимназисты впервые принимали непосредственное участие в вооруженной борьбе с царизмом и капитализмом; молодежь использовалась в разведывательно-революционных целях, в распространении письменной пропаганды и для обеспечения борющихся на баррикадах нужными продуктами, медикаментами, боеприпасами.

О самоотверженном служении революционной молодежи народу говорит письмо молодого человека со станции Курсав-

⁵⁴ СКГА, ф. 69, оп. 1, д. 582, лл. 110—112.

⁵⁵ Н. Янчевский. Новороссийская и Сочинская республики в 1905 г., Ростов н/Д, 1926, стр. 57.

ка, Кубанской области: «У меня есть рана и я горжусь ею... я получил ее за народ, за страждущих братьев, а за царя и волоса с головы не дам»⁵⁶. Это случайно дошедшее до нас письмо участника революции свидетельствует о том, что молодежь вступала в революционную борьбу с полным сознанием своего долга и считала кровным делом служение народу во имя светлого будущего.

* * *

Вооруженная борьба пролетариата в декабре 1905 года потерпела поражение. В конце 1905 года почти все губернии и области края были объявлены на положении чрезвычайной охраны; на территории всего края бесчинствовали специальные карательные отряды по борьбе с революцией, действовавшие с исключительной жестокостью; везде царило насилие, господствовал полный произвол. Несмотря на массовые аресты, репрессии, пролетариат не был окончательно разгромлен, он отступал с боями.

В 1906 г. характерной чертой революционного движения края является вовлечение в него новых слоев населения. Революционное движение пролетариата, трудящихся крестьян и солдат 1906 года было поддержано выступлением революционной молодежи и учащихся учебных заведений. Молодежь принимала активное участие в революционной работе социал-демократических организаций. Говоря об участии молодежи в работе Темир-Хан-Шуринской группы РСДРП, полицейский доносил 12 февраля 1906 г.: «... причастны к ней являются воспитанники названного училища (Темир-Хан-Шуринского реального училища)»⁵⁷.

Молодежь городов края, являясь одним из отрядов борющегося народа, откликалась на каждое политическое событие в крае, и к началу 1906 г. под руководством революционной социал-демократии вела последовательную политическую борьбу с царизмом. 12 февраля 1906 г., по случаю приезда депутата Государственной думы, прекратила занятия и организовала демонстрацию молодежь женской гимназии, реального и механико-технического училищ г. Майкопа⁵⁸. Забастовка в учебных заведениях продолжалась до 20-х чисел февраля и была подавлена царскими властями. Тогда же Министерство народного просвещения в ряде донесений отмечало «полный упадок школьной жизни», объясняя это «чрезвычайной

⁵⁶ СКГА, ф. 69, оп. 1, д. 532, лл. 16—16 об.

⁵⁷ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 2, л. 83.

⁵⁸ ЦГИА Груз. ССР, д. 9077, лл. 28—29 об.

распушенностью учащихся старших классов». Говоря, например, о революционном движении в г. Ейске, министерство писало наместнику: «Ученики старших классов открыто занимаются политикой и приносят с собой преступные воззвания, свободно читают их..., упражняются в стрельбе»⁵⁹ (подчеркнуто нами — М. Ш.).

Царские власти в 1906 г. принимают чрезвычайные меры к подавлению юношеского движения края. Так, в конце октября 1906 г. в здании Ставропольской мужской гимназии было вывешено объявление об исключении из нее учеников VI, VII классов реального отделения и II, VI, VII — классического отделения. В объявлении указывалось, что «те, которые не участвуют в этих нарушениях (в революционном движении молодежи — М. Ш.) или считают их неправильными, могут подавать прошение о вторичном приеме»⁶⁰. Таким маневром власти намеревались отколоть часть гимназистов от революционного движения. В период революционной убыли молодежь г. Ставрополя не была в состоянии сколько-нибудь серьезно противостоять реакционному решению педсовета гимназии. 1 ноября 1906 года на сходке гимназистов восьмых классов большинством голосов против 14 было решено предложить всем исключенным снова подать прошение о приеме⁶¹. Передовую часть молодежи стали исключать из учебных заведений за то, что она де «смела свое суждение иметь».

20 ноября 1906 года против такого произвола выступили реалисты Дербента. Они заявили, что их не удовлетворяет преподавание историка Мироновича «... так как он рабски придерживается книги и буквы», и требовали оставить ученика Ф... в школе. Не получив удовлетворительного ответа, первым восстал VI класс, к которому примкнули IV и V классы реального училища, VI и VII классы женской гимназии, V и VI отделения городского училища и старшие отделения с/хозяйственного училища⁶². Таким образом, вся учащаяся молодежь города единодушно выступила против реакционного решения педагогического совета. Царские власти, боявшиеся такого выступления юношей и девушек города, решили жестоко расправиться с бастующими. С целью устрашения восставших, педсовет училища принял решение об исключении учащихся VI класса, как организаторов забастовки, а ученикам IV и V классов был дан срок явки на занятия. Но реалисты единодушно отвергли эти требования начальства, после чего тоже были исключены из училища. Забастовка

⁵⁹ Там же, д. 17291. лл. 13, 13 об.

⁶⁰ Газ. «Ставропольский вестник», № 27, 2 ноября 1906 г., стр. 3.

⁶¹ Там же.

⁶² Указ. сборник, Махачкала, 1955, стр. 194—195.

молодежи Дербента продолжалась до второй половины декабря 1906 года.

В крестьянском движении, развернувшемся летом 1906 г., активное участие принимала также и крестьянская молодежь края, именно она являлась опорой революционных организаций в борьбе крестьян за землю. Царские власти края часто обращались к «благоразумию стариков», против чего выступали молодые крестьяне, стремящиеся захватить землю. Так, например, власти донесли из сел. Вороново-Александровское, Ставропольской губернии о невозможности прекратить крестьянское движение путем «обращения к благоразумию стариков.., так как состав сельского схода в последнее время резко изменился; почуяв свою силу, агитаторы приводят на сход местных парней, проявляющих подчас хулиганские выходы»⁶³.

Под действием революционного движения в городах и на железной дороге усиливалась и революционная борьба крестьян, особенно молодежи, за захват земель. На угрозы властей вызвать войска, молодежь отвечала, что оружие будет встречено оружием. Это говорило о том, что лозунги большевиков о вооруженной борьбе овладевали и крестьянской молодежью.

В период революции и после ее поражения социал-демократические организации края уделяли большое внимание революционному движению молодежи. Особая забота о ней проявлялась в период отступления революции, когда нужно было подбодрить молодежь уверенностью в неизбежности нового подъема революции.

В начале 1907 года Терско-Дагестанский Союз РСДРП выступил со специальной листовкой «К учащейся молодежи». Обрисовав жестокость царизма в подавлении трудящихся России, социал-демократы, обращаясь к молодежи, указывали, что «революционный народ... не остановится перед новыми жертвами. Он еще и еще поднимется, пока не водрузит знамя свободы на развалинах царизма»⁶⁴. Призывая молодежь к предстоящим новым схваткам, революционная социал-демократия ставила перед нею, в условиях поражения революции, новые задачи. «Борьбе за свободу народа должны посвятить вы свои силы... Идите же вы к этому обездоленному народу с проповедью социализма»⁶⁵. — говорилось в прокламации. С первомайской прокламацией, озаглавленной «К учащимся», в конце апреля 1907 г. выступил Ставропольский комитет

⁶³ Революционные выступления молодежи царские власти называли «хулиганскими выходками». СКГА, ф. 1008, д. 71, лл. 721—723.

⁶⁴ Партархив Ростовского н/Д обкома КПСС, ф. 12, д. 23, лл. 12, 13.

⁶⁵ Там же, л. 14.

Кавказского союза учащихся. Обращение заканчивалось лозунгами: «Да здравствует 1 Мая — праздник трудящихся, день единения рабочих! Привет вам, сомкнутые ряды рабочих»⁶⁶. Эти и другие прокламации помогли революционной молодежи правильно осмыслить создавшееся положение и с этим сообразовать свои действия.

Революционное движение молодежи Северного Кавказа и Дагестана 1907 года характеризуется значительным ослаблением молодежных выступлений. В то же время оно характеризуется вовлечением в него новых слоев молодежи, которая в период наивысшего подъема революции не принимала участия в борьбе народа с царизмом. Именно об этом свидетельствует революционное брожение среди семинаристов Ардонской духовной семинарии (Терская область). Особенностью этого выступления в условиях надвигавшейся реакции был упорный и длительный характер его. Брожение в семинарии не прекращалось с мая 1906 г. по май 1907 г. и являлось ответом на жестокие репрессии царских карателей над восставшими крестьянами Северного Кавказа. Царские власти Терской области были сильно обеспокоены дружным выступлением семинаристов и молодежи станицы Ардонской. Семинаристы отказались подчиниться решению педсовета об исключении их до будущего года. 10 мая 1907 года казаки оцепили здание семинарии и воспитанники были прогнаны под угрозой военной силы. По решению временного генерал-губернатора Терской области, пяти воспитанникам семинарии воспрещалось жительство в пределах области на время существования в ней военного положения, а за пятью был установлен строгий надзор полиции⁶⁷.

1 Мая 1907 г. темир-хан-шуринская учащаяся молодежь встретила прекращением школьных занятий⁶⁸. Инициаторами забастовки выступили ученики IV—V классов реального училища. Поводом к забастовке было сообщение о введении экзамена, которого не было в предшествующие годы. Однако, в результате давления властей на родителей забастовка потерпела поражение, и 4 мая, под угрозой закрытия училища и исключения из него бастующих, властям удалось возобновить занятия.

Таким же образом расправились царские власти с революционным ядром ставропольской молодежи. Летом 1907 года старший пансион мужской гимназии был расформирован, а активные участники молодежного революционного движения

⁶⁶ СКГА, ф. 69, оп. 1, д. 636, л. 8.

⁶⁷ Центр. госархив Северо-Осетинской АССР, ф. 24, оп. 1, д. 32, лл. 18, 18 об., 19, 21, 27, 42.

⁶⁸ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 1, д. 86, л. 34.

или исключены, или распределены по разным учебным заведениям Кавказа⁶⁹.

Революционные выступления молодежи края в этот период свидетельствовали о том, что, несмотря на жестокие полицейские репрессии, военный террор и аресты, революционные рабочие и молодежь не были сломлены. Они отступали с боями, вовлекая в свои ряды новые и новые слои из рабочей, крестьянской и учащейся молодежи, были полны решимости бороться против надвигающейся реакции!

* *
*

Революция 1905—1907 гг. в крае кончилась поражением, но тем не менее значение ее было огромно. Она привела в движение громадные слои населения, в ней революционная молодежь получила первое боевое крещение.

Революция помогла молодежи воочию убедиться в неправильности тактики мелкобуржуазных и буржуазных партий в дни борьбы народа за свободу и разобраться в том, кто является ее врагом и кто другом в борьбе с царизмом и капитализмом. Она воочию убедила в том, что господству царизма и капитализма придет конец, если решительно и дружно вступить с ними в борьбу. Поэтому революционная молодежь без особого труда встала на сторону победившего пролетариата в октябре 1917 года, а это было бы невозможно без ее участия в боях первой русской революции.

⁶⁹ СКГА, ф. 73, д. 1323, лл. 207, 207 б.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РАБОЧЕГО КЛАССА В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Формирование рабочего класса в Дагестане—одна из наиболее важных и в то же время малоизученных проблем истории нашей республики. Специальных работ, опубликованных на эту тему, нет. К сожалению, в данной, небольшой по объему, статье нет возможности охватить все вопросы темы. Остановимся на некоторых из них.

Процесс складывания постоянных кадров пролетариата в Дагестане начинается фактически с 90-х гг. прошлого века, на базе зарождавшихся в области железнодорожного транспорта и промышленности.

В 1891—1900 гг. через территорию Дагестана была проведена железная дорога (Владикавказская), соединившая Закавказье и, прежде всего, Бакинский нефтепромышленный район с Северным Кавказом и центральными районами страны. В 1913—1915 гг. была построена ветка от ст. Шамхал до Темир-Хан-Шуры (ныне г. Буйнакск). Общая протяженность железнодорожной сети в пределах Дагестана¹ составила свыше 244 верст.

Проведение железной дороги дало толчок развитию рыбной, фруктовоконсервной и винодельческой отраслям промышленности в Дагестане, продукция которых получила с этого времени широкий доступ на российский рынок. Если в 1893 г. у берегов Дагестана было выловлено всего 53 тыс. пудов сельди, то в 1910 г. — уже 4 млн. 620 тыс. пудов. Вылавливалась рыба и других видов. Дагестанской сельдью питалась значительная часть населения европейской территории страны. (Коренное население Дагестана сельдь в пищу не употребляло). В 1916 г., в период наивысшего расцвета консервной промышленности области, Дагестан дал около 300

¹ Здесь и далее Дагестан берется в дореволюционных границах, без Хасавюртовской и Кизлярской территорий. — Г. М.

тыс. пудов фруктовых консервов, что составило примерно 15 проц. всероссийского производства. Дагестан был также крупным поставщиком вина. Здесь выделялось в отдельные годы более миллиона ведер вина. Кроме того, вывозился и сырой виноград, до 150 тыс. пудов. Добывались нефть, сера, ртуть, поваренная соль.

В 1897 г. в Дагестане насчитывалось 36 в основном очень мелких предприятий полукустарного типа, с числом рабочих, как правило, от 2 до 9 и с общей производительностью на 179 534 руб. Большинство предприятий работало сезонно (19 из них были виноградоводочными)². По сути дела, лишь небольшую табачную фабрику в Петровске (ныне г. Махачкала) и такой же серный завод в Андийском округе можно было назвать промышленными предприятиями. Кроме того, в области имелось несколько рыбных промыслов.

В 1913—1914 гг. в Дагестане уже насчитывалось 170 промышленных предприятий: пять нефтяных промыслов близ ст. Берикей (т-ва «Бр. Нобель», т-ва «С. М. Шибаев и К⁰», «Каспийско-Черноморского общества» торгового дома «Бенкендорф» и фирмы «Кривенко»), Кхиутский рудник т-ва «Кавказская сера», проволочно-гвоздильный завод т-ва «Арагат», завод стальных канатов «Форбес» и нефтеперегонный завод бельгийского акционерного общества грозненского нефтяного производства «И. А. Ахвердов и К⁰» в Петровске, завод стеклянной тары бр. Мальцевых — 12 км севернее Дербента, завод жестяных изделий М. М. Мавраева в Темир-Хан-Шуре, механические ремонтные мастерские, газовый завод и льдозавод общества Владикавказской железной дороги на ст. Дербент, механические мастерские «Техник» в г. Дербенте, три электростанции (по одной в каждом городе), кинжальный завод М. Дахадаева и четыре предприятия по производству кинжальных частей в Темир-Хан-Шуре, две табачные фабрики — А. М. Михайлова и А. Мамедова, текстильная фабрика т-ва «Каспийская мануфактура» в Петровске, текстильное заведение Майзея, восемь бондарных предприятий в Петровске, два — в Дербенте и одно — близ ст. Белиджи, пять типографий -- по две в Темир-Хан-Шуре и Петровске и одна — в Дербенте, пивомыловаренный завод А. Вейнера — в Петровске, три виноградоводочных завода в Дербенте и два виноконьячных завода И. И. Воронцова-Дашкова близ ст. Мамелкала, пять кожевенных заводов в Темир-Хан-Шуре, один в Дешлагаре (ныне Сергокала) и один в Дургели, четыре моторных и паровых мельницы в Дербенте, одна в Темир-Хан-Шуре, одна в Петровске и одна в Дешлагаре. хлебпекарня

² «Обзор Дагестанской области за 1897 г.», вед. 2.

бр. Пуцеховых в Петровске, 22 фруктово-консервных предприятия (главным образом, в Темир-Хан-Шуре и Темир-Хан-Шуринском округе), сенопрессовальный завод Тер-Саркисянца в Инче, рыбохолодильник в Петровске, 68 сельдяных промыслов и 14 частиково-красноловных.

Большинство этих предприятий — рыбные промысла, фруктово-консервные, спирто-коньячные и др. — работало сезонно.

Почти все предприятия в Дагестане были небольшими, слабо оснащенными технически. Самым крупным из них была текстильная фабрика общества «Каспийская мануфактура» (правление находилось в Москве). Фабрика начала частичное производство в ноябре 1899 г., а с 1 мая 1900 г. полностью вступила в строй. Она имела прядильный и ткацкий цехи и механическую мастерскую, оснащенные новейшими машинами, полученными из Англии. В прядильном цехе было установлено 50 кардных машин и 54 прядильных ватера с 18 200 веретенами, в ткацком цехе — 528 самоткацких станков. Станки приводились в движение электроэнергией. Паровых котлов было семь (мощностью 722 л. с.). Станки ремонтной мастерской приводились в движение двумя дизель-моторами общей мощностью 12 л. с.

Работая на кавказской нефти, используя среднеазиатский хлопок, фабрика вырабатывала суровую бязь и грубый миткаль, поступавшие главным образом на иранский и дагестанский рынки. Расположение фабрики (близость к источникам сырья, топлива, а также к рынкам сбыта) увеличивало ее конкурентоспособность. Производительность фабрики в денежном выражении колебалась от 600 тыс. до 1200 тыс. руб. в год.

Сравнительно крупными были также механические ремонтные мастерские на станции Дербент и в Петровске — нефтеперегонный завод, табачная фабрика А. М. Михайлова, бондарный завод Г. Тагиева (три паровых котла), проволочно-гвоздильный завод (один паровой котел, один нефтемотор в 50 л. с.) и пивоваренный завод (два паровых котла и один дизель).

В период первой мировой войны в Дагестане развилось производство холодного оружия и выделка кожматериалов. В Темир-Хан-Шуре открылись четыре мастерские кинжалных частей, а также сравнительно крупный завод М. Дахадаева, на котором производилось холодное оружие. Развитие скотоводства и наличие местных растительных материалов для выделки кожи в условиях военной конъюнктуры привели к созданию в Темир-Хан-Шуре пяти небольших кожевенных

предприятий. Одно кожевенное предприятие было создано также в Дургели и одно в Дешлагаре (ныне — Сергокала).

Промышленность в Дагестане, таким образом, развивалась однобоко, носила колониальный характер.

Стоимость валовой продукции промышленных предприятий Дагестана накануне Великой Октябрьской социалистической революции составляла в оптово-отпускных ценах 1926/27 г. 19 149,7 тыс. руб. Удельный вес продукции промышленности в общем объеме продукции народного хозяйства Дагестана составлял в 1913 г. 20 проц. (в России — 42,1 проц.).

Вырос за эти годы и грузооборот транспорта. Если в 1902 г. с железнодорожных станций Дагестана было отправлено 15 036 тыс. пудов грузов и прибыло 5101 тыс. пудов, то в 1913 г. было отправлено 23 337,5 тыс. пудов и прибыло 22 068 тыс. пудов. В порту Петровска в 1902 г. вывоз составил 10 240 тыс. пудов и привоз 18 864 тыс. пудов, а в 1915 г., соответственно, 51 683 тыс. пудов и 19 120 тыс. пудов. Рос и грузооборот Дербентской пристани.

Значительная часть груза шла транзитом.

Тесно связанные с хозяйством страны промышленность и транспорт Дагестана испытывали на себе все перипетии развития капиталистической экономики: кризис 1900—1903 гг., военную конъюнктуру и т. д. Следует отметить, что промышленность и транспорт в Дагестане были к концу 1917 г. задеты разрухой слабее, чем в центральных районах страны, благодаря отдаленности от театров военных действий, обеспеченности топливом—нефтью и сырьем, обилию дешевой рабочей силы и, наконец, самому характеру дагестанской промышленности, не требовавшей, как правило, больших затрат и дефицитных материалов для воспроизводства.

В первые годы XX в. господствующие позиции в промышленности Дагестана занимал русский капитал. Самое крупное предприятие— текстильная фабрика — принадлежала русским предпринимателям — Решетникову и др. Астраханский купец К. Воробьев владел рыбными промыслами в Петровских водах — от полуострова Уч до реки Инчхе, а также механизированным бондарным заводом и рыбохолодильником в Петровск-Кавказском (ныне Махачкала 1-я), просуществовавшими недолго. А. М. Михайлов имел табачную фабрику, крупную мельницу в Петровске. Многочисленные русские предприниматели владели рыбными промыслами от р. Инчхе до Азербайджана, бондарными заведениями в районе Петровска и др. Постепенно стало все более ощущаться влияние сначала иностранного, затем азербайджанского и местного капиталов. В нефтяной промышленности Дагестана ведущее место заняла

известная компания «Бр. Нобель», к добыче киновари к 1917 г. протянул свои щупальцы американский капитал, текстильная фабрика «Каспийская мануфактура» перешла в 1911 г. в руки немца Кнопа, проволоочно-канатная фабрика и нефтеперегонный завод в Петровске принадлежали: первая — англичанину Перси Кларку, второй — обществу «И. А. Ахвердов и К^о» с бельгийским капиталом.

Накануне первой мировой войны начинается активное внедрение в экономику Дагестана азербайджанского капитала. Бакинский капиталист Г. Тагиев с 1913 г. взял в аренду промысла Петровских вод. Он построил в Петровске механизированный бондарный завод и рыбохолодильник. В 1914 г. к нему перешла текстильная фабрика «Каспийская мануфактура». Дагестанский национальный капитал, оставаясь еще слабым, все же заметно рос и шел в основном в производство холодного оружия, кожтоваров и фруктовых консервов, — отрасли, наиболее знакомые дагестанцам и не требовавшие, как правило, больших капиталовложений.

Процесс централизации капитала в Дагестане был заметным. Так, если в 1903 г. в области было 79 рыбных промыслов и 52 арендатора, то в 1914 г. — 68 промыслов и всего 8 арендаторов (6 — в Дербентских водах, Петровские воды арендовал Тагиев, Терекемейские и Кюринские, образовавшееся в Дагестане, — акционерное общество «Рыбак»).

Развитие промышленности и транспорта в Дагестане способствовало росту городов и городского населения. В 1897 г. последнее составляло 5,2 проц. к общему числу населения области, а в 1913 г. — уже 11,1 проц.

Из приведенного выше видно, что хотя в Дагестане, благодаря вовлечению его в русло общероссийской экономики, и шло развитие национальных предприятий, решающим фактором в создании капиталистической промышленности и транспорта было привнесение капитала извне.

Одновременно с развитием промышленности и транспорта в Дагестане складывался рабочий класс. Он формировался из отходников — разорившихся крестьян, кустарей и ремесленников как местных, так и пришлых из России и Ирана, а также рабочих, завербованных в русских губерниях.

Кучке частных владельцев, в основном бекам, составлявшим 0,7 проц. населения Дагестанской области, а также царской казне принадлежало около трети сельскохозяйственной площади, причем лучшей по качеству, в то время, как крестьянству, составлявшему 92 проц. населения, принадлежало немногим более двух третей. После 1913 г. в Дагестане на каждую помещичью душу приходилось в среднем около 74 десятин земли, а на крестьянскую — 1,6 дес.

Всемерно поддерживая феодальное землевладение в Дагестане, царские власти продолжали захватывать у сельских обществ и обращать в казну земли, леса и рыбные ловли. Казенные земли сдавались в аренду крупными участками по 100—3000 дес., что было на руку только богачам: помещикам, кулакам, купцам. Эти арендаторы дробили участки на мелкие и сдавали их в субаренду рядовой крестьянской массе за цену, порой в десять превышавшей казенную³.

Крестьянство области задыхалось под тяжестью непосильного налогового бремени (государственная оброчная подать, государственный поземельный налог, земский сбор, воинский налог — взамен отбывания воинской повинности), а также казенных повинностей: дорожной, гужевой, квартирной. До реформы 1913 г. примерно 70 тыс. крестьян (по данным 1908 г.), что составляло более 11 проц. всего крестьянского населения области, являлись феодально-зависимыми и несли в пользу беков разнообразные повинности. В то же время они несли и повинности в пользу казны. После освобождения реформой 1913 г. зависимого населения от повинностей, оно должно было выплатить бекам 302 309 руб.

Больших размеров достигали косвенные налоги, ложившиеся на плечи народных масс. В 1913 г., например, акцизные сборы в Дагестане (питейный, табачный и нефтяной) составили 734 046 руб. 74 коп.⁴

Среди дагестанского крестьянства шло расслоение: на одном полюсе выделялась зажиточная верхушка — кулачество, на другой — масса обезземеленных и лишенных овец крестьян. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции примерно 87 проц. крестьянских хозяйств в Дагестане либо вовсе не имели пашни, либо имели ее не более одной десятины. В то же время 3,2 проц. хозяйств сосредоточивали в своих руках 21,7 проц. всей крестьянской пашни. 81 проц. хозяйств был безовечным, а 2,9 проц. сосредоточивали у себя 58,7 проц. всего поголовья овец. В то время как 78 проц. крестьян были безлошадными, у 2 проц. сосредоточивалось 22 проц. конского поголовья⁵.

В условиях разорения народных масс в области быстро росли недоимки. К 1 янв. 1895 г. недоимки населения, состоявшего в ведении военно-«народного» управления, т. е. коренного

³ См. И. И. Воронцов-Дашков. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Тифлис, 1907, стр. 59—60; ЦГА ДАССР, ф. 7, оп. 1, д. 4, л. 31; д. 7, лл. 11—13.

⁴ «Обзор Дагестанской области за 1913 год», стр. 30.

⁵ Г. Османов. Аграрные отношения в Дагестане накануне Великой Октябрьской социалистической революции (1900—1917 гг.). Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2159, стр. 58.

местного населения, составляли 24 тыс. руб., а к 1 января 1910 г. недоимки в области составляли около 495 тыс. руб., в том числе в сельской местности — св. 432 тыс. руб.⁶

Не имея возможности обеспечить себя за счет сельского хозяйства, значительная часть дагестанского крестьянства занималась кустарными промыслами. Кустарная промышленность по выделке самых разнообразных орудий труда и предметов народного потребления была распространена в Дагестане повсеместно и достигала значительного развития, поставляя почти все необходимое для обеспечения ближайших потребностей горца. Высокое искусство дагестанских кустарей способствовало сбыту их изделий.

К 80-м годам изделия дагестанских кустарей распространялись далеко за пределами Дагестана — в Терской и Кубанской областях, в Ставропольской губернии, среди ногайцев и калмыков, а также в Закавказье. Дагестанские кустарные изделия успешно конкурировали не только с изделиями других народов, населявших Северный Кавказ, но даже и с некоторыми фабричными изделиями⁷. Горцы Дагестана славились производством тонкого и обычного сукна, бурок, прекрасного войлока, ковров, готовых изделий из сукна, производством холста, оружия, металлическими и другими изделиями.

В кустарной промышленности Дагестана, в отличие от других местностей Северного Кавказа, применялся (и довольно широко) наемный труд, значительная часть сырья приобреталась на рынке, наблюдалась развитая порайонная и поаульская специализация. Дагестан был единственной областью на Северном Кавказе, поставлявшей кустарей-отходников.⁸

В конце XIX — начале XX вв., в связи с проведением железной дороги по западнокаспийскому побережью и строительством в Дагестане текстильной фабрики, бондарных, гвоздильного и других заводов, некоторые виды кустарных изделий стали вытесняться фабрично-заводскими изделиями как привозными, так и местными. В городах области широкое распространение получили сукна, выделявавшиеся московскими фабриками по образцу местного⁹. Пало и производство шелковых тканей, но кустарное производство ковров, сумахов, бурок и др., наоборот, получило толчок для своего развития из-за отсутствия конкуренции со стороны фабрично-

⁶ Памятная книжка Дагестанской области на 1895 год, стр. 131; «Обзор Дагестанской области за 1909 г.», табл. 11.

⁷ О. В. М а р г г р а ф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882, стр. XVI и 13.

⁸ Там же, стр. XXXIV—XXXV.

⁹ «Обзор Дагестанской области за 1913 год», стр. 21.

заводского производства и улучшения возможностей сбыта, в связи с ростом экономических связей. Существование кустарных промыслов поддерживалось и такими факторами, как бездорожье, традиции и проч., препятствовавшими проникновению фабрично-заводских товаров в горы¹⁰. Кроме того, отдельные виды местной кустарной продукции, например, шерстяная пряжа, оставались лучшими по качеству, чем фабрично-заводские¹¹.

подавляющую массу дагестанских кустарей составляли женщины, занятые, главным образом, в суконном, ковровом, трикотажном, бурочно-войлочном и гончарном производстве.

Подчинение мелкого кустарного производства предпринимателям-скупщикам, происходившим чаще всего из среды самих кустарей, разбогатевших на эксплуатации рядовых производителей, приводило к превращению мелких промыслов в домашнюю систему крупного производства. В Дагестане была широко распространена раздаточная форма мануфактуры. Наряду с ней существовала и органическая форма мануфактуры. В суконном, ковровом, трикотажном и бурочном промыслах преобладало мелко-товарное производство и капиталистическая работа на дому. В ювелирном же промысле имело место применение наемных рабочих, работавших под одной крышей¹².

Разорение кустарей и ремесленников в Дагестане в связи с конкуренцией фабрично-заводской промышленности можно проиллюстрировать данными, приводимыми в официальных ежегодных «Обзорах Дагестанской области». Хотя «Обзоры» с начала XX века — времени обострения политической обстановки в области — дают данные лишь о мастерах, умалчивая о наиболее эксплуатируемой части кустарей и ремесленников-подмастерьях, учениках и «работниках», тем не менее даже эти данные показательны. Вплоть до 1913 г. в Дагестане шел почти непрерывно рост числа кустарей. В 1897 г. мастеров и подмастерьев насчитывалось 13 056, и в 1913 г. — только мастеров — 30 426. В то же время численность ремесленников (мастеров) в городах, где фабрично-заводская продукция сбывалась гораздо быстрее, чем в сельской местности, с 1903 по 1912 год в целом не росла (2587 чел. в 1903 г., 1893 чел. в 1907 г., 2478 чел. в 1912 г.).

Какое же количество людей было занято непосредственно в кустарном производстве Дагестана? В 90-е годы, когда еще

¹⁰ «Обзор Дагестанской области за 1913 год», стр. 21.

¹¹ «Отчет о деятельности Кавказского кустарного комитета в 1911 году». Тифлис, 1912, стр. 40—41.

¹² См. И. Р. Нахшунув. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Даггиз, 1956, стр. 94—95.

публиковались отрывочные данные о численности учеников, подмастерьев и «работников», положение было следующим: в городах, где эксплуатация среди ремесленников была развита сильнее, чем в сельской местности, их общая численность равнялась примерно двум третям численности мастеров. Например, в 1891 г. в городах области насчитывалось 666 ремесленников-мастеров, 213 подмастерьев и 207 «работников», в 1892 г. — 678 ремесленников-мастеров, 191 подмастерье и 246 «работников». В сельской местности удельный вес учеников и «работников» в кустарном производстве был гораздо меньшим. Так, в округах Дагестана (за исключением Гунибского, Кайтаго-Табасаранского и Кюринского, по которым данные об учениках и «работниках» в «Обзоре» не приводятся) насчитывались в 1892 г. 4182 кустаря, 1191 ученик и 299 «работников».

Следует отметить также, что в процессе эволюции кустарного производства в Дагестане сокращался удельный вес учеников и рос удельный вес прослойки «работников», т. е. наиболее эксплуатируемой части лиц, занятых в кустарном производстве.

В последние годы перед Октябрьской революцией общая численность лиц, непосредственно занятых в кустарном производстве, вряд ли вдвое превышала численность мастеров и доходила в 1913 г. до 50 тыс. чел., а в 1915 г. и до 40 тыс. Поэтому представляется совершенно неверной цифра, определяющая количество дагестанских кустарей в 1915 г. в 130—132,5 тыс. чел., цифра, которая имеет хождение в местных справочниках и научных изданиях¹³. Неверны и данные о численности лиц, занятых в отдельных отраслях кустарного производства, приводимые в этих работах, а, следовательно, и связанные с этими данными социально-экономические выводы.

За несколько лет до Октябрьской революции, когда конкуренция со стороны фабрично-заводской промышленности значительно усилилась, наблюдается падение численности мастеров кустарного производства сначала в городах (в 1912 г. — 2478 чел., в 1913 г. — 2213, в 1914 г. — 2032, в 1915 г. — 1655), а затем в округах (в 1913 г. в области в целом было 30 426 мастеров, в 1914 г. — 27 611, в 1915 г. — 22 980). За 1912—1915 гг. число ремесленников-мастеров в городах уменьшилось, следовательно, сразу на одну треть. По области в целом численность мастеров за 1913—1915 гг. сократилась на 18 проц.

¹³ См. Дагестанская промышленность за пять лет, стр. 182. И. Р. Нахунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России, стр. 84; Очерки истории Дагестана, т. I, 1957, стр. 253 и др.

Таким образом, конкуренция фабрично-заводской промышленности разоряла сначала городских ремесленников. В горах конкуренция чувствовалась слабее, благодаря специфичности продукции сельских кустарей (ковры, сумахи, бурки и др.) и другим, перечисленным выше причинам. Разорение мастеров приводило и к потере работы учениками, подмастерьями и «работниками».

В целом, с 1913 по 1915 год число лиц, занятых непосредственно в кустарном производстве Дагестана, сократилось примерно на 10 тыс. чел.

Рассмотрим изменения, происшедшие в конце XIX—начале XX вв. в численности отдельных отрядов кустарей и ремесленников.

В период первой мировой войны, в связи с созданием в Дагестане предприятий холодного оружия, работающих на армию, и завозом в область русского огнестрельного оружия, число кустарей-оружейников (мастеров) сократилось со 174 в 1903 г. до 21 в 1915 г. Численность кустарей-кожевников (мастеров) по аналогичным причинам сократилась с 442 в 1899 г. до 269 в 1915 г. Численность кустарей-бондарей (мастеров), русских по национальности, работающих главным образом в Петровске и Дербенте, вначале, в связи с бурным развитием рыбной промышленности Дагестана, высоким спросом на бочкотару и недостаточным удовлетворением этого спроса со стороны бондарных предприятий, росла (1897 г. — 14 чел., 1899 г. — 152 чел., 1902 г. — 444 чел.). Но затем, по мере разворота деятельности бондарной промышленности, строительства новых бондарных предприятий, численность этих кустарей стала в целом постепенно падать (1904 г. — 306 чел., а 1906 г. — 274 чел., 1908 г. — 179 чел., 1911 г. — 134 чел., 1915 г. — 170 чел.).

Что касается мастеров-ткачей сукон и ткачей паласов и ковров, то их численность росла. Это можно проиллюстрировать следующей таблицей:

Г о д ы	Численность мастеров ткачей сукон	Численность мастеров ткачей паласов и ковров
1899	2706	1176
1903	2760	1688
1906	3418	1961
1908	3843	2144
1911	5026	2736
1915	5174	2896

Таким образом, в 1915 г. 35 проц. всех мастеров-кустарей в Дагестане составляли ткачи сукон, паласов и ковров.

Как отмечала официальная статистика, кустарными промыслами в Дагестане «занимается как мужское, так и женское население, не исключая малолетних»¹⁴. Женщины занимались изготовлением изделий из шерсти, выделкой глиняной посуды, мужчины — ювелирным, кузнечно-слесарным, лудильным и др. промыслом.

В подавляющем большинстве своем кустари были кореными дагестанцами.

Заработки кустарей различных специальностей были различными. Но бесспорно, что ежегодные доходы кустарей имели тенденцию к уменьшению. В 1896 г., например, в среднем на одного кустика Гунибского округа приходилось 50,5 руб. дохода, в 1898 г. — 48 руб., в 1906 г. — уже 19 руб.¹⁵. Если учесть к тому же, что львиная доля этих денег уходила скупщикам, а также падение покупательной способности рубля, то картина ухудшения положения кустарей станет еще более ясной.

Наличие значительной прослойки кустарей и ремесленников в Дагестане было важным фактором в национально-освободительном движении. В. И. Ленин указывал, что «... успех рабочего движения зависит... не только от числа фабричных рабочих, а и от числа ... кустарей!»¹⁶.

Сельское хозяйство и кустарные промыслы не могли прокормить значительную массу сельского населения Дагестана. Отсюда — большой размах отхода горцев на заработки в другие местности.

Отходничество в Дагестане росло. Это видно из следующей таблицы¹⁷.

Годы	Количество коренного сельского населения (в тыс. чел.)	Число отходников (в тыс. чел.)	В % к числу коренного сельского населения
1896	573,5	41,5	7
1903	590,6	63,6	10,7
1907	596	84	14
1915	640	80	12,5 ¹⁸

Учитывая, что на заработки уходили, как правило, мужчины, что подавляющее большинство кустарей составляли жен-

¹⁴ «Обзор Дагестанской области за 1898 год», стр. 82.

¹⁵ Расчеты произведены на основе данных «Обзоров Дагестанской области» за соответствующие годы.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 299.

¹⁷ Выведена на основе сведений «Обзоров Дагестанской области» за соответствующие годы.

¹⁸ Сокращение отходничества объясняется условиями военного времени. — Г. М.

щины и что среди кустарей-отходников преобладали лудильщики и лица, занимавшиеся слесарно-кузнечным ремеслом, следует, очевидно, сделать вывод, что кустарей среди отходников было немного. Подавляющую массу отходников составляли крестьяне, не связанные с кустарными промыслами.

Отходники шли на плоскость — на полевые сельскохозяйственные работы и в дербентские виноградники, нанимались на дагестанские рыбные промысла, на промышленные предприятия Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры, на нефтяные промысла в Баку и Грозный и т. д. Развитию отходничества способствовали промышленный подъем 90-х годов и строительство в Дагестане железной дороги и промышленных предприятий.

Как изменялся состав рабочего класса Дагестана в результате развития транспорта и промышленности?

По данным переписи 1897 года¹⁹, недостаточно полной из-за несовершенной статистики, в Дагестане насчитывалось до 1,3—1,4 тыс. рабочих — в промышленном производстве и на транспорте. Из них в горной промышленности было занято 59 рабочих (57 мужчин и 2 женщины), на железной дороге — 212 (210 мужчин и 2 женщины), в водном сообщении — 192 мужчины, в рыболовстве — 213 человек (37 женщин, 194 мужчины, в том числе — 5 мальчиков до 15 лет), в переноске тяжестей (дрягили, крючники и др.) — 120 мужчин, в строительных и ремонтных работах — 356 мужчин, в том числе 8 мальчиков — до 15 лет, в производстве табачных изделий — 46 мужчин (в том числе, 6 мальчиков до 15 лет). Следует отметить, что в число рабочих в материалах переписи ошибочно включены и ремесленники. Кроме того, рабочих-поденщиков, чернорабочих и прислуги было — 6986 чел. (5797 мужчин и 1269 женщин, в том числе до 15 лет — 258 мальчиков и 160 девочек) и сельскохозяйственного пролетариата — 5159 (4853 мужчины и 306 женщин, в том числе до 15 лет — 584 мальчика и 53 девочки)²⁰.

Всего наемных работников физического труда — рабочих различных отраслей народного хозяйства в Дагестане числилось 14 521 чел. Из них мужчин было 12 928 (89 проц.) и жен-

¹⁹ Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., т. 1, табл. 1 стр. 4, 5, 8, 13, 16, 17, 20, 24, 25, 28, 29, 32, 33, 37, 40, 41, 44, 49, 56, 61, 65, 68, 69, 73, 76, 77, 80, 84, 85, 88, 92, 93 и табл. III, стр. 5, 8, 9.

²⁰ В сведения о сельскохозяйственном пролетариате нами не включены данные о рабочих, занятых в рыболовстве, фигурирующие в этом разделе источника. В то время рыбный промысел находился в ведении министерства земледелия и государственных имуществ. Фактически рыбаки являлись представителями промышленного пролетариата, к каковым они мною отнесены. — Г. М.

щин — 1772 (11 проц.), в том числе детей до 15 лет обоего пола — 567 (1,85 проц.).

Наиболее тяжелые отрасли труда: горная промышленность, кожевенное, бондарное и другие обеспечивались, в основном, мужской наемной рабочей силой. Женщины батрачили в небольшом числе в земледелии, в небольшом числе же были заняты в рыболовстве, работали в качестве домашней прислуги, поденными работницами. В то время как во всей стране в горной промышленности, различных видах обрабатывающей промышленности, на транспорте, строительных работах и в торговых предприятиях было занято 86,1 проц. мужчин и 13,9 проц. женщин, в Дагестане в этих отраслях экономики было занято 96 проц. мужчин и 4 проц. женщин.

Труд детей в Дагестане применялся: мальчиков — в производстве металлоизделий, изготовлении одежды, в торговле, на поденной и в домашней работе, в земледелии и животноводстве; девочек — больше всего в домашней работе. В целом, в горной и обрабатывающей промышленности, на строительных работах, транспорте и в торговле страны было занято, в среднем, детей до 15 лет — 7,3 проц. от общего числа рабочих, а в Дагестане — 5 проц.

Из 14 521 рабочего в Дагестане пришлых, т. е. прибывших в область извне, было всего 1063 чел. 942 мужчины и 28 женщин прибыли из других губерний России (железнодорожники и частично — рыбаки) и 93 мужчины «из других государств»²¹ (видимо, отходники из Ирана)²². В промышленности и на транспорте рабочие из местного населения составляли едва 8 проц., из русского 84,5 проц., из иранцев и проч. — 7,5 проц.

Необходимо отметить, что перепись населения производилась в зимнее время, когда в различных отраслях экономики (рыбная, горная промышленность, сельхозработы и др.) число рабочих значительно сокращалось.

Таковым было положение на заре, по сути дела, формирования рабочего класса в Дагестане. Впоследствии, в связи с развитием железнодорожного транспорта, рыбной и обрабатывающей промышленности области, картина резко меняется. Значительно выросло число рабочих, как постоянных, так и сезонных, появилась значительная прослойка дагестанцев, а также иранцев. Если в 1897 г. в Дагестане, по нашим подсчетам, было едва 1,3—1,4 тыс. постоянных промышленных и транспортных рабочих, то ко времени Октябрьской революции в промышленности и на транспорте было до 10 тыс. посто-

²¹ «Численность и состав рабочих...», стр. XVI.

²² Начиная с 1896 г., Иран стал массами поставлять отходников на Кавказ. Это были в основном иранские азербайджанцы.

янных и до 21 тыс. сезонных рабочих, в том числе: на железной дороге — до 2,6 тыс. постоянных²³ и 400 временных²⁴; Петровский порт и Дербентская пристань — до 1,6 тыс. чел., в основном постоянных; рыбная промышленность — до 1500 постоянных²⁵ и до 16 тыс. сезонных; бондарная промышленность — 120—200 постоянных и до 800 сезонных, фруктово-консервная и винодельческая промышленность — 1—1,5 тыс. сезонных, текстильная промышленность — до 450—500, в основном постоянных, оружейная промышленность — до 600 постоянных, горнодобывающая промышленность — до 150 постоянных и до 300—350 сезонных; кожевенная промышленность — 50—80 постоянных, металлообрабатывающая промышленность — в среднем 60 постоянных, прочие предприятия (типографии, мельницы, предприятия стройматериалов и проч.) — до 350 постоянных; строительные и ремонтные рабочие, грузчики и проч. в городах — до 1,2—1,5 тыс. чел. (в основном постоянные).

Следует оговориться, что из-за неполноты и противоречивости статистических сведений приведенные данные могут быть лишь примерными.

Значительно выросло количество рабочей прислуги в учреждениях, торговле, усадьбах и т. д., а также рабочих в сельском хозяйстве.

Около половины постоянных и сезонных рабочих в промышленности и на транспорте Дагестана составляли русские рабочие (все постоянные рабочие железной дороги, все бондари, две трети рабочих текстильной фабрики, половина рыбаков и др.), более трети — дагестанцы (сезонные — на железной дороге, треть текстильщиков, до трети — в рыбной промышленности, оружейники, кожевники, горняки, рабочие фруктово-консервной и виноградоводочной промышленности), остальные иранцы (около четверти рабочих рыбной промышленности, все грузчики в Петровском порту и на Дербентской пристани, чернорабочие в городах). Таким образом, ко времени Великой Октябрьской социалистической революции в Дагестане сложился немногочисленный отряд рабочего класса с небольшой местнонациональной прослойкой.

Широкое применение на капиталистических предприятиях находил женский и детский труд, как более дешевый. Так, в именном списке рабочих фабрики «Каспийская мануфактура» охватывающем период с 3 января 1911 г. до марта 1914 г.,

²³ Вместе со служащими — около 3400, считая по 13,67 номинальной штатной единицы на версту пути.

²⁴ По 1,7 номинальной рабочей единицы на версту пути.

²⁵ Плотники, кузнецы и др.

значится 274 подростка в возрасте от 9 до 16 лет²⁶, хотя закон запрещал использование на производстве детей моложе 12 лет.

Женщин здесь (в основном — русских) было до половины от общего числа рабочих. (На 1-е января 1916 г. из 418 членов больничной кассы фабрики было 226 женщин и 192 мужчины).

В 1911 г. на сельдяных промыслах Петровских, Терекемейских и Кюринских вод работала 1131 женщина, что составляло 11,8 проц. от общего числа рабочих этих промыслов.

Там же работало 326 детей (3 проц. от общего числа рабочих этих промыслов).

Большинство женщин и детей, занятых в промышленности и на транспорте, были русскими. Среди рабочих-дагестанцев женщин и детей было очень немного. Среди рабочих-иранцев женщин и детей, как правило, не было.

Самым крупным отрядом постоянных рабочих Дагестана были железнодорожники. Поскольку работа на железной дороге требовала, как правило, технической грамотности и квалификации, рабочий коллектив комплектовался из русских рабочих, получивших технические знания и производственный опыт на других участках Владикавказской железной дороги или на других дорогах страны, или просто обладающих минимумом общей грамотности на русском языке. На второстепенные работы лишь изредка брали дагестанцев. В 1916 г., например, в условиях нехватки рабочих рук (в связи с войной) в депо ст. Петровск-Кавказский из 318 чел. было всего 7 дагестанцев. При этом дагестанцы занимали лишь поденно-штатные и поденные должности. Штатными работниками были лишь русские²⁷. Зато дагестанцы (мужчины) широко использовались на строительных, ремонтных и восстановительных работах. В декабре 1905 года, например, на очистке полотна железной дороги от снега на отрезке Петровск — Гудермес работало до 1 тыс. временных рабочих, главным образом кумыков²⁸.

Что касается морского транспорта, то команды немногих судов, приписанных к порту Петровска, были укомплектованы тоже русскими. Из квалифицированных русских рабочих комплектовались и ремонтные бригады²⁹. Работы по погрузке и выгрузке в порту производились, в основном, рабочими-иранцами, которых насчитывалось до тысячи человек.

Следует отметить, что данные официальной статистики по

²⁶ См. ЦГА ДАССР, ф. 26, оп. 2, д. 2.

²⁷ См. ЦГА ДАССР, ф. 83, оп. 4, д. 2, лл. 103—113.

²⁸ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1390, лл. 23—24.

²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 138, оп. 1, д. 34, лл. 64—65.

этому вопросу являются неполными. Они не учитывают ряд мелких предприятий, работающих в горных районах Дагестана. (В 1916 г., например, только в одном Аварском округе насчитывалось 178 рабочих фруктово-консервных заводов, аварцев по национальности)³⁰. Не учитывались и рабочие на подсобных работах.

Коллектив текстильной фабрики «Каспийская мануфактура» комплектовался прежде всего из квалифицированных русских рабочих, приглашаемых из центральных районов страны. Однако, несмотря на более высокие заработки по сравнению с центральными районами, а также оплату проезда в Дагестан и обратно, русские рабочие не особенно охотно приезжали на фабрику. Климатические условия Дагестана, особенно свирепствовавшая в те годы малярия, не давали ужиться здесь многим пришлым рабочим. Постепенно значительную часть рабочих фабрики (в различные годы от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$) составляли представители местных народностей, главным образом, кумыки из селений Тарки, Кяхулай, Кумторкала и других, многие из которых еще не оторвались от сельского хозяйства. Они работали на подсобных работах, а также в прядильном цехе, в меньшем количестве — в ткацком цехе (где требовалась более квалифицированная рабочая сила) и лишь единицы из них — в механическом отделе — на наиболее сложном участке. Участки работы, требующие большой квалификации, даже в условиях мобилизации на войну многих русских рабочих, были заняты русскими. Так, в 1916 году из 42 мастеровых и рабочих механического отдела фабрики (работники механической мастерской, паровой и котельной, масленщики, по ремонту и др.) 34 человека были русскими и только 8 — дагестанцами³¹.

Текстильная фабрика была важной базой подготовки квалифицированных рабочих кадров из дагестанцев. Число рабочих на фабрике ежегодно менялось (от 380 до 1200).

Кадры рабочих горнодобывающей промышленности, в основном очень текучие, сезонные, комплектовались, как правило, из дагестанцев-мужчин, ибо кустарная добыча полезных ископаемых была издревле знакома местным жителям. Только в добыче нефти использовались и русские рабочие.

В нефтяной промышленности было занято от 10 до 280 чел. ежегодно, на добыче и обогащении серы — от 25 до 120 чел., на добыче киновари — 13—38 рабочих (в 1896 г. работало 4004 сезонных рабочих), на добыче соли — от нескольких десятков до несколько сот сезонных рабочих (в 1902 г. —

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 27, л. 214.

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 26, оп. 2, д. 15, лл. 1—3.

1373, в 1908 г. — 1057 чел.). Следует отметить, что только добыча нефти и соли производилась ежегодно, добыча серы и киновари производилась лишь в отдельные годы.

Коллектив рабочих рыбной промышленности был многонациональным. Наиболее квалифицированную часть — русских рабочих — предприниматели набирали на время путины в Саратовской, Ставропольской, Астраханской, Самарской и др. губерниях, оплачивая расходы по доставке их на промысла и обратно (по железной дороге и водой). Дагестанцы нанимались на месте. Иранцы доставлялись партиями из Персии.

В 1912 г., например, количество и состав сезонных рабочих сельдяных промыслов Дагестана был следующим:

Название вод	Русские	Дагестанцы	Иранцы
Петровские	654 ч. (28,8 ⁰ / ₀)	1103 (49,5 ⁰ / ₀)	487 (21,7 ⁰ / ₀)
Терекемейские	3474 ч. (44,6 ⁰ / ₀)	1994 (25,7 ⁰ / ₀)	2316 (29,7 ⁰ / ₀)
Дербентские	1848 ч. (44,6 ⁰ / ₀)	1496 (36,2 ⁰ / ₀)	794 (19,2 ⁰ / ₀)
Кюринские	1674 ч. (100 ⁰ / ₀)	—	—

Всего рабочих было 15 931 чел., из них русских — 7641 чел. (48,3 проц.), дагестанцев — 4593 чел. (29,0 проц.) и иранцев 3597 чел. (22,7 проц.). Помимо рабочих сельдяных промыслов, в Дагестане, как указано выше, были рыбаки на краснолове.

Рабочие на каждом сельдяном промысле делились на две категории: неводных и собственно промысловых. Среди промысловых рабочих самые квалифицированные — неводчики, солильщики, бондари и пекари были обязательно русскими, если даже все остальные рабочие были дагестанцы и иранцы. Русскими, за немногим исключением, являлись и лабазные рабочие. Женщины (работали в лабазах и убирали сельдь) были все русскими и притом исключительно из Астраханской губернии. Если на промысле имелись тачечники, то они обязательно были русскими, причем только из Саратовской губернии. Таскальщиками были иранцы, редко дагестанцы³².

Среди неводных рабочих, если основная масса лямочников были иранцами, то весельщиками при них были русские или дагестанцы — кумыки, лезгины, аварцы или ногайцы. Были неводные комплекты при лямочниках дагестанцах (кумыки, аварцы, лезгины), армянах и грузинах, а также состоявшие целиком из русских рабочих.

На подавляющем большинстве промыслов уборка сельди, т. е. высыпание просоленной рыбы из чанов, отмывка, сортировка и укладка ее в соответствующую тару производилась

³² Материалы к познанию русского рыболовства, т. III, вып. 4, стр 120—121.

русскими рабочими, в среднем по 12—15 мужчин и 30—35 женщин на чан. На некоторых промыслах, исключительно мусульманских, уборку сельди производили горские евреи, составлявшие для этой цели артель в 20—30 взрослых мужчин и мальчиков. За процессом уборки сельди, особенно за сортировкой ее, следил специальный уборщик, по национальности европейский еврей из западных губерний России (европейским евреям принадлежали и методы сортировки и укладки сельди, применявшиеся на промыслах).

Таким образом, мы наблюдаем в рыбной промышленности дореволюционного Дагестана своеобразное разделение труда по национальностям, в основном, в зависимости от производительных навыков.

Следует отметить, что дагестанские рыбные промысла были лучше обеспечены квалифицированной рабочей силой и что участие коренного местного населения в рыбной промышленности здесь было более значительным, чем на других промыслах западно-каспийского побережья. В 1912 году из 39, примерно тысяч рабочих на промыслах Западного Каспия 45 проц. (17 600 чел.) составляли русские, 19 проц. (7300) — коренное местное население и 36 проц. (14 000) — иранцы. Среди же отряда рабочих сельдяных промыслов Дагестана наиболее квалифицированных рабочих — русских — было, как уже отмечалось ранее, 48,3 проц., т. е. выше среднего уровня, наименее квалифицированной силы — иранцев — 22,7 проц., т. е. ниже среднего уровня, и коренного местного населения 29 проц., т. е. намного выше среднего уровня для коренного местного населения по западнокаспийскому побережью. Высокая степень участия дагестанцев в рыбной промышленности подчеркивается еще и тем обстоятельством, что из 7300 рабочих — представителей коренного восточнокавказского населения, работавших на сельдяных промыслах всего Западного Каспия, 63 проц. составляли дагестанцы и только 37 проц., — азербайджанцы и азербайджанские лезгины³³.

В процессе централизации капитала в рыбной промышленности, о котором говорилось выше, шла и концентрация рабочих на все более крупных промыслах. Это видно из следующей таблицы³⁴:

³³ Расчеты произведены на основе данных «Материалов к познанию русского рыболовства», т. III, вып. 4, стр. 120, 129.

³⁴ Составлена на основе данных «Обзора Дагестанской области за 1903 год», стр. 75—77 и данных, приведенных в «Материалах к познанию русского рыболовства», т. III, вып. 4, стр. 116.

Среднее число рабочих на один промысел

Воды	1903 год	1913 год
Терекемейские	96,5	300
Дербентские	25—35	258
Кюринские	149,4	335

Если на хорошо оборудованных Белиджинских промыслах в среднем на один промысел приходилось 335 рабочих (наивысшая цифра по всему западнокаспийскому побережью), то на северной части Апшерона работало в среднем около 100 рабочих на одном промысле, а на промыслах южнее — даже 81 рабочий в среднем на промысел³⁵. Таким образом, степень концентрации рабочих на дагестанских рыбных промыслах была очень велика (за исключением Петровских вод).

От размаха лова рыбы зависела не только численность рабочих рыбной промышленности, но и число бондарей, производивших тару для рыбы и рыбных продуктов. Кадры рабочих бондарных заведений в Дагестане комплектовались из рабочих и отходников — крестьян из центральных губерний России — Рязанской (главным образом), а также приволжских — Саратовской, Астраханской и др. У русских рабочих и крестьян были навыки в приготовлении бондарной посуды, ибо бочкотара различной емкости широко употреблялась в русских губерниях, в то время, как коренным населением Дагестана вырабатывалась и использовалась другая тара, не подходившая для засолки, хранения и перевозки на дальнее расстояние рыбы и рыбных продуктов. Поэтому для развертывания бондарного производства и использовались кадры русских рабочих и кустарей, обладающих необходимой квалификацией.

Большой спрос на рабочую силу в бондарных заведениях Дагестана в связи с обильными уловами рыбы привлекал сюда массы русских бондарей, полностью обеспечивающих нужды бондарного производства. С этими рабочими не могли конкурировать местные отходники. Даже чаще всего сезонный и спешный характер бондарного производства, тесно связанного с путинным рыбным промыслом и зависящего от него, стремление предпринимателей к скорейшей оборачиваемости оборотных средств, дороговизна привозимого издалека сырья (древесина липового дерева) препятствовали исполь-

³⁵ Подсчитано по данным «Материалов к познанию русского рыболовства», т. III, вып. 4, стр. 119.

зованию в процессе производства не имеющей необходимой квалификации рабочей силы из местных народностей.

В бондарных заведениях работали только взрослые мужчины. Женщин и детей, как не имеющих соответствующих навыков, к производственному процессу не привлекали, несмотря на дешевизну их рук. Предприниматели делили бондарей по квалификации на три категории, с различной оплатой их труда.

Большинство бондарей были либо холостыми, либо имели семьи и хозяйства в России. До 1905 г. бондари получали паспорта в деревне³⁶. После окончания летнего сезона работы с его производственной горячкой многие бондари возвращались на родину к своим семьям. На следующий сезон приезжало много новых бондарей. Кроме того, многие бондари ежегодно перемещались из Астрахани в Дагестан и обратно, ибо рыбный сезон и, следовательно, сезон производства бочкотары в Дагестане начинался раньше, чем в Астрахани. Таким образом, состав рабочих бондарных заведений области был в значительной степени текучим.

Часть же бондарей обосновалась в Дагестане вместе с семьями. Некоторые из них, основав свое хозяйство, занимались кустарным производством бондарной посуды. Такие кустари получали материал от хозяев бондарных заведений с условием сдачи последним готовой посуды. Появлению в Петровске прослойки постоянных русских рабочих-бондарей, пользующихся нередко частными квартирами, способствовало также наличие здесь довольно значительного русского населения, у которого снимались эти квартиры.

Текучесть состава рабочих бондарных заведений усилилась в годы первой мировой войны. Бондарей призывали в армию, но на их место прибывали массы рабочих из России, избегавших мобилизации на войну, ибо в отличие от других районов России на Кавказе в первое время войны не брали в армию ратников ополчения второго разряда³⁷. Но в 1916 г. такая мобилизация уже стала производиться. Власти мобилизовывали прежде всего передовых и наиболее культурных рабочих для обезглавливания рабочего движения.

Важной отраслью обрабатывающей промышленности в Дагестане, как указывалось выше, была фруктово-овощно-консервная и виноградоводочная промышленность. Работа

³⁶ М. Косицын. Революционное движение среди рабочих бондарной промышленности Дагестана накануне Октябрьской революции, «Очерки истории Дагестана», т. I, 1950, стр. 385.

³⁷ Там же, стр. 393.

была сезонной. Как правило, рабочие этой отрасли промышленности были дагестанцами; в зависимости от места расположения предприятий работали: в Темир-Хан-Шуринском округе — кумыки и аварцы, в Аварском округе — аварцы, в Даргинском — даргинцы, в южных округах — лезгины, в Дербенте — горские евреи, азербайджанцы и лезгины. Работали на этих предприятиях и русские рабочие, особенно в Дербенте, Петровске и Темир-Хан-Шуре, куда на сезон изготовления консервов приезжали рабочие даже из других городов, особенно из Ростова-на-Дону.

На других предприятиях Дагестана — кожевенных, оружейных и пр., работали дагестанцы-мужчины (среди кожевников преобладали горские евреи). Вековые навыки в изготовлении кожевенных изделий и холодного оружия сделали из дагестанцев первоклассных мастеров в этих областях производства.

Рабочие — строители и ремонтники строили жилые дома и служебные помещения Владикавказской железной дороги, проводили телеграфные линии, шоссе, возводили промышленные предприятия, занимались ремонтными работами и пр. Количество их постоянно колебалось, причем в значительных размерах, в зависимости от спроса; из-за отсутствия полных данных оно не поддается точному учету. Состав этих рабочих был разнонациональным.

Значительные массы рабочих использовались на строительстве железной дороги в 90-е гг. Старый железнодорожник П. Афанасьев, приехавший в Дербент в 1896 г., рассказывает в своих воспоминаниях, что в этом году в Дербенте и близ него на строительстве депо, железнодорожных служб, жилых домов при станции и др. трудилось до полуторы тысячи рабочих. Среди этих рабочих были представители различных национальностей, в том числе коренные местные жители.

В 1897—1900 гг. на строительстве крупнейшего промышленного предприятия области — текстильной фабрики — было занято несколько сот рабочих. Сложные работы, требующие квалификации, например, монтаж оборудования, производились силами мастеровых, доставленных из центральных промышленных районов.

Несколько тысяч дагестанцев работало в других местностях Кавказа.

Дагестанцы, приезжавшие в Баку в поисках заработка, главным образом из Самурского и Кюринского округов, поступали на работу в нефтедобывающую промышленность, занимались на подрядное бурение, на механические заводы и в мастерские, на нефтеперегонные заводы. Часть из них, работая в течение нескольких лет подряд, приобретала специаль-

ности, квалификацию. В 1905 г. рабочих-дагестанцев в Баку насчитывалось до 3,5 тыс. чел. В 1910 г. (по данным на 1-е сентября) в бакинской нефтяной промышленности дагестанцев-«лезгин»³⁸, согласно языку тогдашней статистики, насчитывалось 2850 чел. (все входили в число постоянных рабочих). Дагестанцы составляли 8,2 проц. всех постоянных рабочих и служащих бакинского нефтепромышленного района. Из общего числа рабочих-дагестанцев 2279 чел. были заняты в нефтедобывании, 437 — в подрядном бурении, 67 — на механических заводах и в мастерских, 67 — на нефтеперегонных заводах. К общему числу рабочих всех национальностей они составляли: в нефтедобывании — 9,4^{0/0}, в подрядном бурении — 8,3^{0/0}, на механических заводах и в мастерских — 3,1^{0/0}, на нефтеперегонных заводах — 2,1^{0/0}.

Все рабочие по квалификации делились на мастеровых, рабочих и чернорабочих. Из общего числа дагестанцев в административных управлениях и конторах работало 2,8^{0/0}, мастеровых было 8,6^{0/0}, рабочих — 45,4^{0/0}, чернорабочих — 21,6^{0/0}, аrobщиков, караульщиков и др. — 21,6^{0/0}³⁹.

В следующем, 1911 г. дагестанцев-мастеровых насчитывалось уже 9,6^{0/0} (всего дагестанцев было 2636)⁴⁰.

В 1915 году в Бакинском нефтепромышленном районе работало 11,4^{0/0} «лезгин», что составляло 5266 чел.⁴¹ (почти все рабочие). Из этого числа не более 25—30^{0/0} проживало в Баку с семьями и детьми. Хотя все рабочие считались постоянными, многие из них не порывали связи с родными аулами и возвращались периодически на родину.

В Грозненском нефтепромышленном районе дагестанцы работали преимущественно на предприятиях общества «И. А. Ахвердов и К⁰»⁴² (здесь насчитывалось около тысячи дагестанцев, главным образом жителей селений Темир-Хан-Шурина, Даргинского и Кюринского округов Дагестана)⁴³.

Почему такое большое количество дагестанцев-отходников (из числа уходящих в промышленный отход) работало в Баку, а также направлялось в другие промышленные центры страны, в то время как в самом Дагестане рабочие коллек-

³⁸ Сюда же входили в небольшом числе и лезгины Кубы и Кусаров.

³⁹ «Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1910 год», т. I, отд. III, стр. 89, 92, 93, 94.

⁴⁰ См. «Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1911 год», т. I, ч. I-я, стр. 105, 109, 110.

⁴¹ См. «Обзор Бакинской нефтяной промышленности за 1915 год». Баку, 1916, стр. 95—97.

⁴² С. Сулейманов. Незабываемые дни. Сб. воспоминаний «Борьба за власть Советов в Дагестане», стр. 30.

⁴³ Л. Н. Колосов. Нефтяная промышленность и пролетариат Грозного в годы первой мировой войны и бурж. дем. революции 1917 года. «Известия Чеч.-Инг. респ. краев. музея». Вып. 9, 1957, стр. 164.

тивы целого ряда отраслей промышленности и транспорта — железной дороги, морского транспорта, обрабатывающей и рыбной промышленности, в том числе сезонники — состояли в основном из русских рабочих?

Выше уже говорилось о том, что комплектование предприятий промышленности и транспорта в Дагестане рабочей силой производилось в первую очередь за счет рабочих, обладавших определенной квалификацией. Представителей же местных национальностей брали на второстепенные работы, не требующие особых навыков, производственного опыта. По мере накопления этого опыта некоторые из дагестанцев выходили в разряд квалифицированных рабочих, там, где требовалась общая грамотность (например, на текстильной, табачной фабриках и др.). Но таких работ было немного.

Лучше обстояло дело в тех отраслях промышленности, где дагестанцы имели уже большой производственный навык, накопленный в кустарных промыслах: в фруктово-консервной, кожевенной и оружейной промышленности. Здесь не только работали, в большинстве, дагестанцы, но среди них была большая, к сожалению не уточненная, прослойка высококвалифицированных специалистов.

Наконец, в горной промышленности в основном работали дагестанцы. И это понятно, ибо, во-первых, горный промысел был издревле знаком местному населению, употребляющему полезные ископаемые для собственных нужд, во-вторых, работа в горнозаводской промышленности в Дагестане являлась наиболее тяжелой, сравнительно со всеми другими отраслями промышленности и транспорта и не привлекала отходников из других краев, в-третьих, языковая и религиозная среда в сельской местности была ближе отходникам из коренного населения.

Естественно поэтому, что еще в годы, когда обрабатывающая и рыбная отрасли промышленности в Дагестане только зарождались (до середины 90-х гг.), многие дагестанцы шли на заработки в бакинский нефтепромышленный центр. Здесь они находили не только хороший заработок в связи с острой нехваткой рабочих рук в те годы, но и имели возможность пользоваться жилыми помещениями местного населения. (Для пришлых русских рабочих жилищный вопрос был более острым, в связи с имевшими тогда место сильными религиозными пережитками⁴⁴. Предприниматели же, вкладывая капиталы в производство, строить квартиры не спешили). В результате многолетней работы в Баку значительная часть

⁴⁴ П. Петрович. Рабочие Бакинского нефтепромышленного района. Тифлис, 1911, стр. 9.

дагестанских отходников получала горнозаводские специальности, становилась квалифицированной прослойкой рабочего класса.

Бакинский нефтепромышленный район (а также Грозненский) служил, таким образом, важной базой подготовки квалифицированных рабочих кадров из дагестанцев. В конце 1917— начале 1918 гг. все они, за исключением немногих, вернулись на родину. (В 1921 г. в Баку оставалось лишь 320 «лезгин», т. е. дагестанцев, — 0,9 проц. всех рабочих Баку)⁴⁵. В годы Советской власти часть дагестанцев, ставших квалифицированными рабочими на предприятиях Баку и Грозного, влилась в рабочий класс Дагестана.

Подготовка квалифицированных рабочих Дагестана, как на предприятиях области, так и вне ее, шла, в основном, стихийно, путем накопления рабочими производственного опыта. Единственная форма более или менее организованной подготовки рабочих на самих предприятиях — ученичество — была развита слабо.

Лучше дело обстояло в тех отраслях промышленности, куда рабочая сила поступала из вчерашних кустарных мастерских, например, на оружейных, кожевенных и некоторых других предприятиях, тем более, что характер производства на этих предприятиях мало чем отличался от кустарного.

Положение рабочих Дагестана было очень тяжелым. Предприниматели обходили даже те куцые фабричные законы, которые существовали в царской России. При найме, например, на железную дорогу учитывалась прежде всего политическая «благонадежность». Рабочие должны были давать подписку о непринадлежности к запрещенным союзам и другим организациям. Жандармы вели слежку за рабочими. За невыполнение указаний начальства рабочие и служащие железной дороги подвергались даже арестам⁴⁶. Дела о самовольном оставлении службы рассматривались жандармерией⁴⁷.

Во всех отраслях промышленности и транспорта был широко распространен ручной труд. Вручную производились погрузка и разгрузка морских судов и железнодорожных составов, забивка свай, ремонт подвижного состава, бурение на нефть, дробление руды и обогащение ее, добыча соли и другие тяжелые работы. Охрана труда практически отсутствовала, фабричная и горная инспекция, а также местные власти

⁴⁵ См. С. М. Лисицкий. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР, стр. 220—221. Воспоминания С. Сулейманова «Независимые дни» в сб. «Борьба за власть Советов в Дагестане», стр. 30.

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 83, оп. 4, д. 3, л. 20.

⁴⁷ Там же, д. 2, л. 204.

поддерживали предпринимателей. На соляных промыслах, например, рабочим не выдавали спецодежду и соль разъедала кожу ног и рук, нанося значительный ущерб здоровью. Отсюда — большая текучесть рабочих на добыче соли. Из-за плохой охраны труда имели место несчастные случаи на нефтяных промыслах. В рыбной промышленности напряженная ночная работа при свете мазутных светильников часто приводила к ожогам рабочих горящим мазутом. Рыбаки калечились и водилами воротов для вытягивания неводов. На железной дороге из-за плохого надзора за условиями труда отмечались частые несчастные случаи. В 1904 г., например, на Владикавказской дороге пострадало одних лишь железнодорожников 309 человек, из них было убито 206 и ранено 103 ⁴⁸.

Рабочий день на предприятиях Дагестана был различным. На текстильной фабрике работали 10,5 часов ⁴⁹, а рыбаки — до 18 часов, оставляя на сон лишь 4—5 часов. На железной дороге были широко распространены сверхурочные работы. Так, только за восемь месяцев 1915 г. мастеровые и рабочие депо Петровск-Кавказского отработали 56 255 часов сверхурочно ⁵⁰.

Женщины и дети в тех отраслях труда, где они принимали участие, работали наравне со взрослыми мужчинами, получая меньшую заработную плату.

Рабочие задыхались под бременем штрафов, налагающихся порой по самым пустяковым поводам. Крайне острым был жилищный вопрос. Предприниматели и власти не заботились об удовлетворении и элементарных культурных запросов рабочих. Но самым тяжелым было положение с здравоохранением. В рассматриваемый период в Дагестане, особенно в приморской полосе, где как раз и были расположены промышленные и транспортные предприятия, свирепствовала малярия. При проведении железной дороги через южный Дагестан больных малярией среди рабочих насчитывалось до 90 проц. Строительные работы срывались. В 1902 г. на дагестанском отрезке Владикавказской железной дороги на 13 667 рабочих и служащих с членами их семей было учтено 17 273 заболевания малярией ⁵¹.

Из-за заболевания рабочих малярией срывались нефтероботы в районе Берикей—Каякент ⁵² и на других предприятиях.

⁴⁸ См. отчет правления общества Владикавказской железной дороги за 1904 год.

⁴⁹ Дагестанская промышленность за пять лет, стр. 32.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 83, оп. 4, д. 2, л. 7.

⁵¹ «Обзор Дагестанской области за 1903 год», стр. 8.

⁵² Архив Даг. геологической конторы, ф. инж. Нахибашева, кн. 1, стр. 154.

В то же время местные власти и предприниматели не принимали достаточных мер к борьбе с малярией⁵³. Лечение в немногих лечебницах не было доступно рабочим, ибо больничная койка обходилась больному от 1 до 2,5 руб. в сутки⁵⁴ (при заработной плате в среднем от 20 до 80 коп. в день).

Наиболее тяжелым было положение рабочих-иранцев.

Газета «Бакинские известия» в корреспонденции из Петровска весной 1905 г. сообщала о том, что амбалы в порту работают в сутки 16—18 часов, живут в настоящих клоаках с земляным полом и без света. Из-за промышленного кризиса и передачи арестантам всех работ массы грузчиков остались без работы. «Пока у них водились кое-какая одежонка и вещицы, они кормились, а потом все проели, появилась масса людей больных, голодных, почти раздетых; положение их ужасное, приютиться им решительно негде; больниц у нас нет, если не считать породию на нее — больницу благотворительного общества на десять человек, и остается умирать под забором». И это в то время, когда в городе ожидалась эпидемия холеры».

Национальная дискриминация рабочих в промышленности и на транспорте Дагестана⁵⁵ с особой силой проявлялась на рыбных промыслах. Русские рабочие, исполнявшие обязанности солильщиков, неводчиков, пекарей и бондарей, принимались на работу поодиночке и получали в месяц: неводчики — 20—40 руб., бондари — 25—40, пекари — 18—20, причем на большинстве промыслов — на своем содержании (за исключением рыбы), а солильщики (исключительно из Мурума) получали 70—200 руб. за сезон (2—2,5 месяца) и дополнительно 2—3 руб. с каждого чана засоленной сельди — в среднем 150 руб. на путину. Комплектные и лабазные русские рабочие нанимались артелями за плату от 17 руб. 50 коп. до 22 руб. в месяц на хозяйском содержании; тачечники также нанимались артелью, но плату получали уже с чана (от 7 до 15 руб.), обычно на хозяйском содержании. Женщины нанимались при посредстве подрядчицы и получали 10—12 руб. в месяц на хозяйском содержании.

Наем русских рабочих в общем производился на таких же условиях, как и на астраханских рыбных промыслах.

Значительно отличались от этих условий условия найма рабочих-дагестанцев и, особенно, иранцев. И дагестанцы и иранцы нанимались через подрядчиков. Но в отличие от иранцев, дагестанцы нанимались небольшими группами и подряд-

⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 32, оп. 1, д. 8, л. 100.

⁵⁴ Отчет правления общества Владикавказской железной дороги за 1904 год. Разд. «Содержание врачебной части», стр. 19.

⁵⁵ См. Г. И. Милованов. Формирование рабочего класса в Дагестане. Рукопись 1957 г. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2405.

чик в своей группе являлся обычно старшим рабочим: в комплексе весельщиков он был кормщиком, в комплексе лямочников — тамадой (т. е. старшим) и т. д.; обычно эти подрядчики были односельчанами подряженных ими рабочих. Рабочие-дагестанцы, по свидетельству В. И. Мейснера, не были совершенно неграмотными и забитыми, в отличие от иранцев, и они не находились в такой кабале у подрядчика, как рабочие-иранцы. Дагестанцы получали заработную плату меньшую, чем русские рабочие, но большую, чем рабочие-иранцы: лямочники — 16—17 руб., весельщики и бахильщики — 18—20 руб., кормщики — 20—25 руб. в месяц — на хозяйском содержании.

Наем иранцев, «положение которых, — по словам В. И. Мейснера, — производит в громадном большинстве случаев удручающее впечатление»⁵⁶, осуществлялся следующим образом. Месяца за два до начала путины рыбопромышленники приезжали в Баку или Петровск и заключали контракт с одним из собравшихся туда к этому времени подрядчиков на поставку необходимого количества рабочих-иранцев. По договору рыбопромышленники имели дело только с самим подрядчиком, целым рядом пунктов оговаривались безостановочность и успешность работы. Подрядчик (обычно иранец, армянин или азербайджанец) получал за каждого доставленного на промысел рабочего по 1—2 руб. маклерских, затем в уплату жалования каждому рабочему 11—15 руб. в месяц, продовольствие. Расчет (за исключением задатка в размере 3—5 руб. на человека) он получал после окончания путины и сам производил расчет с рабочими, всячески обманывая их при этом. Так, взявшись доставить рабочих за 11—15 руб. зарплаты в месяц каждому, подрядчик нанимал их (в Энзели, Астара или другом месте) на худших условиях за 5—9 руб. в месяц, кладя солидную разницу в карман. Но даже договорившись с рабочими о нищенской оплате, подрядчик выдавал ее не полностью, всячески обжуливая их при расчете. Учитывая, что обратный проезд рабочий-иранец оплачивал сам, получается, что за сезон он зарабатывал всего несколько рублей.

Из текста контрактов капиталистов с подрядчиками на наем рабочих-дагестанцев видно, что эти рабочие не могли рассчитывать на обеспечение работой даже в течение короткой путины. Когда улов сельди шел неудачно, предприниматели имели право прекращать работы и увольнять рыбаков без дополнительной компенсации за досрочное прекращение обычного периода найма. В случае же удачного хода лова ры-

⁵⁶ Материалы к познанию русского рыболовства, т. III, вып. 4, стр. 122.

баки должны были надрывать силы на третьем заходе за грошовую дополнительную плату (15 руб. на ватагу), что при средней численности ватаги в 250 чел. составляло всего 6 коп. на рабочего.

Рабочие не только обязывались работать спешно, но и должны были при этом сортировать рыбу. Хотя на Каспии общепринятым был чан в 750 и даже 700 пудов⁵⁷, при учете затраты труда рыбаков-дагестанцев принимался чан в 875 пудов, т. е. на 125 пудов более⁵⁸.

На промыслах, особенно Петровских вод, где рабочих-дагестанцев было относительно больше, чем рабочих русских и иранцев, временные помещения на тонях были в большинстве случаев абсолютно непригодными для хотя бы временного пребывания на них людей.

Тем не менее, договор требовал беспрекословного подчинения рабочих в случае переброски их на любую тony.

Ярким примером дискриминации рабочих-дагестанцев (как и других рабочих-мусульман) было запрещение празднования религиозных праздников, в то время как русские рабочие и другие «христиане» отмечали пасху. Это не только задевало религиозные чувства верующих рабочих, но и не давало им возможности пользоваться отдыхом. С другой стороны, напряженный труд в путину, совпадающий с месяцем Рамазана, в течение которого в дневное время от утренней зари до вечернего заката верующим запрещается принимать пищу и пить, еще более губительно отражался на организмах рабочих.

Предприниматели стремились заполучить наиболее сильных и выносливых физически рабочих. Оплачивая труд рабочих моложе 19 и старше 40 лет в половинном размере, они выигрывали на заработной плате, и без того низкой на рыбных промыслах. Заболевших рабочих безжалостно гнали с работы, их заменяли другими, ибо рабочей силы было в избытке. В договорах предприниматели отводили от себя ответственность за несчастные случаи, бывшие нередкостью на промыслах из-за полного пренебрежения охраной труда.

Рабочие, стиснутые жестокими рамками трудовых соглашений, находились полностью во власти предпринимателей и подрядчиков. Кратковременный сезонный и напряженный характер работы, полная поддержка предпринимателей со стороны царских властей, недостаток опыта борьбы и наличие большой резервной армии труда мешали рабочим улучшить

⁵⁷ См. проф. Н. М. Книпович. Гидрологические исследования в Каспийском море в 1914—1915 гг. «Труды Каспийской экспедиции 1914—1915 гг.», т. I, стр. 782.

⁵⁸ «Материалы к познанию русского рыболовства», т. III, вып. 4, стр. 18.

свое положение. Они не имели права даже покинуть промысел, ибо у них отбирались виды на жительство. Любого из рабочих распорядители в наказание за «непослушание» могли объявить нерадиво относящимся к работе, ленивым и оплачивать его труд половинной ценой.

Следует отметить, что рыбопромышленники различными уловками очень часто заставляли рабочих работать сверх того, что было обусловлено по договору.

Еще более тяжелым было положение рабочих-иранцев. Если русские рабочие-рыбники получали оплату за проезд из России и обратно, то иранцы возвращались на родину за свой счет. Если русские рыбаки получали расчет в конторе, дагестанцы — частично у подрядчика, частично в конторе (например, за перетаскивание сельди), то с рабочими-иранцами расчеты производились только через подрядчика. И это — помимо дискриминационных мер, применявшихся к верующим иранцам, как и к верующим дагестанцам в области религии. Незнание языка, боязнь высылки в Персию административным путем, забитость — все это делало рабочих-иранцев предметом бескрайнего произвола подрядчиков, предпринимателей и властей.

Национальная дискриминация на рыбных промыслах проявлялась и в различном уровне заработной платы рабочих различных национальностей за одну и ту же работу. Так основная масса рыбаков — лямочники-рабочие, занятые тягой невода, получали: русские (мужчины) — 17 руб. 50 коп. — 22 руб.; дагестанцы — 16—17 руб.; иранцы — 5—9 руб.

Февральская буржуазно-демократическая революция, осуществленная рабочим классом России в союзе с крестьянством, принесла рабочим Дагестана некоторое улучшение их положения. Несмотря на противодействие эсеро-меньшевистского руководства Совета рабочих и солдатских депутатов, рабочие в Петровске стали явочным порядком вводить 8-часовой рабочий день. Сдельная оплата труда была заменена штатной оплатой. Бондари были освобождены от вспомогательной работы, жилищные условия были также улучшены⁵⁹. Был введен рабочий контроль, пресекавший саботаж со стороны предпринимателей.

Несколько улучшилось и положение рабочих фабрики «Каспийская мануфактура» в этот период. Возьмем для примера прядильный цех, где работали наименее квалифицированные рабочие. В январе 1917 г., т. е. перед второй буржуаз-

⁵⁹ М. Косицын. Революционное движение среди рабочих бондарной промышленности Дагестана накануне Октябрьской революции. «Очерки истории Дагестана», т. I, 1950, стр. 399, 401.

но-демократической революцией в цехе работало из мужчин — 14 русских рабочих и 48 дагестанцев. Если русский рабочий в среднем получал на руки около 27 руб. в месяц, то рабочий-дагестанец получал около 14 руб., т. е. вдвое меньше⁶⁰. Самые высокооплачиваемые должности в цехе — все три должности подмастера, обе должности приемщика пряжи и другие были заняты русскими.

После Февральской революции рабочие Петровска добились увеличения заработной платы в два раза. Однако, пойдя на многочисленные ухищрения и уловки, благодаря разным видам вычетов из заработной платы, капиталисты стали выплачивать лишь немногим больше. Приведем данные по тому же прядильному цеху.

В январе 1917 г. в цехе работало 166 человек. Заработная плата учтена 164 рабочим. Общий фонд заработной платы (номинально) составил 4022 руб., т. е. 24,5 руб. на человека. На руки после вычетов было выдано 2175 руб. В среднем на работника было выдано около 13,3 руб.⁶¹.

В августе того же года в цехе работало 153 чел., 152-м из них зарплата была учтена. Было начислено номинально 8082 руб., т. е. 53 руб. на человека — вдвое больше, чем в январе. Однако, на руки было выдано лишь 2689 руб., т. е. всего на 514 руб. больше, чем в январе. В среднем на одного работника было выдано 17,7 руб., т. е. на 4,4 руб. больше, чем в январе. Таким образом, если сумма выданных на руки денег в январе была немногим более половины номинально начисленной, то в августе на руки выдавали лишь третью часть зарплаты.

После свершения Февральской революции в оплате рабочих различных национальностей в Дагестане наблюдается тенденция к выравниванию, хотя оплата труда рабочих-дагестанцев еще отставала от оплаты труда русских рабочих. В среднем русский рабочий (мужчина) в августе 1917 г. получал на руки 23 руб., дагестанец — 19,2⁶². Рабочим-дагестанцам удалось несколько улучшить свое положение. Оплата же труда русских рабочих, несмотря на значительный рост номинальной заработной платы, даже несколько уменьшилась.

Хотя в оплате труда большое значение имели квалификация, объем и качество произведенной работы, сам быстрый процесс выравнивания зарплаты рабочих-дагестанцев по срав-

⁶⁰ Расчеты произведены на основе ведомостей выдачи заработной платы: ЦГА ДАССР, ф. 26, оп. 2, д. 19, лл. 1—7.

⁶¹ Расчеты произведены на основе ведомостей выдачи зарплаты: ЦГА ДАССР, ф. 26, оп. 2, д. 19, лл. 1—7.

⁶² Расчеты произведены на основе ведомостей выдачи заработной платы: ЦГА ДАССР, ф. 26, оп. 2, д. 19, л. 59.

нению с зарплатой русских рабочих после Февральской революции говорит о том, что национальная дискриминация в рассматриваемый период имела место.

В прядильном цехе фабрики «Каспийская мануфактура» каждая работница (все работницы цеха, за исключением единиц, были русскими), зарплата которой учтена в ведомости, в январе 1917 г. получила в среднем на руки 11,8 руб., а в августе 15,3 руб. Труд женщин, таким образом, оплачивался в январе ниже труда русских рабочих в 2,3 раза. После Февральской революции женщинам удалось добиться некоторого увеличения оплаты труда. Работница стала получать в среднем уже 61,2 проц. от зарплаты русского рабочего.

Как видим, женский труд оплачивался ниже труда рабочих-дагестанцев⁶³.

Особенно тяжелым было положение т. наз. «запасных» рабочих. Они получали мизерные суммы на руки в качестве заработной платы. Так в январе 1917 г. в цехе насчитывалось 24 запасных рабочих, получивших на руки 210 руб. 95 коп., т. е. в среднем 8 руб. 75 коп. на одного человека. При крайней дороговизне на предметы первой необходимости подобного заработка не хватало для полуголодного существования. Почти столь же трудным было положение запасных и в августе 1917 года.

Таким образом, положение рабочих в Дагестане было чрезвычайно тяжелым. Жестокие условия труда, продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, полное пренебрежение со стороны предпринимателей и властей вопросами культурного обслуживания рабочих и здравоохранения, все это, при отставании роста цен на предметы массового потребления, периодической безработицы, а также национальной дискриминации, толкало рабочий класс на борьбу. И хотя рабочим временами удавалось в результате напряженной борьбы несколько улучшить свое положение, полное освобождение от эксплуатации и угнетения принесла пролетариату Дагестана только Великая Октябрьская социалистическая революция.

⁶³ Там же, лл. 59—65.

БОРЬБА ЗА ЛИКВИДАЦИЮ НЕГРАМОТНОСТИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА В ГОДЫ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928—1940 гг.)

Ликвидация унаследованной от помещичье-буржуазного строя массовой неграмотности населения являлась одной из важнейших задач Коммунистической партии и Советского государства в области народного просвещения в первые годы культурного строительства. Без ликвидации неграмотности невозможно было поднять на высокий уровень общую культуру рабоче-крестьянских масс, просветить их политически и воспитать сознательными и активными строителями новой жизни. На исключительное значение ликвидации неграмотности для победы социализма неоднократно указывал В. И. Ленин. Выступая на II Всероссийском съезде политпросветов с докладом «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» (17 октября 1921 г.) В. И. Ленин говорил: «... пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предвзвешенности, но не политика»¹. В речи на III съезде комсомола, 2 октября 1920 года В. И. Ленин прямо указывал, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя и призывал Коммунистический Союз Молодежи активно включиться в борьбу с этим тяжелым наследием эксплуататорского строя.

Ликвидация неграмотности была не только одной из важных и первоочередных, но и трудных для осуществления задач в условиях экономической разрухи и крайнего недостатка

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 55.

кадров культурных работников. А ликвидировать неграмотность в целом по стране предстояло более чем у 70% населения в возрасте старше 9 лет. Еще труднее было решить эту задачу в бывших колониальных окраинах царизма, где грамотность населения была особенно низкой. В Дагестане грамотность населения, по данным первой Всероссийской переписи 1897 года, составляла 9,2%. Но и значительная часть грамотных не могла воспользоваться своим умением читать, так как светская литература на местных языках до революции в Дагестане почти не издавалась. Грамотных же на русском языке насчитывалось всего 13 236 человек, или 2,5% от общего количества населения Дагестанской области. Особенно низкой была грамотность сельского населения. В Самурском округе, например, общая грамотность населения составляла 1,9%, а в Кюринском — всего 1,2%. Женское население было почти поголовно неграмотно. Так, в Самурском округе, по данным переписи 1897 года, насчитывалось всего 32 грамотных женщины, что составляло 0,15% от общего количества населения округа, в Кюринском округе 51, или 0,13% и в Андийском округе 369, или 1,47%. Общая грамотность женского населения области равнялась 2,5%, в том числе в сельской местности — 1,74%.

Разоблачая реакционную политику царского правительства в области просвещения, В. И. Ленин в статье «К вопросу о политике Министерства Народного просвещения» (июнь 1913 года) писал: «Четыре пятых молодого поколения осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России. Этому отуплению народа помещичью властью соответствует безграмотность в России»². В еще худшем положении находились колониальные окраины, по отношению к которым царизм проводил политику национального угнетения и руссификации. В Дагестане до революции в светских школах из каждой тысячи жителей обучалось менее 10 человек. Более 95% детей школьного возраста было лишено возможности учиться в светских школах, а в сельской местности — более 98% детей указанного возраста.

С первых же лет существования Советской власти Коммунистическая партия, наряду с борьбой за восстановление разрушенного хозяйства и созданием основ социалистической экономики, последовательно осуществляет мероприятия по преодолению культурной отсталости России. Вопросы культурной революции занимали важное место в ленинском плане социалистического строительства. В статье «О кооперации» (январь 1923 г.) В. И. Ленин писал: «Для нас достаточно те-

² В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 115.

перь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»³.

Ликвидация массовой неграмотности являлась необходимым предварительным условием осуществления культурной революции. Поэтому Коммунистическая партия с первых же дней социалистического строительства мобилизует все возможные материальные средства и кадры культурных работников для быстрого развития грамотности взрослого населения. Даже в трудные годы восстановления разрушенного иностранной военной интервенцией и гражданской войной народного хозяйства Коммунистическая партия считала возможным экономить во многом другом, ради развития народной грамотности. Именно к этому времени относится указание В. И. Ленина о том, что «... в пролетарско-крестьянском государстве много и много еще можно сэкономить и должно сэкономить для развития народной грамотности ценою закрытия всяких — либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись при том состоянии народной грамотности, о которой говорит статистика»⁴.

Начало массовой и организованной работы по ликвидации неграмотности населения в стране положил декрет Советского правительства от 26 декабря 1919 года «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В этом историческом документе, подписанном В. И. Лениным, говорилось:

«В целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны, Совет Народных Комиссаров постановил: 1. Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте, на родном или русском языке, по желанию»⁵.

Для непосредственного руководства делом борьбы с неграмотностью, по инициативе В. И. Ленина, в июле 1920 года была создана Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Такие комиссии были созданы также на местах.

В соответствии с декретом о ликвидации неграмотности

³ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 435.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 424.

⁵ «Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917—1947 гг.», вып. 2-й, АПН РСФСР, М.-Л., 1947, стр. 118.

еще в условиях гражданской войны была начата большая работа по обучению взрослого населения. В стране быстро возникла сеть пунктов ликвидации неграмотности и школ для малограмотных.

Такая работа с первых же месяцев после окончательного установления Советской власти развернулась и в Дагестане. Первые ликпункты и школы для обучения взрослых в Дагестане были созданы весной 1920 года. В мае этого года внешкольный подотдел Темир-Хан-Шурина⁶ отдела народного образования открыл 2 школы грамоты⁷. Вслед за Темир-Хан-Шурой школы для взрослых организуются и в других городах, а также в округах Дагестана. К осени 1920 года в г. Дербенте в таких школах обучалось 237 взрослых. В Кюринском округе к началу января 1921 года было открыто 35 вечерних курсов по ликвидации безграмотности, в которых обучалось более 1000 человек⁸.

В августе 1921 года декретом Дагревкома в составе Наркомпроса ДАССР было учреждено Главное управление политико-просветительной работы, а при нем — Дагестанская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. В комиссию входили представители от Дагревкома, Главполитпросвета, Рабоче-крестьянской инспекции, Дагсовета профессиональных союзов и обкома комсомола. Вслед за республиканской комиссией чрезвычайные комиссии по борьбе с неграмотностью были созданы и в округах. На эти комиссии возлагалось руководство всей работой по обучению грамоте населения на местах⁹.

Ликпункты и школы грамоты, открывавшиеся органами Советской власти, встречали горячее одобрение и материальную поддержку со стороны трудового населения. Этим трудящиеся горцы выражали свое стремление стать сознательными и культурными участниками строительства новой жизни.

В отчете заведующего внешкольным подотделом Гунибского окружного отдела народного образования от 27 июня 1920 года сообщалось о желании населения открывать школы грамоты в аулах¹⁰. О том, что такие школы пользуются успехом среди населения, сообщал работник, проверявший состояние народного образования в Казикумухском округе¹¹.

Тормозом к широкому развитию сети ликпунктов и школ

⁶ Темир-Хан-Шура — ныне Буйнакск.

⁷ Г. Ш. К а й м а р а з о в. Культурное строительство в Дагестане. Махачкала, 1960, стр. 46.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 47.

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, ед. хр. 2, л. 3.

¹¹ ЦГАОР (Москва), ф. 1575, оп. 3, ед. хр. 98, л. 6.

для взрослых являлось отсутствие достаточной материальной базы, педагогических кадров и учебных пособий. Насколько остро стоял вопрос о педагогических кадрах, можно судить по такому факту. В 1920—1921 годах до 85—90% учителей школ для детей не имели специального педагогического образования. В подавляющем большинстве учительский персонал сельских школ состоял из бывших муталимов, многие из которых не прошли даже краткосрочных педагогических курсов.

Поэтому проблема подготовки педагогических кадров, наряду с созданием материальной базы, служила предметом особой заботы партийных и советских органов и общественных организаций, так как она играла решающую роль в ликвидации массовой неграмотности взрослого населения.

Вторая Дагестанская партийная конференция, состоявшаяся в ноябре 1921 года, уделила большое внимание вопросу борьбы с безграмотностью населения и в своей резолюции подчеркнула чрезвычайную важность ликвидации этого наследия эксплуататорского строя¹².

В первые годы в ликпунктах и школах для малограмотных сельской местности обучалось преимущественно мужское население. Влияние духовенства, бытовые и религиозные пережитки были еще настолько сильны, что горянки, за редким исключением, не посещали школу или ликпункт. Для вовлечения их в учебу создавались специальные женские ликпункты и школы грамоты. Преподавали в них, как правило, женщины. Это способствовало привлечению женщин в ликпункты. Большим успехом среди горянок пользовались созданные еще в первые годы Советской власти женские школы грамоты в Казикумухском округе.

Однако в силу ряда трудностей, главными из которых, как уже отмечалось, являлись недостаток преподавателей, учебных пособий, а также трудности материального порядка, сеть ликпунктов и школ для взрослых в первые годы Советской власти росла медленно. Подавляющее большинство их было сосредоточено в городах. В сельской же местности к 1921—1922 годам ликпункты только начали создаваться¹³. Толчок к значительному усилению работы по ликвидации массовой неграмотности взрослого населения дали решения третьей Дагестанской партийной конференции и второго Вседагестанского съезда Советов, состоявшихся в декабре 1922 года. В резолюции Дагестанской партийной конференции по докладу «О партстроительстве в Дагестане и работе в деревне»

¹² Первая Дагестанская конференция РКП(б), Махачкала, 1921, стр. 108.

¹³ ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 4, д. 33, л. 14.

подчеркивалась необходимость принятия срочных мер к ликвидации безграмотности населения¹⁴.

В соответствии с решением второго Вседагестанского съезда Советов, в начале 1923 года по всей республике прошли «двухнедельники» и «недели» по оказанию помощи школьному строительству, что способствовало активности общественности в вопросах народного образования, в том числе в ликвидации безграмотности взрослого населения.

В результате, уже в 1923 году число ликпунктов в Дагестане удалось довести до 80. Пункты ликвидации неграмотности были организованы к этому времени во всех округах Дагестана.

Открытие в 1922 и 1923 годах Буйнакского и Дербентского педтехникумов и педагогических курсов, специальных курсов по подготовке ликвидаторов безграмотности (в г. Буйнакске), а также издание пособий для учащихся ликпунктов и школ грамоты, наряду с мерами по укреплению материальной базы, создали возможность несколько улучшить дело обучения взрослого населения. В 1924—1925 учебном году сеть ликпунктов и количество обучающихся в них увеличились по сравнению с предыдущим годом более чем в 2,8 раза. Свою неграмотность ликвидировали в этом году 3050 человек¹⁵.

Дальнейшему оживлению работы в области ликвидации неграмотности населения способствовало создание в 1924 году республиканского общества «Долой неграмотность» (ОДН).

Общество «Долой неграмотность» являлось широкой массовой добровольной организацией, ставившей задачу: оказать помощь партии и государству в кратчайший срок полностью ликвидировать неграмотность и малограмотность среди населения. Для ликвидации неграмотности и малограмотности общество привлекало материальные средства и проводило большую массовую работу среди взрослых.

В городах и селениях республики организовывались ячейки этого общества, которые помогали создавать ликпункты и налаживать их работу. Так, по данным 7 округов, с июля 1924 года по март 1925 года было создано 73 ячейки ОДН, в которых состояло 3757 членов¹⁶. Под руководством партийных организаций ячейки ОДН объединяли вокруг себя и направляли на выполнение задачи ликвидации массовой неграмотности усилия учителей, грамотных коммунистов и комсомольцев. Для обучения грамоте рабочих промышленных

¹⁴ «Красный Дагестан», 1922, 21 декабря.

¹⁵ «Звезда». Ежемесячный журнал Дагестанского обкома ВКП(б), Махачкала, 1928, № 3(11), стр. 45.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 20, ед. хр. 65, л. 19.

предприятий, а также сельского населения из городов на время летних каникул направлялась студенческая молодежь. Общественные организации поддерживали ликпункты материально, расходуя на их оборудование и содержание значительные средства.

Таким образом, в дело ликвидации неграмотности и малограмотности вовлекалось само население, а это придавало работе по обучению взрослых массовый характер.

Нижеследующая таблица показывает рост сети ликпунктов и количество ликвидировавших неграмотность с момента учреждения республиканского общества «Долой неграмотность» до начала первой пятилетки:

Годы	Число ликпунктов	Число учащихся в них	Число ликвидировавших неграмотность
1924—25	229	6870	3050
1925—26	285	8550	3950
1926—27	337	9952	5876
1927—28	420	11497	7185 ¹⁷

За четыре указанных в таблице года неграмотность ликвидировали более 20 тысяч человек, причем более 35% этого количества окончили ликпункты в 1927—28 году. Однако в целом темпы ликвидации неграмотности населения и в конце восстановительного периода оставались медленными, а уровень грамотности населения республики крайне низким (12,2% в 1926 г.).

По уровню грамотности населения Дагестанская АССР занимала одно из последних мест среди республик и областей страны. Это отставание Дагестана в области ликвидации неграмотности взрослого населения, наряду с перечисленными выше причинами, объяснялось и тем, что он позднее других республик перешел на новый алфавит, значительно облегчивший овладение грамотой.

До 1928 года в Дагестане пользовались алфавитом, созданным на основе арабской графики. Чтобы приспособить арабский алфавит к особенностям дагестанских языков, арабские буквы приходилось снабжать многочисленными надстрочными и подстрочными знаками. Это затрудняло и усложняло его изучение и усвоение.

Серьезным тормозом на пути быстрого преодоления массовой неграмотности населения Дагестана в первые годы

¹⁷ «Звезда», 1928, № 3(11), стр. 47.

социалистического строительства являлась также и нерешенность языковой проблемы.

В течение ряда лет, особенно с 1923 по 1928 год, в республике был взят ошибочный курс на превращение «тюркского» языка в единый государственный язык народов Дагестана. «Тюркский» язык не был понятен основным массам таких народностей Дагестана, как аварцы, даргинцы, лаки и др. Эта линия на внедрение «тюркского» языка как государственного языка республики и недооценка родных языков местных народностей, противоречащая известным решениям X и XII съездов партии по национальному вопросу, отрицательно сказались на развитии культуры вообще и ликвидации неграмотности населения, в частности.

Задачи приобщения широких трудящихся масс к активному и сознательному участию в строительстве социализма требовали резкого улучшения работы по обучению взрослых. На это не раз обращал внимание дагестанской партийной организации и Центральный Комитет партии, который в ряде решений о работе Дагестанского обкома ВКП(б) указывал на необходимость усиления борьбы за повышение грамотности населения. Так, в постановлении коллегии АПО ЦК ВКП(б) по докладу АПО Дагобкома ВКП(б) от 22 мая 1928 года подчеркивается, что в области культурного строительства основной задачей Дагестанской партийной организации продолжает оставаться задача повышения грамотности населения¹⁸. Темпы повышения грамотности как всего населения, так и коммунистов были признаны совершенно недостаточными. В постановлении указывалось на отсутствие должной мобилизации партийной и советской общественности вокруг этой важнейшей задачи, а также на то, что общество «Долой неграмотность» не развернуло своей работы.

Коллегия АПО ЦК ВКП(б) предложила: «Развернуть более широко работу по ликвидации неграмотности среди взрослых, в первую очередь среди коммунистов, комсомольцев и рабочих из коренных национальностей и батрачества; расширить сеть ликпунктов, увеличить ассигнования на ликвидацию неграмотности, повысить качество работы ликпунктов, улучшить подбор преподавателей и развить общественность вокруг ликвидации неграмотности, в особенности через усиление работы ОДН»¹⁹.

На серьезные недостатки в работе по обучению взрослых Центральный Комитет партии указал и при обсуждении до-

¹⁸ «Задачи Дагпарторганизации по директивам В. И. Ленина, ЦК и ЦКК ВКП(б)», изд-во газеты «Красный Дагестан», 1928, стр. 36; «Красный Дагестан», 4 июля 1928 г.

¹⁹ Там же.

клада Дагестанского обкома ВКП(б) о выполнении обкомом партии решения ЦК ВКП(б) от 4 марта 1927 года. В постановлении по этому докладу говорится: «ЦК особо отмечает, что при большом количестве неграмотных, в особенности среди горянок и молодежи, в частности, совершенно не развернута работа ОДН»²⁰.

Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б), партийные, советские и профсоюзные организации Дагестанской АССР значительно усилили внимание к вопросам обучения взрослого населения и в короткий срок добились создания перелома в этой работе.

В мае 1928 года вопрос «О ходе ликвидации неграмотности взрослого населения в ДАССР» обсуждался на 3 сессии ДагЦИКа VI созыва. Сессия, проанализировав состояние работы на этом важнейшем участке культурного строительства, наметила ряд мероприятий по ее улучшению. В частности, сессия постановила увеличить средства на мероприятия по ликвидации неграмотности, предложила Наркомпросу ДАССР принять срочные меры к обеспечению ликпунктов учебными пособиями и к подготовке кадров преподавателей для ликпунктов. Сессия предложила также улучшить руководство ликпунктами и школами для малограмотных и упорядочить их учет. Принимая во внимание бытовые особенности, затрудняющие вовлечение женщин в общие ликпункты, предлагалось создать женские группы в ликпунктах и отдельные ликпункты для женщин²¹.

В феврале 1928 года пленум Дагестанского обкома ВКП(б), обсудив доклад «О языке и алфавите для школ Дагестана», вынес решение перевести школы с арабской письменности на новый алфавит, созданный на латинской основе. Новый алфавит был разработан для аварского, даргинского, лезгинского, кумыкского, лакского, азербайджанского и татского языков и утвержден на Вседагестанской конференции нового алфавита. Постановлением ЦИК и Совнаркома ДАССР от 5 августа 1928 года было объявлено о введении нового дагестанского алфавита²².

В соответствии с решением февральского пленума обкома партии, 29 июля 1928 года президиум ЦИК и Совнарком ДАССР приняли постановление «О реализации прав родных языков». Это постановление было важнейшим и решающим практическим шагом на пути окончательного преодоления недооценки значения и роли родных языков коренных

²⁰ «Задачи Дагпарторганизации по директивам В. И. Ленина, ЦК и ЦК ВКП(б)», стр. 26.

²¹ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, ед. хр. 131, лл. 27—28.

²² «Красный Дагестан», 12 августа 1928 г.

дагестанских национальностей. Оно определяло основные пути дальнейшего ускорения темпов культурного строительства на базе развития местных языков. Согласно этому постановлению вся культурно-просветительная, массовая и пропагандистская работа в клубах, избах-читальнях, кружках и т. д. должна была вестись на родном языке. На родном же языке предлагалось проводить ликвидацию неграмотности среди взрослого населения. Постановление способствовало значительному укреплению роли родных языков в системе школьного обучения, хотя «тюркский» язык также еще оставался в программах школ даже тех народностей, для которых он не являлся родным языком²³.

Большую роль в ускорении темпов развития народного образования, в том числе повышения грамотности населения, сыграло и введение нового латинизированного дагестанского алфавита. Новый алфавит наносил удар по влиянию духовенства на массы населения и значительно облегчал усвоение ими грамоты на родных языках, способствовал более быстрому приобщению трудящихся горцев к передовой социалистической культуре.

За короткое время новый дагестанский алфавит получил широкое распространение и стал играть исключительно важную роль в развитии культуры дагестанских народов. Только в 1928 году на новом алфавите было издано полмиллиона экземпляров книг различной литературы. На новом алфавите начали издаваться учебники для школ всеобща и для взрослых, газеты, журналы и прочие издания.

1928-29 учебный год дает значительный рост сети ликпунктов, школ малограмотных и охвата ими населения. В этом году в республике насчитывалось до 600 ликпунктов и школ малограмотных, в которых обучалось 19,9 тыс. человек²⁴, или на 73% больше, чем в 1927-28 году. Ассигнования на ликвидацию неграмотности и малограмотности увеличились за этот год более чем на 88%²⁵.

Развернутую программу дальнейшего ускоренного развития дела обучения взрослого населения республики разработала X Областная партийная конференция, состоявшаяся в апреле 1929 года. Партийная конференция обсудила специальный доклад «Задачи культурного строительства в ДАССР». В резолюции по этому докладу Областная партийная конференция указала, что забота об обучении взрослого населения

²³ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 21, д. 99, лл. 52, 54; «Красный Дагестан», 8 августа 1928 г.

²⁴ «10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР», стр. 136, 138.

²⁵ Там же, стр. 136.

должна занять подобающее место в деятельности всех партийных, комсомольских, советских, профессиональных, кооперативных организаций. Работа по обучению взрослых «должна проводиться не только аппаратным, наркомпросовским путем, но на основе привлечения и мобилизации сил широкой рабоче-крестьянской общественности»²⁶.

В области ликвидации неграмотности населения X Областная партийная конференция выдвинула следующие ближайшие задачи:

а) шире развернуть сеть ликпунктов и школ малограмотных и улучшить их работу, для чего добиться в ближайшем бюджетном году значительного усиления ассигнований на обучение взрослых;

б) в первую очередь добиться поголовной ликвидации неграмотности среди коммунистов, комсомольцев, рабочих и батраков;

в) ввиду того, что в ряде районов не выполнена директива ДК о полной ликвидации неграмотности на НДА²⁷ среди коммунистов и комсомольцев, в феврале 1929 года, произвести проверку выполнения этой директивы каждым коммунистом и добиться полного проведения ее в жизнь;

г) поставить перед партийной организацией как практическое задание: ликвидировать неграмотность среди рабочих в течение одного года и среди батраков в течение трех лет. ДК и райкомам разработать практические мероприятия;

д) усилить работу по ликвидации неграмотности среди горянок путем расширения сети особых женских ликпунктов и большего вовлечения горянок в общие ликпункты;

е) перевести работу всех ликпунктов на родной язык населения;

ж) оживить работу ОДН, превратив его в действительно массовую организацию; усилить участие в работе по ликбезу профсоюзов и кооперации, увязав их работу с органами народного образования, в частности, повысить процент отчислений из культфондов на ликвидацию неграмотности.

В целях ускорения ликвидации неграмотности среди всего населения, в особенности крестьянства, организовать культпоход по ликвидации неграмотности, широко привлекая к этой работе советскую общественность, в частности, добиться выполнения решения VIII съезда ВЛКСМ об обязанности каждого грамотного комсомольца обучить неграмотного»²⁸.

²⁶ «Резолюция X Дагестанской партийной конференции». «Красный Дагестан», 21 апреля 1929 года.

²⁷ НДА — новый дагестанский алфавит.

²⁸ Резолюция X Дагестанской партийной конференции. «Красный Дагестан», 21 апреля 1929 г.

Конкретные указания Областной партийной конференции были положены в основу деятельности партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций в области борьбы за преодоление массовой неграмотности населения республики. Практическое осуществление решений партийной конференции нашло свое выражение в резком увеличении сети ликпунктов и школ малограмотных, укреплении их материальной и учебной базы. 1929/30 учебный год явился переломным в борьбе с неграмотностью в Дагестане. В этом году ассигнования на ликвидацию неграмотности и малограмотности составили 405,3 тыс. рублей, т. е. возросли по сравнению с 1925/26 годом в 7 раз и по сравнению с 1928 29 годом — более чем в 3 раза²⁹.

Ликпунктами и школами для малограмотных в 1929/30 учебном году было охвачено 61,3 тыс. человек, что превышает число обучившихся в них за все предыдущие 9 лет вместе взятые. Более 44 тыс. человек из общего числа обучавшихся являлись представителями коренных народностей Дагестана. Женщин обучалось в ликпунктах и школах для малограмотных 16,3 тыс. человек³⁰. Широкое распространение получили специальные женские ликпункты. В 1930 году в них обучалось 10 тыс. женщин³¹.

Такое расширение сети ликпунктов, охват обучением десятков тысяч человек неграмотного населения были бы невозможны без подготовки новых кадров, а нередко и просто грамотных людей, прошедших краткосрочные курсы и вовлеченных в работу по обучению взрослых и ликвидации неграмотности. В 1929/30 учебном году в ликпунктах и школах малограмотных работало 2358 преподавателей против 637 в предыдущем 1928/29 учебном году. Однако подавляющее большинство работников ликпунктов не имело не только специального педагогического, но даже элементарного общего образования, и это, конечно, сказывалось на качестве обучения взрослых. В силу незнакомства большей части работников ликпунктов с рациональными методами обучения грамоте, а также недостатка учебных и наглядных пособий, нередко неграмотные посещали ликпункты в течение ряда лет и процент перевода взрослых из ликпунктов в школы малограмотных был низок. К осени 1931 года более 66% населения Дагестана было еще неграмотно³².

Важным этапом в борьбе за ликвидацию массовой негра-

²⁹ «10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР», стр. 136.

³⁰ Там же.

³¹ «Красный Дагестан», 20 июня 1930 г.

³² ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 266, л. 5.

мотности взрослого населения республики явился проведенный по решению бюро Дагестанского обкома ВКП(б) от 20 октября 1931 года культсанпоход. Перед участниками похода ставилась задача преодолеть в кратчайший срок неграмотность и культурную отсталость населения, мобилизовать широчайшие массы трудящихся на проведение культурной революции.

Культсанпоходу предшествовала большая подготовительная работа. Для общего руководства им был создан Центральный штаб, в который входили представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций. Во всех районах были организованы районные штабы, работу которых направляли райкомы партии. Районы разбивались на участки, к ним прикреплялись члены районных штабов. К каждому ликпункту, сельскому кварталу были прикреплены активисты, помогавшие организовать обучение взрослых. Вопросы, связанные с проведением культсанпохода, обсуждались на широких сельских сходах, комсомольских, профсоюзных, женских собраниях, а также на специальных районных и городских слетах.

В порядке подготовки к проведению похода было издано значительное количество учебной литературы для взрослых, обучены на краткосрочных курсах сотни работников ликпунктов и школ для малограмотных. На борьбу с безграмотностью, особенно в период первого этапа культсанпохода, использовалась учащаяся молодежь, сотни представителей которой были посланы в ликпункты и школы для малограмотных сроком на 3 месяца.

Центральный штаб разработал план проведения культсанпохода, который, в частности, предусматривал охват обучением 155 тыс. человек неграмотных и 100 тыс. малограмотных в возрасте от 15 до 45 лет; вовлечение в детские комнаты 10 тыс. детей от 3 до 7 лет; достижение перелома в работе школ в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе; развертывание борьбы против антисанитарии, за лучшую постановку народного здравоохранения³³.

Трудящиеся республики, желая возможно лучше подготовиться к культсанпоходу, отводили под ликпункты помещения, собирали и изготовляли необходимый для занятий инвентарь, выделяли денежные средства, проводили субботники. Средства, выделенные общественными организациями и населением, позволили создать специальный фонд культсанпохода, из которого финансировались многие мероприятия по обучению взрослых. Бывали случаи, когда горец сдавал в

³³ Сб. «Дагестан к 15 годовщине Октября», Дагкнигоиздат, 1932, стр. 68.

фонд культсанпохода свою единственную лошадь. Жители приобретали на свои средства для ликпунктов предметы учебного и хозяйственного оборудования.

Нередко инициаторами начинаний за организованное проведение мероприятий культсанпохода выступали женщины-горянки. Горянки-активистки возглавляли работы по ремонту зданий ликпунктов, оказывали партийным организациям и органам народного образования большую помощь в подготовке зданий для учебы. Так, в 1932 году женщины-горянки Гумбетовского, Ботлихского, Левашинского, Чародинского и Цунтинского районов производили не только побелку и уборку школьных помещений, ликпунктов, но и активно участвовали в заготовке строительных материалов, топлива и т. д.³⁴.

В течение первого этапа культсанпохода на нужды образования в районах Дагестана было собрано 375 тыс. рублей и самим Центральным штабом 360 тыс. рублей. При этом сюда не входят большие вложения аулов в дело организации и содержания ликпунктов³⁵. В Чародинском районе, например, население внесло в фонд культсанпохода 20 тыс. рублей, выделило 185 голов крупного скота, 12 пудов картофеля, 150 овец, 110 кг мяса. Трудящиеся Казбековского района выделили 4500 рублей, 24 головы крупного рогатого скота, 36 овец, 12 пудов картофеля и т. д.³⁶.

В проведении культсанпохода большую помощь оказали Дагестану братские народы Северного Кавказа. Северокавказские краевые организации³⁷ посылали в республику педагогов, медицинских работников, оказывали большую материальную поддержку. К началу культсанпохода в Дагестан прибыло 150 человек, причем Крайисполком выделил на содержание приезжих культармейцев и бригадиров 137 тыс. рублей³⁸.

В последующие месяцы помощь краевых организаций и трудящихся соседних областей края в проведении культсанпохода в республике продолжала возрастать. Ряд передовых районов края взял и успешно осуществлял шефство над районами Дагестана, чем в значительной степени способствовал своевременному и качественному проведению мероприятий культсанпохода. Для оказания практической помощи из раз-

³⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 14, д. 252, л. 32.

³⁵ Ж. «Революция и горец». Орган Северокавказского краевого комитета ВКП(б) и краевого исполнительного комитета, 1932, № 10—12, стр. 184.

³⁶ Там же.

³⁷ Дагестанская АССР в 1931 г. вошла в состав Северокавказского края.

³⁸ «Революция и горец», 1932, № 10—12, стр. 184.

личных районов Северокавказского края в период культсанпохода в Дагестан было направлено 825 работников. Краевые организации послали на постоянную работу в органах народного образования и здравоохранения республики 246 специалистов³⁹.

По решению президиума Ростовского горсовета, из его бюджета в 1932 году было ассигновано на нужды культурного строительства Дагестана 300 тыс. рублей. Кроме того, ликпункты и школы получили из Ростова в 1932 году 5000 экз. учебников, учебных и методических пособий, а дети бедноты— 252 комплекта одежды и обуви⁴⁰.

К началу культсанпохода из городов Дагестана в районы было направлено 1065 культармейцев⁴¹. Для оказания методической помощи большому отряду культармейцев, преподавателям школ малограмотных проводились специальные семинары, их снабжали методической литературой. В ряде пунктов (Махачкале, Дербенте, Бабаюрте) были созданы культармейские университеты. Еще на первом этапе культсанпохода в городах и районах Дагестана было организовано 35 методических бюро, в состав которых входили сотни методистов⁴².

В течение непродолжительного времени (ноябрь 1931 г.— апрель 1932 г.) были составлены и изданы буквари для взрослых на 7 языках, книга для чтения малограмотных (часть I) на 7 языках, книга для чтения (часть II) на 2 языках⁴³.

Широкое наступление на неграмотность и культурную отсталость трудящихся вызвало бешеное сопротивление классовых врагов— кулачества и духовенства, которые, используя бытовые особенности Дагестана и религиозные пережитки, пытались сорвать это важнейшее мероприятие. Следует отметить, что хотя ко времени проведения культсанпохода авторитет духовенства был в значительной степени подорван, оно все же продолжало оказывать влияние на отсталые слои населения. И духовенство всячески старалось использовать это влияние в борьбе против мероприятий Советской власти, направленных на подъем культурного уровня трудящихся.

Кулачество и духовенство прибегали ко всякого рода уловкам и запугиванию отсталой части населения, стараясь всеми средствами отвлечь неграмотных и малограмотных от учебы. В Цумадинском районе, например, духовенство агитировало за то, чтобы обучающиеся в ликпунктах не заносили в жилые

³⁹ «Дагестанская правда», 1 мая 1932 г.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Данные по 27 районам.

⁴² «Революция и горец», 1932, № 10—12, стр. 185.

⁴³ Там же, стр. 186.

комнаты свои книги и тетради, рассчитывая таким путем помешать учебе⁴⁴. Бывали случаи (в Ахтынском, Тляратинском районах), когда кулацко-мулльские элементы, стараясь отвлечь внимание учащихся, провоцировали драки во время занятий⁴⁵. В некоторых районах классово-враждебные элементы пускали в ход такие средства борьбы против культсанпохода, как выламывание дверей и окон ликпунктов, избивание культармейцев и ударников учебы. В 1932 году в сел. Мочох Хунзахского района был убит зав. школой Абдуразаков, один из лучших учителей района, награжденный к XV-летию Октября Почетной грамотой. В селении Мочох, благодаря усилиям заведующего школой и сельского актива, все дети школьного возраста и взрослое население были вовлечены в учебу. Духовенство, озлобленное успехами аула в борьбе за ликвидацию неграмотности и культурной отсталости, видело в лице передового учителя «виновника» этих успехов и расправилось с ним⁴⁶. Покушение на убийство зав. школой было совершено в 1932 году и в сел. Харачи того же района⁴⁷.

Особенно упорную агитацию кулаки и духовенство проводили среди женщин-горянок — наиболее отсталой части населения.

Кулаки и духовенство отравляли сознание горянки ядом религии, старались не допускать ее в ликпункт, в школу. В этих целях часть духовенства поступалась даже догматами корана и создавала женские мечети. Так, к концу 1932 года в одном только селении Хаджал-Махи Левашинского района имелось 4 женских мечети⁴⁸. О женщинах, которые посещали ликпункты и школы малограмотных, принимали активное участие в общественной и культурной жизни, кулаки и представители духовенства распускали оскорбительные слухи и сплетни. Иногда над такими общественницами враждебные элементы учиняли физическую расправу. В 1931—1932 годах в аулах Дагестана были убиты 32 женщины-общественницы. Убийства активных общественниц имели место в эти годы в Гунибском, Кахибском и некоторых других районах республики⁴⁹. В Караногайском районе женщина была убита за то, что посещала ликпункт⁵⁰.

Однако попытки кулацких элементов и духовенства со-

⁴⁴ «Дагестан к 15 годовщине Октября», 1932, стр. 71.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Г. Ш. К а й м а р а з о в. Культурное строительство в Дагестане (1920—1940 гг.), 1960, стр. 84.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Дагестанская правда», 8 марта 1938 г.

⁴⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 17, л. 73.

⁵⁰ «Звезда», 1929, № 8, стр. 12.

рвать мероприятия культсанпохода успеха не имели. Они разбились о горячее стремление трудовых масс Дагестана ликвидировать неграмотность, добиться подъема своего культурного уровня.

Энтузиазм трудящихся масс в борьбе за овладение грамотой в период культсанпохода характеризуется следующими фактами из жизни одного горного района республики — Чародинского. Здесь по подготовке к культсанпоходу была проведена большая работа, результатом которой явилась организация за короткий срок 143 ликпунктов с охватом 3794 человек, в том числе — 2315 женщин⁵¹. Трудящиеся энергично взялись за оборудование ликпунктов. Печи, столы, скамейки, классные доски большей частью изготовлялись самими учащимися. Комсомольская организация выделила для работы в ликпунктах 85 лучших ударников⁵².

Член Ритлябского сельсовета бедняк Омар-Али на собственные средства приобрел железную печь, лампу и передал в ликпункт. Он явился инициатором организации субботника по обеспечению ликпункта топливом и, несмотря на свои 52 года, первым явился в ликпункт, объявил себя ударником учебы, чем увлек и других⁵³.

Хава Магомедова, член Гиблибского сельсовета, по своей инициативе провела женский субботник по оборудованию кулацкого дома под ликпункт⁵⁴.

Десятки и сотни горцев объявляли себя ударниками и, едва научившись грамоте, садились за учительский стол, чтобы обучить ей других. Так, бедняк из аула Сода Чародинского района Магомед Муртузалиев, ликвидировав свою неграмотность, стал обучать грамоте других, работая бесплатно. Сагибат Махачева, член Ирибского сельсовета, овладев грамотой, одной из первых добилась объявления трех женских ликпунктов своего аула ударными и провела набор девушек-горянок в Хунзахский педкомбинат. Она смело разоблачала кулацко-мульскую агитацию, направленную против культсанпохода.

Билал Магомедов, комсомолец, окончил месячные курсы работников ликбеза и в течение всего периода культсанпохода работал в ауле Магар в условиях открытых выступлений классового врага. Обучая в двух ликпунктах 60 человек, Магомедов добился перевода в школу малограмотных 50 человек,

51 «Революция и горец», 1932, № 10—12, стр. 208.

52 Там же.

53 Там же.

54 Там же.

а полученную за время работы зарплату сдал в «железный фонд» культсанпохода⁵⁵.

С 25 февраля по 1 марта 1932 года был проведен смотр работы ликпунктов. Из 3794 учащихся 2584 было переведено в школы малограмотных. Число этих школ в Чародинском районе к весне 1932 года возросло до 142⁵⁶.

5 марта 1932 года состоялся районный слет культармейцев и учащихся, на котором присутствовало 500 делегатов — ударников культсанпохода. Слет подытожил большую работу, проделанную в районе по преодолению культурной отсталости в период первого этапа культсанпохода. За образцовую работу на первом этапе культсанпохода было премировано около 100 культармейцев и учащихся, в том числе 50 горянок-ударниц.

За полный охват неграмотных учебой, за ударные темпы и хорошее качество работы по итогам первого этапа культсанпохода Чародинскому району было присуждено Красное Знамя ЦИК Дагестанской АССР.

Больших успехов в деле охвата обучением взрослого населения добились Гумбетовский, Лакский, Ахтынский районы, которые в 1932 году так же, как и Чародинский район, сумели охватить ликпунктами и школами малограмотных подавляющее большинство неграмотного и малограмотного взрослого населения.

Огромную работу в период культсанпохода проделали комсомольские организации. Комсомольцы активно участвовали в ремонте и оборудовании ликпунктов, в организации учебы, привлекали учащуюся молодежь к борьбе за грамоту, давали решительный отпор вылазкам кулаков и духовенства. По инициативе и под руководством комсомольских организаций проводились культэстафеты, которые способствовали улучшению работы ликпунктов, школ малограмотных и других звеньев культсанпохода. Комсомол Дагестана выделил из своей среды на первом этапе культсанпохода 3662 культармейца, обучил своими силами 53 721 человека, собрал в фонд культсанпохода более 35 тыс. рублей, открыл 145 детских комнат⁵⁷. Более 250 наиболее подготовленных представителей ленинского комсомола проводили в период культсанпохода агитационно-массовую работу среди трудящихся, разъясняя им цели и значение этого важнейшего мероприятия.

За ударную работу на первом этапе культсанпохода было премировано 75 комсомольцев⁵⁸.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 166.

⁵⁸ Там же.

Большой вклад в дело ликвидации неграмотности взрослого населения вообще и успешное проведение культсанпохода, в частности, внесло учительство Дагестана. Передовые учителя выступали инициаторами многих патриотических начинаний в пользу культсанпохода. Много тысяч неграмотных обучили учителя, работая бесплатно во внеурочное время. В период первого этапа культсанпохода в школах малограмотных и ликпунктах, в которых работали учителя всеобща, обучалось 75 042 неграмотных и малограмотных⁵⁹. Около 40 тысяч рублей внесли учителя за этот период в фонд культсанпохода. Из состава учительского коллектива республики 645 человек работало методистами и 3032 человека — преподавателями ликпунктов. Кроме того учительство Дагестана подготовило около 5200 культармейцев⁶⁰.

В период культсанпохода культармейцами работали 488 женщин-активисток. Кроме того в области ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения работало 388 учительниц-дагестанок⁶¹.

В проведении культсанпохода, по примеру старших, активно участвовали пионеры и школьники. Они помогали в оборудовании ликпунктов и школ малограмотных, обучали взрослых грамоте. Дагестанская пионерская организация, насчитывавшая в своих рядах к 1932 году 46 656 человек, выделила для обучения взрослых 3339 юных культармейцев⁶².

В авангарде невиданного массового движения за ликвидацию неграмотности и культурной отсталости населения находились коммунисты и комсомольцы. Они руководили массово-политической и воспитательной работой, разъясняли трудящимся цели и значение культсанпохода, направляли усилия общественности на преодоление трудностей на пути борьбы за социалистическую культуру.

В печати широко освещались подготовка и ход культсанпохода, опыт работы лучших районов, ликпунктов, культармейцев. Газеты выступали инициаторами социалистического соревнования между районами, сельсоветами за успешное проведение мероприятий культсанпохода, распространяли положительный опыт в обучении взрослых. В этом особенно отличились республиканская газета «Дагестанская правда» и Гунибская районная газета «Новый Гуниб», награжденные Президиумом Даг. ЦИКа значками героев культсанпохода⁶³.

⁵⁹ «Дагестанская правда», 26 декабря 1932 года.

⁶⁰ Там же, 11 мая 1932 г.

⁶¹ Г. Ш. К а й м а р а з о в. Указ. соч., стр. 171.

⁶² «Революция и горец», 1932, №№ 10—12. стр. 167.

⁶³ «Дагестанская правда», 1 мая 1933 г.

Широко освещала ход культсанпохода, работу ликпунктов и школ Левашинская районная газета «Дарган». В 1932 году она открыла специальную страничку, посвященную ликвидации недостатков в осуществлении мероприятий культсанпохода⁶⁵. Газета на своих страницах давала разработанные методистами примерные уроки в помощь культармейцам, выступала со статьями методического характера. Если учесть, что ликпункты и школы малограмотных испытывали большой недостаток в специальных пособиях для взрослых (букварях, книгах для чтения), такая помощь газеты являлась подспорьем в повышении качества обучения неграмотных и малограмотных.

В результате огромной организаторской и массово-разъяснительной работы партийных организаций, привлечения к проведению культсанпохода широкой общественности, а также большой помощи трудящихся соседних областей Северного Кавказа и краевых организаций, в ликпункты и школы малограмотных уже к 1 марта 1932 года удалось вовлечь по республике 251 399 человек, в том числе 126 370 женщин⁶⁵.

Одни эти цифры говорят об огромных масштабах и размахе работы по вовлечению в учебу взрослого населения, об активности, с какой трудящиеся Дагестана под руководством партийной организации взялись за быстрое преодоление своей вековой культурной отсталости.

В апреле 1932 года состоялся первый съезд культурного строительства в ДАССР, на котором присутствовало около 500 делегатов. Съезд подвел итоги первого этапа культсанпохода, отметил огромную работу, проделанную районами, аулами, культармейцами в деле борьбы с безграмотностью и особенно — охвата обучением взрослого населения, и определил задачи дальнейшей работы.

Важнейшей задачей последующего этапа культсанпохода съезд справедливо признал повышение качества учебы, а также закрепление достижений первого этапа работы.

В резолюции съезда по культурному строительству указывается, что величайшая активность трудящихся масс, поднятая мероприятиями культсанпохода, должна быть использована для более быстрых темпов роста и «улучшения качества всех мероприятий культстроительства, на увязку их со всеми текущими хозяйственно-политическими кампаниями. Всю работу по борьбе за грамотность нужно проводить в соответствии с задачами сознательного осуществления трудящимися организационно-хозяйственного укрепления колхозов и сов-

⁶⁴ Г. Ш. К а й м а р а з о в. Указ. соч., стр. 87.

⁶⁵ «Дагестан к 15 годовщине Октября», стр. 70—71.

хозов, повышения производительности труда и выполнения промфинпланов фабрик и заводов»⁶⁶.

Чтобы понять и по достоинству оценить значение культсанпохода в подъеме культурного уровня трудящихся республики, достаточно напомнить, что уже к исходу 1932 года, т. е. только за один год, истекший с начала культсанпохода, ликпункты окончило 111 328 человек, из них более половины — женщины. Из школ малограмотных было выпущено за это время 38 394 чел., в том числе около 15 тыс. женщин⁶⁷.

Успешное проведение культсанпохода являлось достижением не только чисто культурного порядка, но имело огромное политическое значение. Трудящиеся горцы на своем опыте убедились в том, что в условиях Советской власти они могут в кратчайший срок ликвидировать унаследованные от царизма темноту и невежество, обрести грамоту на своем родном языке, быстро развивать свою национальную культуру. Культсанпоход явился своеобразной школой политического воспитания масс. Он помог трудящимся Дагестана еще лучше распознать своих классовых врагов — кулачество и реакционное духовенство, мобилизовать силы на окончательный разгром их, на победу социализма.

Однако при всем значении результатов проделанной работы, она имела и известные недостатки. Как мы уже видели, культсанпоход представлял собой широкое массовое мероприятие, которое проводилось среди многих десятков тысяч людей. Оно требовало привлечения, наряду с огромными материальными ресурсами, большой армии работников, которых не хватало не только для проведения культурной работы среди взрослых, но и удовлетворения нужд школ всеобуча. За короткий срок невозможно было обеспечить широкую сеть ликпунктов и школ малограмотных необходимой литературой, а многочисленный отряд культармейцев — методической помощью.

Поэтому проделанная работа, особенно на первом этапе культсанпохода, в определенной своей части характеризовалась отсутствием должной системы и последовательности в обучении взрослых. Некоторая часть взрослого населения, окончив ликпункты, прекращала учебу и, не имея возможности систематически упражняться в чтении и письме, снова становилась неграмотной.

В весенне-летние месяцы, в связи с сельскохозяйственными работами из ликпунктов и школ малограмотных до окончания курса обучения отсеивалось значительное число учащихся.

Так, летом 1932 года в Ахвахском, Цумадинском, Хасав-

⁶⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 21, д. 178, л. 15.

⁶⁷ Там же, д. 266, л. 5.

юртовском, Махачкалинском и некоторых других районах почти все ликпункты прекратили свою работу, а в ликпунктах ряда районов имел место большой (до 50—60%) отсев учащихся⁶⁸.

Эти и некоторые другие недостатки в организации обучения взрослого населения в весенне-летние месяцы отметило бюро Дагестанского обкома ВКП(б) (июль 1932 г.), которое обсуждало вопрос о ходе второго этапа культсанпохода. Бюро обкома партии указало, что никакие «объективные причины» не могут оправдать прорыва в проведении культсанпохода, и предложило местным партийным комитетам принять меры к преодолению недостатков в этом важнейшем деле, рассматривать его как боевую задачу всех партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций⁶⁹.

Для оказания практической помощи в районы были командированы работники республиканских учреждений, а также десятки наиболее отличившихся в период проведения культсанпохода учителей из Махачкалы, Дербента, Буйнакса и Хасавюрта. Ко второму съезду культурного строительства в ДАССР (июнь 1933 г.) грамоте было обучено по данным Наркомпроса ДАССР 158 тыс. человек⁷⁰.

Последующие этапы культсанпохода проходят под знаком борьбы за качество учебы, за прочное усвоение изучаемого материала. Большое внимание уделялось расширению сети школ для малограмотных, чтобы обеспечить охват ими всего взрослого населения, окончившего ликпункты.

С 1933 года сеть ликпунктов сокращается, но соответственно растет сеть школ малограмотных. Так, если в 1932 году в республике работало 8095 ликпунктов, то в 1933 году—4500.

В то же время сеть школ малограмотных за один год увеличилась на 694 единицы. В 1933 году в Дагестане функционировало 5000 школ малограмотных, в которых обучалось более 122 тыс. человек взрослых⁷¹. Одновременно принимались меры к улучшению работы этих школ: совершенствовались учебные программы, увеличивались сроки обучения, был установлен твердый учебный год. Вместо трехмесячного ликпункта создается трехгодичная школа взрослых с программой начальной школы. Издаются стабильные учебники на семи дагестанских языках. Особенно плодотворным в этом отношении был 1934 год. В этом году школы взрослых получили 77

⁶⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 17, л. 102.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ «Дагестанская правда», 24 июня 1933 г.

⁷¹ Сборник материалов к докладу правительства ДАССР X Вседагестанскому съезду Советов за период 1931—1934 гг., Махачкала, 1934, стр. 77.

названий учебников, книг для чтения и т. д. общим тиражом 377 730 экземпляров ⁷².

В 1934—35 учебном году для обучающихся в школах взрослых были введены обязательные проверочные испытания, призванные определять качество усвоения учащимися программного материала. В первый же учебный год проверочные испытания прошли более 153,6 тыс. учащихся школ взрослых ⁷³.

С целью проверки выполнения директив партии и правительства о ликвидации неграмотности и малограмотности взрослого населения и оказания практической помощи в устранении недостатков работы школ взрослых, органы народного образования, совместно с комсомольскими и другими общественными организациями, проводили специальные рейды. Они выявляли неучтенных неграмотных и малограмотных, помогали в устранении причин, мешающих охвату и нормальной организации учебы взрослых.

Один из таких рейдов был проведен Наркомпросом ДАССР совместно с Дагестанским обкомом ВЛКСМ в мае 1937 года. Он выявил серьезные недостатки в деле обучения взрослых в Дахадаевском, Кахибском и некоторых других районах. Было установлено, что в Дахадаевском районе школами взрослых не охвачено 1123 неграмотных и малограмотных. В Буйнакском районе после проведения рейда, и благодаря ему, число обучающихся в школах взрослых увеличилось на 900 человек, а в Касумкентском — на 600 человек. В Кахибском районе до проведения рейда работало 97 школ взрослых, а после рейда количество этих школ возросло до 107 ⁷⁴.

В итоге большой работы партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, благодаря помощи братских народов нашей страны, к 1937 году, т. е. к последнему году второй пятилетки и ко времени принятия новой Конституции ДАССР грамотность населения Дагестанской АССР достигла 75 процентов ⁷⁵.

Это было выдающимся достижением на важнейшем участке культурной революции. Оно убедительно свидетельствовало о том, что в условиях социализма все народы в кратчайший исторический срок могут ликвидировать унаследованную от эксплуататорского строя отсталость и успешно развивать свою национальную культуру. Такой скачок малых народов от культурного отставания к прогрессу не мог произойти при

⁷² «Дагестанская правда», 26 декабря 1935 г.

⁷³ Там же.

⁷⁴ «Дагестанская правда», 4 июня 1937 г.

⁷⁵ Там же, 14 июня 1937 г.

капитализме с его колониальной политикой и за многие десятилетия.

В последние предвоенные годы республика продолжала борьбу за завершение ликвидации неграмотности взрослого населения. Для выполнения этой задачи необходимо было ликвидировать неграмотность у 80 тыс. человек⁷⁶. Предстояло также обучить в школах малограмотных до 100 тыс. человек⁷⁷.

В 1938 году письменность народов Дагестана была переведена с латинизированного алфавита на новый алфавит, созданный на русской графической основе. «Введение нового алфавита на русской основе, — говорится в постановлении бюро Обкома ВКП(б) от 4 февраля 1938 года «О переводе письменности народностей Дагестана с латинизированного на русский алфавит, — явится могучим средством дальнейшего политического и культурного подъема трудящихся масс Дагестанской АССР и наиболее быстрого и полного овладения ими всеми завоеваниями социалистической культуры народов Советского Союза; еще более усилит неразрывный союз трудящихся Дагестана с русским и другими народами, входящими в братскую семью советских народов, и еще более укрепит несокрушимую мощь Советского Союза»⁷⁸.

Трудящиеся республики горячо приветствовали введение нового алфавита. В нем они видели важнейшее средство быстрого развития своей культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Обучение на новом алфавите в ликпунктах и школах малограмотных было начато с 1 марта 1938 года. Перевод письменности на новый алфавит потребовал перестройки работы по обучению взрослого населения, создания в короткий срок литературы для школ взрослых.

Партийная организация Дагестана при активной поддержке трудящихся сумела успешно преодолеть организационные и другие трудности в связи с введением нового алфавита, добилась дальнейшего усиления внимания общественности к завершению работы по ликвидации неграмотности. Вопросы, связанные с ходом борьбы за завершение ликвидации неграмотности, обсуждались на бюро обкома партии правительством республики, а также районными и городскими партийными, советскими и общественными организациями. Для районов, добившихся завершения ликвидации неграмотности взрослого населения, в начале 1940 года было учреждено переходящее Красное Знамя Верховного Совета ДАССР, а так-

⁷⁶ В 1937 г. в Дагестане насчитывалось такое количество неграмотных.

⁷⁷ «Дагестанская правда», 23 июня 1937 г.

⁷⁸ «Дагестанская правда», 5 февраля 1938 г.

же три премии, которые присуждались учителям, культурмейцам, особо отличившимся в работе по завершению ликвидации неграмотности населения.

К 1940 году к 20-летию советской автономии Дагестана, грамотность населения республики достигла 80%. В ряде передовых районов к началу Великой Отечественной войны неграмотность была почти полностью ликвидирована.

Наилучших успехов добился Чародинский район, где к началу 1941 года все взрослое население ликвидировало неграмотность и малограмотность или обучалось в школах взрослых. Заняв первое место в работе по ликвидации неграмотности, Чародинский район завоевал переходящее Красное Знамя Верховного Совета Дагестанской АССР.

Как и в предыдущие годы решающую роль в обучении взрослого населения играло учительство. Ряды его в предвоенные годы пополнились выпускниками педтехникумов, педагогических и учительских институтов, т. е. молодыми специалистами, воспитанными в стенах советских учебных заведений Коммунистической партией и комсомолом.

Всего в школах республики к 1940 году работало около 6 тыс. учителей. Это в 15 раз больше, чем до революции ⁷⁹.

Многие передовые учителя, упорно трудясь, в течение ряда лет обучили грамоте сотни неграмотных. Так, заведующий Хинубской начальной школой Чародинского района Абдул-Халик Абдуллаев обучил грамоте 330 человек, а директор Гочобской семилетней школы Магомед Мурадов — 511 человек ⁸⁰.

Итак, за двадцать лет Советской власти, особенно в период предвоенных пятилеток, в Дагестане произошли коренные изменения в состоянии грамотности населения. Сотни тысяч горцев за короткий срок ликвидировали свою неграмотность и приобщились к передовой социалистической культуре. Более чем 80% грамотности населения — таков был к началу Великой Отечественной войны результат борьбы трудящихся республики на одном из решающих участков культурной революции.

Советская власть, социалистический строй вызвали небывалую заинтересованность масс в развитии культуры. Убедительным свидетельством этому служит успешное проведение

⁷⁹ «Дагестанская правда», 7 ноября 1940 г.

⁸⁰ Там же, 22 декабря 1940 г.

в республике в первой половине 30-х годов такого массового мероприятия, как культсанпоход. Культсанпоход, давший возможность построить за короткий период несколько сот новых школьных зданий, открыть сотни ликпунктов и школ малограмотных, резко повысить грамотность взрослого населения, является одной из замечательных страниц истории борьбы народов Дагестана за социалистическую культуру.

Без культсанпохода, без вовлечения широкой общественности и активного участия трудящихся в решении задач культурного строительства такие успехи в борьбе за всеобщую грамотность, каких добился Дагестан в период довоенного мирного социалистического строительства, были бы невозможны.

Вместе с тем культурно-просветительная, санитарно-оздоровительная работа, как и обучение взрослых, проводившиеся в период культсанпохода, наталкивались на большие трудности и не были лишены недостатков. Главный из них — сравнительно низкое качество работы, обусловленное нехваткой кадров, учебных пособий, неудовлетворительным состоянием материальной базы и «штурмовым» характером проведения мероприятий культсанпохода.

Поэтому в последующие годы борьбы за культурную революцию, в частности за всеобщую грамотность населения, большое внимание уделялось повышению качества этой работы. Вместо краткосрочных ликпунктов создается широкая сеть трехлетних школ для взрослых с твердыми программами и учебными планами. С целью проверки прочности знаний для учащихся школ взрослых были введены проверочные испытания, что также способствовало повышению качества учебы.

Таковы основные итоги борьбы за преодоление массовой неграмотности населения в Дагестане в годы предвоенных пятилеток. Усилия трудящихся, руководимых партийной организацией республики, повседневная забота Центрального Комитета партии и Советского правительства, а также помощь братских народов СССР явились решающим фактором, обеспечившим Дагестану столь замечательные победы в осуществлении культурной революции.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

Трудности, связанные с изучением истории средневекового Дагестана, обусловлены, прежде всего, малочисленностью документального материала, который позволил бы осветить экономическую и политическую жизнь того или иного народа. Каждое новое сообщение приобретает поэтому особое значение.

Настоящая статья посвящена некоторым новым данным, относящимся к истории народов Дагестана, в частности к истории табасаран, агулов, лаков и Дербента. Ниже дается краткое описание, текст и перевод следующих источников:

1. Хронологические выписки Рамазана ал-Куштили.
2. Надпись на полях Корана из селения Тпиг (Агульский район).
3. Запись на полях рукописи «Дербенд наме» из Государственного Матенадарана (Ереван).

* * *

В селении Рича (Агульский р-н) хранится рукопись¹, представляющая собой хронологические выписки по истории южного Дагестана. Выписки — на арабском языке, на плотной бумаге (22×16 см) хорошей сохранности. Текст на трех страницах, расположенных в начале сочинения на арабском языке; черная тушь; слово «та'рих» и даты написаны красными чернилами; почерк — убористый насх дагестанского образца.

Первоисточники записей не указаны. Дата написания отсутствует. Каждое отдельное событие вводится словом

¹ Рукопись хранится у жителя сел. Рича Агульского района Курбанова Хафиза, который любезно разрешил снять фотокопию.

«та'рих»², обязательно надчеркнутым. Хотя автор, вернее переписчик, не дает в конце хронологических записей своего имени, все же оно легко устанавливается.

Как уже было указано, хронологические записи сделаны в начале арабской рукописи, которая включает в себя две книги, переписанные одним и тем же лицом:

1. «Выявление тайн» («Изхар ал-асрар») шейха Мухаммеда ал-Буркани. Переписчик назван просто ал-Куштили. Он переписал книгу в 1232 г. хиджры, что соответствует 1816—1817 гг., при его «благородном учителе Абд ад-Кадири Ахтынском»³ в мечети ал-Х-р-б-джи»⁴.

2. «Правила флексии» («Кава'ид ал-и'раб»). Здесь имя переписчика дано полностью — Рамазан ал-Куштили, сын Курбана. Как сообщает Рамазан ал-Куштили, книга эта переписана им во время прохождения учебы у Молла Али эфенди ар-Рухуни⁵ в 1225 г. хиджры, т. е. в 1810 году.

Имеется еще одно известие, позволяющее судить о переписчике или авторе хронологических записей. В самом начале арабского текста, но после хронологических выписок на отдельной бумаге сделана запись о нападениях Абдаллах бека, сына Рустам кади⁶ и его брата Муртузали бека на селение Х-дж-на-и (Хучни?), причем отмечено, что «эта запись сделана Рамазаном ал-Куштили в 1233 г., в благословенный бога месяц ша'бан». 1233 г. хиджры начался 6 июня 1818 года.

Неоднократно упоминаемый здесь Рамазан, сын Курбана, ал-Куштили и является автором хронологических записей, ибо вся рукопись в целом (два сочинения и записи) написана одним почерком.

Самое раннее сообщение хронологических записей, если не считать легендарных данных о строительстве Дербента, отно-

² «Та'рих» означает дату, историю, рассказ и т. д. В большинстве случаев мы оставляем это слово без перевода.

³ Имя это не встречается среди известных нам дагестанских ученых-арабистов.

⁴ Х-р-б-джи — очевидно, даргинское селение Харбук (Дахадаевский район), называемое даргинцами Хъарбучи.

⁵ Рухун — лезгинское селение, расположенное в Касумкентском районе. Али эфенди из Рухуна был, со слов Хасана эфенди Алкадари, «одним из больших ученых Кюринского округа, который усвоил все науки, распространенные в Дагестане, более двадцати лет преподавал в своем селении, обладал прекрасным почерком, собственноручно переписал много книг, причем много лиц получило от него пользу через усвоение наизусть корана. Умер в том же селении в 1267/1851». (См.: Хасан эфенди Алкадари. Асари Дагестан. Пер. и прим. Али Гасанова. Махачкала, 1929 г., стр. 153.

⁶ Абдаллах бек в связи с событиями 1810 г. (разгром Шейх-Али хана русскими войсками) назван табасаранским кадием. См. П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, часть III, хронологический и алфавитный указатели, составленные Л. Броссе, СПб, 1869, стр. 394

сится к XIV веку (разрушение сел. Дурча, чума в Дагестане). Самая же поздняя дата — 1228 г. хиджры, т. е. 1813 г. Указанные выше арабские книги переписаны в начале XIX века (1810, 1816—1817 гг.). Запись об Абдаллах беке сделана в 1818 г.

Мы видим, что Рамазан из Куштиля⁷ писал в первой четверти XIX века (примерно в 1810—1818). По всей вероятности, по происхождению он был табасаранец. Это находит подтверждение также в том, что почти все сведения хронологических записей относятся к истории Табасарана.

Текст хронологических записей посвящен различным по содержанию событиям. Основное внимание уделено политической истории южного Дагестана и, в частности Табасарана. Имеются сведения о внутривластической жизни, о борьбе с внешними врагами. Сообщается, например, о борьбе жителей Дербента и Табасарана против кызылбашей (1509/1510, 1610 1611 гг.), об избрании жителями Табасарана своим правителем Али Кули мавсума, сына Саид бека Джарагского (1775 г.), описываются взаимоотношения между Шейх Али ханом и Сурхай ханом (1799). Большое место отведено описанию захвата Дербента русскими и изложению различных политических ориентаций местных правителей и их взаимоотношений с русскими (нач. XIX в.).

Представляет несомненный интерес для изучения классово-вой борьбы сообщение о борьбе табасаран против своих правителей («амиров») в 1630 1631 году.

Имеются краткие сведения о разрушении сел. Дурча (1347—1348 год), разрушении от пожара мечети в Хучни (1451 г.), о строительстве мечети в этом же селении Ибрахим Халилом, сыном Шейха Дулдугского (1683).

Из записей Рамазана ал-Куштиля можно также почерпнуть сведения о времени смерти отдельных южнодагестанских владетелей. Автор рукописи не оставил без внимания эпидемических заболеваний (чума), имевших место в Табасаране (самое раннее упоминание о чуме относится к 1378/1379 г.).

Надежность и достоверность источников, которыми пользовался Рамазан ал-Куштиля, не должны подлежать, очевидно, сомнению, хотя сравнение с другими данными не всегда представляется возможным. Во всяком случае «перекрестный допрос», когда он возможен, всегда завершается в пользу автора хронографа. Так, сведения о кызылбашско-османских взаимоотношениях на восточном Кавказе (походы Лала паши, Османа паши, Абу Бекра Мирзы и т. д.) основаны, если не

⁷ Куш т и л ь — табасаранское селение, расположенное в Хивском районе.

полностью, то в большей своей части на сообщениях персидских авторов, в первую очередь знаменитого Искендера Мюнши (род. 1560 — ум. после 1663), создателя «Мироуक्रошающей истории Аббасовой» (Тарих-и алем арай-и Аббаси)⁸.

Рамазану ал-Куштили были доступны, по всей вероятности, и другие, возможно местного происхождения, сочинения, которые позволили ему дополнить персидских авторов, в частности данными из истории Табасарана; сведения о Абу Бекре Мирзе, сыне Бурхана Али находят частично подтверждение не только у персидских авторов, но также и в русской дипломатической переписке конца XVI в.

Иногда на помощь приходит эпиграфический материал: надпись на камне из селения Дулдуг Агульского района сохранила имя Ибрахима Халила сына шейха Мухаммеда, о котором хронограф Рамазана ал-Куштили повествует как о строителе соборной мечети в Хучни в 1683 году. В описании событий начала XIX в., в частности взятия русскими Дербента, автор также пользовался надежным материалом, и это может быть подтверждено с привлечением многочисленной русской официальной документации.

Многие сведения хронологических записей являются единственными в своем роде и не нашли отражения ни в местных, ни во внедагестанских источниках. Тем не менее, о достоверности их можно говорить с наибольшим вероятием, если иметь в виду ту добросовестность, с какой Рамазан ал-Куштили относился к своим первоисточникам.

Тщательный источниковедческий анализ текста еще впереди. В статье воспроизводятся фотографии всего текста (см. фото 3, 2, 1). В русском же переводе даны только отрывки, относящиеся, в основном, ко времени до конца XVII века.

Перевод:

«Та'рих. Разразилась чума — упаси нас, Аллах, от нее — в вилайате Табасаран (в) 1099 г.», т. е. в 1687—1688 г.

⁸ Сочинение Искендера Мюнши привлекается нами в русском переводе — см.: Искендер Мюнши. Извлечения из книги «История мировой знаменитости Аббаса». Пер. с персидского Р. Гаджиева, с литографического издания 1314/1896 (Тегеран). Научный архив Института истории Академии наук Азербайджанской ССР, д. 999. (В дальнейшем — Искендер Мюнши). В ссылках указываем, как лист перевода, так и страницу тегеранского издания (в скобках). В статье пользуемся также для сравнения сведениями персидских авторов, в основном И. Мюнши, в свободной передаче академика Б. Дорна — см.: B. Dorn. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, aus morgenländischen Quellen — II. Geschichte Schirwans unter den Statthaltern und Chanen von 1538—1820, vorzüglich nach persischen Quellen (в дальнейшем — B. Dorn. Geschichte).

«Та'рих. Избрали (своим) ⁹ правителем жители Табасарана Али Кули мавсума, сына Саил бека ал-Джараги ¹⁰ в четверг, восьмого (числа, в сезон) Козерога месяца шавваль 1188 г.» ¹¹, т. е. 12 декабря 1775 г.

«Та'рих. Пришел Лала паша с многочисленным войском в вилайат Ширван ¹² и сразился в нем с кызылбашами (в) девятьсот восемьдесят шестом году, и назначил он Осман пашу в город Шемаха, затем оправился он (т. е. Лала паша) в область Арзрум. Тогда пришли кызылбаши и победили его, и бежал он (Осман паша) из Шемахи, и вошел в крепость Дербенда ¹³ и послал он (с) войском Абу Бекра Мирза, сына

⁹ В тексте указано «хаккама», что можно перевести «назначили правителем». Мы переводим «избрали своим правителем», хотя «избрание» практически было фикцией. Власть майсума была наследственной и переходила от отца к старшему сыну, который нередко назначался к данному времени дербенским правителем. «Однако в том согласие всего табасаранского народа потребно было, ибо оные потребовали, что понеже оне вольными людьми счислются, сие с их повеления учинено было б» — см. И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря 1728. В кн. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX в.» М., 1958, стр. 104—105.

¹⁰ Джараг — табасаранское селение. На современных картах и в пособиях отсутствует. Е. И. Козубский помещает сел. Джараг в Чулатском сельском обществе в южном Табасаране — Е. И. Козубский. Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 г. Темир-Хан-Шура, 1901, стр. 208. Мавсум, точнее майсум — титул феодальных правителей Табасарана. Али Кули майсум как один из владетелей Табасарана упоминается также в 1796 г. — Ф. Ф. Симонович. Описание южного Дагестана 1796. В кн. «История, география и этнография Дагестана», стр. 153.

¹¹ Восьмое число месяца шавваль 1188 г. хиджры падает на понедельник, 12 декабря 1775 г. — см. Синхронистические таблицы, сост. И. А. Орбели, Л., 1940, стр. 242.

¹² Мустафа Лала паша, предводитель турецких войск, вторгнувшихся в 1578 г. в Закавказье. Об успешном походе Мустафа паши в Ширван, о подчинении ему «владетелей Дагестана и лезгин», о назначении им Осман паши беглербеком Ширвана см. Искендер Мюнши, лл. 54—55 (стр. 169). См. также: В. Догп. Geschichte, стр. 333—334; Аббас-Кули-Ага Кудси Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 83; История Азербайджана, т. I, Баку, 1958, стр. 237—238.

¹³ Более подробно об этих событиях: В. Догп. Geschichte, стр. 334—338. Сначала кызылбаши, окруженные турками, татарами, «лезгинями», потерпели поражение близ Шемахи. Следующее сражение произошло у местечка Молла Хасан, но уже против крымского Адиль-Герая, имевшего в своем распоряжении 12 тыс. татар, 4—5 тыс. «лезгин, карабурков и ширванцев». Сефевидские войска одержали победу. Осман паша, лишившись предполагаемой помощи крымских татар, оставил Шемаху, двинулся к Дербенту. См. также — Искендер Мюнши, лл. 48—71 (стр. 166, 190), Бакиханов. Указ. соч., стр. 83—86.

Бурхан Али¹⁴ в селения Араг¹⁵, и он (Абу Бекр) разрушил селения их (т. е. жителей Арага) в месяце сафар девятьсот восемьдесят седьмого года хиджры Мухаммеда — да благословит его Аллах всевышний и да приветствует. А Аллах лучше знает правду». Дата соответствует концу марта—апрелю 1679 г.¹⁶

«Та'рих. О сражении с амирами во время Хусен хана мавсума¹⁷ и братьев его. И со стороны братьев его и сыновей его было проявлено большое насилие, так что иссякло терпение (жителей) вилайата Табасаран по причине этих злодейств.

¹⁴ Хотя кызылбаши овладели Ширваном, спокойствие все же не было обеспечено. Дербент оставался в руках турок. «Лезгинны» Шекки и Шабера, объединившись вокруг сына Бурхана, совершали под защитой Осман пашы и дагестанских «князей» неоднократные набеги на Ширван (В. Догп. Geschichte, стр. 339). Бурхан Али Султан, сын Халиллуллаха (правил 1548—1550 гг.) — последний представитель четвертой, дербентской династии ширваншахов. Долгое время жил среди кайтаков, в 1548 г. захватил власть в Ширване. Впоследствии сын его — Абу Бекр Мирза при поддержке турецкого султана Мурада III (1574—1595) вступил в Ширван. — См.: В. Догп. Beiträge zur Geschichte d. Kaukasienchen Länder und Völker. — I. Versuch einer Geschichte d. Schirwanschache, стр. 600—601 (в дальнейшем — В. Догп. Versuch). Имя Абу Бекра Мирзы сына Бурхана Али встречается и в русских документах. В 1593 г. князь Ф. И. Троекуров из Астрахани сообщает царю Федору Ивановичу со слов «Гилянского гонца Неамета»: «Да шахова же де большого воеводы Бурханов-сын ходил к Шемахе, а с ним людей тысячи с три, и взял под Дербенью деревню». Далее сообщается об уходе его в Табасаран, где он собирает силы для выступления против «паши». «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», изд. под ред. Н. И. Веселовского, т. I, СПб., 1890 г., стр. 174.

¹⁵ В тексте так и указано: «селения Араг». Видимо, под Араг подразумевалось не только одно селение, но также ряд селений или прилегающие земли, что-то вроде рустака. Этим, на наш взгляд, объясняется множественное число. Потому вернее было бы перевести «селения Арага». В Касумкентском районе имеются два селения: Ашага-Араг и Юхари-Араг (т. е. Нижний Араг и Верхний Араг). Возможно об этих селениях и идет речь, хотя и имеется сел. Арак, расположенное в Табасаранском р-не, близ сел. Хушни.

¹⁶ Последнее известие, т. е. о приходе Абу Бекра Мирзы, сына Бурхана Али, в «селения Араг» и о разрушении их, в других источниках отсутствует. Однако имеется сообщение о последующих событиях, имевших место в том же 1579 году: Мухаммед-Гирей и другие татарские князья во главе крымских войск прибыли в Дербент и присоединились к турецкому правителю Осман паше. На берегу Самура произошло большое сражение, в котором кызылбаши потерпели поражение. Через некоторое время последовало еще одно неудачное выступление кызылбашей. В итоге турки полностью овладели Ширваном, и Осман паша стал полновластным его правителем. См. В. Догп. Geschichte, стр. 339—345.

¹⁷ В связи с событиями начала XVII в. в источниках упоминается имя Ма'сум хана, правителя Табасарана. Это он ходил с изъявленным покорности к шаху Аббасу I после захвата им Дербента в 1607 году (Бакиханов. Указ. соч., стр. 95—96; L. Bellan. Shah Abbas, Paris, 1932, стр. 164). Возможно о нем и повествует запись Рамазана ал-Куштили.

Затем пришли они с притеснениями (стали чинить насилия) в сел. Хасик¹⁸ и стали чинить насилия среди хасикинцев. Поэтому сразились хасикинцы с амирами и погибло двое мужчин из амиров и некая женщина из хасикинцев, (а также) была отрублена нога одной девушке. Затем хасикинцы обратились (за помощью) к своему верхнему войску, и они пришли (на помощь) своим близким. А затем поднялся (восстал) юноша

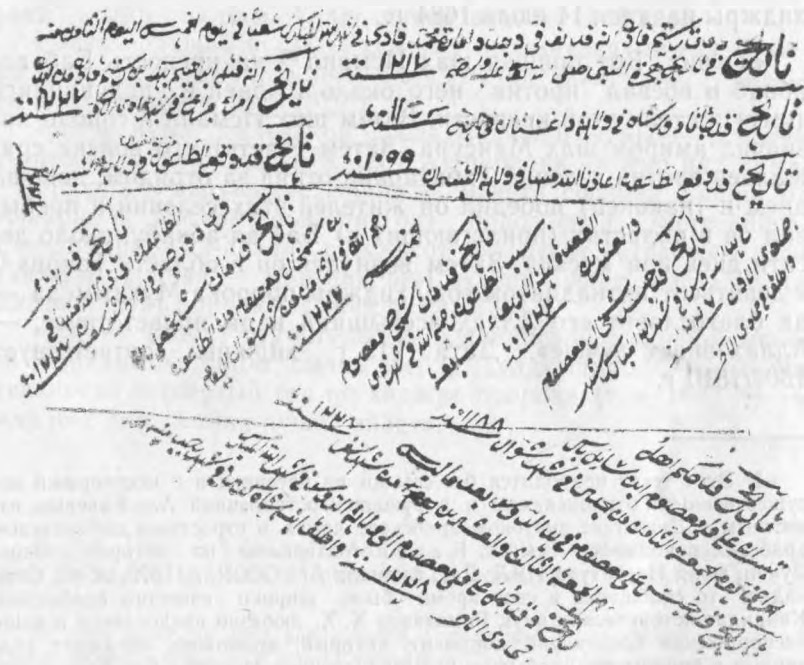

Фото 3.

по имени Шаван Акай из селения Фардак¹⁹ Затем сговорилась чернь Табасарана и был убит ею (Худжа Али, сын Анабая²⁰ в местечке Р-т-б-т, а затем убила (чернь) своих амиров и избирала (своим правителем) Мавсум Герей хана²¹ из се-

¹⁸ Х а с и к — современное сел. Гасик Табасаранского района.

¹⁹ Ф у р д а к — табасаранское селение Хивского района.

²⁰ Худжа Али, сын Анабая — в источниках ранее это имя не встречалось.

²¹ Имя это неизвестно по другим источникам.

ления Джараг в тысяча сороковом году хиджры. Поймите, о братья»²² 1040 г. хиджры соответствует 1630/1631 г.

«Та'рих. Дата сражения между амирами ал-Хушни²³ и Кайдаком²⁴ и (также между) амирами ал-Дж-р-к²⁵ и кызылбашами — в месяц шабан, в среду, в тысяча девяносто пятом году хиджры пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует. И сложили головы многие из Кайдака и из Табасарана. Аллах знает лучше». Месяц ша'бан 1095 г. хиджры начался 14 июля 1684 г.

«Та'рих. Вот пришел шах Исмаил²⁶ на крепость Баб ал-абваб и воевал против него около 10 дней и подчинились (ему) жители этой крепости. Затем шах Исмаил в городе назначил амиром шах Мансура. Затем (часть) его войска сражалась против селений Табасарана отряд за отрядом, день за днем и (наконец) победил он жителей этих селений и пребывал он в областях (прилегающих к) Баб ал-абвабу, около десяти дней или месяца. Затем вернулся он в область Тавриз²⁷ в девятьсот пятнадцатом году хиджры пророка Мухаммеда — да благословит его Аллах всевышний и да приветствует. — Аллах знает лучше». Дата 915 г. хиджры соответствует 1509/1510 г.

²² Этот текст приводится без ссылки на источник и с некоторыми несущественными отклонениями и в рукописи, оставленной Али Каяевым, известным в Дагестане знатоком арабского языка и страстным собирателем арабских рукописей — см. А. К а я е в. Материалы по истории лаков. Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1679, л. 40. Очевидно, это сообщение в свое время было широко известно арабистам. Кандидат исторических наук Рамазанов Х. Х. любезно предоставил в наше распоряжение следующий документ, который, возможно, отражает указанные в хронографе события. В 1870 г. юнкер Мустафа бек Карчагский показал словесно-поземельной комиссии: «Между беками из Майсумовского рода разгорелась междоусобная война, в которой принял участие и народ, во время этой войны майсумы вынуждены были оставить Хучни и переселиться в Джерах, но междоусобия между беками продолжались до того, когда все почти беки были перебиты и остался один малолетний потомок майсума. Этими смутами воспользовались кадии табасаранские и подчинили своему влиянию северный Табасаран. По надписям на могилах в Джерахи видно, что они перешли туда около 300 лет назад» (ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. I, д. 4, л. 15).

²³ Х у ш н и — современное Хучни, районный центр Табасаранского района.

²⁴ Кайдак-Кайтаг, или Кайтак арабских и местных хроник.

²⁵ Ал-Дж-р-к — Джары (?) Лаки называют Джары Чараком (сообщение Баркуева К. М.).

²⁶ И с м а и л I (1502—1524). — основатель государства Сефевидов.

²⁷ Тебриз. Детальное описание этих событий, но без данных о борьбе табасаран против сефевидских войск — см. Искендер Мюнши, л. 15 (стр. 27); В. Д о г л. Versuch, стр. 590—593.

«Та'рих. Произошло сражение в стороне Астал²⁸ между Зульфугаром ханом²⁹ и Табасараном и погибло множество мусульман и было отрезано много голов мусульман и голов рафизитов³⁰ в дату пророка Мухаммеда — да благословит его Аллах великий и да приветствует — в тысяча девятнадцатом году» т. е. в 1610/1611 г.

«Та'рих (дата) разрушения Дурча³¹ — семьсот сорок восьмой год — руками³² в вилайате Табасаран — по хиджре пророка — мир над ним. Аллах лучше знает». 1347/1348.

«Дата большой чумы — семьсот восьмидесятый год хиджры пророка — мир над ним. Аллах лучше знает». 780 г. хиджры соответствует 1378/1379 г.

«Дата чумы маленькой после большой чумы — тысяча десятый год хиджры (т. е. 1601 г.) пророка — мир над ним».

«Та'рих. Разрушение соборной мечети селения Хушни от пожара, в действительности, без подозрения (кого-либо), в месяце раби'ал-авваль восемьсот пятьдесят четвертого года хиджры пророка — мир над ним. Аллах лучше знает». Дата соответствует апрелю — началу мая 1451 г.

«Та'рих (дата) строительства хушнинской соборной мечети Ибрахим Халилом, сыном шейха Дулдугского³³, — тысяча девяносто четвертый год по хиджре пророка (т. е. 1683 г.) — мир над ним. Аллах лучше знает».

* *
*

В сел. Тпиг Агульского района, в здании мечети, до недавнего времени хранился рукописный экземпляр Корана. Он до-

²⁸ Речь идет, по всей вероятности, об одном из лезгинских селений Касумкентского р-на — Юхари-Стал, Орта-Стал и Ашага-Стал (по-лезгински соответственно — Винни-Стлал, Юкван-Стлал и Агъа-Стлал). Все три селения расположены рядом.

²⁹ После захвата Шемахи шахскими войсками правителем города был назначен Зульфугар хан Караманлы. Более подробные сведения Искендера Мюнши о деятельности Зульфугар хана — см. Искендер Мюнши, л. 62 (стр. 171 и сл.); см. также — В. Догп. Geschichte..., стр. 365—384; Бакиханов. Указ. соч., стр. 94—95. Во всех случаях, в отличие от текста Рамазана ал-Куштили, не указано место сражения. Вообще у Рамазана ал-Куштили дается больше подробностей из истории Табасарана.

³⁰ «Рафизиты» — «отступники». Так называли кызылбашей.

³¹ Дурча, по всей вероятности, лакское селение Турчи.

³² Не указано, кто разрушал селение.

³³ Имя Ибрахим Халил, сына шейха Дулдугского, зафиксировано в надписи, вмонтированной в стену «пира», расположенного на окраине сел. Дулдуг (Агульский р-н). Надпись нанесена изящным тонким и неглубоким насхом и читается так: «Построил этот мавзолей Ибрахим Халил, сын шейха Мухаммеда, — да смилостивится над ним Аллах — в тысяча девяносто четвертом году по хиджре пророка — да благословит его Аллах и да приветствует». 1094 г. хиджры соответствует 1683 г.

سَابِعُ الْاَدْلَاءِ

هذا بيان وبرهان من اليوم الى الغد اما بعد
قال ان في شتمنا اذنى على اهل قرية نبيي الى ان
علا قرية زكره وانقروا عليه ولم يكن له سلاح
ومخلووا بقرته عنقوا واحمد بن سليمان وعبد الله
من قرية زركون واحمد بن بلقر ومحمد بن
عيسى بن رستم من قرية دابوق وعون وعلاء بن
وحسين بن رسول من قرية ارمج واحمد بن محمد بن
عبد قول وعبد بن محمد بن قرية كنان وعبد بن
من قرية قريش سنة ست مائة وسبعين

من وجد من دونها
يا جرح وما خرج
لي يتشاور ليتم سدا
هتروا سلاطيني
عنه نارا قال اوسى
قضا قال هذا هو

دَكَاءُ وَكَانَ

هذا بيان وبرهان من اليوم الى الغد اما بعد
قال ان في شتمنا اذنى على اهل قرية نبيي الى ان
علا قرية زكره وانقروا عليه ولم يكن له سلاح
ومخلووا بقرته عنقوا واحمد بن سليمان وعبد الله
من قرية زركون واحمد بن بلقر ومحمد بن
عيسى بن رستم من قرية دابوق وعون وعلاء بن
وحسين بن رسول من قرية ارمج واحمد بن محمد بن
عبد قول وعبد بن محمد بن قرية كنان وعبد بن
من قرية قريش سنة ست مائة وسبعين

الشهد الحثيثا
عطاء من ذكوي
عادي من ذكوي
الاحسين اغلالا
منحاه اوليك
قم التيام عزرا

دَعْوَايَا

هذا بيان وبرهان من اليوم الى الغد اما بعد
قال ان في شتمنا اذنى على اهل قرية نبيي الى ان
علا قرية زكره وانقروا عليه ولم يكن له سلاح
ومخلووا بقرته عنقوا واحمد بن سليمان وعبد الله
من قرية زركون واحمد بن بلقر ومحمد بن
عيسى بن رستم من قرية دابوق وعون وعلاء بن
وحسين بن رسول من قرية ارمج واحمد بن محمد بن
عبد قول وعبد بن محمد بن قرية كنان وعبد بن
من قرية قريش سنة ست مائة وسبعين

Фото 5.

ставлен в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР³⁴.

Рукопись — хорошей сохранности, в кожаном переплете. Бумага белая, лощеная. Почерк — разборчивый, красивый насх черной тушью. В начале рукописи указано, что «настоящую книгу завещали Билал, его сын и его жена (жителям) Тпига для чтения ее в соборной мечети». Дата переписки и имя переписчика не указаны. «На полях книги на 18 страницах записаны разные частные соглашения, судебные решения и вакуфные сделки»³⁵.

Наибольший интерес представляет запись³⁶ событий, относящихся к середине XVI в., рассказывающая о безуспешном иске газикумухского правителя Улхай шамхала по поводу взыскания хараджа с жителей сел. Зулар. Дата записи не указана. Приводим текст (фотокопию) записи в двух редакциях (фото 4, 5).

Перевод:

«Это — пояснение и доказательство на будущее. Подлинно А-л-х (или У-л-х, И-л-х) — шамхал³⁷ предъявил иск жителям селения Тпиг по поводу какого-то селения, называемого Зулар³⁸, что (мол) «харадж³⁹ с этого селения полагается

³⁴ Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, фонд арабских рукописей, № 13.

³⁵ Из предварительного описания рукописи, данного К. М. Баркуевым.

³⁶ Запись об одном и том же событии занесена дважды, по всей вероятности, двумя лицами. Оба текста почти совпадают, имея лишь незначительные расхождения в написании и количестве имен.

³⁷ По мнению канд. ист. наук Маршаева Р. Г. здесь речь идет о газикумухском правителе Улхай шамхале, правившем в середине XVI в. Действительно «... на рубеже XV—XVI в. в Кумухе правил Улхай шамхал. а потом его сын — также Улхай шамхал»; — Л. И. Л а в р о в. Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. Краткие сообщения Института этнографии, XIX, М., 1953, стр. 7. Документ дает возможность уточнить, что Улхай шамхал продолжал править и в середине XVI в.

³⁸ Примерно в 2,5 км к западу от сел. Тпиг (Агульский р-н), на правом берегу Чираг-чая, местность называется «Зулеран-хуър». «Зулер» по-агульски «лестница», а «хуър» — «селение». Со слов, это одно из пяти селений, которые впоследствии образовали селение Тпиг, нынешний районный центр Агульского района. Здесь сохранились кувчие надписи (сообщение Багаудинова Багадая, жителя сел. Тпиг). Очевидно, в приводимом нами тексте под «Зулар» подразумевается ныне разрушенное селение Зулеран-хуър.

³⁹ Слово «харадж» в арабской исторической литературе является позднейшим произношением названия налога, которым было обложено земледельческое население по земельному кадастру, составленному при Хосрове I Ануширване (531—579) — см. Б. Н. Заходер. История восточного средневековья. М., 1944, стр. 11. Данная запись — единственная из источников о средневековом Дагестане, где упоминается термин «харадж». По традиции термин этот следовало бы перевести словом «поземельный налог». В данном случае термин оставляем без перевода, хотя предпочтительнее было бы передать его словом «доход».

мне». Затем был разобран иск и установлено, что не было и не осталось на этом селении (никакого) хараджа и ничего другого — при свидетельстве справедливых и (при даче) клятвы — в присутствии следующих свидетелей: Молла Али и Гули из Худхула⁴⁰, Салих из Дулдуга⁴¹, Раджаб сын А-б-к-н из Дулдуга, Ахмед из Курдали⁴², Хусейн из Арага⁴³, Мухаммед Акун из Кумука, Мухаммед, сын Худа, и Омар из Ка'и⁴⁴, Ибрахим, сын Яхьи, и Ахмед, сын Сулеймана, из Зирихгерана⁴⁵, и написавший первый раз (впервые) эти строки, пыль от стоп Ахмед, по прозвищу ал-Кади. И утверждено это было в субботу, в месяце ша'бан девятьсот шестидесятого года (т. е. 13 июля—11 августа 1553 г.) по хиджре пророка Мухаммеда — мир над ним».

Вторая запись рассказывает о том же:

«Это — пояснение и доказательство от сегодняшнего дня на будущее. А затем. Подлинно Архи шамхал⁴⁶ предъявил иск к жителям селения Тпиг: «мне принадлежит харадж с селения Зулар». Но они не признавали его, в то время как у него (т. е. Архи шамхала) не было свидетелей. И поклялись они (т. е. тпигцы) в отрицании его в присутствии свидетелей: Ахмеда, сына Сулеймана, и Абдуллаха, сына Йахьи, из сел. Зирихгеран, Ахмеда, сына Б-л-к-д-р (Булкадара), Салиха, сына Омара, Раджаба, сына А-б-к-н, и Муса, сына Рамазана, из сел. Дулдуг, Гули и Молла Али из сел. Гудгул⁴⁷, Хусейна, сына Расула, из сел. Араг, Ахмеда, сына Мухаммед Гази, из сел. Курдали⁴⁸, Хамзы, сына Сумака, из сел. Маджарак⁴⁹. Год девятьсот шестидесятый (т. е. 1553) по хиджре пророка избранного Мухаммеда — да благословит его Аллах и да приветствует».

В Ереване, в фонде арабско-персидских рукописей Государственного хранилища Армянской ССР «Матенадаран», хранится рукопись — лакский перевод дагестанской историче-

⁴⁰ Худхул — селение в Агульском районе.

⁴¹ Дулдуг — селение в Агульском районе.

⁴² Курдул — селение в Рутульском районе.

⁴³ Араг — см. выше.

⁴⁴ Ка'и — современное лакское селение Кая, близ районного центра Вачи (Кулинский район).

⁴⁵ В арабском тексте написано «Зирикандский», но во второй записи (см. дальше) отмечено «Зирихгеранский». Речь идет о современном Кубачи.

⁴⁶ Архи шамхал — это упомянутый выше Улхай шамхал.

⁴⁷ Т. е. Худхул.

⁴⁸ Т. е. Курдул.

⁴⁹ Маджарак — точно не локализуется.

ской хроники «Дербенд наме»⁵⁰. Как отмечено в конце хроники, она переписана в Кумухе в 1853 г. с рукописи, написанной также на лакском языке. Дата рукописи, с которой снята копия, не указана. В настоящем нас интересуют две записи на арабском языке исторического характера на титульном листе списка лакского перевода «Дербенд наме». Обе они рассказывают о разрушении Кумуха (1240, 1733) внешними завоевателями — монгольскими и персидскими войсками.

Вот сообщение о первом разрушении Кумуха:

«Разрушение Гумика⁵¹ турками⁵² (имело место) в понедельник, в начале (месяца) рамазан, во времена Наджм ад-дина⁵³, и погибли мученической смертью все войска Гумика, кроме тысячи тридцати трех (воинов), в шестьсот тридцать седьмом (году). Аллах лучше знает»⁵⁴. Первый понедельник м-ца рамазан 637 г. хиджры падает на 1 апреля 1240 г.

Следующая запись посвящена вторичному разрушению Кумуха, но уже сефевидскими войсками:

«Дата вторичного разрушения Гумика войсками рафизитов⁵⁵ — да отдалит их аллах — в четверг, в благословенный

⁵⁰ Государственное хранилище Армянской ССР «Матенадаран». Арабско-персидский фонд, дело 240, л. 1.

⁵¹ Г у м и к — современный Кумух У средневековых арабских и др. авторов было принято написание «Гумик» или «Кумук», и под этим названием имелось ввиду не одно только селение Кумух, но и «царство» Гумик.

⁵² Татары, разрушившие Кумух в 1240 г., — см. Б. Маллачиханов. Материалы по истории нагорного Дагестана. РФ ИИЯЛ, д. 1167, лл. 25—26. В надписи из сел. Рича, посвященной этому событию, прямо указывается на татар: «Эта соборная мечеть Баб-ал-кист Рича разрушена войсками татар...» см. Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (статья вторая). Сб. МАЭ, т. XVIII, 1958, стр. 333; А. Р. Шихсаидов. О пребывании монголов в Рича и Кумухе. Ученые записки Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. IV, Махачкала, 1958, стр. 7.

⁵³ Имя это встречается только в связи с указанным событием, т. е. приходом монгольских войск в Кумух. По всей вероятности, Наджм ад-дин был кумухским правителем.

⁵⁴ Это сообщение точно в таких же выражениях записано в Кумухе Али Каяевым — см. Али Каяев. Материалы по истории лаков. РФ ИИЯЛ, д. 1642, лл. 273, 254. Записи эти изданы — см. А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 7.

⁵⁵ Т. е. кызылбашей.

бога месяц джумада ал-авваль, во время Сурхай хана⁵⁶. Год 1146» (октябрь—ноябрь 1733 г.)⁵⁷.

Две последние записи рассказывают о чуме в Кумухе (1686—1687 г.) и землетрясении, разрушившем в 1667 г. Шемахи и Цахур:

«Разразилась чума в городе Гази-Гумик во времена Будай шамхала и кадия Абдуллаха и было вынесено из местечка⁵⁸ Хукал⁵⁹ более пятисот носилок в тысяча девяносто восьмом году «упаси, боже, нас от нее и от других болезней — а по индийскому написанию 1098 (год)»⁶⁰.

«Вот произошло сильное известное землетрясение, которое разрушило (такие) города, как Шемахи и Цахур⁶¹, в утреннее время⁶² в тысяча семьдесят восьмом году, а индийскими цифрами — 1078 год»⁶³ (1078 год хиджры соответствует 1667 г.).

* * *

⁵⁶ Сур х а й-х а н (или Чулак Сурхай) — первый газикумухский хан (начало и середина XVIII в.).

⁵⁷ В рукописном фонде Ин-та истории, языка и литературы хранится арабская рукопись, которая при инвентаризации не совсем точно озаглавлена «Сказание об основании аула Аргуани (дело № 1657). На одной из страниц этой рукописи (л. 29) сделан ряд хронологических записей по истории Дагестана. Как отмечено в начале рукописи, она доставлена Али Каяевым. Хронологическая запись заканчивается указанием на ближайший источник сведений: «Из записи Мухаммеда, по прозвищу Кадар и Халцар-а, ученика при ученом Абд Лилави ал-Бацади» (Бацада — аварское селение близ Гуньба). Некоторые записи из Бацада иногда буква в букву повторяют сообщение на полях рукописи лакского перевода «Дербенд наме», переписанного в 1853 г. Можно предположить наличие общего источника для обеих записей: «Пришел Тахмаз хан (т. е. Надир шах) со своим войском в вилайат Дагестан, захватил город Гумик и оставался в дому Сурхай хана в течение семи дней. Затем он вернулся после этого в месяце джумада ал-авваль 1147 г.», т. е. в конце августа 1734 г.

⁵⁸ Возможен также перевод «из квартала».

⁵⁹ Хукал — ныне квартал Кумуха. Раньше — отдельное селение. В конце XIX в. были известны местные ученые с нисбой «Хукальский»: «Да и теперь там живы хорошие ученые, как например, Гаджи Абдурахман эфенди и Магомед эфенди Хукальские» — см. Х а с а н э ф е н д и А л к а д а р и. Асари Дагестан, стр. 152.

⁶⁰ В рукописи из Бацада случай этот описан в более сокращенной форме: «Распространилась чума в Гумике (во) время Будай шамхала (в) 1096 году и (также) в селении Бацада (в) 1097 (году хиджры)». 1096 г. х. соответствует 1684—1685, а 1097 — 1685—1686 году.

⁶¹ Цахур — селение в 34 км к западу от районного центра Рутула, на правом берегу р. Самур. В прошлом Цахур — крупный населенный пункт, важный политический центр на юго-западе Дагестана.

⁶² Месяц и день не указаны.

Мы дали краткое описание и перевод текстов трех источников на арабском языке, относящихся к истории средневекового Дагестана. Они посвящены различным по содержанию событиям и охватывают вопросы как политического, так и социально-экономического порядка. При скудости источников и при том большом интересе, который проявляется ныне к арабским источникам, в частности по истории Дагестана, необходимость издания подобных текстов и их переводов с последующим источниковедческим анализом очевидна.

⁶³ Об этом землетрясении упоминается также в записи из селения Баада: «Произошло сильное известное землетрясение, которое разрушило такие города, как Шемахи, утром 1078 г., а (также произошло) в этом же году в (м-це) джумада ал-ахир лунное затмение, (продолжавшееся) продолжительное время, пока (оно) не прошло. А темнота была сильная». Джумада ал-авваль 1078 г. хиджры падает на август—сентябрь 1667 г.

О землетрясении 1667 г. рассказывает также надпись 1670—1671 г. из сел. Мишлеш Рутульского р-на — см. Л. И. Лавров. Землетрясение 1667 г. в Дагестане. «Известия Академии наук СССР». Серия географическая. № 8, 1958, стр. 1080; Его же. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVII, 1957, стр. 382. Надпись зафиксировала разрушение мечети в Мишлеше во время землетрясения.

К ВОПРОСУ О РАБСТВЕ В ДАГЕСТАНЕ

В исторической литературе, посвященной Дагестану, нет ни одной специальной работы по вопросу о рабстве. Исследователи ограничивались лишь упоминанием о нем в связи с другими историческими и этнографическими проблемами. В их трудах приводятся интересные данные о рабстве в Дагестане¹, вскользь говорится об источниках рабства и использовании рабов в хозяйстве. Однако в целом вопрос о рабстве в Дагестане, в силу крайней скудости источников и их слабой изученности, до сих пор не нашел удовлетворительного разрешения. Остаются совершенно не исследованными такие важные стороны этого вопроса, как место рабства в экономике Дагестана, источники его происхождения и, в особенности, роль и значение внутренних и внешних факторов, которые исторически обрекли рабство на неминуемое отмирание.

В настоящей статье рассматриваются некоторые стороны этого вопроса.

* * *

Письменные источники свидетельствуют о том, что в течение столетий рабство уживалось с существовавшими в Дагестане производственными отношениями феодального типа.

Еще арабские авторы указывали, что в IX и X веках

¹ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, т. 2, М., 1823; Руновский. Взгляд на сословное и поземельное право в Дагестане. «Военный сборник», 1862, № 8; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, СПб, 1871; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX вв., Махачкала 1957 г.; Х. О. Хашаев. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах в Дагестане в XIX в. «Ученые записки ИИЯЛ», т. 1, Махачкала, 1956, стр. 85 и др.

в Баб-ал-абвабе (Дербент—Х. Р.) «встречаются рабы из разных стран кяфиров»². Табари (ум. 923) сообщал, что жители города Семендера производили шерстяные ткани, имели «значительные суммы денег», а также рабов и рабынь, которыми «нередко откупались от арабов»³. Масуди писал: «Царство Серир содержит 1200 поселений, из которых царь берет себе в рабы кого угодно». В документе XIII века, написанном с использованием данных X—XI вв., в числе других товаров Дербента указаны рабы и красивые девушки-рабыни⁴. Там же сообщается, что у падишаха царства Серир были рабы⁵. В последующие века рабство, судя по источникам, занимало немаловажное место в хозяйственной жизни горцев.

О наличии рабов в горном и плоскостном Дагестане свидетельствуют и такие исторические источники, как «Кодекс законов Умму-хана Аварского», опубликованный доктором исторических наук Х. О. Хашаевым и относимый им к концу XVI— началу XVII в., «Гидатлинские адаты» (XVII в.), также найденные и изданные Х. О. Хашаевым, «Постановления Кайтагского уцмья Рустем-хана», опубликованные А. В. Комаровым в первом выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах». Эти исключительно ценные историко-правовые местные памятники содержат ряд статей, регулирующих правовое положение рабов. Наконец, источники и литература XVIII и XIX веков также подтверждают наличие рабов в Дагестане⁶.

Таким образом существование рабства в Дагестане вплоть до XIX века является бесспорным.

В связи с этим представляет интерес наличие в языках всех местных народностей слова «раб». В аварском, даргинском и лакском языках таким словом является «лагъ», в лезгинском, агульском, табасаранском, рутульском и цахурском языках — «лукI» и, наконец, в кумыкском и татском языках — «кьул» («къараваш» — рабыня). Эти слова, за исключением тюркского термина «кьул», дагестанские языковеды предположительно относят к исконно местным терминам.

² Н. К. Караулов. Сведения арабских географов IX и X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, вып. XXIX, Тифлис, 1901, стр. 11, (Ал-Истахрий).

³ П. С. Соловьев. Мухамеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб, 1847, стр. IX.

⁴ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в на персидском языке. «Ученые записки Института востоковедения», 1954, стр. 200.

⁵ Там же, IX, стр. 205.

⁶ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, Тифлис, 1899; Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Вып. II; Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам. Рук. фонд ИИЯЛ АН СССР, д. 1321 и др.

Возникает вопрос, если рабство в Дагестане существовало в течение длительного периода, то каковы были его источники?

Имеющиеся документы показывают, что в Дагестане внешний источник рабства был основным и главным. Известно, что вплоть до присоединения Дагестана к России, в крае происходили разорительные феодальные междоусобицы. Нередким явлением были также набеги на территорию Закавказья. Все это сопровождалось захватом скота, лошадей, имущества и пленением людей. Захваченных людей не превращали сразу в рабов. Владельцы, надеясь получить выкуп, вначале относились к ним терпимо. Когда же они убеждались в невозможности получить выкуп, то отношение к пленным менялось и последние фактически оказывались на положении рабов.

Ханы, беки, богатые уздени обращали в рабство не только иноверцев, но и единоверцев, хотя согласно предписанию ислама единоведец-мусульманин не мог быть обращен в рабство. В статье «Кумыки, их нравы, обычаи и законы», опубликованной в 1846 году, говорится: у кумыков рабы «происходят или от пленных, взятых на войне, или от вольных людей, обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом какому-нибудь кумыку князю или узденю. Промышленность эта до сих пор очень деятельно производится между ними. Молодые удалцы их, рискуя по соседям, чтобы выгнать, из какого табуна легче будет угнать лошадь или буйвола, не пропустят удобного случая украсть мальчика или девочку и даже взрослого, когда на то есть возможность»⁷.

Количество рабов могло расти и за счет покупки их на невольничьих рынках. Но этот источник на рост числа рабов большого влияния не оказывал.

Внешний источник рабства был главным, но не единственным. Время от времени контингент рабов пополнялся за счет несостоятельных должников и так называемых кровников. В Присулакском наибстве «за убийство бека узденем вместе с убийцей выходят в канлы шесть ближайших родственников его и при примирении убийца должен служить родственникам убитого, как кул (раб)»⁸.

В северном Табасаране при похищении девушки ее родственники преследовали похитителя. Если при преследовании похищенная девушка «вбежала в дом бека, то она поступала в вечные рабыни бека, который распоряжался ею по своему

⁷ «Кавказ», 1846, № 37, ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72 «г», л. 3. Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, СПб, 1871 г., стр. 625; М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, 1, М., 1890, стр. 226.

⁸ Управление жителей Присулакского наибства по их местным адатам. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилнала АН СССР, д. 1321, л. 42.

усмотрению»⁹. То же было и в Кайтаге¹⁰. О том, что «неплатежеспособных должников» и «кровников» превращали в рабов, говорится и в других документах¹¹. Однако подобные случаи были довольно редки и ввиду этого не играли большой роли в увеличении количества рабов в Дагестане.

Правом владеть людьми в основном пользовались представители класса феодалов, обладавшие обширными участками пахотных и пастбищных земель, огромными отарами крупного и мелкого рогатого скота и содержавшие многочисленную домашнюю прислугу. «Холопов имеют одни зажиточные люди», — говорится в упомянутой выше статье, опубликованной в газете «Кавказ»¹². В Андии некоторые из состоятельных жителей владели большим числом пленных и «богатели от торгоа людьми»¹³. В прошении царю богач из даргинского селения Кадар писал: «Я владел 10 невольниками и невольницами, имел дом, отару овец и крупный рогатый скот. Войска Шамиля, когда они заняли наш аул, захватили все мое имущество. Я же бежал от них и нашел убежище в службе императору»¹⁴.

Рабовладельцами являлись не только представители верхушки дагестанского общества. В ряде случаев рабов имели и сельские джамааты, а также отдельные влиятельные тухумы. Что же касается основной массы трудящихся горцев, то им были чужды стремления к захвату людей и обращению их в рабство. Рядовые горцы, занятые мирным трудом, возражали против предпринимавшихся дагестанскими владельцами набегов, приводивших часто к ответным набегам, в частности, из Грузии. Последствия этих взаимных набегов ложились тяжелым бременем на плечи рядовых горцев; набегии расстраивали их хозяйства и не давали возможности спокойно трудиться.

Рассмотрим вопрос о положении рабов. Общественно-экономическое и политическое положение рабов было исключительно тяжелым. Раб был в руках владельца всего лишь материальной ценностью, живым товаром, говорящим инструментом, с которым хозяин вправе поступать, как угодно. Труд раба не регламентировался, раб был обязан исполнить все, что потребует от него владелец, получая за это лишь скудное питание и одежду, необходимые для физического существования.

⁹ Адаты Дагестанской обл. и Закатальского округа. Тифлис, 1899, стр. 550.

¹⁰ Адаты и судопроизводство по ним. Составил А. В. Комаров. ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1868, стр. 53.

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71 «а», 72 «г».

¹² Кумыки, их нравы, обычаи и законы. «Кавказ», 1846, № 37.

¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 49741.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 270.

Рабы, согласно адатам горцев, были лишены каких-либо политических прав; не могли быть допущены к разбирательству дел в качестве свидетелей или к участию в сходе джамаата¹⁵. За рабами официально не признавалось право иметь семью. Однако на практике владельцы, заинтересованные в увеличении «живого товара», поощряли внебрачные связи рабов. Иногда владельцы сами определяли, какая из рабынь с каким рабом должна вступить в связь, причем они неукоснительно соблюдали право первой ночи¹⁶. Разумеется, эти браки считались незаконными, их рассматривали как простое сожитительство. Родившиеся в результате сожитительства дети, так же как и их родители, принадлежали владельцам. Во власти владельцев было разлучать жену и мужа, детей и родителей, дарить рабов и т. д. Шамхал Сулейман-хан в XIX в. писал жителям села Гелли: «Я подарил дочери Ермолова, Софиат, рабыню из моих рабынь, подаренных мне Баммат Кази пашой. Я слышал, что она освобождается от рабского положения за выкуп в 260 руб. Это дело не принимаю и не согласен»¹⁷.

Рабы были объектом купли и продажи. С давних времен такие крупные населенные пункты, как Дербент, Тарки, Андрей-аул, Аксай, расположенные в плоскостной части Дагестана, были центрами работорговли, куда приезжали работорговцы не только из нагорного Дагестана, но и из Турции, Персии, Крыма, Азербайджана. По сообщению Броневского, «магометанские купцы, приезжающие из Константинополя и Анапы, были основными покупателями так называемых «ясырей» (пленных, обращенных в рабов — Х. Р.)¹⁸.

В ряде случаев владельцы вывозили своих рабов за пределы края, надеясь продать их по высокой цене. Так, аксаевские и андреевские жители привозили рабов и рабынь в Анапу¹⁹. В 1800 году казачья команда отбила у горцев за рекой Терек девять невольников разных наций, отправленных аварской ханшей Гихили для продажи в Анапу²⁰. Практиковавшаяся в течение столетий работорговля вызвала в ряде мест появление посредников в лице купцов, у которых торговля рабами превратилась в специальный промысел. Р. М. Магомедов пи-

¹⁵ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Вып. II, стр. 197; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа, Тифлис, 1899, стр. 76.

¹⁶ «Кавказ», 1848, № 43.

¹⁷ Республиканский краеведческий музей ДАССР, папка 254, гр. «К», л. 69.

¹⁸ С. Броневский. Указ. соч., стр. 199; АКАК, т. 1, стр. 756.

¹⁹ Р. М. Магомедов. Указ. соч., 1957, стр. 182.

²⁰ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала, 1940, стр. 120.

шет: «В Аварии часть рабов продавали восточным купцам через скупщиков в Дербенте, Тарках, Аксае, по местным преданиям в джамаате Цулда покупкой и продажей пленных занимался местный богач Гайдар-Тин-Магомед»²¹. Цена раба зависела от ряда внешне-политических и внутренних обстоятельств. В зависимости от физических способностей, знания ремесла, а также в зависимости от красоты и возраста, цена раба в XIX веке колебалась от 100 до 600 рублей²².

Работорговля, наряду с эксплуатацией зависимых крестьян, приносила феодальным верхам Дагестана большие доходы. Этим в значительной степени объясняется организация отдельными дагестанскими владетелями набегов на соседние территории, с целью захвата пленных.

Таким образом, в Дагестане работорговля была развита довольно широко; контингент рабов был текучим, вследствие стремления владельцев сбыть лишних рабов. В этом одна из специфических особенностей рабства в Дагестане.

Фактические данные свидетельствуют о применении рабов не только в качестве домашней прислуги, но и в качестве пахарей, пастухов, мастеровых. В феодальных владениях Дагестана были целые селения, где жили исключительно рабы: Кубра, Четрух, Катрух, Ках, Куаниб, Тлейлух, Цельмес, Куллар, Луклар²³. В селении Куллар-оба жили ханские рабы, которые работали на строительстве канала для орошения ханских земель. В хозяйстве феодалов, в частности, аварских и лакских, наряду с трудом зависимых крестьян использовался и труд рабов, но основным источником обогащения феодалов была эксплуатация зависимых крестьян. Мы не можем привести ни одного случая, чтобы тот или иной владелец жил только за счет рабского труда. Однако в феодальных владениях Дагестана рабов было относительно больше, и рабский труд в хозяйстве ханов, князей, беков имел сравнительно большее применение, чем в так называемых «вольных» обществах.

К сожалению, нет данных о количестве рабов в Дагестане в более ранний период. Мы располагаем лишь сведениями, относящимися к концу первой половины XIX в., согласно которым, количество рабов в Дагестане (включая Кумыкский округ) составило 4831 человек.

²¹ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 182.

²² Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1869, стр. 48—49.

²³ Руновский. Взгляд на сословное и поземельное право в Дагестане. «Военный сборник», 1862, № 8, стр. 381; Х. О. Хашаев. Общественно-экономический строй в Дагестане в XIX в., Махачкала, 1957, стр. 110; С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX — начале XX в. «Ученые записки ИИЯЛ», Махачкала, 1959, т. VI, стр. 241.

Источники свидетельствуют о том, что «в прежнее время (до 30-х годов XIX в. — X. Р.) число бесправных рабов в Дагестане было гораздо значительнее»²⁴. В десятках аварских, лакских, даргинских селений имелись рабские кварталы и целые рабские тухумы. Х. О. Хашаев отмечает, что в XIX веке в Аварии «почти в каждом селении имелись тухумы «лазгал», что значит тухумы рабов»²⁵. Все это свидетельствует о том, что несмотря на развитие работорговли, значительная часть рабов оседала в сельских джамаатах, и рабский труд в экономике края имел значение, далеко выходящее за рамки домашнего рабства.

Однако рабство в Дагестане, имевшее многовековую историю, не переросло в рабовладельческую формацию, так как в недрах горского общества не было для этого необходимых условий. Поэтому рабство неминуемо было обречено на отмирание.

Феодальные производственные отношения у дагестанских народов возникли, как известно, в результате разложения первобытно-общинного строя. Для дагестанских обществ, особенно для образований феодального типа, которые появлялись еще до X века, было характерно наличие в их недрах свободной рабочей силы и ввиду этого раннее появление эксплуатации рядовых узденей. По мере усиления процесса закабаления обедневших рядовых узденей феодальной верхушкой уменьшалась потребность в труде рабов.

Владельцы предпочитали малопроизводительному труду рабов труд зависимых узденей. Ничем иным, как только этим обстоятельством, нельзя объяснить тот факт, что отдельные феодалы, по мере увеличения количества рабов, считая их содержание для себя тягостным, либо продавали их, либо сажали на своей земле отдельными селениями. Иначе говоря, они переводили рабов на положение крепостных. Правда, общественно-экономическое положение таких крепостных мало чем отличалось от положения рабов. Рабы аулов Ках, Катрух и Четрух Казикумухского и Аварского ханств «имели оседлую жизнь, обрабатывали ханские земли, получаемый с этих земель хлеб отдавали своим владельцам»²⁶.

Эксплуатация феодально-зависимых категорий крестьян все больше исключала возможность развития рабства, приводя одновременно к поглощению рабов этими категориями дагестанского общества. Источники свидетельствуют о том,

²⁴ ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1869, стр. 48—49.

²⁵ Х. О. Хашаев. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах в Дагестане в XIX в. «Ученые записки ИИЯЛ», т. 1, Махачкала, 1956, стр. 85.

²⁶ Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ, вып. 1.

что категория крепостных крестьян, известная у кумыков под названием «чагаров», образовалась из бывших рабов, посаженных князьями на своей земле с обязанностью нести в пользу их определенные подати и повинности, и т. д. В нагорном Дагестане (Авария, Лакия) число крепостных крестьян «раятов» в известной мере пополнялось за счет бывших рабов²⁷.

Происхождение категории крестьян, известной в источниках под названием «азаты» (вольнотпущенники), всецело связано с издавна существовавшим у народов Дагестана обычаем, согласно которому владельцы могли отпускать своих рабов на волю за выкуп или безвозмездно.

Р. М. Магомедов обнаружил в мечети даргинского селения Гапшима книгу, в которой имеются весьма ценные сведения о положении рабов в Казикумухском ханстве, в том числе и об условиях освобождения владельцами своих рабов. «Бек, сын Гази из Кунди, — говорится в этой книге, — освободил своего раба Чупу достоверно и официально за сто годовалых овец в течение десяти лет, с условием, что он (отпущенный раб) дает в конце каждого года тридцать аббаси и стоимость быка при свидетелях»²⁸. И далее: «Бек, сын Гази, освободил своего раба Герги официально и письменно за шесть годовалых овец в течение шести лет с условием, чтобы он в последующем вносил в конце каждого года десять овец. И его дети свободны, как их мать. Так бек освободил их мать Гельди, жену Герги, когда она еще маленькой была»²⁹.

В аварских селениях Чох, Корода, Метлюта также жили потомки освобожденных в свое время рабов³⁰.

Владельцы должны были выдать отпущенным на волю рабам документы, заверенные сельским кадием и двумя свидетелями³¹. В ряде случаев владельцы могли дать рабам волю без выкупа, например, в «богоугодных» целях, в честь прихода высокоуважаемого кунака, а также в честь знаменательных событий (рождение долгожданного сына, излечение от продолжительной болезни). Рабы, получившие освобождение за выкуп или без выкупа, а также их потомство, при фактическом неравенстве формально становились в равные отношения с членами сельского джамаата. Как говорится в одном документе, «рабское происхождение — пятно, не вдруг изглаживающееся»³². В ряде мест существовал

²⁷ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 279.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 605.

³¹ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев. Вып. II, стр. 193.

³² «Кавказ», 1846, № 37.

ряд форм морального унижения и материального притеснения отпущенных на волю рабов и их потомков³³

Бегство рабов из Дагестана, достигавшее временами большого размера, также вело к сокращению количества рабов. Еще в 1640 году посол из засулакской Кумыкии, будучи в Москве, говорил: «Из Эндери холопы и рабы бегают в Терский город»³⁴.

Борьба рабов, проявлявшаяся в разных формах, в сущности никогда не прекращалась. Не случайно, в памятниках истории Дагестана, относящихся к XVI—XVII векам, имеются специальные статьи, которые определяют меру наказания рабов за убийство свободных и устанавливают ответственность владельцев за поступки рабов. Очевидно на практике убийства рабами свободных людей или своих владельцев были не редким явлением.

Из изложенного ясно, что в недрах дагестанского общества постепенно вызревали предпосылки, определившие в конечном счете внутреннее разложение рабства. Несмотря на это, процесс отмирания рабства проходил в Дагестане очень медленно. В данном случае сказывалось действие внешних факторов: возможность по-прежнему выгодно продавать рабов за пределами Дагестана, организовать набеги на соседние страны, войны, междоусобицы. Вплоть до окончательного присоединения Дагестана к России эти факторы не только способствовали сохранению рабства в Дагестане, но иногда даже приводили к его оживлению.

Положение изменилось, когда Дагестан вошел в состав русского государства. Присоединение Дагестана к России способствовало подрыву факторов, приводивших в консервации внутренне разлагающегося рабства, и привело к его ликвидации.

Политика царского правительства по отношению к рабству в Дагестане была непоследовательной и противоречивой. Царизм по своей классовой природе не мог выступать последовательным противником рабства, хотя русскими военачальниками и предпринимались шаги, приведшие по своим объективным результатам к ограничению количества рабов в Дагестане. До присоединения Дагестана к России царские власти, в ходе политических переговоров с дагестанскими владельцами о принятии ими подданства, а впоследствии при назначении и утверждении их в должности, одним из условий ставили безоговорочное освобождение русских невольников. При этом нередко практиковался выкуп невольников христиан, для чего казна ассигновала определен-

³³ Н. Д у б р о в и н. Указ. соч., стр. 605—606.

³⁴ «Очерки истории Дагестана», т. 1, Махачкала, 1957, стр. 112.

ные средства³⁵. Так, Петр I в Тарках взял у шамхальского везира 27 ясырей-христиан³⁶. С другой стороны, русские власти в этот период, не желая ссориться с дагестанскими владетелями, возвращали бежавших в пограничные русские крепости рабов не христиан. В 1802 году ген. Кнорринг прямо указывал: «холопья из аксаевцев и андреевцев, к нам бегущие, тотчас им возвращаются», а «за пленных христиан выдаваемы были деньги»³⁷.

Этой политикой русские военачальники руководствовались с давних времен. Еще в XVII веке в ходе переговоров дагестанских владетелей с русскими воеводами Терского города неоднократно ставился вопрос о бегстве «тягловых людей» и «ясырей»³⁸.

Если до присоединения Кавказа к России представители военно-феодальной верхушки дагестанского общества могли безнаказанно совершать набеги и вести междоусобную борьбу, создававшие условия для постоянного притока большого количества пленных, то после вхождения сначала отдельных частей, а затем всего Кавказа в состав России обстановка резко изменилась. Как известно, территория Северного Кавказа, в том числе и засулакская Кумыкия, задолго до XIX столетия оказалась в сфере влияния России. В 1801 году в состав русского государства вошла Грузия. В первой четверти XIX века Армения, Азербайджан и Дагестан также были присоединены к России.

На присоединенных территориях расположились русские войска, которые начали строительство военных объектов (крепостей, укрепленных линий). В этих условиях организация набегов в таких масштабах, в каких это имело место раньше, оказалась почти невозможной. Их организаторов русские власти подвергали наказанию. В то же время разорительных междоусобных столкновений в самом Дагестане становилось все меньше. Естественно, все это приводило к сокращению основного источника рабства в Дагестане. К тому же турецкие и персидские купцы уже не могли беспрепятственно проникать в Дагестан, что приводило к сокращению работорговли.

Нередко русские власти на Кавказе, занимая отдельные территории Дагестана, освобождали рабов. Так, генерал Ермолов уничтожил рынок работорговли в крупнейшем кумыкском ауле Эндирей³⁹. В ходе военных действий, рабы

³⁵ АКАК, т. I, док. 1117.

³⁶ Р. М. Магомедов. Указ. соч. стр. 181.

³⁷ АКАК, т. I, № 1117.

³⁸ «Очерки истории Дагестана», т. I, Махачкала, 1957 г., стр. 112.

³⁹ АКАК, т. VI, ч. II, док. № 896.

целых аулов освобождались от рабства с последующим уравниванием их в правах с остальными жителями⁴⁰.

Однако подобные меры принимались лишь по отношению к тем рабовладельцам, которые, изменив верноподданическим обязательствам перед русским престолом, ориентировались на Турцию и Персию.

Что же касается феодалов, усердно проводивших процаристскую политику (а их было большинство), то они продолжали иметь вместе с другим движимым и недвижимым имуществом и рабов. Царское правительство не ставило перед собой цели ликвидировать рабство, боясь тем самым нарушить интересы местной знати, являвшейся социальной опорой царизма в проведении его колонизаторской политики.

«С покорением Дагестана, — писал Эсадзе, — уже при русском управлении, жалобы рабов стали повторяться чаще, и местная администрация... не могла помочь обиженным, так как подобное заступничество влекло за собой нарушение прав, представленных обычаями страны владельцам»⁴¹.

Более того, в отдельных случаях царские власти предпринимали шаги, которые объективно стимулировали захват людей. Русские военачальники, продолжая по-прежнему выступать против пленения русских подданных, в то же время в ходе Кавказской войны официально санкционировали пленение так называемыми «мирными» жителями «непокорных» горцев. В рапорте генерал-майора Нестерова генерал-лейтенанту Заводовскому от 14 марта 1849 года отмечено: «Пленные горцы, которые были захвачены жителями кумыкского владения, а равно и надтеречных деревень, по распоряжению предместника моего генерал-лейтенанта Фрейтага были отдаваемы в пользу поимщиков». Далее Нестеров указывал, что предписал местным воинским начальникам по их усмотрению «пойманных жителей из непокорных горцев отдавать в пользу поимщиков»⁴². В рапорте главного кумыкского пристава Кашкарева командующему войсками в Кумыкском владении генерал-майору Бярятинскому от 14 апреля 1849 года говорится: «андреевские жители в числе трех человек, «ходившие с позволения моего в горы для воровства», поймали по дороге «непокорного гумбетовского жителя Магома-Али Ибрагимова, ехавшего из Юрт-Ауха в свою деревню, который был отдан тем, кто его поймали». Другой житель

⁴⁰ Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ, вып. 1, Тифлис, 1869, стр. 49; Н. Д у б р о в и к. Указ. соч., стр. 606.

⁴¹ С. Э с а д з е. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1, Тифлис, 1907, стр. 468—469.

⁴² ЦГВИА, ф. 13454, д. 792, л. 3.

из Ауха Явбулат Абреков был также схвачен и отдан с позволения генерала Бярятинского поимщику⁴³.

Когда в широких масштабах развернулись военные действия между горцами и царскими войсками, рабы, пользуясь удобной обстановкой, разбегались по самым отдаленным участкам и селениям. С другой стороны, в ходе борьбы горских народов северо-восточного Кавказа в 20—50 годах XIX века Шамилем были предприняты прямые шаги к освобождению рабов. Шамиль не только почти поголовно истребил аварских феодалов, но и освободил принадлежавших им рабов. Рабы узденской верхушки не были освобождены, но владельцам их Шамиль вменил в обязанность «снабжать людей всем необходимым и обращаться с ними человеколюбиво»⁴⁴. Разумеется, все это привело к резкому сокращению количества рабов в Аварии. Достаточно указать, что к 1855 году здесь осталось всего 30 неосвобожденных рабов⁴⁵.

Только в 60-х годах XIX века политика царизма в отношении рабства в Дагестане стала более последовательной, что непосредственно связано с эпохой буржуазных реформ в России. Именно в 60-х годах XIX века царское правительство, наряду с вынужденным проведением административно-социальных реформ, приступило к окончательной ликвидации рабства в Дагестане. В 1861 году дагестанским владельцам было в категорической форме запрещено продавать и дарить своих рабов иначе, как целыми семействами. В 1865 году кавказская администрация запретила продажу рабов «жителям других областей», т. е. в общества с иным языком, обычаями, а продажа в пределах той же области разрешалась только при условии регистрации в окружных управлениях и судах⁴⁶. В этот период царские власти всячески поощряли безвыкупное освобождение владельцами своих рабов. Так, главнокомандующий Кавказской армией от имени царя объявил благодарность Гирей-беку и другим владельцам рабов аула Ахкент Темир-Хан-Шуринского округа «за их человеколюбивый подвиг», выразившийся в «безвозмездном освобождении» рабов.

В 1866—1868 гг. рабство в Дагестане было окончательно ликвидировано. Общее количество рабов, освобожденных

⁴³ Там же.

⁴⁴ АКАК, т. XII, стр. 1481—1487.

⁴⁵ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72, л. 15.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258 968, д. 45, л. 1. Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863—1869 гг. СПб, 1870, стр. 454.

в этот период, составило 1542 человека⁴⁷. Таким образом, количество рабов ко времени ликвидации института рабства в Дагестане значительно сократилось.

Резкое сокращение количества рабов объясняется тем, что к рассматриваемому времени сошли на нет внешние и внутренние источники рабства и возможности выгодно реализовать рабов на внешних рынках.

Большое влияние на процесс отмирания рабства в Дагестане оказала Россия. Таким образом, окончательная ликвидация института рабства в Дагестане является одним из объективно прогрессивных последствий присоединения Дагестана к России.

⁴⁷ Х. Х. Рамазанов. Крестьянская реформа в Дагестане. «Ученые записки ИИЯЛ», т. II, Махачкала, 1957, стр. 100. В этой статье изложены ход и результаты освобождения рабов в Дагестане в 60-х годах XIX века.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИЗ ИСТОРИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО БАКУ¹.

Если г. Баку в 30-х годах XIX столетия выделяется, как важный торговый порт и лучшая гавань на Каспии, то уже в 70-х годах, благодаря своим огромным нефтяным богатствам, он становится основным центром нефтяной промышленности, представляющим не только общероссийское, но и мировое значение.

Быстрый рост нефтяной промышленности в Баку, во второй половине XIX в. приводит к бурному развитию капитализма и местной буржуазии, к формированию промышленного пролетариата, к быстрому увеличению населения. С ростом нефтяной промышленности заметно развивается экономика Азербайджана. Растет город. Оживляется его культурная жизнь.

Хотя царское правительство и чиновники всячески противодействовали культурному росту азербайджанского народа и проникновению в край прогрессивной культуры русского народа, однако, вопреки всем чинившимся ими препятствиям, культура проникла и развивалась, а вместе с ней развивалась и музыкальная жизнь.

Если до присоединения Северного Азербайджана к России музыканты-профессионалы в основном были известны во дворцах ханов, беков и в среде знатной части купечества, то с первой половины XIX века они переходят из аристократических в буржуазные салоны, которые становятся центром культурной жизни города, местом всевозможных просветительных начинаний. Несмотря на то, что музыкально-концертная деятельность в эти годы носила замкнутый характер, она все же сыграла немалую роль в поднятии городской музыкальной культуры этого времени.

¹ Статья представляет один из разделов диссертационной работы автора.

В буржуазных салонах, наряду с литературными вечерами, проводились также и музыкальные вечера с театрально-драматическими постановками и концертной программой². Положительная сторона таких вечеров в том, что, способствуя знакомству с русской и европейской музыкой, они в то же время выявляли и исполнительские силы, пробуждали интерес к импровизациям, к собственному творчеству. Кроме того, создавались кружки любителей музыки, театра и других видов искусства. На любительских музыкальных вечерах, наряду с народными музыкальными инструментами, популяризировались и европейские инструменты — фортепиано, скрипка, виолончель и другие. Так же, как в других городах Закавказья и Средней Азии³, в Баку первыми проводниками всех новых форм профессиональной музыкальной деятельности явились военные капельмейстеры. Хотя они и не обладали особыми профессиональными навыками и знаниями, их концерты духовых оркестров, а затем организация любительских инструментальных коллективов не прошли бесследно для музыкальной культуры города. Среди военных капельмейстеров предреволюционных лет следует назвать Ф. Ф. Паризека, популярного не только в Баку, но и на Кавказе. Чех по происхождению, Ф. Паризек много лет дирижировал духовым оркестром в парках, на танцевальных вечерах. Вскоре он объединил вокруг себя лучших местных музыкантов-профессионалов и любителей и вместе с ними наладил систематическую концертную работу. Концертную деятельность он совмещал с педагогической, обучая игре на духовых инструментах вначале в частных школах, а затем в музыкальных классах отделения РМО⁴.

Было бы совершенно не верно утверждать, что европейская музыкальная культура в Азербайджане насаждалась только военными капельмейстерами. В те годы в Баку было много офицеров, чиновников и квалифицированных рабочих, среди которых были и любители музыки. Это способствовало приезду в Баку музыкантов-профессионалов, которые пропагандировали достижения русского и западноевропейского искусства и тем самым прививали хороший музыкальный вкус. Среди первых музыкантов-профессионалов, работавших в Баку, следует назвать А. Н. и Е. Н. Николаевых (фортепиано), Е. Р. Кронгельд, Н. К. Авбекино (скрипка).

² Поскольку эти вечера носили замкнутый, салонный характер и прес-са почти не освещала их, то здесь нам не удалось насытить фактическим материалом рассказ о музыкальной жизни этого периода.

³ См. «Пути развития узбекской музыки». Сборник статей под редакцией профессора С. Л. Гинзбурга М., 1946 г.; Грузинская музыкальная культура. Сборник статей. М., 1957 г.

⁴ О музыкальных школах подробно рассказывается ниже.

В. И. Шпачека (дирижер). Кроме них в Баку концертноровали и приезжие крупные гастролеры — певцы, скрипачи, дирижеры и передвижные оперные труппы. Несмотря на примитивность постановки и не вполне профессиональный артистический состав, эти спектакли в какой-то мере знакомили аудиторию с произведениями оперной классики.

В развитии музыкальной культуры этих лет немалую роль сыграли также небольшие оркестры, существовавшие у состоятельных купцов, в основном, у нефтепромышленников. Следуя старинным (уже в то время более чем 300-летним) традициям оркестрового исполнительства, многие представители состоятельных классов имели свои небольшие оркестры, игравшие в основном на вечерах, посвященных торжественным событиям. Музыканты для этих оркестров приглашались из провинциальных городов. По свидетельству газеты «Восток», в 1867 году в Баку существовал лишь один городской клуб, выстроенный купцом Лалаевым, который являлся местом отдыха, развлечения и способствовал развитию различных культурно-просветительных начинаний. «До сего времени я еще ничего не говорил с читателями «Востока», — пишет корреспондент газеты, — о наших общественных увеселениях, ограничивающихся, впрочем, одним процветающим у нас городским клубом, в котором наша публика собирается два раза в неделю поковырять или побаловаться на шаркате и один раз для танцев»⁵. В другом номере газеты тот же корреспондент сообщает о состоявшемся в зале этого клуба концерте, в котором принимали участие Фришман, Мальшау и Каменский⁶.

Наряду с пробуждением большого интереса передовой интеллигенции Азербайджана к науке, литературе и искусству русского народа, характерным для этих лет был интерес и к азербайджанскому музыкальному фольклору со стороны русских музыкантов-этнографов и композиторов. Так, например, в нескольких номерах журнала «Иллюстрация» 1861 года П. Сиаьским были опубликованы четыре азербайджанские песни и лезгинка⁷. Кстати, лезгинка и одна из 4-х песен под названием «Каладан калая мен гердюм ону» были использованы основоположником русской классической музыки Глинкой в эпической опере «Руслан и Людмила»⁸.

⁵ См. газ. «Восток» от 5 сентября 1867 года, г. Астрахань.

⁶ Там же, от 8 ноября 1867 г.

⁷ Кубад Касимов. О ранних нотных записях азербайджанских народных песен. См. «Доклады АН Азербайджанской ССР», т. XV, № 10, Баку, 1959 г.

⁸ Восторгались азербайджанской народной музыкой и композиторы «Могучей кучки» М. Балакирев, Ц. Кюи. См. «Композиторы «Могучей кучки» о народной музыке», Музгиз, 1957 г.

Запись и публикация азербайджанского музыкального фольклора Сиальским не является первым опытом в этой области. Еще задолго до того, в 1817 году, в 4 номере «Азиатского музыкального журнала» была опубликована Н. Добровольским азербайджанская песня под названием «Персидская песня Фатали — Дербентского хана»⁹.

Нужно полагать, что музыкальная жизнь первой половины XIX в. была не так ограничена, как это нам удалось проследить. Тем более, что интенсивность последующих лет, выявленная нами, не могла возникнуть сразу, без определенной подготовки.

Наиболее интересными, насыщенными в культурном отношении, представляются последующие годы второй половины века. Музыкальная жизнь этого периода приобретает более интенсивный характер. Открывается первая частная музыкальная школа. Создается отделение Русского музыкального общества. Небывало растет круг любителей музыки и театра. 1873 год знаменуется созданием современного азербайджанского национального драматического театра и постановкой на азербайджанском языке комедии «Везирь Ленкоранского ханства» и «Гаджи-Гара» основоположника национальной драматургии М. Ф. Ахундова¹⁰. В 1875 году начинает функционировать первый печатный орган на азербайджанском языке — газета «Экинчи», организатором которого был Гасан-бек Меликов (Зардаби)¹¹. Газета имела большое влияние на развитие культурно-общественной жизни, в частности, на развитие искусства.

Если в первой половине XIX века центром культурной жизни города были буржуазные салоны, то в семидесятые годы XIX столетия местом культурно-просветительных начинаний^{*} становятся общественные клубы и концертные залы. Наряду с танцевальными вечерами, благотворительными концертами в этих клубах ставились любительские спектакли, создавались драматические коллективы и небольшие оркестры.

Среди бакинской интеллигенции было много любителей театра и музыки. Об этом свидетельствует множество газетных статей, в которых излагается взгляд бакинской интел-

⁹ См. микрофильмы журнала в научном архиве Института архитектуры и искусства АН Азербайджанской ССР, инв. № 513.

¹⁰ Д ж а ф а р Д ж а ф а р о в. Азербайджанский драматический театр (1873—1941). Азербайджанское государственное издательство, Баку, Мехти Гусейн. Драматургия М. Ф. Ахундова и зарождение азербайджанского театра, сб. «Искусство Азербайджана», т. III, стр. 18, Баку, 1950 г.

¹¹ Г. Гусейнов. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века, Баку, 1949 г.

лигенции на искусство. В лице бакинской публики концентранты всегда встречали благодарную аудиторию. В этом отношении нельзя согласиться с некоторыми дореволюционными исследователями, считавшими, что г. Баку был дикой провинцией, где царил грубый произвол купцов, нефтепромышленников, низводящих искусство до степени своих низкопробных удовольствий.

Наряду с клубами в последней четверти XIX века в Баку существовали и два театральные помещения — нефтепромышленника Тагиева (1884) и предпринимателей Никитиных. Театральные помещения предоставлялись главным образом для спектаклей приезжих театральные трупп. Если в театре Тагиева ставились оперные, опереточные и драматические спектакли, то в театре братьев Никитиных давались преимущественно цирковые представления.

В эти годы особенно заметно взаимовлияние музыкальной культуры народов Закавказья и влияние культуры русского народа, давно получившей всемирное признание.

Пребывание в Баку русской комической оперы и оперетты¹², гастроль итальянской оперной труппы¹³, Саратовской оперы¹⁴, Одесского городского театра¹⁵, проезд таких мастеров русского искусства, как М. Г. Савина, Ф. И. Шаляпин¹⁶, Л. В. Собинов, С. В. Рахманинов¹⁷, Л. Цейтлин¹⁸, Л. С. Ауэр¹⁹, И. Славинский²⁰ и другие, принес огромную пользу. С одной стороны, это способствовало освоению театральной культуры и театрального опыта, с другой, знакомило население с произведениями русских и европейских композиторов и со всеми жанрами классического искусства.

90-ые годы XIX столетия знаменуются и концертами хора под управлением армянского композитора Х. Кара-Мурзы. В этих концертах исполнялись хоровые отрывки из опер русских, западно-европейских и армянских композиторов²¹. В эти же годы наблюдается большой интерес армянского композитора Н. Тигранова к записи и публикации азербайджанских народных мелодий—Шираз, Шахназ, Чаргя и др²².

¹² Газета «Каспий» от 13 V-1899 г.

¹³ Там же от 19 VIII-1904 г.

¹⁴ Там же от 3/IV-1907 г.

¹⁵ Там же от 3/IV-1907 г.

¹⁶ Там же от 27/III-1900 г.

¹⁷ Там же от 13/X-1915 г.

¹⁸ Там же от 7/IV-1907 г.

¹⁹ Там же от 14/I-1907 г.

²⁰ Там же от 5/IX и V 1899 г.

²¹ См. афишу концерта в театре Тагиева от 29/VI-1895 г., которая хранится в музее литературы и искусства АН Армянской ССР (архив Кара-Мурзы).

²² Гумрецы. Николай Фадеевич Тигранов и музыка Востока. Л., 1927, стр. 6.

В осуществлении музыкальных связей Азербайджана с Россией весьма важную роль сыграл город Тифлис, который в то время был культурным центром Закавказья. По инициативе Ермолова здесь были открыты офицерский клуб и библиотека, которая получала книжные новинки, русские и иностранные журналы; были открыты новые училища и гимназии, русский театр. Издавались газеты: на грузинском языке «Газета Грузии», на русском языке «Тифлиссские ведомости» и в виде приложения к ней «Татарские ведомости». На русском, грузинском и азербайджанском языках издавался «Закавказский вестник», на русском языке—«Кавказ» и др.

В Тифлисе в начале XIX столетия жили и творили передовые прогрессивные деятели закавказских народов, в частности, А. Чавчавадзе, Н. Бараташвили, Г. Орбелиани, М. Ф. Ахундов, Мирза Шафи Вазех, А. А. Бакиханов, Х. Абовян и другие. Общение передовых людей Закавказья, их тесное знакомство плодотворно влияло на развитие культурных связей их народов.

Важнейшим событием музыкальной жизни всего Кавказа был приезд в Тифлис выдающихся русских композиторов П. И. Чайковского и А. Г. Рубинштейна. «Посещение Тифлиса двумя гениальными музыкантами нашего времени А. Г. Рубинштейном и П. И. Чайковским,—говорится в отчете Тифлиссского отделения Императорского музыкального общества,—и их участие в концертах музыкального общества служит явным доказательством признания ими значения музыкального общества для окраины России»²³.

Тифлиссское музыкальное училище, являющееся основным просветительным очагом в Закавказье, сыграло большую роль не только в развитии музыкальной культуры Грузии, но и Азербайджана.

Так, на основе исторических материалов известно, что окончившая Тифлиссское музыкальное училище А. А. Ермолаева, в 1889 году открыла в Баку первую музыкальную школу, где велось обучение игре на рояле, скрипке, виолончели и вокальному искусству²⁴. С открытием частной музыкальной школы возникает и кружок любителей классической музыки. Энтузиасты этого кружка, не ограничиваясь театральной и концертной деятельностью, шли дальше, к созданию профессиональных учебных и концертных организаций. Вот что сообщает газета «Каспий» в связи с этим: «В Баку состоялся кружок лиц для открытия у нас отделения Императорского рус-

²³ См. Отчет Тифлиссского отделения Русского музыкального общества, находящийся в центральной библиотеке АН Азербайджанской ССР, инв. № 729 (1352).

²⁴ Научно-литературный журнал «Кавказский вестник», Тифлис, № 10, 1900 г.

ского музыкального общества. Инициатива в этом деле принадлежит содержательнице частной школы музыки г-же Ермолаевой, которая третьего дня выехала в Петербург... с целью ходатайствования об открытии в Баку местного отделения музыкального общества»²⁵.

Подтверждение открытия отделения РМО в Баку мы находим в «Музыкально-театральном современнике»²⁶. С 1901 г. при отделении РМО были организованы и музыкальные классы. Если в частной музыкальной школе обучались игре только на трех инструментах и вокальному искусству, то с организацией «музыкальных классов» обучение проводится на всех инструментах, начиная с фортепиано и кончая деревянными и медно-духовыми инструментами²⁷. Директором классов была назначена та же А. Н. Ермолаева. Хотя как в частную музыкальную школу, так и во вновь открытые музыкальные классы не были и не могли быть вовлечены азербайджанцы (в силу существовавших условий патриархально-феодалного быта), эти музыкальные заведения сыграли немалую роль в деле распространения музыкального образования и пропаганды классического профессионального искусства²⁸. Эти музыкальные школы систематически проводили семь закрытых, четыре открытых ученических и пять открытых педагогических концертов в год²⁹. В этих концертах наряду с сольными были и квартетные выступления. Исполнялись произведения различных композиторов, например, Мендельсона, Шуберта, Чайковского и др.³⁰.

С появлением Отделения РМО и организации музыкальных классов музыкальная жизнь еще более оживляется и принимает уже другой облик. Хотя в эти музыкальные организации входили почти одни и те же лица, но их связь с музыкальной культурой столицы и привлечение новых педагогических сил и мастеров музыкального искусства (через отделе-

²⁵ Газ. «Каспий» от 14 апреля 1901 года.

²⁶ «Музыкально-театральный современник», № 23, от 27/V-1901 г.

²⁷ В «Музыкально-театральном современнике» за № 38, от 23/IX-1901 г., дается нижеследующий состав преподавателей по ф-но А. Н. и Е. Н. Ермолаевы (свобод. худ. Моск. консер.), Р. П. Николаева (кончившая с аттестат. Моск. консер.) и О. А. Зайцева; по пению оперный певец А. И. Вишневский; по скрипке свобод. худ. Петерб. консерв. Е. Р. Кронгельд; по виолончели свободный худож. Московск. консерв. В. И. Дубинский; по флейте бывш. ученик Моск. филар. о-ва И. О. Makeев; по кларнету С. Н. Десятков; по контрабасу бывш. ученик Тифлис. отделения Н. В. Романовский; по медным духовым инструментам бывш. препод. Тифлисск. отд. Ф. Ф. Паризек и др.

²⁸ Е. В. Милова нова. Вокальное творчество композиторов Советского Азербайджана (кандидатская диссертация). Баку, 1949 г.

²⁹ Отчет музыкальных классов Бакинского отделения РМО.

³⁰ См. газ. «Каспий» от 19/VIII-1904 г., от 18/II-1907 г., а также указанный отчет Бакинского отделения Русского музыкального общества,

ние) придавали музыкальной жизни города Баку иной размах и иной характер.

В музыкальном развитии города очень большое значение имела концертная деятельность. Для того, чтобы она стала ведущей, нужна была организация, которая ставила бы перед собой определенные музыкально-просветительские задачи и неуклонно проводила бы их в жизнь. Такой организации до 1901 г. в Баку не было. (О чём свидетельствуют скурые газетные отклики). Но нельзя не отметить, что со второй половины XIX столетия количество разнообразных концертов, по сравнению с первой половиной века, значительно возросло. Большим культурным событием в музыкальной жизни Баку в эти годы явились концерты симфонического оркестра, организованные силами и с участием заезжих из России концертрантов и музыкантов. Так, в 1897 году вышеуказанный военный капельмейстер Ф. Паризек организовал в Баку первый симфонический концерт³¹. Инициатива дальнейшей организации симфонических концертов была поддержана скрипачом Н. К. Авбекино³² и дирижером В. И. Шпачеком³³. В эти же годы скрипач и композитор Юон³⁴ устроил первый квартетный концерт, а при Бакинском клубе нефтепромышленников А. П. Асланов организовал струнный оркестр. Интересно отметить, что в эти годы, как подчеркивается в журнале, такой коллектив, как оперный театр Тифлиса, не имел постоянного оркестра. Программы этих концертов прежде всего свидетельствуют о том, насколько глубок был интерес любителей к музыке, как велико стремление гастролировавших музыкантов к широкому охвату творчества лучших композиторов России и Запада. Вот, к примеру, программы двух симфонических концертов. На первом концерте под управлением дирижера В. И. Шпачека, при участии солистов Каца (скрипка) и Цеделера (виолончель) были исполнены в первом отделении: 1. 1-я симфония Мендельсона; во втором отделении: 1. Увертюра к «Сказке о прекрасной Мелюзинке» Мендельсона; 2. Сарасате (соло на скрипке—Кац); 3. Первая сюита Грига; в третьем отделении: 1. Вариации на тему оперы «Норма» Страмской (соло на виолончели—Цеделер); 2. Славянские танцы № 7 и № 8 Дворжака³⁵.

³¹ Научно-литературный журнал «Кавказский вестник», № 10, Тифлис, 1900 г.

³² См. газ. «Бакинские и губернские ведомости» от 21/XI-1899 г.

³³ См. газ. «Каспий» от 26/XI-1899 г., от 17 VII-1899 г., от 14/IX-1899 г., от 11/IX-1899 г.

³⁴ Научно-литературный журнал «Кавказский вестник», № 10, Тифлис, 1900 г.

³⁵ См. газ. «Каспий» от 26/XI-1899 г.

На втором концерте под управлением А. В. Павлова-Арбенина при участии солиста Л. М. Цейтлина (скрипка) были исполнены: 1. «Фауст». Увертюра Вагнера; 2. Концерт для скрипки и оркестра Сибелиуса; 3. Увертюра к опере «Хованщина» Мусоргского; 4. «Скука» Сибелиуса; 5. Анданте и рондо из «Испанской симфонии»; 6. Сюита к драме Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда» Сибелиуса³⁶.

Следует сказать, что симфонические концерты, как уже отмечалось в научно-литературном журнале, устраивались далеко не во всех провинциальных городах³⁷, тогда как в Баку только в течение сезона 1900—1901 годов с 18 ноября по 18 марта, т. е. за пять месяцев, было дано 25 концертов³⁸. Эти концерты пользовались успехом в особенности у любителей-дилетантов, число которых возрастало из года в год и которые сами порою принимали участие в этих концертах.

Небезынтересно будет отметить концерт при участии скрипача Васильева и пианиста Н. Ф. Тигранова, гастролировавших в Баку. Примечательно, что в этом концерте на европейских инструментах исполнялась уже тематика восточного музыкального фольклора, как например, ... Баяти-курд (турецкий романс), Шахназ (персидская баллада), Шолохо (шушинский танец)...³⁹ Указывая, что в силу технических трудностей восточных мелодий солистам не совсем удалось передать нежные разнообразные ритмы и оттенки, автор корреспонденции отмечает и большой успех концерта.

С организацией отделения РМО симфонические и камерные концерты носят уже тематический характер. В Баку в эти годы успешно проводились и концерты, посвященные различным юбилейным датам⁴⁰.

Были проведены концерты, посвященные памяти Мендельсона, Глинки, Листа и др. Все эти концерты проводились по инициативе Отделения РМО. К большим заслугам отделения относится также организация так называемых исторических концертов. В подтверждение этого приводим следующую заметку, напечатанную в местной печати:

«Сегодня в зале Артистического общества состоится первый из трех исторических концертов неизвестного бакинцам певца—баритона А. Пиензи, который задался целью дать возможность публике проследить историю развития русского романса, для чего он исполнит в 3-х концертах лучшие произ-

³⁶ См. газ. «Каспий» от 6/IV-1907 г.

³⁷ См. отчет Тифлисского отделения РМО, фонд 483/535, арх. № 3, стр. 38.

³⁸ «Музыкально-театральный современник», № 20, от 5/V-1901 г. стр. 12.

³⁹ См. газ. «Каспий» от 16/XII-1899 г.

⁴⁰ См. газ. «Каспий» от 17/XII-1897 г.

ведения более 30 композиторов, начиная с Глинки и кончая новейшими (Аренский, Рахманинов и др.)...⁴¹.

Об исторических концертах мы находим сообщение и в «Музыкально-театральном современнике»⁴², где указывается, что в программу этих концертов входили, например, такие произведения, как V симфония Бетховена, IV симфония Чайковского, поэма Глазунова «Стенька Разин», увертюры Балакирева, Глинки, Римского-Корсакова, Бетховена, Берлиоза и других. Если в 1897 году оркестр, организованный А. П. Аслановым при Бакинском клубе нефтепромышленников, располагал только струнными инструментами, то в 1900 году это был симфонический коллектив из 40 человек. Этот коллектив был настолько квалифицирован, что программы его концертов, как указывает корреспондент, составлялись по образцу столичных симфонических обществ⁴³.

Хотя в печати и в архивных материалах не удалось обнаружить более подробных сведений обо всех проведенных концертах (т. е. по чьей инициативе проводились эти концерты, шли ли они в сопровождении лекции и т. д.), однако музыкально-просветительская цель этих концертов и их важность совершенно ясны.

Несомненно, что распространение европейской музыкальной культуры не могло не влиять на азербайджанское музыкальное искусство. Множество всевозможных концертов в последней четверти XIX в. стало способствовать тому, что азербайджанское народное музыкальное искусство стало вливаться в новое русло. Если в начале XIX в. азербайджанское народно-музыкальное искусство проявлялось в домашнем музицировании, то уже в конце XIX в. наблюдаются первые попытки организации «восточных концертов». В начале исполнения отдельных музыкантов и певцов носили характер дивертисмента на благотворительных вечерах⁴⁴, но с 1902 года эти выступления устраивались уже как совершенно самостоятельные концерты. Вот что сообщает газета «Каспий» от 11 января 1902 года: «В пятницу, 11-го января, в театре Г. З. А. Тагиева состоялся первый в Баку восточный концерт. Привыкшие слушать игру на восточных инструментах в сравнительно небольших помещениях и обыкновенно в тесном кругу лиц, многие из посетителей еще до начала концерта высказывались в том смысле, что трудно ожидать хорошего впечатления от этих инструментов в театральном здании. Но первый же номер концерта «Араспари», исполненный восточным оркестром, дол-

⁴¹ См. газ. «Каспий» от 25/I-1900 г.

⁴² См. «Музыкально-театральный современник», № 20 от 5/V-1901 г.

⁴³ См. газ. «Каспий» от 6/II-1901 г. и от 23/III-1901 г.

⁴⁴ Газ. «Каспий» от 8 мая 1897 г.

жен был рассеять подобного рода мысли по тому огромному успеху, с каким прошло исполнение этого номера⁴⁵. В этих концертах с оркестром восточных инструментов участвовали и специально приглашенные из районов Азербайджана народные певцы и ашуги⁴⁶.

Идея создания национального оперного искусства в Азербайджане тесно сплетается не только с зарождением драматического театра или постановками оперных коллективов, гастролирующих в Баку, но и концертной деятельностью. Ярким подтверждением этому может послужить тот же восточный концерт, о котором говорилось выше. В этом концерте, наряду с сольными выступлениями ашугов Аббас Кули и Наджаф Кули, народных певцов Ханенде Джабара, Сеида, Алескера и Мамеда, были представлены в виде дуэта в костюмах отрывки из поэмы азербайджанского поэта XVI в. Физули «Лейла и Меджнун». «Исполнители, хотя и были в костюмах,—пишет газета,—но не играли, а только пели и пели хорошо». Подобного рода концерты-постановки несомненно способствовали зарождению национального оперного искусства в Азербайджане⁴⁷.

Новый подъем музыкальной жизни в начале XX века неразрывно связан с революционными событиями 1905 года и усилением революционно-демократической борьбы российского пролетариата. Важнейшим событием этих лет является постановка в январе 1908 года первой национальной оперы «Лейла и Меджнун» Узеира Гаджибекова, положившей начало оперному искусству в Азербайджане. Музыка и театр в эти годы приобретают еще большее значение и музыкальная жизнь города становится более интенсивной. Круг любителей музыки и театра пополняется довольно квалифицированными музыкантами. Вопросы, связанные с музыкальной жизнью города, приобретают всё большую актуальность в повседневном быту и находят свое отражение в местной печати. Ни один концерт, ни одна оперная постановка не остаются без рецензии или хотя бы краткого сообщения. Продолжают работу и музыкальные школы. Если частные музыкальные классы сыграли немалую роль в развитии музыкальной жизни города, то в деле воспитания национальных азербайджанских музыкальных кадров важная роль принадлежит Горийской учительской семинарии, в которой получили образование многие дореволюционные деятели искусства и культуры Азербайджана.

⁴⁵ Там же, от 11 января 1902 г.

⁴⁶ Там же, от 2/1-1902 г.

⁴⁷ Сопровождение музыкой картины «Меджнун на могиле Лейлы» наблюдалось еще задолго до того в Шуше, в 1897—1898 г. (Как указывает Узеир Гаджибеков, автор первой азербайджанской оперы, показ отрывка из поэмы Физули натолкнул его на мысль о создании оперы). См. сб. «Искусство азербайджанского народа». М., 1938 г.

Находясь в Грузии, представители культуры и искусства Азербайджана не только изучали быт, нравы, обычаи, литературу и искусство грузинского народа, но учились и русскому языку, знакомились с произведениями русских классиков и русских революционных демократов, что имело исключительно важное значение для их духовного развития.

Горийская учительская семинария, питомцами которой являлись композиторы У. Гаджибеков и М. Магомаев, театральные деятели и педагоги Ф. Агаев, А. Касимов, Заманов, М. Х. Терегулов и многие другие, привлекала азербайджанцев тем, что там подготавливались сельские учителя из «татар Закавказья». Наряду с другими дисциплинами учащиеся семинарии обучались и музыке—игре на скрипке и пению, «...так как в обязанности учителя начальной школы входило обучение детей пению, хотя бы под скрипку»⁴⁸.

Еще в семинарские годы Уз. Гаджибеков и Муслим Магомаев проявляли большой интерес к музыке. Не удовлетворяясь игрой на скрипке, входившей в обязанности учащихся, они в эти годы занимались и игрой на других европейских инструментах. В частности, У. Гаджибеков овладел игрой на виолончели и баритоне, а М. Магомаев на кларнете. Обучение игре на этих инструментах протекало так успешно, что через 6—7 месяцев Узеир и Муслим могли участвовать в ученических оркестрах, выступая на семинарских вечерах, в общественных клубах, на благотворительных вечерах и в городском саду⁴⁹. О степени овладения ими мастерством игры на этих музыкальных инструментах говорит исполнение на вечерах и концертах следующих произведений: попури из опер «Фауст», «Травиата», «Князь Игорь», «Евгений Онегин» и др.⁵⁰

Окончив Горийскую семинарию накануне великих исторических событий, плеяда азербайджанских учителей разъехалась в разные села, районы и города. В частности У. Гаджибеков уехал в село Гадрут, а позже М. Магомаев в Ленкорань. Проработав в этих районах некоторое время в качестве учителей, они вскоре переселились в Баку и здесь приступили к созданию азербайджанской оперы.

На долю У. Гаджибекова (1885—1948) выпала исторически важная роль. В историю азербайджанской профессиональной музыки он вошел как выдающийся пионер, зачинатель оперного искусства в Азербайджане. Созданная им в 1907 году и поставленная в Баку в 1908 году опера «Лейла и Медж-

⁴⁸ А. Г. Терегулов. В Горийской учительской семинарии. «Изв. Академии наук Азербайджанской ССР», № 9, сентябрь, Баку, 1945 г. стр. 84.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

нун» (по поэме азербайджанского классика Физули)⁵¹ явилась не только началом творческого пути большого художника, но и всей азербайджанской профессиональной музыки⁵².

Нам представляются совершенно верными высказывания музыковедов Азербайджана⁵³, утверждающих, что опера зародилась гораздо раньше других музыкальных жанров в силу своеобразного развития музыкальной культуры Азербайджана, вытекающего из особенностей народной музыки. Создание ансамблей сазандаров (профессиональных городских музыкантов), зурначей, дудукистов и ашугов (деревенских музыкантов), «музыкальные антракты» в драматических театрах, семейные и традиционные торжества, обряды, инсценировки из народных сказаний и легенд, различные игры и зрелища, сопровождающиеся пением и музыкой, несомненно способствовали возникновению национального музыкального театра. Успех оперы «Лейла и Меджнун» её автор объясняет тем, что азербайджанский народ уже ожидал появления на сцене своей азербайджанской оперы⁵⁴.

Создавая оперу «Лейла и Меджнун», Уз. Гаджибеков с большим мастерством обобщил искусство сазандаров с опытом драматических кружков. Вся опера основана на популярных напевах мугамов и сопровождалась аккомпанементом тары, кяманчи и бубна. Поскольку оркестр состоял из нескольких скрипок и народных инструментов, то в наличии партитуры не было никакой необходимости. Партитуру заменял так называемый дирексон, указывавший на порядок действия вокальных номеров⁵⁵. Отсутствие партитуры объясняется еще и тем, что кроме оркестровых эпизодов и хорового мелодического материала, как указывает сам автор, на ноты ничего не было записано⁵⁶. Арии, основанные на популярных напевах

⁵¹ Как известно, трагическая любовь двух влюбленных Лейлы и Меджнуна была воспета еще в XII в. (на фарсидском языке) азербайджанским великим мастером художественного слова Низами Гянджеви. Кроме Низами и Физули в легенде о двух влюбленных обрацались в последующие столетия более пятидесяти поэтов. См. о них подробно стэнд «Поэты, писавшие на темы Низами» в музее истории литературы Азербайджана им. Низами, АН Азерб. ССР.

⁵² А. Аббасов. Узеир Гаджибеков и его опера «Кер-оглы», Баку, 1956 г.

⁵³ См. Указ. работы Х. Агаевой, А. Аббасова, В. Виноградова и Кубад Касимова о творчестве Уз. Гаджибекова, а также С. И. Гаджибеков и Б. И. Зейдман. Музыка в монографии «Советский Азербайджан», XVIII, Баку, 1958 г., стр. 453.

⁵⁴ Уз. Гаджибеков. От «Лейлы-Меджнун» до «Кер-оглы». См. «Искусство Азербайджанского народа», М., 1938 г., стр. 68.

⁵⁵ К сожалению, дирексон первой редакции оперы не сохранился до наших дней, что мешает сделать подробные и глубокие выводы.

⁵⁶ Узеир Гаджибеков. От «Лейлы и Меджнун» до «Кер-оглы». См. «Искусство азербайджанского народа», М., 1938 г.

мугамов, исполнялись солистами и аккомпаниаторами на народных инструментах в определенном ладу, указанном автором оперы, но в свободной импровизации. Это давало исполнителю-вокалисту возможность, в зависимости от голосовых данных, варьировать регистры. Оркестровка небольшого состава оркестра, как и всей оперы, сводилась к унисону или хоровой аранжировке. Эта своеобразность оперной формы отчасти объясняется отсутствием специальной музыкальной подготовки автора. Такое утверждение слышится в высказываниях самого У. Гаджибекова, поставившего тогда перед собой задачу «создания... нечто вроде опер»⁵⁷. «В то время я, автор оперы,—пишет Уз. Гаджибеков,—знал лишь основы сольфеджио (этому научился в семинарии), но не имел никакого представления о гармонии, контрапункте, музыкальных формах, т. е. о том, что необходимо знать композитору»⁵⁸. На своеобразный путь создания национальной оперы автор вынужден был стать и благодаря полному отсутствию исполнителей-актеров, знакомых с нотами. И, наконец, нельзя забывать, что классическая оперная форма была новой и трудно воспринимаемой для местной аудитории. Хотя Уз. Гаджибеков как в годы учебы в семинарии, так и работая в Баку, не раз слушал оперы классиков русской и западноевропейской музыки—Глинки, Чайковского, Верди и др. и это сыграло немалую роль в претворении идеи автора в жизнь, однако эти оперы не могли подсказать что-либо практически полезное в решении ряда трудностей, связанных с формой этого произведения. Не было и национальной оперы, которую можно было бы взять за основу для подражания. Начинающему композитору необходимо было самому решить ряд сложных вопросов. Насколько удалось решить эту трудную задачу, т. е. создать своеобразную по форме оперу с превалированным импровизационным искусством, можно судить по неизменному успеху оперы в течение более чем 50 лет.

Если в первый год постановки оперы «Лейла и Меджнун» оркестр состоял из скрипачей и трио сазандаров⁵⁹, то в последующие годы оркестр пополняется и другими европейскими инструментами. В этом немалую помощь оказали Уз. Гаджибекову как начинающему первому азербайджанскому композитору существовавшие в Баку симфонические коллективы Д. С. Славинского и Шатковского. Эти коллективы для того времени имели довольно большой опыт. Благодаря им Уз. Гаджибеков имел возможность ввести в оркестр новые инстру-

⁵⁷ Там же, стр. 67.

⁵⁸ Там же, стр. 68.

⁵⁹ А. Г. Терегулов. В Горийской учительской семинарии. «Изв. Академии наук Азерб. ССР», № 9, Баку, 1945 г., стр. 83.

⁶⁰ Уз. Гаджибеков. От «Лейлы и Меджнун» до «Кер-оглы», сб. «Искусство азербайджанского нарда», М., 1938, стр. 67.

менты и обогатить звучание⁶⁰. Введение в оркестр народных инструментов, наряду с европейскими музыкальными инструментами, обогатило колористические возможности оркестра. Отмечая благотворное влияние на развитие азербайджанской музыкальной культуры (в особенности оперного искусства) и творческую связь этих коллективов, небезызвестно будет привести сообщение газеты, выделяющей скрипку и флейту, солирующие инструменты оркестра в оперных постановках 1909 года: «Славинский на скрипке исполняет «Сейгях», «Араг гераны», «Сабах-Шемс» (название мелодий автором даны не точно, вероятно, корреспондент, называя мугамы Гераны и Сабах-Шемс, имел ввиду мугамы «Эраг», «Эйраты», «Симай Шамс» и другие. А. И.). Флейта воспевает любовь Санана «Баяти Гаджаром», «Баяти Кюрдом», «Баяти Ширазом», а симфонический оркестр древние мотивы»⁶¹.

«Лейла и Меджнун» не только пользовалась большим успехом и имела огромное влияние на становление профессиональной музыки в Азербайджане, но и сыграла видную роль в развитии музыки других народов. Большое значение для развития узбекской музыки,—пишет профессор С. Л. Гинзбург,—имели показанные в 1911 г. в Ташкенте азербайджанские оперные спектакли.

Опыт передовых деятелей азербайджанского музыкального театра, незадолго до того создавших, на основе сочетания народной традиции с достижениями русской культуры, первую национальную оперу «Лейла и Меджнун», оказал огромное влияние на узбекскую интеллигенцию и вызвал неудержимое желание увидеть аналогичные узбекские произведения. Так, в частности, именно после этих спектаклей, еще мальчиком, осознал влечение к сцене будущий выдающийся представитель узбекского театрального искусства Абрар Хидаятов...⁶².

Высоко оценивая музыкальный фольклор своего народа, Уз. Гаджибеков в своем обширном и многогранном творчестве прежде всего выступал как горячий сторонник и пропагандист искусства народа. Какую бы область в его творчестве мы не затронули, прежде всего ощущается народность, мелодичность и простота музыкального языка, что, несомненно, имело и имеет большое значение для всего последующего развития профессиональной музыки в Азербайджане. Он, как большой мастер, прекрасно понимал, что для достижения полного расцвета искусства нужно теснее связаться с жизнью

⁶¹ Газ. «Баку», № 270, от 2/X-1909 г. (статья посвящена постановке оперы Уз. Гаджибекова «Шейх Санан»).

⁶² С. Л. Гинзбург. Музыкально-историческое наследство Советского Узбекистана, сб. «Пути развития узбекской музыки», М.-Л., 1946 г., стр. 22.

народа. Именно органическая связь музыкального языка оперы «Лейла и Меджнун» с народным песнетворчеством и определила его главное достоинство. Воспринимая традиции народной музыкальной культуры, Уз. Гаджибеков вместе с тем не отгораживался и от достижений русской и западноевропейской музыкальной классики. Ярким подтверждением тому может служить его творческий путь, начиная оперой «Лейла и Меджнун» (написанной в своеобразной форме)⁶³ и кончая «Кер-оглы» (созданной на основе реалистических традиций русской оперной классики). Творческая деятельность Узеира Гаджибекова была весьма плодотворной. Он был не только крупным композитором, но и большим исследователем, педагогом, публицистом и энергичным общественным деятелем. В течение своей жизни У. Гаджибеков оставался преданным сыном своего народа.

В развитии профессиональной музыкальной культуры в Азербайджане велика заслуга и Муслима Магомаева (1885—1937 гг.). Он явился не только одним из организаторов азербайджанского музыкального театра, но и неутомимым пропагандистом, организатором хоровых и инструментальных коллективов, педагогом и общественником. Он был также первым национальным профессиональным дирижером, автором двух опер и ряда симфонических и вокальных произведений. Еще в 1905 г., в годы своей преподавательской деятельности в Ленкорани, несмотря на зачаточное состояние концертно-исполнительской деятельности в городе, он уделяет большое внимание европейской инструментальной музыке, организывает ученический оркестр и сам выступает в нем в качестве скрипача-солиста. Во время этих выступлений он, наряду с произведениями других авторов, исполнял и свои первые музыкальные сочинения—«Маленькая фантазия», «Попурри из туземных мотивов», «Индийский марш» и «Ноченька», которые до нас, к сожалению, не дошли.

Активным участником в борьбе за новое реалистическое искусство в Азербайджане был и старший брат Узеира Зульфугар Гаджибеков.

Период с зарождения оперного искусства до установления Советской власти в Азербайджане знаменуется не только постановкой «Лейлы и Меджнуна». В эти годы создаются и осуществляются постановки опер: «Шейх-Сенан», «Рустам и Зохраб», «Асли и Керем», «Шах Аббас и Хуршуд Бану» композитора Уз. Гаджибекова. Брат Узеира Зульфугар Гаджибеков пишет оперу «Ашуг Гариб» и музыкальные комедии «Эвликэн субай», «Элли яшында джаван». Композитором М. Магомаевым создается опера «Шах-Исмаил». В эти же годы артист

⁶³ О своеобразии формы этой оперы говорилось выше.

Г. Б. Шарифов и музыкант Д. С. Славинский пишут оперу «Мехру и Мах», кеманчист А. Оганесашвили в сотрудничестве с народным певцом Д. Карягды создают оперу «Фахрад и Ширин», артист М. Кязимовский пишет ряд музыкальных комедий, из которых была популярна «Молла Джаби и Вур-а-вур». Особо широкой популярностью пользовались музыкальные комедии Уз. Гаджибекова «Муж и жена», «Не та, так эта», «Аршин-мал-алан». Уз. Гаджибеков является не только композитором, но и либретистом всех своих оперных и опереточных сочинений.

Было бы неверным рассматривать развитие и крупные достижения музыкальной культуры дореволюционного Азербайджана без учета тех препятствий, которые чинили чиновники царизма и сторонники феодального уклада свободному развитию профессиональной музыки и всех проявлений народного творчества. Сохранившиеся документы красноречиво говорят о полном равнодушии этих правителей к судьбе народного искусства Азербайджана. Существование нескольких национальных общественно-просветительных организаций и, так называемой, «мусульманской» или «татарской» труппы допускалось царскими чиновниками вынужденно. Постановки музыкального театра шли в крайне тяжелых условиях. Оперные постановки поддерживались исключительно симпатиями рабочих, ремесленников и незначительной частью интеллигенции, без какой-либо общественной или государственной дотации. Как указывает автор первой оперы, «... даже собственной сцены мы в то время не имели. Существовало в Баку благотворительное общество «Ниджат»⁶⁴, состоявшее из нефтепромышленников, которые афишировали себя, как культуртрегеры и покровители искусства»⁶⁵. Только с установлением Советской власти в Азербайджане зачатки профессионального искусства получили полное свободное развитие. В результате повседневной заботы партии и правительства, опера вышла из кустарного состояния, приобрела значение государственной важности и стала опорой роста азербайджанского национального оперного искусства. Для оперы выделено специальное помещение и закреплен постоянный состав актеров и оркестрантов, организованы государственные музыкальные школы, училища. Приглашаются квалифицированные специалисты в области теории и истории русской и западно-европейской

⁶⁴ Общество «Ниджат» было создано в 1906 г. В начале это общество действительно проводило культурно-благотворительную работу. Но вскоре, благодаря реакционной политике финансовых заправил, которые в личных интересах обогащения начали эксплуатировать деятелей искусства, это общество утратило свою прогрессивность.

⁶⁵ У. Гаджибеков. От «Лейлы и Меджнуна» до «Кер-оглы», сб. «Искусство азербайджанского народа», М., 1938 г., стр. 67—69.

музыки. Создано множество коллективов—хоровых, инструментальных и пр. За короткий срок выдвигаются, благодаря коренному изменению условий политико-экономической и культурной жизни народа, блестящие дарования. Выращиваются национальные композиторы, певцы, певицы, дирижеры, инструменталисты, получившие музыкальное образование под руководством музыкантов-профессионалов И. Айсберга, Б. Карагичева, Л. Рудольфа, Тер-Гевондяна и др. Здесь следует отметить и полезную деятельность Р. Глиэра, создавшего своеобразную и очаровательную по своему бытовому колориту оперу «Шах Санем», (1934), на которой учились мастерству гармонизации, оркестровки, овладению классической оперной формой молодые азербайджанские композиторы. Р. Глиэр был одним из первых композиторов старшего поколения, понявшим принципиальное значение развития национальных музыкальных культур. Крупнейший мастер, сочетавший в своем творчестве освоение лучших традиций русской классической музыки с новыми качествами советского художника, оказал большую помощь развитию музыкального искусства как в Азербайджане, так и в ряде других братских республик.

Отзываясь на все требования советской действительности, в эти годы большую творческую активность проявили и азербайджанские композиторы старшего поколения Уз. Гаджибеков и М. Магомаев.

Наряду с вокальными, симфоническими произведениями композитор М. Магомаев в 1935 г. пишет первую национальную оперу на советскую героическую тематику «Нергиз». Композитор У. Гаджибеков, создавая многочисленные произведения для хора, оркестра народных инструментов, ведя научно-исследовательскую и общественно-педагогическую работу, заканчивает оперу «Кер-оглы» (1937). Опера «Кер-оглы» явилась не только классическим национальным оперным образцом в советском музыкальном искусстве, но и оказала плодотворное влияние на все жанры профессиональной музыки в Азербайджане. Велика заслуга У. Гаджибекова и в области становления и развития многоголосной хоровой культуры. Если оркестровая культура проникла в Азербайджан без больших трудностей, то нельзя подобное же сказать и о хоровой культуре. Это объясняется тем, что оркестровая профессиональная культура подготавливалась народно-инструментальным ансамблем сазандаров, дудукистов, пение же всегда было сольным. Певцам было чуждо многоголосое пение. Первый многоголосый хор в Азербайджане был создан У. Гаджибековым при консерватории в 1926 г.

К этому времени относится и тяготение к народности в области литературы и искусства. Начинается собирание и изучение различных памятников азербайджанского народного

творчества. Фольклор становится основным источником нового реалистического стиля. Повышается интерес к собиранию и изучению азербайджанской песни и танца. Специально при Наркомпросе создается государственное нотное издательство, руководимое выдающейся певицей Шевкет Ханум Мамедовой. Цель нотного издательства—опубликование обработок композиторами народных мелодий и песен, записанных в районах Азербайджана⁶⁶. Ценный вклад в изучение азербайджанского народного творчества внесли композиторы Уз. Гаджибеков и М. Магомаев. Сборником азербайджанских народных песен⁶⁷, записанных и обработанных ими, было заложено начало массово-песенному жанру. Плодотворная работа в этой области была проделана также работающими в Баку профессорами. В частности, профессор Б. Ф. Карагичев был специально прикомандирован в Карабах для сбора народного музыкального материала. Результатом чего явился выпуск сборника 8 народных песен⁶⁸.

В последующие годы большие заслуги в этой области принадлежат профессору Б. Мамедову, композиторам С. Рустамову, Ф. Амирову, Т. Кулиеву и многим другим.

Изданные ими сборники азербайджанских народных рэнги⁶⁹ и танцев⁷⁰ являются не только ценным богатством для азербайджанских композиторов и исследователей народной музыки, но и огромным средством пропаганды народно-песенного творчества в родной стране и за ее рубежом. Однако далеко еще не собрано огромное и разнообразное музыкально-песенное богатство азербайджанского народа. Например, мало внимания уделяется трудовым и юмористическим песням. До сих пор остаются совершенно не изученными пастушеские наигрыши, песни-плачи, имеющие самое древнее происхождение из всех существующих жанров азербайджанской народной музыки.

Подлинное достижение музыкальной культуры республики впервые было продемонстрировано в дни декады азербайджанского искусства в Москве в 1938 году, когда наряду с произведениями композиторов старшего поколения—«Кер-оглы». Уз. Гаджибекова, «Шах-Сенем» Р. Глиэра и «Нергиз» М. Магомаева заняли достойное место также произведения различных жанров, принадлежащие композиторам младшего

⁶⁶ См. От нотного издательства к сб. В. Karaguitcheff. Chansons turquils (d'Azerbaidjan). Pour piano. Год издания не указан (архив Азербайджанского Государственного театрального музея, ноты № 2369, к 21)

⁶⁷ Уз. Гаджибеков и М. Магомаев. Турк. нагмалари. Баку, 1927 лл.

⁶⁸ См. сб. В. Karaguitcheff. Chansons turquils (d'Azerbaidjan).

⁶⁹ С. Рустамов. Азербайджанские народные рэнги. Баку.

⁷⁰ Т. Кулиев. 15 азербайджанских народных танцев, Баку, 1955 г.

поколения—К. Караеву, Д. Гаджиеву, Ниязи, С. Рустамову и другим.

В последующие годы пропаганда произведений азербайджанских композиторов принимает широкий размах. Наличие подготовленных музыкальных кадров по всем специальностям в Азербайджанской государственной консерватории в эти годы дает возможность организовать в республике крупный симфонический коллектив при Азгосфилармонии, носящей ныне имя основоположника профессиональной музыки в Азербайджане У. Гаджибекова; оркестр из года в год пополняется молодыми силами. Концертная деятельность в этот период принимает небывалый масштаб. Работа постоянного симфонического оркестра, ныне руководимого весьма одаренным музыкантом и дирижером, народным артистом СССР Ниязи, не только прививает вкус к лучшим образцам западноевропейской музыки, но и пропагандирует огромное наследие классической музыки и произведения композиторов многонационального Советского Союза. Привлекая сильнейших мастеров-солистов и дирижеров,—этот коллектив способствует росту национальных кадров.

Таким образом, почти за четыре десятилетия, благодаря создавшимся неограниченным возможностям развития, азербайджанская музыкальная культура шагнула далеко вперед. Была создана благодатная почва для перехода от устной традиции исполнительства, свойственной искусству сазандаров и ашугов, от узко национальной замкнутости и ограниченности жанров, к богатству жанров, разнообразию форм, вплоть до симфонии, кантаты, камерной и сольно-инструментальной музыки. «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого просвещения и развития.

Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»⁷¹. Сбылись слова Владимира Ильича. Страна победившего социализма открыла перед народными талантами широкую дорогу созидания, приобщила к завоеваниям человеческой культуры миллионы строителей коммунизма.

⁷¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 436.

ЭТНОГРАФИЯ

О СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КУМЫКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В исторической литературе о Дагестане значительное место занимают работы, посвященные вопросам социально-экономического строя кумыков XVIII—XIX вв. В дореволюционное время этими вопросами занимались такие исследователи, как С. Броневский, Д. М. Шихалиев, Н. Дубровин, М. Ковалевский, Ф. Леонтович, А. Комаров, Н. Семенов, П. Гидулянов и другие. В советский период, особенно за последние годы, историки Дагестана на основе богатого фактического материала создали ряд монографических работ¹, в которых с марксистских позиций освещается история общественно-экономического и политического развития народов нашей республики.

В данной статье рассматриваются отдельные вопросы сословных отношений кумыков в первой половине XIX века.

* * *

¹ А. И. Там ай. К вопросу о феодализме в истории Дагестана. «Революционный Восток», 1935, № 5; С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма Дагестана. «Ученые записки Свердловского Гос. пединститута», 1938, вып. 1; «Очерки истории Дагестана» (в двух томах), Махачкала, 1957; Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX вв. Махачкала, 1957; Х. О. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. (докторская диссертация, защищенная в 1957 г., рукопись); его же. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959; И. Р. Нахшурнов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956 г.; Г. Г. Османов. Аграрные отношения в Дагестане накануне Великой Октябрьской революции (1900—1917 гг.) Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2159; его же. Социально-экономическое развитие Дагестана в 40—50 гг. XIX в., 1956. Там же, д. № 2318; Х. Х. Рамазанов. Крестьянская реформа в Дагестане. «Ученые записки Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР», т. II, 1957; В. Г. Гаджиев. Присоединение Дагестана к России (кандидатская диссертация, защищенная в 1954 г., рукопись) и др.

Кумыкия в рассматриваемый период была раздробленной страной. На ее территории существовало несколько политических образований: шамхальство Тарковское, ханство Мехтулинское, владения Эндиреевское, Аксаевское и Костековское. Кумыки, заселявшие южные районы Кумыкской равнины, входили в даргинское, по своему основному этническому составу, феодальное владение—уцмийство Кайтагское.

Во всех кумыкских владениях господствовали сравнительно развитые феодальные отношения. Задолго до исследуемого периода феодальная знать этих владений подчинила себе основную массу свободного населения. Наступление феодалов на права общинников особенно усилилось с начала XVIII века, с периода присоединения основной части кумыков к России. Царское правительство всячески содействовало укреплению местной знати. Кумыкское общество делилось на два антагонистических класса. Шамхал, ханы, беки (в Тарковском и Мехтулинском владениях), князья (на территории Кумыкской плоскости за Сулаком), чанки составляли господствующий феодальный класс, известный у кумыков под общим именем «бийлер»². К этому классу принадлежали также салауздени (средние слои дворянства) и представители духовенства, хотя ни те, ни другие не имели бийского происхождения.

Эксплуатируемый класс также распадался на несколько социальных групп: уздени, чагары, теркеме, кулы и др.

«Кумыки, — писал князь Х-ъ (Хамзаев, он же Хамзин — С. Г.) в 1865 году, — разделяются на семь классов или сословий, а именно: князья, чанки, первостепенные уздени, простые уздени, чагары, теркемейцы и холопы»³.

Н. Дубровин делил кумыков на «восемь главных сословий»: 1) князей, 2) чанков, 3) сала-узденей, 4) просто узденей, 5) догерек-узденей, 6) азатов или вольноотпущенных, 7) чагаров, 8) кулов. В отдельные сословия он выделял также «теркеме» и «казаков». Всего, таким образом, он насчитывал у кумыков десять социальных групп⁴.

Среди феодальных владетелей особое место занимал шамхал Тарковский. В исследуемый период он еще продолжал называться валием Дагестанским и владетелем Буйнакским, хотя за пределами шамхальства уже не имел реальной власти. В своем владении шамхал пользовался неограниченными правами. На звание шамхала мог претендовать только самый старший представитель шамхальского дома по прямой линии. Неограниченную власть имели также старшие князья на Кумыкской плоскости и Мехтулинский хан. Потомки шамхаль-

² В единственном числе «бий».

³ Князь Х-ъ. Кое-что о кумыках. «Кавказ», 1865, № 68.

⁴ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, СПб, 1871, стр. 630.

ского рода, т. е. младшая линия шамхалов Тарковских и ханов Мехтулинских, назывались беками. Они несли вассальную службу, собирали по требованию вышестоящих владельцев ополчение⁵, командовали им, во время похода состояли в свите своего сеньора и т. д. Вопросы же внутреннего управления уделами они решали как полновластные хозяева.

Члены бийского сословия не судились ни с узденями, ни с чагарами, они имели свой суд, свои адаты. Так, по бийскому адату кровная месть могла совершаться только внутри сословия⁶; зависимые сословия, и даже сала-уздени, по отношению к биям права кровной мести не имели.

В документах этого периода беки подразделяются на две категории: «коренных» и «пожалованных». В отличие от коренных, пожалованные беки получали от местных владельцев и от царского правительства титулы и звания в награду за военные и другие заслуги и назначались правителями отдельных частей владений⁷. Но по своему происхождению они, как и коренные беки, принадлежали к бийским родам.

Следует отметить, что засулакским кумыкам термины «хан» и «бек» неизвестны. Здесь все потомки Султан-Мута⁸, независимо от того, управляли они владениями или нет, назывались «биями» или «князьями». В этом, несомненно, следует видеть влияние России на сословный строй засулакских кумыков.

Титул бека не был у кумыков высшим. Он был вторым после шамхальского и ханского. Кроме беков из шамхальской фамилии и из рода Султан-Мута, в некоторых селениях

⁵ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 79.

⁶ Н. Семенов. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб, 1895, стр. 272.

⁷ ЦГА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 7767, лл. 19—22.

⁸ Хотя все кумыкские владельцы считались представителями шамхальского дома, засулакские князья держали себя несколько особенно, вели свою родословную от Султан-Мута, который правил, примерно, с 1574 по 1635 год. О Султан-Муте и происхождении князей Кумыкской плоскости существует несколько преданий. По одному преданию Султан-Мут являлся сыном шамхала Анди ((правившего в XVI в.) от брака с кабардинской княжной (см. «Шамхалы Тарковские». «ССКГ», вып. 1, 1868, стр. 58). По другой версии, подтвержденной письменными источниками, он был сыном Шамхала Чопана и кабардинки из семьи узденей Анзоровых. Братья Султан-Мута, рожденные от княгини, не признавали его равным себе. Тогда Султан-Мут собрал вооруженные силы в Салатавии, в Кабарде и заставил выделить удел, следуемый ему по праву наследования. (см. М. Б. Лобанов-Ростовский. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. «Кавказ», 1846, № 37; Кумык (Д.-М. Шихалиев). Рассказ кумыка о кумыках. «Кавказ», 1848, № 38—44. В исследуемое время здесь было 10 княжеских фамилий (примерно, 166 человек), относящихся к потомству Султан-Мута: Айдемировы, Хамзаевы, Темировы, Муртузали-Аджиёвы, Алибековы, Уцмиевы, Арсланбековы, Каплановы, Кананалиповы, Эльдаровы.

владения Тарковского были также беки, известные под общим именем «карачи-беков», или «карачи-биев». Не будучи в состоянии состязаться в экономическом и политическом отношении с представителями шамхальского рода, они тем не менее считали, что их род древнее шамхальского, что именно они — «древние хозяева» кумыкской территории.

Автор ценнейшей работы первой половины XIX века «Рассказ кумыка о кумыках» Д.-М. Шихалиев⁹, подписавший свою статью псевдонимом «Кумык», так характеризует беков этой категории: «Сословие «карачи» находится в деревнях Северного Дагестана: Карабудахкенте, Губдене, Эрпели, Каране и Ишкарты. Они-суть потомки туземных князей, когда-то знаменитых, но влиянием шамхала ныне униженных»¹⁰. Слово «карачи» Шихалиев переводит как «смотритель», «разбиратель» и говорит, что засулакские кумыки приходили к «карачи», главным образом в Эрпели, для разбирательства спорных вопросов в присутствии «блюстителей всех кумыкских старинных обычаев» (т. е. в присутствии «карачи-беков»), где эти вопросы получали окончательное разрешение. Шихалиев сообщает также, что в Эрпели «хранилась книга Исмаил куран, где записывались все достопамятные постановления карачинского сословия»¹¹. Вероятно, это был сборник адатов «карачи-беков».

Нам думается, что сведения, которые сообщает «Кумык» о «карачи-беках», заслуживают внимания. Вполне возможно, что «карачи-беки» составляли более древнюю прослойку феодальной знати на кумыкской территории, а позже попали в зависимость от шамхалов, оказавшихся сильнее в экономическом и политическом отношениях.

Такое же положение, как «карачи-беки» в шамхальстве Тарковском, занимали в уцмийстве Кайтагском, в частности, у южных кумыков, гамринские беки. Их резиденцией считалось селение Утамыш. Вероятно, гамринские беки, как более древняя феодальная прослойка, управляли здесь единовластно до тех пор, пока на эту группу кумыков не распространилась власть более сильного феодала, уцмья Кайтагского, перенесшего свою резиденцию из высокогорного Кайтага (сел. Кара-Курейш) на плоскость (сел. Башли). В самом деле, Утамыш и другие сопредельные с ним селения в период Восточного похода Петра I имели своего владетеля, называемого в источниках Отемишским султаном. Отемишский султан Махмуд

⁹ Газета «Кавказ», 1848, №№ 39—44. О Д. М. Шихалиеве см. М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», вып. I, Москва, 1955, стр. 336.

¹⁰ «Кавказ», 1848, № 40.

¹¹ Там же, № 40.

формально считался самостоятельным владельцем, но из-за незначительности своего владения не имел большого экономического и политического веса и, очевидно, первое время находился в вынужденном союзе с уцмием, а потом в вассальной зависимости от него.

Все бии делились на два разряда:

1) Рожденные от равного брака, т. е. от матерей из шамхальского рода, рода Султан-Мута, других дагестанских владельцев (аварских, казикумухских ханов, уцмиев кайтагских) или из кабардинских, черкесских, грузинских и других княжеских фамилий. Они считались полноправными биями, беками, князьями.

2) Рожденные от неравного брака, например, бека с узденкой. Такие потомки владетельных фамилий назывались «чанка» («джанка») или «чанка-биями». Считается, что Кайтагским уцмием Султан-Ахмедом в 1583 году личные и имущественные права членов уцмиевского рода были определены в зависимости от их происхождения, что потом было принято всеми феодальными владельцами Дагестана¹². Согласно постановлению уцмий, сыновья от матерей «бийке», т. е. от женщин «чистой княжеской крови», признавались чистокровными беками и пользовались всеми правами этого сословия (правом управления, правом наследования и т. д.), сыновья же, рожденные от женщин не бийского происхождения (от узденок и т. д.), не имели всех тех прав, какими пользовались их отцы. По бийским адатам чанка занимал по отношению к бию подчиненное положение. Он большей частью находился в «роли почетного слуги» (нукера)¹³ у полноправного бия, даже в случае их кровного родства. «Если князь берет узденку или холопку,—писал Хамзаев,—то дети, происходящие от такого брака, не пользуются титулом князя.. и не могут владеть землями по смерти отца»¹⁴. Чанки владели лишь землей, переданной отцами по «назру» (дарственному акту).

Однако в отдельных владениях, например, в шамхальстве Тарковском, существовали различия и среди самих чанков. «Джанки»,—читаем мы в «Кратких сведениях о привилегированных и прочих сословиях.. Северного Дагестана»,—те из них, которые происходят от владетельных особ и от биев или беков, а равно и потомки таких джанков, рожденные от матерей—непростолюдинок, а джанков же, именуются также беками и пользуются особыми правами и преимуществами, ставящими в разряд туземного высшего сословия. Прочие же потомки джанков, рожденные от браков с простолюдинками,

¹² А б б а с-Ку л и-А г а Б а к и х а н о в. Гюлистан—Ирам. Баку, 1921, стр. 88—89.

¹³ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, л. 2.

¹⁴ Князь Х-ъ. Указ. соч., «Кавказ», 1865, № 70.

хотя и сохраняют за собой звание джанков, но им не присваивается титула бека и прав высшего сословия»¹⁵.

Отдельную группу феодального сословия, среднюю прослойку, составляли так называемые сала-уздени (у засулакских кумыков)¹⁶. В русских источниках они именуется первостепенными узденями. Автор статьи «Кумыки, их нравы, обычаи и законы» М. Б. Лобанов-Ростовский¹⁷, написавший первую специальную работу о кумыках, отмечает, что салауздени Кумыкской плоскости составляли «особый класс, первый в народе после князей, вероятно, по месту их первоначального поселения на речке Сала-Су, известный под именем сала-узденей. Считая себя древними хозяевами земли, они гордились своим известным происхождением, богатством, удалью, уступая первенство одним лишь князьям»¹⁸.

Д. М. Шихалиев отмечает также, что сала-уздени—«древнейшие обитатели края». Он считает их союзниками Султан-Мута. По его словам, сала-уздени жили в селении Эндирей, занимали здесь несколько кварталов, были наделены землей, имели невольников и оружие и за это «обязаны были верою и правдою служить князьям в качестве узденей, не щадя в случае нужды и жизни своей для них»¹⁹. «Сала-уздени,—указывает Шихалиев,—обязаны князьям не только личной, но и потомственной службою»²⁰. Сала-уздени, по определению Хамзаева, составляли род дворян, которые близко стояли к князьям и от которых многие из них получили земли²¹.

О былом высоком положении сала-узденей свидетельствует прошение представителя этого узденства Хаджи-Муратова, поданное в сословно-поземельную комиссию. «Предки мои, жившие первоначально в селении Гельбах Хасавюртовского округа, происходящие из почетных узденей, так называемых «сала-узденей», пользовались и ныне наша фамилия пользуется правами и преимуществами наравне с беками и независимо от последних, не платили ни бекские повинности, ни государственную подать»²².

Все это дает основание полагать, что на земле засулакских кумыков сала-уздени представляли собой более древнюю ветвь феодальной знати, чем князья (бии) из шамхальского дома. С установлением власти князей они находились в вас-

¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, лл. 2—3.

¹⁶ У всех остальных кумыков они назывались уллу-уздени.

¹⁷ Статья не подписана. Автор ее установлен М. О. Косвеню. См. М. О. Косвеню. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке. «Кавказский этнографический сборник», вып. 1, М., 1955, стр. 335.

¹⁸ «Кавказ», 1846, № 37.

¹⁹ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 40.

²⁰ Там же, № 42.

²¹ Князь Х-ъ. Указ. соч., «Кавказ», 1865, № 68.

²² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 1, л. 40.

сальных отношениях к ним, сохраняя, однако, свои экономические и общественные права. Сала-уздени владели большими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, чагарами, рабами и т. д.

Ряды этого узденства пополнялись и пожалованными дружинниками из числа простых узденей. Подобно древне-монгольским дружинникам местные дружинники назывались нукерами, а у засулакских кумыков именовались «узденями», хотя так же именовалась по всей Кумыкии и основная часть феодально-зависимого крестьянства.

В чем заключалась разница в общественно-правовом отношении между сала-узденями и узденями-дружинниками, т. е. рядовыми узденями, несшими военную службу князю, точно сказать трудно. М. Б. Лобанов-Ростовский, а затем и Шихалиев, анализируя их общественное и экономическое положение, ставят сала-узденей намного выше других сословий. Лобанов-Ростовский, например, писал, что сала-уздени — «древние хозяева земли», что они «до утверждения русского владычества резко отличались» от княжеских узденей, были богаче их²³, что это «класс буйный, всегда готовый воспользоваться смутами, чтобы ослабить власть князей»²⁴ и т. д. То же самое подчеркивает и Шихалиев, когда пишет, что «подобно сала-узденям, князья отличали пожалованием земель и многих других узденей с тем, чтобы они служили им по примеру сала»²⁵. Как видно из источников, дружинники из простых узденей не могли иметь звания сала, так как оно было наследственным, а не пожалованным. Все это дает основание полагать, что сала-уздени или уллу-уздени по сравнению с узденями-дружинниками занимали на феодальной лестнице более высокое положение и представляли собой значительную силу, с которой высшая феодальная знать Кумыкии не могла не считаться.

Следует отметить, что после присоединения Кумыкии к России, значение вассалитета значительно ослабло, в частности, сократилась численность нукеров, в которых в условиях феодальной раздробленности и междоусобиц постоянно нуждались владельцы Кумыкии. Недаром М. Б. Лобанов-Ростовский в 1846 году отмечал, что «навсегда опустели дворы княжеские и, вместе с закатом удалой жизни, разошлись их гордые дружины»²⁶.

В первой половине XIX века обязанности нукеров-дружинников (не считая боевой службы, которая и в этот период все же имела определенное значение) состояли в основном в том,

²³ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 38.

²⁴ Там же.

²⁵ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 40.

²⁶ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 38.

что они помогали феодалам осуществлять власть над зависимым населением, иными словами, нукеры составляли аппарат, принуждающий трудящихся выполнять волю феодальной верхушки.

Кумыкский нукер или уздень не был простым наемником. Он считался свободным воином, который по своему желанию служил тому или иному господину. Однако, награждая узденя-нукера землей, владетель фактически ставил его в лично-зависимые отношения. Материалы, относящиеся к соседним владениям, а также данные устного творчества дают право предполагать, что в нукеры люди попадали не только добровольно, но и по принуждению сильных владетелей. Нукеры охраняли своего сеньора во всех его поездках. Уздень-нукер должен был мстить семье убийцы за смерть своего владетеля, а если убийцей был князь, то мстил его узденям. Кроме того, нукер-уздень должен был помогать князю в его домашних делах, присутствовать при приеме гостей, ездить с ним на охоту и т. д. «Собаки, соколы и лихой конь были товарищи, наиболее для него привычные», — пишет Шихалиев о таком уздене²⁷.

В более ранний период истории вассалитета обязанности нукеров-узденей по-видимому были еще сложнее. Они должны были не только большую часть времени проводить на коне, исполняя поручения своего владетеля, но и проливать кровь в междоусобной борьбе, защищая жизнь и интересы сеньора. Кроме того, они должны были прислуживать князю дома, присматривать за его лошадьми, чистить оружие, выходить раз в неделю на княжеский сенокос и т. д. С течением времени обязанности узденей-нукеров значительно изменились. «Черную» работу — уход за лошадьми, сенокосение и т. п. — стали выполнять не нукеры, а крепостные и другие зависимые крестьяне.

Самые влиятельные из княжеских узденей, или сала-узденей являлись аталыками (воспитателями) детей князя. Они были обязаны брать на себя расходы, связанные с выдачей замуж дочерей своих владетелей, подготавливали им приданое и т. д. К числу нукерских повинностей следует отнести и всевозможные подарки феодалам в торжественные дни, или «помощь» в случае траура. Более того, владетель мог взять у своего узденя любую вещь, которую он хотел подарить своему гостю. Владетели не имели права наказывать своих узденей, но могли удалить их от себя, отобрав подаренное им имущество²⁸. Правовое и имущественное положение княжеских узденей в значительной степени зависело от того вла-

²⁷ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 40.

²⁸ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 38.

детеля, вассалами которого они были. В более привилегированном положении были нукеры шамхала Тарковского и старших засулакских князей.

Сала-уздени, уздени-нукеры так же, как и бии, отдавали своих детей в аталыки (на воспитание). В отличие от биев, принимавших в качестве аталыков только тех из своих узденей-нукеров, на которых они более полагались, сала-уздени и другие уздени-нукеры отправляли своих детей главным образом в горы, в семьи влиятельных горских узденей, устанавливая с ними тем самым прочные взаимовыгодные экономические связи.

Адаты биев не разрешали неравных браков. Поэтому бии не вступали в родственные связи с сала-узденями или узденями-нукерами. Однако через аталычество они могли быть связаны с ними неразрывными узами. Воспитанный в семье своего аталыка, «окруженный неусыпным попечением всех домашних, молодой князь на всю жизнь сохранял непоколебимую привязанность к семье своего воспитателя»²⁹. Часто эмчеки (родные дети воспитателя), вместе с которыми рос княжеский сын, почитались им наравне с родными братьями.

Сала-уздени, хотя нередко и занимали высокое имущественное положение, все же не могли переходить и не переходили в сословие биев. Сала-уздени стояли на четвертой ступени феодальной лестницы, составляя среднюю феодальную прослойку кумыкского общества.

Последнюю прослойку класса феодалов составляло духовенство, которое владело вакуфными землями при мечетях. Вакуфы в Дагестане, как это отмечал в свое время С. В. Юшков, не составляли больших владений, как это было, например, в Средней Азии. Духовенство никаких повинностей в пользу князей не несло, а, напротив, получало от населения отработочную ренту, используя на вакуфных землях труд крестьян. Кроме того, духовенство жило и за счет «заката», подати, получаемой от крестьян в количестве $\frac{1}{10}$ части их урожая, а также за счет другого дохода.

Антагонистический феодалам класс — трудовое крестьянство — также не являлось однородной массой. По своему социально-экономическому и правовому положению оно делилось на несколько групп. Различные группы крестьян, однако, не представляли собой нечто неизменное, возможны были переходы из одного состояния в другое, из одной группы в другую.

Основной производящей массой зависимых крестьян являлись уздени, которые делились на три категории: просто уздени (второстепенные уздени), дегерек-уздени (круглые уздени)

²⁹ Там же.

и азат-уздени (вольнотпущенники). Догерек-уздени часто именуется в литературе и «второстепенными узденями». Д. М. Шихалиев и Н. Дубровин считают, что прослойка догерек-узденей у засулакских кумыков образовалась как из местного, так и из пришлого с гор населения (Кумык. Указ. соч. «Кавказ», 1848, № 42; Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 630). По имеющимся письменным источникам очень трудно проследить разницу между «просто узденями» и «догерек-узденями». Нет сомнения, что по своему экономическому и правовому положению они мало чем отличались друг от друга. Те и другие, не имея собственной земли, должны были работать на землях феодалов, нести в их пользу подати и повинности, а следовательно, вступать в ряды феодально-зависимых крестьян, хотя на первый взгляд они казались лично свободными категориями, так как могли распоряжаться собою по своему усмотрению и юридически сохраняли за собой право свободного перехода с места на место.

«Средний класс (догерек-уздени), описанный в третьем разряде, — пишет Шихалиев, — как безземельный, но свободный, может переходить из одного квартала в другой или от одного рода к другому, лишь бы подчинялся обычаям того квартала, куда переходит»³⁰. Под «обычаями квартала», конечно, нужно понимать условия, которые новый феодал мог продиктовать узденю.

Переход к новому владельцу был связан с лишением узденя части имущества и рядом других препятствий. Если кто-либо из узденей добровольно и уходил из своего насиженного гнезда к другому князю, то он должен был оставить своему прежнему владельцу все свое недвижимое имущество — дом, хозяйственные постройки и т. д., ничего не смея трогать, если же «он изгонялся самим князем, то мог взять с собой двери и оконные рамы»³¹.

Относительная личная свобода массы узденей при почти полном отсутствии у них земли на правах владения (если не считать отдельные мюльки), возможность, хотя и с ограничениями, перехода их от одного помещика к другому составляют специфические особенности феодальных отношений у засулакских кумыков. Эта специфика, хотя и в меньшей степени, была присуща также кумыкам Тарковского и Мехтулинского владений.

Известно, какое большое значение имело внеэкономическое принуждение в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако основой феодализма являлось не

³⁰ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 42.

³¹ Н. Тульчинский. Поземельная собственность и общественное землепользование на кумыкской плоскости. «Терский сборник», вып 6, 1903, стр. 61

оно, а феодальная собственность на землю. Внеэкономическое принуждение для этой наиболее многочисленной группы, как это показывает фактический материал, не применялось в той степени, как например, в дореформенной России, зато феодальная собственность на землю, отсутствие основного средства производства (земли) в руках самих производителей ставили многочисленную массу крестьян в феодально-зависимое положение. Из этого не следует, однако, что для этой группы населения вообще отсутствовала личная зависимость. При полном отсутствии личной зависимости крестьянин, уже наделенный землей, не стал бы работать на феодала.

Подобная система хозяйства порождала «внеэкономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д.»³². Следует помнить указание В. И. Ленина и о том, что формы и степени внеэкономического принуждения «могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»³³.

Нам думается, что не прав С. В. Юшков, который считал, что уздени не всегда могли пользоваться правом перехода от еладельца к владельцу только потому, что они были крепко связаны с тухумом, а не с феодалом и землей³⁴. Как известно, тухумная организация Дагестана к этому времени уже потеряла свое бывшее значение, она уступила место территориальной общине, а затем феодальным отношениям, для которых характерна новая классовая структура. Феодально-зависимые уздени в этом случае не всегда могли использовать право перехода к другому владельцу не потому, что они были прикованы к тухуму, а потому, что зависели от феодального способа производства.

Следует отметить, что переход из низшей категории крестьян в другую, более высокую, совершался нелегко. Шихалиев, например, отмечает, что если когда-либо князья и наделяли отдельных догerek-узденей пахотной землей, кутаном, или делали аталыком своих детей, отличали их особым почетом, то такие догerek-уздени становились узденями второго разряда или даже сала-узденями. Автор, однако, подчеркивает, что такое повышение «в классах приобретением имени... происходит исподволь, а не официальным пожалованием. Требуется много времени, чтобы перешедшего из третьего разряда во второй отвыкли называть догerek-узденем, обычно такие люди первое время выделялись от общей массы

³² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 66.

³³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

³⁴ С. В. Юшков. Указ. соч., стр. 73.

сала-узденей, называясь сала-узденями не по происхождению, а по землям»³⁵, т. е. по положению.

Следующую категорию узденей составляли азаты (азат-уздени) или вольноотпущенники («азат» в переводе означает «освободившийся», «свободный»). В литературе они встречаются еще под именем третьестепенных узденей. Некоторые исследователи, в том числе Р. М. Магомедов, относят к этой группе и кара-узденей (черных узденей)³⁶, считая их «разновидностью догерек-узденей». В том и другом случае, несомненно, мы имеем дело с бывшими крепостными или даже бывшими рабами. Феодал мог отпускать своих рабов или крепостных «чагаров» на свободу за деньги или при каком-нибудь другом условии.

Порою отпускались на волю и торговые люди. Таким образом, основными источниками пополнения числа азатов были освобожденные крепостные и рабы. Однако освободившаяся семья еще долго сохраняла «отношения подчиненности к семье бывших господ»³⁷.

М. Б. Лобанов-Ростовский считает, что «отпущенники большей частью люди торговые, богатые и поэтому часто бывают в браке с дочерьми узденей. Через несколько поколений происхождение их сглажено, если не забыто, и они почитаются узденями наравне с прочими»³⁸.

Н. Дубровин также отмечает, что освобожденный азат сам «никогда не мог вступить в разряд второстепенных узденей, хотя бы приобрел поземельную собственность, но его потомки в четвертом поколении переходят в сословие простых узденей или людей свободных»³⁹.

Подобно второстепенным узденям, азаты в своей основной массе были безземельными, жили «на землях, принадлежащих князьям или первостепенным узденям, на известных условиях»⁴⁰.

Следующую категорию зависимого населения составляли чагары. Этимология этого слова не совсем ясна. Одни из авторов выводят это слово от кумыкского глагола «чыкъ-макъ» (выходит), другие считают этническим термином⁴¹.

³⁵ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 41, 42.

³⁶ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 178, 179.

³⁷ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 37.

³⁸ Там же.

³⁹ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 629, 630.

⁴⁰ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., т. II, стр. 192.

⁴¹ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 179; Б. В. Скитский.

К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во II пол. XVIII в. «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XVII, Орджоникидзе, 1956, стр. 163. Мы же полагаем, что слово чагар не имеет местного происхождения, а является монгольским, занесенным сюда в качестве социального термина в период завоевательных

Чагары составляли категорию крестьян, находившихся в полной личной и земельной зависимости от владельцев. Они не имели никаких прав на землю, им отведенную, и при отчуждении этой земли владельцем могли сохранить за собой только то имущество, которое было приобретено ими лично.

Одним из источников образования категории чагаров были «семейства холопов, выселяемых князьями из дворовой прислуги»⁴², т. е. рабы. «Чагары», — пишет М. Б. Лобанов-Ростовский, — те же холопы, избавленные от домашней службы и которым предоставлено на известных условиях право пользоваться некоторыми участками господской земли»⁴³. Эта категория зависимых крестьян постепенно увеличивалась за счет безземельных горцев, которые, спускаясь на плоскость в поисках средств к существованию, поселялись на кабальных условиях на землях кумыкских феодалов⁴⁴. Такие горцы еще назывались «гельгенчилер» (пришельцы).

Как свидетельствуют архивные документы, рента, получаемая с чагаров — бывших рабов, была более высокой, нежели с чагаров-«пришельцев»⁴⁵. Первые, как бывшие дворовые люди, обязаны были выходить на работу по «востребованию»⁴³ владельца, а требовать он мог их «во всякое время и на неопределенное число» дней⁴⁷.

Для выяснения вопроса о том, как в чагары попадали не только бывшие дворовые люди, но и горская безземельная беднота, большой интерес представляет приводимый ниже документ, составленный на основании показаний землевладельцев, а также существовавших в 30—40 годах XIX века письменных источников кумыкского отдела сословно-поземельной комиссии.

«Аксаевские жители, называемые чагарами, — говорится в этом документе, — неоднократно жаловались, что общество

походов монголов. Известно, что в эпоху Чингис-хана «чагарами» называлась челядь, находившаяся при дворах (ставках) монгольских вельмож и князей. Термин «чагар» в том же значении встречается у кумыков и даже у некоторых тюркоязычных народов, в частности у якутов. (см. С. А. Козин. Сокровенное сказание Л, 1940, стр. 57; А. П. Окладников. Социальный строй предков якутов. «Советская этнография», 1947, № 2, стр. 101, 102). Попытка некоторых исследователей установить генетическую связь термина «чагар» с кумыкским глаголом «чыкъмакъ», нам думается, неоправдана. Если бы термин «чагар» был связан с глаголом «чыкъмакъ», то первый гласный в слове «чагар» (чаггар) был бы не «а», а «ы» (чыггар), ибо в кумыкском языке нет закона регрессивной ассимиляции гласных.

⁴² ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, л. 3.

⁴³ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, №37.

⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 19.

⁴⁵ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, л. 3.

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, лл. 4, 5; ф. 126, оп. 1, д. 11-б, л. 2.

⁴⁷ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72-а, лл. 1—5.

их состоит под властью князей, не имеющих на то никакого права, потому что предки просителей в данное время переселились в деревню Аксай с разных мест по своей вине, а не силой князей и приобретены ими покупкой, почему и получали название чагар, означающее на кумыкском языке—«вольные». В то время князья не имели никакого права насильного с ними управления. После же князья стали употреблять их на все работы насильно и продавать в посторонние руки как крестьян»⁴⁸.

В приведенном документе, кроме сообщения об обращении в крепостное состояние пришлых горцев, большой интерес представляет объяснение значения термина «чагар». В противовес существующим толкованиям этого слова (вывод рабов со двора владельца на землю или как социального термина, занесенного извне) сами чагары трактуют его, как «вольный», «свободный».

В категорию чагаров попадали и те холопы, которых привозили в качестве приданого кабардинские княжны при выходе замуж за кумыкских князей.

Чагары, как правило, поселялись отдельными кварталами—«авулами», недалеко от своих владельцев. В сел. Эндирей, например, эти кварталы назывались «Тюмень-чагар», «Адиль-Гирей-чагар», «Айдемир-чагар», «Темир-чагар»; в сел. Аксай «Адиль-чагар», «Каплан-чагар»⁴⁹; в сел. Тарки, Башли и др.—просто «Чагар-авул».

Чагар, как человек крепостной, мог быть продан своим владельцем в другие руки. «Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского», собранных и систематизированных известным исследователем обычного права горцев А. Комаровым, содержит целый раздел об условиях купли и продажи чагаров, известный под названием «чагар-сату» (торговля чагарами)⁵⁰. Из этого сборника адатов видно, что владелец не мог продавать своего чагара за пределы данной местности. «Недозволяется... продавать крестьян (имеются ввиду чагары — С. Г.) лицам, принадлежащим к другому обществу. Если же вопреки этого установления случится продажа, то проданные крестьяне или крестьянки возвращаются продавцу», — гласит одно из положений раздела, посвященного купле и продаже чагаров⁵¹. Почти то же самое сообщает о Кумыкской плоскости Б. М. Лобанов-Ростовский.

⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6. л. 17.

⁴⁹ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 41.

⁵⁰ ЦГА Груз. ССР, ф. 1087, оп. 2, д. 272 л. 1—18. Указанный сборник—ценный источник по истории Дагестана XVIII—XIX вв. Он выявлен кандидатом юридических наук А. С. Омаровым. Мы пользуемся снятой им копией.

⁵¹ Там же, л. 17.

Он пишет, что чагара могли продавать только «в тот самый округ, где он поселен»⁵².

Следует обратить внимание и на другие нормы обычного права относительно чагаров. По адату, хозяин приобретенного куплей чагара, не имел права продавать его кому угодно. В первую очередь он должен был предложить этого чагара прежнему владельцу, а если у чагара несколько раз менялись владельцы, то всем этим людям в обратном порядке. При этом он должен был продать его по той же цене, за которую купил сам. Только в случае отказа бывших владельцев приобрести этого чагара, новый владелец мог продать его посторонним, но без разрешения предыдущего владельца все же не мог получить более высокую цену. «В противном же случае,—гласит положение указанного выше сборника адатов,—излишек прогиву покупной цены возвращается прежнему владельцу»⁵³.

Все эти установления говорят о том, что в исследуемое время в Кумыкии наметилось ограничение торговли чагарами, стремление определить их на постоянное жительство в одном и том же месте, у одних и тех же владельцев.

Чагары могли выкупаться и на волю, заплатив своему хозяину от 50 до 200 рублей серебром⁵⁴, смотря по состоянию. Этот акт, как свидетельствуют литературные и архивные источники, мог совершаться только с согласия владельца. Владелец мог отпускать своих чагаров не только за деньги, но и за разного рода службу.

Чагары принадлежали главным образом биям и разделялись на несколько обществ по бийским домам. Название «чагар» употреблялось в унижительном смысле и переходило из поколения в поколение. «Никакая давность,—пишет Хамзаев,—не уничтожала названия чагара. Оно остается в роду навсегда неизгладимым пятном. Есть между ними и такие, которые сами не знают даже, когда и почему они сделались чагарами»⁵⁵.

Все чагары подвергались прямому внеэкономическому принуждению. Феодал, хотя и наделял своего чагара землей, все же сохранял за собой право в любое время заставить его работать на себя. Как видно, присвоение землевладельцем прибавочного труда чагаров последовало в силу того, что землевладелец являлся одновременно и господином непосредственного производителя. Таким образом, личная и поземельная зависимость в данном случае целиком совпадала. Однако

⁵² М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, №38.

⁵³ Указ. выше сборник, л. 17.

⁵⁴ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, л. 27; Б. М. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, №38.

⁵⁵ Князь Х-ъ. Указ. соч., №68.

условия, заключаемые с чагарами, были различны. Они находились в прямой зависимости от предоставленной чагарам земли и положения каждого владельца. Не случайно многие авторы, писавшие о сословном строе кумыков (Н. Дубровин, Ф. Леонтович, Р. М. Магомедов, Б. В. Скитский и др.), делят чагаров на две категории: первостепенных и второстепенных.

Чагаров имели не только бии, но и отдельные уздени. Узденские чагары находились в более тяжелых условиях⁵⁶.

К этой же категории крестьян обычно относят и небольшую группу населения Кумыкской плоскости, известную под названием теркеме. Тот же Хамзаев пишет, что «теркеменцы в таких же почти отношениях к князьям как и чагары—одни свободны, другие— нет, но разнятся от чагаров своим происхождением»⁵⁷.

«Теркеме,—пишет Шихалиев,—многочисленное и рабское племя по правам почти то же, что и чагары, если не ниже... Князья могут дарить их узденям, но с тем, чтобы не переселять их на другое место, а только пользоваться оброком, следовавшим с них князю»⁵⁸. Как показывает само название, теркеменцы не были аборигенами. Они являлись пришлым населением, поселенным на данной территории в XVIII в.⁵⁹. Теркеме принадлежали только четырем княжеским фамилиям и жили в сел. Чонт-аул, Темир-аул и в одном из кварталов Костека.

По данным 1866 года, на Кумыкской плоскости (без Присулакского наибства) чагаров и теркеменцев насчитывалось 2313 душ⁶⁰, из них 1257 душ составляли теркеменцы и 1056 души-чагары⁶¹. Точных данных о количестве чагаров в шамхальстве Тарковском и ханстве Мехтулинском мы не имеем. По некоторым сведениям, чагаров в шамхальстве Тарковском насчитывалось 90 дворов⁶².

Итак, теркеменцы, так же как и чагары, составляют категорию крепостных крестьян. Разница в их положении заключается в том, что чагары в значительной своей части являются бывшими рабами, посаженными на землю, в то время как теркеменцы в рабской зависимости раньше не находились. Бывшие свободные крестьяне-теркеменцы в силу ряда обстоя-

⁵⁶ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, л. 35.

⁵⁷ Князь Х - ъ. Указ. соч. «Кавказ», 1865, № 68.

⁵⁸ Кумык. Указ. соч., «Кавказ», 1848, № 43.

⁵⁹ С. Ш. Гаджиева. Очерки истории и этнографии дагестанских теркеменцев в XIX веке. «Ученые записки Дагестанского гос. женск. пед. института», вып. II, Махачкала, 1958.

⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 72, лл. 1—2.

⁶¹ Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области, ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 39. Сюда не вошли данные о численности теркеме в сел. Чонтаул Присулакского наибства.

⁶² Шамхалы Тарковские. ССКГ, вып. 1, 1868, прим. к стр. 78.

тельств оказались на Кумыкской плоскости и стали пользоваться феодальной землей на правах крепостных крестьян.

Последнюю категорию зависимого населения составляли рабы. По-кумыкски раб—«кьул», а рабыня—«къарабаш». На официальном языке они назывались безобрядными безадатными холопами⁶³. Точных сведений о числе рабов в кумыкских владениях в исследуемый период мы также не имеем. Известно, однако, что в одном только Кумыкском округе к моменту отмены рабства (1861 г.) их было 276 семейств или 944 души обоего пола⁶⁴, а всего в Дагестане вместе с шамхальством Тарковским, ханством Мехтулинским и Присулакским наибством (без Кумыкского округа)—3887⁶⁵; в том числе в Северном Дагестане—460 душ⁶⁶. Каково было место рабовладельческого уклада в хозяйственной жизни народа, определить трудно. Ясно одно, что в системе производительных сил исследуемого периода рабовладельческий уклад не играл особой роли. В это время рабство уже было пережиточным явлением.

Количество рабов было сравнительно невелико; в основном они представляли собой дворовую прислугу (патриархальное рабство), частично были заняты в сельском хозяйстве. В селении рабы в отличие от чагаров не составляли отдельных кварталов, а жили при доме своих хозяев. По закону, «кьул» или «къарабаш» были полностью во власти своего господина. Он мог не только продать раба вместе с семьей или отдельно, но даже казнить.

«Рабы и рабыни, — читаем мы в докладной записке начальника Дагестанской области от 30 марта 1861 года главнокомандующему Кавказской армией князю Барятинскому, — считаются принадлежностью владельцев своих, как всякое другое домашнее животное, с которым хозяин вправе поступать как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельцев, и они берут невольников своих не потому, чтобы ответствовать за обиды, увечья или даже смерть, а потому что, лишившись раба, понесут материальный ущерб»⁶⁷.

«Рабское происхождение, — пишет М. Б. Лобанов-Ростовский, — пятно, не вдруг изглаживающееся в кумыкском обществе»⁶⁸.

⁶³ Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области, ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 38.

⁶⁴ П. Гаврилов. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа, ССКГ, вып. II, 1869, стр. 48.

⁶⁵ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71, л. 7.

⁶⁶ Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 49.

⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 71-а, л. 1.

⁶⁸ М. Б. Лобанов-Ростовский. Указ. соч., «Кавказ», 1846, № 37.

Главным источником пополнения контингента рабов были войны и набеги феодалов в соседние области, что давало большое число военнопленных, обращаемых в первую очередь в домашнюю прислугу. Их число пополнялось и за счет людей, «обманом вывезенных из своих деревень и проданных потом... кумыкским князьям или узденям»⁶⁹.

Еще в начале XIX века в Дагестане продолжала иметь место работорговля. Кумыкское селение Эндери (Эндирей) считалось одним из центров торговли рабами и пленными. «Из Эндери, скованных пленников по два вместе за одну руку, проводят большими конвоями через земли чеченские, ингушские и черкесские скрытыми дорогами мимо Российских караулов до Анапы. Прежде таковые караваны отправлялись также через Кумыкскую и Кубанскую степи в Крым и оттуда в Константинополь», — писал в начале XIX века С. Броневский⁷⁰.

Тот же автор указывает далее, что турецкие купцы, нагрузив корабли пленными, отправляли их из Константинополя в Египет, в ливанские порты и т. д.

При покупке раба учитывались возраст, телосложение, физическое здоровье, порою и красота (особенно для рабынь). Цена их доходила до 200 рублей и более.

Как прогрессивный факт следует отметить, что с присоединением Дагестана к России работорговля в крае совершенно прекратилась. Сильно сократилось и рабство. «С водворением русского владычества на Кавказе, — писал Шихалиев, отмечая этот факт, — с построением в Кумыкском владении в 1812 году крепостей и занятием нашими войсками Джар-Белоканской области промысел этот (работорговля—С. Г.) совершенно упал»⁷¹. Ермоловым был, в частности, закрыт рынок работорговли в сел. Эндирей⁷², близ которого была построена крепость Внезапная. Более того, он запретил вывоз рабов для продажи туркам.

Как уже отмечалось выше, Н. Дубровин указывал на существование еще одной социальной категории в кумыкском обществе — казаков. Казаки (къзакълар), по определению Н. Дубровина, это свободные люди, служившие за плату князю или узденю. «Слово это, — пишет он, — выражает понятие о человеке, хотя и живущем в своем доме, но одиноким, свободном, безземельном»⁷³. История образования этой категории очень сложна и пока еще не изучена. Однако анализ

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. 1, стр. 313—314.

⁷¹ «Кумык». Указ. соч., № 43.

⁷² АКАК, т. VI, ч. II, стр. 513; ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, л. 11.

⁷³ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 630.

письменных источников, фольклора и, особенно, так называемых «къазакъ йырлар» (песен о казаках)⁷⁴ дает основание полагать, что образование этой социальной прослойки неразрывно связано с историей классовой борьбы и расслоением кумыкского общества.

Казаками прежде всего назывались люди, не имевшие никакого имущества и подвергавшиеся жестокой феодальной эксплуатации. Совершив какой-нибудь акт, направленный против социальной несправедливости (убийство, поджог имения, оскорбление феодала или членов его семьи), многие из них вынуждены были покидать землю своего владельца и скрываться от преследования. Некоторые переходили к другому владельцу, прося у него покровительства и службы. Феодальная междоусобица способствовала тому, что владельцы принимали на службу беглых крестьян, особенно известных своей храбростью, надеясь использовать их в своих интересах.

Как видно из данных фольклора, эти люди попадали в самые тяжелые условия и безотказно выполняли любую работу. Новый владелец должен был охранять их от преследования со стороны старого владельца. Недаром у кумыков существовали пословицы «къазакъ ятив къанлы оylum» (жизнь казака подобна смерти в изгнании) или «къазакъ ятив къавургъамны къатдыргъан» (от казацкой постели отлежали бока). «Къазакъ» должен был жить один, не имея ни семьи, ни детей. Феодал мог брать казаков с собой на войну, в поход, посылать с разными поручениями и т. д.

Однако и казаки находились в неодинаковых условиях. По своему экономическому и юридическому положению они делились на две группы: къанлы къазакъ и тургъан къазакъ. В то время как первые находились в особенно тяжелых условиях, вторые могли (хотя это случалось редко) выйти в нукеры, получить от владельца землю, имущество, стать сборщиком податей и т. д. Иногда в казаки попадали и потомки разоренных сала-узденей.

Эндирей салаланы уланы,
Эрпели Тонай бийни къазагъы
Элдерден жыйып алгъан сабу учун,
Къазагъым сагъа гелген не къыйын?
(Сын Эндиреевских сала-узденей,
Казак эрпелинского бия Тоная,
Из-за сбора сабу⁷⁵ с населения,
Мой казак, что за беда пришла к тебе?)

— говорит жена, оплакивая мужа, убитого, вероятно, во время сбора подати с населения.

Многие «къазакъ йыры» раскрывают образы жестоких,

⁷⁴ Кумыкский литературный альманах «Чечеклер», Махачкала, 1939, стр. 284.

⁷⁵ Сабу — мерка сыпучих тел.
14. Зак. 853

честолюбивых феодалов, а также имущественно-правовое положение прослойки казаков. Вот, например, содержание одного из «къзакъ йыров»: казак, который долго служил своему бию, обращается к нему с просьбой женить его на любимой девушке.

Мени бийим, магъа къара чы
Артым алдым мени терге чи!
Байланы гёген ⁷⁶ гёздю аривюн,
Гелечилер салып магъа тиле чи.
(Мой бий, посмотри на меня,
Разберись, какова жизнь моя,
Черноглазую красавицу баев
Пошли сватов просить за меня ⁷⁷)—

говорит казак.

Бий отвечает своему казаку, что ему нечего разбираться в его жизни, что он не может засватать за бедного казака красавицу баев (богатых). Он говорит далее, что на этой девушке намеревается жениться бий из шамхалов. Услышав такой ответ, казак тут же покидает своего владельца. На прощанье казак говорит бию, что он никогда больше не придет к нему с приветствием и не простит ему обиды. Однажды во время долгой поездки по степи, по аулам казак случайно попадает на большую свадьбу. Выясняется, что это свадьба его любимой девушки, которую только что привезли в дом бия. Казак ищет удобное место, откуда можно было бы выстрелить в своего бывшего бия и «откуда черноглазая красавица могла увидеть его». Но бий замечает появление казака и специально для него отзывается о нем почтительно. Тогда казак объясняет ему цель своего приезда, просит разрешить спеть песню. Песня его разоблачает биев. В ней он клянется, что его возлюбленная не будет женой бия, что только он возьмет ее:

«Аны чы гелешмек гысапмы,
Бийим шавхал къатын этсе оьлейим»
(Засватать девушку еще ничего не означает,
Пусть я умру, если шамхалу удастся
Сделать ее своей женой).
Ол аривню тебе чачы бир къолтукъ
Билегиме чирмемесен оьлейим,
(Густые длинные косы этой красавицы,
Пусть я умру, если не намотаю на свою руку) ⁷⁸—

поет он.

Казак в своей песне дает понять сидящим, что трусам не сдобровать, когда он в гневе, что он из тех, которые не просят о помощи. И он мгновенно обнажает кривой меч. Бии, ха-

⁷⁶ Гёген гёз—черноглазый с оттенком ягоды терна.

⁷⁷ «Дослук» («Дружба»), № 1, 1957, стр. 67.

⁷⁸ У кумыков это являлось символическим жестом, означающим, что девушка становилась женой претендента на ее руку.

и неравномерное распределение податей и повинностей. Из всех феодально-зависимых категорий крестьян в наиболее тяжелых условиях находились чагары и теркеме.

В исследуемый период кумыкам известны были все три формы докапиталистической земельной ренты: отработочная, продуктовая и денежная⁸⁰. Денежная рента, однако, не имела большого значения. Эту ренту землевладельцы получали главным образом с пастбищ и рыболовных угодий, которые отдавались на откуп, а также с ремесленников и торговых людей. Из первых двух форм ренты бесспорно преобладающей была продуктивная рента.

Анализ данных о феодальной ренте дает основание полагать, что на Кумыкской плоскости в системе феодальной эксплуатации значительную роль играла барщина.

Во владениях засулакских князей, например, чагары несли главным образом барщину. Каждый чагарский дом должен был по требованию владельца затрачивать один день на пахоту со своим плугом (бедные чагары в этом случае объединяли рабочий скот), один день на покос, один день на жатву хлеба. Кроме того, чагары были обязаны вывозить с поля на своих подводах хлеб и сено; по очереди выставлять арбы для поездок женщин владельческого дома; доставлять по 12 арб⁸¹ дров на зиму, а в нужных случаях подвозить и дополнительно; участвовать в строительстве конюшен—«казма»⁸², кунацких комнат, заборов, а равно доставлять строительные материалы на своих арбах; по мере надобности возить камни для надмогильных памятников. На обязанности чагарских женщин лежала обмазка и штукатурка домов, приготовление зерна для помола (мытье, просеивание, очистка, сушка), починка тары, а порою и помол зерна на мельнице⁸³. Мужчины-чагары вместе с другими зависимыми крестьянами должны были расчищать поляны, проводить каналы, очищать и вырубать кусты, возить на мельницу и обратно хлеб и т. д. Знающие ремесло женщины и мужчины должны были приносить господину свои изделия.

Теркеменцы, которые жили в некоторых селениях Кумыкской плоскости, как и чагары, исполняли следующие обязанности:

1) обрабатывали булкой (общими силами) участок земли,

⁸⁰ С. В. Юшк о в. Указ. соч., стр. 73.

⁸¹ В арбе примерно 2 кубометра дров; узденские чагары обязаны были доставлять в году по 20 арб дров. ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 6, л. 30.

⁸² Постоянные помещения для скота на зимних пастбищах.

⁸³ Сведения о зависимых сословиях в Кумыкском округе (1866 г.); ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, стр. 5—6; там же. ф. 105, оп. 1, д. 6, стр. 33.

отведенной владельцу под рисовое поле, жали и убирали чалтык ⁸⁴;

2) каждый дым сушили молотил по три чувала ⁸⁵ чалтыка, т. е. 579 кг. Это была самая тяжелая работа, которую теркеменцы выполняли чуть ли не в течение целого месяца на примитивном ручном току;

3) отбывали булку на владельческих землях во время пахоты и жатвы в течение необходимого числа дней, а на покос затрачивали по одному дню с дыма;

4) каждый дым отвозил на своем транспорте с тока в дом владельца по три чувала зерна;

5) возили из леса материалы для строительства водяных мельниц;

6) возили камень для надмогильных памятников;

7) выставляли по очереди арбы женщинам княжеского дома для разных надобностей;

8) доставляли по очереди с владельческих кутанов молоко, сыр, масло, шерсть, с виноградников—виноград;

9) очищали и копали оросительные каналы.

Подати же теркеменцев заключались в том, что они вносили с каждого дыма по одному сабу и два «сагья» ⁸⁶, по одному мотку шелка ⁸⁷.

Из приведенных материалов видно, что ни для чагаров, ни для теркеме Кумыкской плоскости не указана рента скотом. Нам думается, что эта рента в том виде, в каком она взималась с других категорий зависимого населения, распространялась и на чагаров и теркеменцев, ибо в документах указывается, что поселяне платят «от столько-то поголовья столько-то баранов», причем понятие «поселяне» не уточняется.

Чагары шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского платили продуктовую ренту: по 1 сабу ⁸⁸ пшеницы, по арбе дров, а имеющие мелкий рогатый скот—по 1 барану в год ⁸⁹. Отработочная же рента точно не была определена и зависела от воли владельца ⁹⁰. Подати и повинности, вносимые и отправляемые узденями, обуславливались в одних селениях правом землевладельца, в других правом правителя, в третьих—тем и другим правом» ⁹¹.

⁸⁴ Ч а л т ы к — неочищенный рис.

⁸⁵ Чувал (мешок) вмещает 3 сабу зерна; 1 сабу в данной местности — 64 кг.

⁸⁶ Сагья—здесь примерно 6 кг.

⁸⁷ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 99-а, лл. 8—9; ф. 237, оп. 2, д. 18, л. 1—2; Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 48.

⁸⁸ В данной местности сабу — примерно 20 кг.

⁸⁹ Шамхалы Тарковские, ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 7—8.

⁹⁰ Освобождение бесправных рабов в Дагестане. ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 48.

⁹¹ Шамхалы Тарковские, ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 5—8.

Подати и повинности по Мехтулинскому ханству, например, делились на три категории:

I. Точно определенные.

II. Выполняемые по мере надобности.

III. Случайные, обязательные при известных обстоятельствах.

Точно установленными податями и повинностями были следующие:

1. Кент ясак (сельский ясак). Каждый хозяин, имеющий не менее 30 овец, обязан был платить по одной овце.

2. По 1 сабу зерна взималось с каждого дыма; в селениях Верхний и Нижний Дженгутай и Дургели—пшеницей, а в других селениях—магаром⁹².

3. Арба-агач. Каждый дым, имеющий рабочий скот, должен был доставить владельцу 2 арбы дров в год.

4. Къзувукъ (мякина). Эта подать состояла в доставке 3—4 дымами вместе 1 арбы мякины⁹³.

5. Булкъя—барщина. Она имела несколько видов:

а) сабан-булкъя—выставление плугов для распашки полей владельцам, причем часть плугов выставялась весной, часть—осенью, по усмотрению владельца;

б) бичен-булкъя—выход на 1 день для кошения и уборки владельческого сена;

в) орак-булкъя—выставление жнецов по одному человеку с дыма на один день для уборки посевов.

Повинности второго вида были:

1. Выставление арб для разных надобностей хана.

2. Выставление рабочих для строительных работ в доме хана и для обработки его сада.

3. Выставление конных чапаров⁹⁴ для посылок по делам ханского дома.

Эти повинности исполнялись по мере требования и постепенно становились крайне обременительными.

К третьей категории относились следующие подати:

1. Жители сел. Верхний и Нижний Дженгутай обязаны были при женитьбе членов ханского дома и в случае их смерти доставлять в дом хана по арбе дров и по сабу пшеницы с дыма, а жители селений Апши, Дургели, Ахкент и Чоглы—по одному быку с каждого общества⁹⁵.

2. Ясак с овцепоголовья на Аркаских горах.

Кроме указанных видов податей и повинностей, мехтулинские ханы распоряжались выморочным недвижимым имуще-

⁹² Магар — голый ячмень.

⁹³ Для перевозки мякины на арбу ставилась большая высокая корзина из плетня — «чалы».

⁹⁴ Конных вестовых.

⁹⁵ Мехтулинские ханы, ССКГ, вып. II, 1869, стр. 9—13.

ством жителей, у которых не оставалось детей мужского пола, сохраняли за собой право получения установленных обычаем штрафов за убийство, ранение, умыкание женщины и воровство.

Аналогичное положение имело место и в других владениях. Особенно обременительная была работа на господской земле. Кумторкалинские беки обязывали поселян «один день пахать весной и один день осенью, один день жать и один день косить»⁹⁶. Казаналиповы, равно как и ханы Мехтулинские, заставляли жителей Султан-Янгиюрта отправлять «булкъя» в трех видах и эта «булкъя» всюду выполнялась в течение трех-четырёх дней, а халимбек-аульцы, чагары и ногайцы отбывали еще «большее число дней»⁹⁷.

Как известно, во владениях шамхала Тарковского и кумыкских князей жили подвластные этим владельцам кочующие ногайцы. По данным 1839 года, их было в трех владениях— Эндиреевском, Аксаевском и Костековском—850 кибиток⁹⁸, занимавших земли князей Муртузали-Аджиевых, Казаналиповых, Темировых и Айдемировых и др. Они платили владельцам с плуга⁹⁹ (четырёхпарного) по четыре сабу, за покос—по одной арбе или по рублю серебром с каждой кибитки, баранов: от 40 до 50—одного, от 50 до 70—одного барана с ягненком, с 70—двух баранов, а со 100 и более — трех¹⁰⁰, давали шерсть, молоко, сыр и т. д. Кроме того, тот, кто сеял марену, за каждую сабу высеянных семян должен был заплатить по два рубля серебром.

Эта рента была общей и для других земельно-зависимых крестьян. Ногайцы отправляли еще некоторые повинности, в частности, выставляли арбы под разные нужды князей и царской администрации, выставляли конных чапаров¹⁰¹.

Натуральный характер ренты здесь, как нам представляется, был непосредственно связан с природой самого кочевого скотоводческого хозяйства, имеющего частично и земледельческое направление. Однако, судя по источникам, ногайцы в более ранний период отправляли главным образом барщину. «За пахоту,—читаем мы в документе сословно-поземельной комиссии,—в прежнее время ногайцы исполняли булкъя: один день пахоты под пшеницу, другой день под просо и потом

⁹⁶ Прошение беков Темир-Хан-Шурина округа в Комиссию по разбору сословно-поземельных прав жителей Кавказского края. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1325, лл. 14—15.

⁹⁷ Шамхалы Тарковские. ССКГ, вып. 1, 1868, стр. 78—79.

⁹⁸ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6379, ч. 1, л. 2.

⁹⁹ Полный плуг в среднем составляли три кибитки.

¹⁰⁰ Кумыкский отдел комиссии по разбору сословно-поземельных прав туземного населения Кумыкского округа Терской области. ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 5, лл. 38—39, 56—61.

¹⁰¹ Там же, л. 60.

«бай»; дочь «риш», зять «язна», невеста «швушв», муж «жилир», жена «жипир».

Характеризуя семью и быт табасаранцев, мы можем прийти к выводу, что еще в конце XIX — начале XX вв., несмотря на сравнительно развитые феодальные отношения, в Табасаране сохранялись в пережиточной форме большие семьи и патронимии. Однако, основной хозяйственной единицей табасаранского общества была малая индивидуальная семья, которая в той или иной степени сохраняла патриархальные отношения. На все стороны дореволюционной семьи и быта табасаранцев оказали свое влияние местные горские адаты и мусульманское право — шарият. В этой семье мужчины имели превосходство над женщиной. В брачных нормах табасаранцев сохранялись такие отдаленные по своему происхождению пережитки, как кузенные браки, левират, сорорат, взимание выкупа, приданое и др.

В быту табасаранцев продолжали иметь место «родовая» взаимопомощь, кровная месть и др. Условия быта табасаранцев были крайне тяжелыми, не было врачей и больниц. Широко распространялись знахарство и «лечебная» магия, суеверия и предрассудки. Такова дореволюционная семья и быт табасаранцев.

Коренные изменения семьи и быта табасаранцев стали возможны с победой Советской власти и колхозного строя в Дагестане. Социалистические преобразования, которые произошли в жизни народа за годы Советской власти, привели к созданию новой семьи и быта, в корне отличающейся от старой.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СЕМЬЯ И БЫТ ТАБАСАРАНЦЕВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Настоящая статья написана преимущественно на полевом этнографическом материале, собранном в течение ряда лет. Цель статьи — показать в основных чертах семью и быт табасаранцев в конце XIX — начале XX веков.

Табасаранцы — одна из народностей Дагестана. По языку, быту и культуре они родственны лезгинам. Основными занятиями табасаранцев были земледелие, садоводство, овцеводство, подсобными — домашние промысла, необходимые для нужд хозяйства: гончарное дело, обработка шерсти, ковроткачество.

Дореволюционные исследователи А. В. Комаров, Ф. И. Лентович, М. М. Ковалевский архаизировали уровень общественного развития табасаранцев II пол. XIX века.

Бытовавшие здесь тухумные пережитки ими рассматривались как органы родового строя. В частности, М. М. Ковалевский отождествлял табасаранский тухум с родом и указывал на стремление рода сохранить свою целостность, на запрещение добровольно выходить из «тухума», на особые церемонии при вступлении и выходе из него, на обычай родовой взаимопомощи и кровной мести¹.

В памяти жителей табасаранских селений до сих пор сохранились деления по тухумам. Например, в сел. Хив насчитывалось 7 тухумов (Сейдгар, Буршиг, Кавхир, Кайтмазар, Газисир, Магир, Базтар), в селении Кандык — 5 (Гамрар, Уригендер, Пийр, Агагендер, Малагиндер), в Черк — 4, в Цудике — 3 и т. д.².

¹ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890, стр. 156, 157.

² Полевой материал собран в Табасаранском районе летом 1951 г.

Судя по сохранившимся этнографическим описаниям, табасаранский тухум охватывал всех родственников, происходивших от одного предка. Его главой считался старший по возрасту. Обязанность членов тухума заключалась в нравственной и материальной поддержке друг друга.

Тухумы в социальном и имущественном отношении были неоднородными. Так например, тухум Сейдгар в с. Хив пользовался не только правом наследственного занятия должности старшины, но и имел громадное влияние на общественные дела, даже на выбор кадия³.

Табасаранский тухум XIX в. только внешне сохранял некоторые черты родового быта, а по существу не был родом. Основная ошибка М. М. Ковалевского в утверждении: «Тухум выражает понятие рода, как правило: в Табасарании и в Кайтаге, и в Даргинском округе, и в Кюринском и во всех горных аулах, занятых лезгинской народностью»⁴.

Задолго до XIX века на территории лезгинской группы народов родовой строй уступил место феодальному. Здесь были известны царства «лекзов», рутульские беки, цахурские султаны, табасаранские майсумы и кадии. Поэтому совершенно очевидно, что у табасаранцев, как и у других народностей лезгинской группы, не могли сохраниться ни родовой строй, ни его институты в чистом виде.

В конце XIX века мы уже имеем дело не с тухумом, а с пережиточно сохранившимися большими семьями. Они были еще живучи в горной южной части Табасарана, где оставалось больше черт патриархального быта. Об этом свидетельствует не только этнографический материал, но и такие вещественные памятники, как двух- и трехэтажные дома со множеством комнат, обширным двором неразделенных больших семей.

Большая семья у табасаранцев — «аху-хизан» (аху-большой, хизан — семья) — состояла из нескольких поколений родственников, происходивших от одного отца. Помимо родителей, женатых сыновей и внуков в ней могли остаться семьи не отделившихся братьев главы семьи.

Старики табасаранцы помнят и довольно обстоятельно рассказывают о порядках, которые существовали в больших семьях. Экономической основой больших табасаранских семей было общее ведение хозяйства и коллективное потребление. Земля и дом — «мульк» — были собственностью неразделенной семьи. Глава такой семьи, как правило, не избирался, его права переходили по старшинству от одного члена больш-

³ А. Цветаев. Записка о тухумах в Кюринском округе. Южная Табасарань, 1869, ЦГАГ, ф. 416, оп. 4, л. 17.

⁴ М. М. Ковалевский. Указ. работа, стр. 146—147.

шой семьи к другому. У табасаранцев он называется «аба» (дед, отец-большак). Этим, видимо, и объясняется, что и ныне в малой семье, хотя в ней непосредственным главой является отец (баба), авторитет деда (аба), даже если он нетрудоспособен, высок. Они оба в таких случаях именуется «аба»⁵. Воля «аба» в большой семье всегда была законом, и никто его не смел ослушаться. Второе место в большой семье занимала мать — «баб» — жена главы семьи. «Аба» являлся распорядителем бюджета и труда мужской половины, «баб» — распорядилась женской половиной и управляла домашним хозяйством.

Такая семья дольше сохранялась и была характерна для зажиточных слоев населения. У малоземельных крестьян большие семьи были менее прочны. Братья и сыновья главы семьи часто были вынуждены покидать дом в поисках заработка. Отходничество, вместе с другими экономическими и политическими факторами, сыграло немалую роль в разложении большой семьи.

С ростом производительных сил и классовой дифференциацией табасаранского общества предотвратить разложение пережиточно сохранившихся больших семей было невозможно, и они начинают распадаться уже в конце XIX века. Распад больших семей в дореволюционной табасаранской деревне привел к образованию отцовских семей с более узким кругом родственников по прямой линии.

В большинстве случаев уже в начале XX века после смерти главы бытовавшей большой семьи от нее, как правило, отпочковывались и выделялись самостоятельные ячейки (семьи). Это были люди одного дома «сахал» или, как их еще называют — братские семьи (чвийрин-хизан)⁶.

Упомянутый табасаранский термин «сахал» аналогичен грузинскому «сахли». «В феодальной Грузии «сахли» обозначал не только, как и сегодня, дом, жилую постройку, но и административную единицу владения того или иного лица, большую семью, а некогда также и род»⁷. У табасаранцев этот термин более четко определяет понятие семьи как группы людей одного дома, ветвь распавшегося тухума. Эти семьи были переходными от пережиточно сохранившихся больших

⁵ Полевой материал; собран в Хивском и Табасаранском районах летом 1951, 1956 гг.

⁶ Полевой материал; собран в Табасаранском районе летом 1958 г.

⁷ И. А. Джавахишвили. История грузинского права, кн. 1, Тбилиси, 1928 г., стр. 141—142. Цит. по книге В. В. Бардавалидзе. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, стр. 3.

патриархальных семей к малой семье, состоявшей из одного—двух поколений.

Между этими братскими семьями продолжали еще сохраняться хозяйственные, бытовые и идеологические связи. Известные работы проф. М. О. Косвена, посвященные так называемой патронимии, проливают свет на существование таких семей. «Патронимия, — писал М. О. Косвен, — сплошь и рядом существует и стойко держится тогда, когда род как общественная группа уже совершенно распался, нередко даже тогда, когда он в этом состоянии уже совершенно не существует»⁸. Говоря о возникновении этих семей, М. О. Косвен отмечает, что они произошли «от разделения одной семейной общины»⁹.

Мы склонны считать, что патронимические семьи возникали не только при распаде родового строя, но и у народов с развитыми феодальными отношениями, где еще сохранялись пережитки патриархального быта.

Патронимические семьи у табасаранцев именовались по отцу, а не по деду — основателю большой семьи. Независимо от авторитета родоначальника и знатности бывшей большой семьи, ее наименование постепенно стиралось из памяти поколений и становилось легендой. Поэтому многие названия табасаранских тухумов, дошедшие до нас, необъяснимы (Пийр, Газисир, Сейдгар, Гамрар, Аксакаллар). Между тем, названия патронимических семей четки и легко объяснимы: это имена реальных людей и реже их прозвища.

Образование патронимических семей во время распада больших, конечно, не обязательное явление. Вместе с распадом большой семьи шел интенсивный процесс образования малых семей, типа современных, тем более, что маломощные семьи после смерти главы не в состоянии были удовлетворить земельными участками всех желающих отделиться. Этим объясняется, что некоторые семьи, вышедшие из одного тухума, живут компактно, по соседству, а другие разбросаны по всему аулу и даже за его пределами.

Образование патронимии происходило прежде всего в распадавшихся знатных и богатых больших семьях. При распаде их на близко родственные патронимические ячейки общий дом и двор прежней большой семьи разгоразживался на несколько частей, по числу братьев и сыновей. По традиции младший сын не отделялся, и после смерти родителя он оставался на участке главы семьи в качестве наследника. Эта:

⁸ М. О. Косвен. Патронимия у древнейших германцев. «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. VI, № 4, 1949, стр. 359.

⁹ М. О. Косвен. Очерки первобытной культуры, М., 1957, стр. 137.

традиция сохраняется и поныне в малой семье, где братья после женитьбы отделяются, а младший сын остается с родителями.

Если для размещения всех патронимических семей не хватало родового участка, то для некоторых из них приобретали участки по соседству с тем гнездом, из которого они вышли. Поэтому дома патронимических семей в большинстве случаев соприкасаются друг с другом. И теперь в некоторых табасаранских кварталах можно по крыше первого хозяйственного этажа попасть в дома близкородственных семей, не выходя на улицу. Патронимические семьи были связаны между собой родственными узами и трудовой взаимопомощью. Характерная их особенность — сравнительная малочисленность (10—20 человек). Главой семьи являлся отец. Между патронимическими семьями, сохранявшимися в Табасаране до победы колхозного строя, продолжались не только родственные, но и хозяйственные связи. «Общность патронимии, — пишет М. О. Косвен, — выражается, в частности, в том, что некоторыми видами земли и некоторыми угодьями патронимия владеет и пользуется коллективно. Единство патронимии выражается и в том, что дворы составляющих патронимию семей расположены в селении смежно, образуя особый квартал. Патронимия хранит память о своем общем предке, все люди патронимии — одного «отца дети», и эта память сохраняется дотоле, доколе сама патронимия сохраняет общность и известное единство»¹⁰.

Патронимические семьи были во всех табасаранских селах, особенно много их насчитывалось в селениях Хив, Қандык, Цудиг, Сыртич, Тинит и др. где кварталы были заселены преимущественно родственными семьями. По-видимому, круг семей, входивших в прежние времена в кварталы и даже селения, состоял из 5—6 тухумов, а в наше время они остались в виде десятков пережиточно сохранившихся патронимических и современных семей.

Основной хозяйственной ячейкой табасаранского общества конца XIX— начала XX в., несмотря на наличие бытовавших в пережиточном виде больших семей и патронимии, являлась малая семья. Эти семьи (жара гъабхи хизан) состояли из мужа, жены и их детей. Численность такой семьи достигала от 3-х до 5—6 и более человек. Возглавлял ее отец (хизандин ахюр), в редких случаях, вследствие смерти мужа и отсутствия совершеннолетних детей, семью возглавляла мать (ахюбаб). Члены семьи обязаны были слушаться главу ее.

¹⁰ М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 119.

На все стороны дореволюционной табасаранской семьи сильное влияние оказала мусульманская религия. Она узаконила и консервировала отсталые черты быта: приниженное положение женщины, выдачу замуж несовершеннолетних, многоженство, право мужа на развод и др.

Несмотря на влияние ислама и шариата, табасаранские женщины имели относительную свободу, а те, у которых было много детей, особенно сыновей, пользовались особым уважением. Дети до 10—12-летнего возраста жили вольно. Но отец, по обычаю горцев, не мог проявить к ним открыто своей любви. Дочери считались временными членами семьи, потому что, выйдя замуж, они должны были оставить ее. Девушку с 15—16-летнего возраста уже готовили к замужеству. Она была обязана собственноручно приготовить ряд вещей, входящих в ее приданое: вы ткать ковер, палас, седельник, хурджуны, носки, кисеты и др. Родители делали все возможное, чтобы у их дочерей было хорошее приданое. Более состоятельные, кроме ковров, постели, посуды, платья давали в приданое скот, а некоторые — даже участки земли, сада и т. д. Женщины и девушки свободно посещали различные празднества, свадьбы, активно участвовали в общественных работах, особенно в обычной взаимопомощи односельчанину («кюмек») — в строительстве дома, уборке урожая и т. д.

В семейно-брачных отношениях табасаранцев сохранились пережитки глубокой старины. Родственные браки у табасаранцев играли значительную роль. Широко были распространены кузенные браки — женитьба на дочери дяди. Первый из этих браков восходит, по-видимому, к той эпохе, когда члены одного рода брали жен из другого определенного рода, брак с дочерью брата отца возник, вероятно, в эпоху господства патриархальных отношений. Были распространены и другие древние обычаи, как левират (женитьба на вдове брата), сорорат (женитьба на сестре умершей жены). В брачном цикле табасаранцев допускались обручения детей в раннем возрасте, умыкание (похищение), взимание выкупа за невесту. В основном бракосочетания у табасаранцев происходили внутри своего народа и частично с лезгинками, особенно в Хивском районе, где живут и табасаранцы, и лезгины.

О своем намерении жениться сын не говорил родителям, а передавал им это через товарища, после чего родители начинали присматривать подходящую невесту. Первой церемонией бракосочетания было сватовство. Вместе с довольно сложной свадебной церемонией оно требовало больших затрат времени и средств. По обсуждению кандидатуры невесты на семейном совете, сторона жениха направляла в дом избранной опытного в этих делах человека; иногда это была родная мать жени-

ха. Представитель жениха просил согласия родителей девушки на обручение дочери. Переговоры обеих сторон обычно тянулись долго. Если даже родители невесты и знали обо всех достоинствах жениха и его семьи, все равно, по традиции, они с первого же прихода «илчи» (свахи или свата) не давали своего согласия, и только после третьего посещения посредник (сват или сваха) получал их согласие на обручение. Решающее слово принадлежало отцу, он мог выдать дочь замуж и вопреки ее желанию.

Часто причиной несогласия родителей на брак служило социальное неравенство вступающих в брак, что главным образом и приводило к умыканию (гьитИкуб). Похищение девушек у табасаранцев вызывалось еще и тем, что похититель избавлялся от непосильных расходов, связанных со сватовством и свадьбой. Похищение совершалось и с согласия, и без согласия девушки. Часто из-за такого похищения возникала кровная месть. По табасаранским адатам, жениху в похищении невесты помогал его лучший друг. Похищенную девушку увозили в другой аул. Хозяин дома, у которого останавливались похитители, обязан был дать им убежище, оберегать и защищать их от преследования. Это право на убежище распространялось и на кровника.

В случае похищения невесты табасаранское обычное право (адат) предусматривало такие правила: «Кто уведет девицу, тот обязан склонить родственников ее разрешить ему совершить с нею кебин — и помириться. Если отец ее жив, то без его согласия кебин не может быть совершен, а если отца нет в живых, то и без согласия остальных родственников, по одному лишь согласию девицы кебин совершается»¹¹.

Если же у похищенной девушки имелся отец и он давал согласие на брак, то «за разрешение совершить кебин отец получает от похитителя 600 руб. и мирится с ним. Если при похищении девицы родственники ее догонят похитителя и убьют обоих, то за убийство не преследуются»¹².

Обычно после согласия на обручение сторона жениха готовилась к этому торжественному дню. В день обручения в дом жениха собирались самые близкие его родственники, — кто с деньгами, кто с подарками. Из состава приглашенных двух-трех наиболее уважаемых родственников отправляли с подарками — кольцо, платок, платья, угощения, а также некоторая сумма денег — в дом невесты. В свою очередь, родня невесты готовилась к их встрече. Здесь в торжественной обстановке

¹¹ Адаты южнодагест. обществ. С. Табасаран, сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, Тифлис, 1875, стр. 24.

¹² Там же.

совершалось обручение. Кульминационным моментом обручения считалось надевание кольца на палец невесты («нишан»). Совершив обручение, обе стороны поздравляли друг друга, угощались, веселились до поздней ночи.

С этого вечера невеста считалась обрученной. По табасаранским адатам она после обручения «не имеет права отказываться от своего жениха, в противном же случае родственники ее обязаны возратить жениху все расходы вдвое, а если жених откажется от своей невесты, то лишается подарков, присланных во время обручения в дом невесты, как равно не получает и издержек, произведенных при сватовстве»¹³.

«Июль-пули» — дорожные деньги, или, как их в литературе именуют, «калым», обычно состоял, в зависимости от материального положения жениха и невесты, из солидной суммы: от 200 и более рублей. Такой высокой платы придерживались в северном Табасаране, где под влиянием Дербента товарно-денежные отношения были более развиты. В южном Табасаране плата за невесту не превышала 120 руб.

Плата за невесту получила отражение и в табасаранских адатах. Адат по брачным делам гласил, что «всякий мужчина, желавший жениться на девушке или вдове, должен был заплатить за нее условленную плату (июль-пули) ее родственникам, а за неимением их — опекуну»¹⁴.

Табасаранский адат предусматривал и такое положение: если мужчина, сватая девушку, уславливался, в свою очередь, выдать за кого-нибудь из членов ее семейства свою сестру, то в таком случае «июль-пули» он не платил, и обмен этот назывался «баш-баша». Если при этом сватовстве девица одной стороны не достигла возраста, позволяющего ей вступать в брак, то ее сторона доплачивала установленную сумму семейству, из которого бралась совершеннолетняя девушка.

Обычно приданое невесты превосходило сумму, вносимую женихом. Даже средний крестьянин, отправляя приданое девушки, привязывал к ее телеге корову, говоря при этом: «это ей».

Все это свидетельствует о том, что «июль-пули» не может быть квалифицирован как цена — стоимость невесты. Для табасаранцев не было характерным взимание калыма как выкупа, у них, по-видимому, в прошлом не существовало и слова «калым». К ним оно проникло от тюркских народов. Однако с XIX века калым¹⁵ находит себе место и среди табасаранцев, в большинстве случаев, в семьях зажиточной вер-

¹⁴ Там же.

¹³ Там же, стр. 32.

¹⁵ Вместо слова «калым» табасаранцы употребляют слова «июль-пули» или «рякьюн пул», которые в переводе означают «дорожные деньги».

хушки, у которой покупной брак создавал почву для многоженства.

Спустя определенное время после обручения молодых, жених приходил в дом невесты как гость и приносил часть условленных денег, но видеть невесту он не мог, так как она должна была избегать своего жениха (пряталась у соседей или родственниц). Родители невесты оказывали жениху почести. После угощения жених оставлял на медном блюде принесенные деньги и оставался в доме невесты как гость в течение 2—3 дней. Этот оригинальный обычай не имел места у других народностей лезгинской группы.

Время от обручения до свадьбы длилось от 1 месяца до 4-х лет. Особенно затягивалось оно в бедных, несостоятельных семьях. Все члены такой семьи упорно трудились, лишали себя многого, чтобы накопить средства на свадьбу. В течение этого времени, два раза в год (накануне уразы и курбан-байрама), родные жениха приходили к родителям невесты, поздравляли их с праздником и приносили с собой подарки и угощения (белье, платки, башмаки и традиционные пироги — афрар, халву и т. п.).

Когда родители жениха заготавливали все необходимые для невесты подарки, они брали одного барана, 1—2 пуда риса, халвы, масла и в сопровождении музыкантов отправлялись со своими родственниками к невесте. Иногда при этом несли подарки на показ родственникам невесты, чтобы те убедились в наличии условленного их количества. После этого в домах невесты и жениха шла подготовка к свадьбе, в которой, как невесте, так и жениху материально помогали (в зависимости от состояния) самые близкие их родственники — дяди по отцу и матери, братья.

За несколько дней до свадьбы в дом жениха созывались наиболее близкие родственники, между которыми строго распределялись обязанности по проведению свадьбы: готовить угощения, встречать и принимать гостей, заготавливать конюшни и сено для лошадей. В день свадьбы (воскресенье или четверг) прибывали не только местные приглашенные гости, но и из других аулов. Их встречали близкие родственники жениха.

На свадьбу приглашались музыканты — восточное трио: тар, тафт, кеманча (северный Табасаран), барабан и зурна (южный Табасаран). Мужчины и женщины на свадьбе сидели и угощались отдельно. В танцах принимали участие все гости. Руководил ими «чавуш» — специальный человек.

На свадьбе было обильное угощение и увеселительные шутки, в основном почти одинаковые с лезгинскими: присутствующие на свадьбе избирали по традиции главного — тама-

ду, называемого хан-маджлисом или шахом, который был блюстителем порядка на свадьбе. У «шаха» бывало несколько заместителей, 2 телохранителя и 2 чауша (часовых), в обязанность которых входило исполнение его воли. В прошлом его обычно избирали из числа зажиточных людей. На свадьбе он мог по своему усмотрению любого наказывать и штрафовать. Перед «шахом» стоял накрытый стол с едой и яствами.

Молодежь старалась нарушить волю «шаха» и его слуг. Она для шутки ухищрялась стащить «шахскую» папаху, украсть со стола «шаха» — хунчу (поднос с едой) и т. п. Если кто умел незаметно взять что-либо со стола «шаха», то трофей становился его собственностью, но если во время кражи «шах» замечал «вора» и постукивал по нем специальной палкой, — виновник возвращал взятую вещь и штрафовался по усмотрению «шаха». Штраф выражался, например, в том, что «шах» требовал от нарушителя порядка доставить на свадьбу быка, барана и т. д. Если кто-нибудь ловко стаскивал с головы «шаха» папаху, то общество наказывало «шаха». В шутках, весельи, танцах и пении проходила табасаранская свадьба.

Перед свадьбой жених со своими друзьями шел купаться на реку. После купания его одевали в свадебную одежду. Отсюда жених со своими друзьями уходил в дом самого близкого родственника или к ближайшему другу, где веселье шло отдельно. К вечеру свадебные гости выбирали из своей среды группу мужчин и женщин, которые угощались отдельно и отправлялись с музыкой за невестой. Особая роль при этом принадлежала дружкам жениха — «жамрар».

В доме невесты свадьбу не играли. Накануне свадьбы невеста устраивала девичий вечер (ушварах-гызляр-геже) в кругу своих подруг. На эту вечеринку ее родственницы приносили ей подарки, а также кур, фрукты и халву. Женщины хором пели невесте прощальные песни (преимущественно на азербайджанском и лезгинском языках). Наиболее популярной была «Перизаде», в которой выражалось пожелание счастья молодым новобрачным.

По пути к дому невесты свита жениха устраивала скачки (жаргъуб). Молодежь (дружки жениха) показывала искусство джигитовки, состязалась в стрельбе. Приближаясь к дому невесты, свита выделяла из своего состава лучших наездников для того, чтобы они поскакали вперед и сообщили о приближении жениха. Кто прибывал первым к невесте с этим сообщением, тот получал от ее родных кебаб (куски жареного мяса на шомполе) и платок, который завязывался на шею его лошади. Самого наездника именовали победителем (чархачи).

Получив платок и кебаб, он скакал обратно и объявлял друзьям о том, что он уже сообщил невесте об их приближении.

Свиту жениха приветливо встречали и угощали родные невесты. В ее дворе устраивались танцы, а подружки невесты (халикандар) готовили ее в путь. Когда невесту начинали одевать в свадебный наряд, ее подружки устраивали козни. Например, вместо того, чтобы убирать невесту, сами надевали ее платье, потом требовали от представителей жениха подарки и плату за невесту. Такими шутками они затягивали выдачу невесты в течение 2—3 часов. После удовлетворения их требований подружки одевали невесту в свадебный наряд, а лицо ее накрывали красным шелковым платком.

При выходе невесты ее близкая подруга вновь требовала от родителей жениха какого-нибудь подарка. Если невеста имела родного брата, то ее выводил из дому он, если же брата не было, то невесту выводил дядя. Брат или дядя подводил невесту к убранной и оседланной лошади с правой стороны и три раза поднимал ее на лошадь с пожеланием счастливого пути. С невестой ехала одна из ее родственниц в качестве наставницы — «швушван-баб» — и мальчик.

Свадебный поезд жениха и невесты, соединившись, двигался к дому жениха. На пути общество вновь устраивало скачки и состязания. Лучший скакун нес родителям жениха весть о приближении невесты. Это известие сообщалось выстрелом. Родители жениха выходили ему навстречу и одаривали его платком, который завязывался на шею его лошади.

Возле дома жениха процессия останавливалась и дружки «жамрар» требовали от родителей хунча; получали подарки и те, кто доставлял приданое невесты.

По пути к дому жениха над головой невесты разбрасывали рис, конфеты и т. д. Рис означал пожелание плодородия, конфеты и сахар — сладкой жизни. Мать жениха встречала невесту с тарелкой сахара и конфет, посыпая ей на голову сладости, она говорила: «Дай аллах вам здоровья и долгой жизни». Существовал и другой обычай — когда невеста входила в дом жениха, ее встречали мать и сестра жениха, одна из них держала в руках хунча, в котором был хлеб с маслом, и ставила его на голову невесты. Этим выражалось пожелание невесте иметь вдоволь хлеба и масла. Затем одна из них брала горсть муки в ладонь и насыпала на верхний косяк двери. Это означало, что в дом пришла невеста. Мать и сестра жениха, пожелав ей благополучной и счастливой жизни, вводили ее в комнату, где находились женщины, и снимали с нее платок. С ней неразлучно находилась и швушван-баб.

Затем невесту сажали на почетное место, приводили

привезенного с ней мальчика и сажали ей на колени. Этим обычаем выражали пожелание ей такого же мальчика.

Присутствующие женщины делали невесте подарки. Одаривали также мальчика. В это время в других комнатах дома жениха продолжались танцы и увеселительные игры.

Жених, как только приближалась к дому невеста, уходил и скрывался у самых близких друзей или родных. С ним неразлучно находился его самый близкий друг (дуст), который во всем был готов служить ему. Для них специально устраивалось гулянье.

Табасаранцы, будучи мусульманами, за месяц до свадьбы или в день свадьбы совершали по шарияту акт бракосочетания (кебин). При юридическом оформлении брачного контракта-кебина присутствовало 5 человек: 2 представителя со стороны родственников жениха и невесты, 2 свидетеля из односельчан и мулла. Отец девушки со свидетелем и муллой входили к дочери и спрашивали ее согласия на заключение кебина; обычно дочь стыдилась отца и он выходил из комнаты.

Заключение кебина не мешало продолжению свадьбы. После танцев и угощений невесту отводили в ее комнату, куда переносили все привезенные с нею вещи. Невеста вместе с швушван-баб убирала комнату, украшала стены жилища. Швушван-баб стелила постель и после ряда наставлений невесте покидала ее. В полночь в комнату, где находилась невеста, входил жених. Этот момент дружки, сопровождавшие его, отмечали выстрелом, за что получали от жениха хунча (поднос с яствами). На следующий день после брачной ночи невеста делала подарки отцу и матери мужа. Они, в свою очередь, готовили ей подарок: корову, овец и т. д., в зависимости от их состояния. Присутствующие гости предлагали молодым танцевать. С молодой женой, однако, танцевать выходил не муж, а его самый близкий друг. Присутствующие в это время гости одаривали ее подарками и деньгами. Специально выделенные люди, принимая подарки, деньги и другие ценности, записывали кто сколько дарил, с тем, чтобы молодые позже могли сделать дарителю равноценный ответный подарок. Всех присутствующих благодарили и гости после угощения расходились. Собранные подарки, деньги и ценности составляли бюджет новой молодой семьи и шли на их хозяйственное обзаведение.

В течение первых трех—четырёх дней молодые жена и муж никуда не ходили. По истечении этого срока нарядно одетая молодая жена отправлялась с близкими родственницами мужа за водой и несла туда с собой хунча со сладостями.

У источника она угощала всех присутствующих женщин. С этого момента начиналась ее трудовая жизнь в новом доме.

По истечении 2—3 месяцев молодых приглашали в гости ее родители. Обычно шли свекровь с невесткой, взяв с собой какой-нибудь подарок, взамен которого родители невестки одаривали пришедших в гости. Если родители молодой женщины были состоятельны, то они давали дочери в подарок скот или другую ценность. Все ее родные поочередно приглашали ее к себе и также одаривали. Муж шел в гости к родителям жены в кругу своих друзей. Их также радушно принимали, угощали и одаривали подарками. Молодая жена находилась в гостях у родителей от одного до трех дней. В обратный путь родственницы провожали ее с многочисленными подарками. С этого дня молодые могли свободно вместе посещать родных.

Молодая жена в доме мужа должна была во всем слушаться его родителей. Она не имела права говорить с посторонними мужчинами, вступать при них в разговор даже с мужем.

Шариат принижал человеческое достоинство женщины, лишал ее равных прав с мужчиной. По шариату достаточно было трижды произнести фразу: «Даю тебе развод», или «Ты мне больше не жена», — как брак считался уже расторгнутым. Однако муж обязан был при разводе удовлетворить жену кебинными деньгами, возратить ей все то, что она принесла с собой из родительского дома. Вообще разводы не одобрялись народом и не были широко распространены. Многоженство также не было характерно для табасаранцев. Имело место двоеженство и то лишь в зажиточных семьях.

Наличие или отсутствие детей определяло в прошлом отношение к табасаранской женщине со стороны окружающих. Бесплодие женщины считалось большим несчастьем не только для нее, но и для всей ее семьи. Бездетные женщины обращались за помощью к знахарям, гадалкам, духовным лицам, к «святым» могилам. Среди объектов поклонения бесплодных женщин особое место занимали «священные» пиры-рощи, деревья, которым они приносили жертвы и давали милостыню. Если бездетная женщина забеременела — муж обязан был устроить угощение. Беременная женщина освобождалась от тяжелой физической работы. Ее желания всегда охотно выполнялись. С наступлением родовых схваток, к беременной приглашали бабушку-повитуху (гана-баб). К одежде беременной женщины пришивали (хайкалы-талисманы) обереги. Роды происходили в комнате роженицы в самых примитивных условиях.

Рождение мальчика считалось большим событием в жизни

не только семьи, но и всех сородичей. Для роженицы готовили халву и угощали всех присутствующих женщин. Бабка (гана-баб) за свою работу получала вознаграждение деньгами или подарок; на семейное торжество в честь новорожденного приглашали и ее, старались поддерживать с ней хорошие отношения. В честь новорожденного сына-первенца раздавали подарки. Рождение девочки особо не отмечалось и торжества не устраивалось. Если в семье дети по какой-либо причине не выживали, то совершался ряд «магических» действий, преследующих цель — сохранить жизнь новорожденного. По истечении трех дней после рождения сына родители в его честь резали барана, готовили национальные блюда и угощали гостей. В этой обстановке мулла нарскал имя новорожденному.

Имя обычно давали в память о том или ином умершем сородиче для того, чтобы восстановить его в продолжающемся роде. Первым долгом восстанавливали имена деда, брата, бабушки, сестры. Имена обычно брались из корана. Широко были распространены такие мусульманские имена мужчин, как Магомед, Али, Гусейн, Митар, Абумуслим, Багаутдин, Касум, Гаджи, Рамазан, Абдулла, Агакерим и т. д., а женские Хадижат, Муминат, Сейбат, Гулусум, Суна, Идаят, Галимат и др. Кроме чисто мусульманских имен давались имена и по названиям цветов, животных и т. д., например: Самур (река), Гухмазкала (крепость), Табасаран (местность), Гюль (цветок), Беневше (фиалка), Аслан (лев), Гафлан (леопард), Ширин (сладкий) и т. д.

После родов роженица оставалась в постели в течение недели. На третий день на новорожденного торжественно одевали рубашонку.

Родные молодой женщины приготавливали колыбель (шинт) с постельными принадлежностями для новорожденного.

В течение нескольких дней новорожденный лежал завернутым в так называемый «гундаг». На пятый или шестой день его торжественно клали в люльку. Сороковой день жизни ребенка называли «ягъуар» и отмечали угощением. В период кормления грудью ребенка прикармливали самой разнообразной пищей. Чаще давали молоко и кашу. Специальной детской пищи не имели. Первые шаги ребенка отмечали угощением для приглашенных. Гости выражали пожелания ребенку здоровья, богатства, долголетия.

Детство девочки продолжалось до обряда заплетания кос, который совершался на 10—12 году жизни. С этого дня она выходила из детского возраста. В честь этого в семье также устраивалось угощение. Считалось, что с этого времени девочка становилась взрослой и одежда ее уже ничем не отли-

чалась от одежды женщины. На платье ее одевали всевозможные украшения, неотъемлемым головным убором становилась «чухта». После этого обряда девочка старалась держать себя скромно, избегала играть и бегать с детьми и становилась помощницей матери. Табасаранская девочка 12 лет уже могла самостоятельно ткать ковер со сложным орнаментом.

Детские годы мальчика продолжались значительно дольше. Мальчика в возрасте от 1 до 3-х лет обязательно подвергали обрезанию (суннет). Суннет являлся мусульманским религиозным обрядом. В честь этого устраивали торжественный пир. Обряд обрезания совершал мастер — «уста», ему за это платили или давали подарок. Нередко обрезания, которые делались в антисанитарных условиях, приводили к заражению ребенка и тяжелым последствиям.

Одним из древнейших обычаев табасаранцев, как и всех народов Дагестана, является гостеприимство (хялижв). Во многих более или менее состоятельных семьях всегда содержалась комната для гостей — кунацкая (хяларин-хал). Любой человек, какой бы веры он ни был, оказавшись в табасаранском ауле, становился желанным гостем народа. Табасаранцы считали своей священной обязанностью принять гостя и оказать ему всяческие почести и услуги. Приехавший новый человек становился гостем того, кто первый его заметил в селении. Не здороваясь с ним, он приглашал его в дом, вводил в кунацкую и усаживал на самое почетное место. И лишь после этого хозяин поднимался и здоровался за руку с традиционным приветствием «хуш гелды» (с приездом). Затем хозяин осведомлялся как гость доехал, здоров ли он и его семья, но ни в коем случае не осмеливался спрашивать гостя о цели его приезда, пока сам он не говорил об этом. В кунацкую входила хозяйка приветствовать приехавшего гостя и вносила предварительную еду — чай, мед, масло, сыр, хлеб, овощи. Затем хозяйка уходила и начинала готовить горячие блюда. К хозяину дома приходили близкие его друзья приветствовать гостя и побеседовать. В случае приезда особо почетного гостя, хозяин резал барана и готовил лучшие национальные блюда. Гость вместе с хозяином усаживались на ковре, здесь же на скатерти ставили еду.

Обычай гостеприимства складывался исторически, на базе постоянных экономических и культурных связей табасаранцев с лезгинами, агулами, азербайджанцами, горскими евреями и др. народами.

На почве гостеприимства росла дружба и взаимопомощь между семьями кунаков. Каждая табасаранская семья имеет кунаков не только среди своего народа, но также и среди других народов. Издавна сложилось взаимное гостеприимство

табасаранцев с азербайджанским и горско-еврейским населением города Дербента. Кунаки оказывали помощь друг другу во всех случаях жизни. Табасаранец, уезжая в другое село и даже в г. Дербент, не брал с собой еду, зная, что куда бы он ни приехал, его встретят как желанного гостя, что он будет обеспечен постелью и лучшей пищей, сколько бы он дней там ни прожил, и что во всех его делах и заботах его кунак и члены его семьи примут живое участие.

Дагестанское гостеприимство, в частности табасаранское, является одной из лучших народных традиций, сохранившейся до наших дней.

Наряду с хорошими традициями табасаранского народа: гостеприимство, уважение старших, взаимопомощь и др., у него бытовал отрицательный обычай — кровная месть. Этот обычай родового строя продолжал сохраняться в Табасаране, как и у других народов Дагестана, в пережиточном виде даже в первые годы Советской власти. В сохранении этого обычая большую роль сыграли горские адаты.

Право кровомщения переходило от одного поколения к другому. Однако кровная месть в феодальном Табасаране была обязательна в тех случаях, когда преступник и пострадавший были лично свободными — независимыми узденями (крестьянами) и по вере — мусульманами. Для рабов (кули), зависимых крестьян (райятов), вольноотпущенных, иноверцев, а также для женщины, правила были иные. За убийство раба, райята, табасаранский уздень отвечал не кровью (киссасом), а соответствующей платой (диэтом); за убийство муртада, т. е. отступника веры, он ничем не отвечал, за женщину платили половину цены, назначенной за мужчину.

В северном Табасаране действовали следующие адаты: «Если кто убьет кого-либо, то во время оплакивания тела (яса) немедленно почетные старшины магала, собравшись и рассмотрев обстоятельства преступления, назначали трех человек в канлы (убийцу и двух ближайших его родственников), а присутствующие при этом обязаны прочесть молитву «фатиха»¹⁶.

Спустя несколько дней вновь собирались эти же старшины, штрафовали убийцу шестью штуками рогатого скота и он освобождался от преследования кровников. Если требования старшин убийца не удовлетворял, то дом его предавался огню.

По совершении убийства до первоначального обряда — указания канлы, все члены фамилии (тухума) убийцы не

¹⁶ Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VIII, стр. 24

должны были показываться родственникам убитого из-за опасения кровного мщения¹⁷.

Примирение баш-канлы (главного кровника) совершалось следующим порядком: 1. Если убит член слабого тухума, а убийца человек зажиточный и сильного тухума, то за кровь платилось имуществом, стоимостью 600 руб.; 2. Если убит член сильного тухума человеком зажиточным, но слабого тухума, то убийца обязан, взяв за руки своих детей и жену, выйти из дома, оставив весь дом со всею домашнею утварью родственникам убитого, хотя бы именование его было вдвое более цены за кровь (600 руб.) и, кроме того хозяин должен принять присягу в том, что у него, кроме оставленного в доме, никакого другого имущества нет; 3. Если убийца беден и родственники не хотят ему помочь, чтобы материально удовлетворить родственников убитого, то первый остается канлы на всю жизнь¹⁸.

Если несколько человек убьют кого-нибудь и в убийстве не сознаются, то каждый из них должен отдельно оправдать себя присягою сорока человек. Если они успевали оправдаться, то сообща удовлетворяли за кровь, а если один из них не очистится, то платит только он. При очищении лиц присягою сорока человек, 20 из них называл истец, а остальных 20 приводил ответчик по своему усмотрению. Если член какой-нибудь фамилии был убит неизвестными лицами и родственники его заподозрили кого-нибудь, то этот последний обязан был оправдать себя присягою сорока человек; если он не очистится от подозрения, то с ним поступали как с убийцей.

Если в столкновении двух лиц оба были убиты, то засчитывалась кровь за кровь; если же один убит, а другой ранен и излечивался от ран, он мог примириться с родственниками убитого, заплатив им штраф, с вычетом расходов на свое лечение — 6 штук рогатого скота или стоимость его.

С присоединением Дагестана к России кровная месть официально была запрещена. Мстители преследовались — преступники выслались из края административным порядком на несколько лет. В результате чего число случаев кровной мести значительно сократилось.

В дореволюционном Дагестане, как и во всем Дагестане, условия быта были крайне тяжелыми. Табасаранцы не имели своих врачей, больниц и т. д. Скуденность в аулах, антисанитарные условия порождали массу заболеваний, с которыми некому было бороться. Частые эпидемические заболевания

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 32.

уносили немало человеческих жертв. Лечение болезней занимались преимущественно знахарки и муллы. К ним обращались при всех болезнях и недугах. По представлениям дореволюционного темного табасаранского народа болезни и всякие другие несчастья вызывались злыми духами (шайтанами). Средствами защиты от «злых духов» служили талисманы и хайкалы (обереги). В народной медицине применяли отвары диких растений, ягод, плодов, различные масла, соли, кожи животных, тесто, молоко, лук, чеснок и т. д. Ушибы и переломы, огнестрельные и холодные раны лечили местные примитивные хирурги — «уста», которые делали даже попытки оперировать. Если при лечении ран и болезней вмешательство «уста» и знахаря не помогало, то родственники прибегали к помощи колдовства и магии. Над больным (на жернове) разводили (с причитаниями) огонь, делали различные хайкалы (обереги), носили больного на «святые» могилы шейхов, на языческих пирах¹⁹ родные больного вешали жертвенные лоскутки от его одежды, оставляли еду, раздавали милостыню и просили пира о ниспослании здоровья больному.

Когда больной был близок к смерти, родичи готовились к его похоронам. Для него приготавливали «кефан». По смерти больного устраивали траурный «ясс». Односельчане и родственники считали своим долгом придти на ясс и выразить соболезнование близким родичам покойного. Женщины-плакальщицы, сидя в кругу, оплакивали усопшего, обычно восхваляя его достоинства, и «поручали» покойному повидаться на том свете с их умершими сородичами и передать им весточку. Похороны происходили по мусульманскому обряду с участием муллы. Хоронили покойника головой на запад, укладывали его на правый бок. По умершему близкие родственники держали траур в течение 40 дней (мужчины не брились). В дни траура дом покойника посещали односельчане. На третий день родственники резали барана, готовили обед и раздавали ритуальную пищу. За чтение молитв как на кладбище, так и при поминках, мулла получал одежду покойного. Через год или раньше, в зависимости от материальных возможностей, родственники раздавали хайрат (пищу) и ставили памятник на могилу усопшего. На памятнике по мусульманской традиции вырезывалось имя покойного и дата смерти.

После смерти мужа, если вдова оставалась с детьми, она сама возглавляла семью и управляла ею по своему усмотрению. Табасаранское общество с большим уважением относилось к таким женщинам. Прежде всего родичи мужа помогали вдове продуктами, деньгами, подарками, обрабатывали

¹⁹ П и р — место поклонения.

участок ее земли, участвовали в сборе урожая и т. д. По древнему обычаю табасаранцев молодая вдова могла выходить замуж за неженатого брата мужа (левират). Если вдова не желала выйти за него, через определенный срок она могла выйти замуж по своему усмотрению. Имел место и такой обычай, когда после смерти жены муж мог брать в жены незамужнюю сестру своей супруги (сорорат). Выход вдов замуж происходил без особых церемоний, ограничивались небольшим угощением и заключением кебина.

На унаследование отцовского имущества имели право в первую очередь прямые, нисходящие потомки по мужской линии: неотделенные сыновья и их дети, а за отсутствием последних наследство переходило к отделившимся сыновьям, внукам, затем к родным братьям, а если их не было, то к их детям, т. е. племянникам. Наследство распределялось по завещанию, оно могло быть письменным или устным — оба имели одинаковую силу. Если покойник по смерти не оставлял завещания, имущество распределялось по числу душ в семье. Уплата долгов близкого покойного родственника, особенно отца, брата, помимо всякого завещания, была обязательной для оставшихся в живых.

Представляют интерес и термины родства у табасаранцев. Первичными терминами родства, нам кажется, являются: мать, брат, сестра, отец, бабушка, дед. Все остальные термины родства исходят из первичных элементов.

баб или дада — мать
чви — брат
чи — сестра
адаш — отец
баб — бабушка
аба — дедушка

Некоторые табасаранцы употребляют термин «аба» и для обозначения отца; некоторые зовут термином «баб» — мать и бабушку. Так, например, если человек не имеет ни отца, ни матери, говорят: «ни аба, ни баб». Для обозначения брата и сестры употребляют термины «чви» и «чи». Двоюродный брат «дархи + чви»; двоюродная сестра «дархи + чи». Племянник и племянница со стороны сестры называется «чуччин бай» или «чуччин риш», племянник и племянница со стороны брата «чвужьун бай» или «чвужьун риш», что буквально означает — сын или дочь брата. Дядя по отцу «эми»; дядя по матери «халу». Для обозначения внука существует один описательный термин «хтул» (внук и внучка). Здесь нет деления по половому признаку. Сын или дитя обозначается термином

«бай»; дочь «риш», зять «язна», невеста «швушв», муж «жилир», жена «жипир».

Характеризуя семью и быт табасаранцев, мы можем прийти к выводу, что еще в конце XIX — начале XX вв., несмотря на сравнительно развитые феодальные отношения, в Табасаране сохранялись в пережиточной форме большие семьи и патронимии. Однако, основной хозяйственной единицей табасаранского общества была малая индивидуальная семья, которая в той или иной степени сохраняла патриархальные отношения. На все стороны дореволюционной семьи и быта табасаранцев оказали свое влияние местные горские адаты и мусульманское право — шариат. В этой семье мужчины имели превосходство над женщиной. В брачных нормах табасаранцев сохранялись такие отдаленные по своему происхождению пережитки, как кузенные браки, левират, сорорат, взимание выкупа, приданое и др.

В быту табасаранцев продолжали иметь место «родовая» взаимопомощь, кровная месть и др. Условия быта табасаранцев были крайне тяжелыми, не было врачей и больниц. Широко распространялись знахарство и «лечебная» магия, суеверия и предрассудки. Такова дореволюционная семья и быт табасаранцев.

Коренные изменения семьи и быта табасаранцев стали возможны с победой Советской власти и колхозного строя в Дагестане. Социалистические преобразования, которые произошли в жизни народа за годы Советской власти, привели к созданию новой семьи и быта, в корне отличающейся от старой.

ЖИЛИЩЕ ЦУДАХАРЦЕВ В XIX—XX вв.

Цудахарцы являются одной из основных этнических групп даргинцев. Они занимают северо-западную часть даргинской территории, по рекам Лакское Койсу и Акушинка.

Особенности природных условий долины Койсу¹ и соответственно специфика хозяйства способствовали тому, что цудахарское жилище приобрело некоторые черты, выделяющие его в отдельную разновидность даргинского жилища².

В XIX веке жилище цудахарцев претерпело большие изменения. Присоединение к России способствовало подъему производительных сил и укреплению экономических связей с другими народами.

Экономический подъем, естественно, вызвал усиленное строительство. Оно базировалось на старых традициях и поэтому в какой-то мере отражало многовековую историю даргинского жилища. В то же время оно постепенно впитывало все то новое, что принесла в Дагестан русская культура. Поэтому жилище цудахарцев в исследуемый период представляет собой как бы синтез архитектурных традиций, сложившихся в результате векового национального строительства, с известным отпечатком русского влияния. Именно в это время складывается тип жилища, который является основой для жилищного строительства и поныне.

К сожалению, приходится констатировать, что вопрос этот оказался обойденным как советской, так и дореволюционной этнографией. Поэтому сведения о даргинском жилище сводятся к фрагментарным материалам, имеющимся в различных работах, описаниях путешествий, отчетах и пр., начиная

¹ См. С. В. Зонн. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. «Сельское хозяйство Дагестана». М.-Л., 1946, стр. 69.

² Ср. И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис. 1896, стр. 82.

с «Описания» И. Г. Гербера³ — «первого этнографа Дагестана» (по словам М. О. Косвена) и кончая сборником статей «Народы Дагестана»⁴.

Основная заслуга дореволюционной историографии состоит в накоплении фактического материала, правда, не всегда полноценного в научном отношении. Так, большинству дореволюционных авторов присущ тот недостаток, что они описывают дагестанское жилище вообще (исключение составляют лишь местные этнографы)⁵.

Описание дагестанского аула и жилища началось в условиях Кавказской войны, во время которой особенности аула и жилища играли немалую роль. Это привело к тому, что они оценивались прежде всего с военно-топографической и военно-инженерной точек зрения⁶.

Специфическая особенность дореволюционной этнографии заключается и в противоречивости мнений в оценке жилища дагестанцев. Будучи единодушны в высокой оценке его как оборонительного сооружения, авторы расходились в архитектурно-хозяйственной и санитарно-гигиенической оценке. В этом отношении одни авторы отмечали прочность и долговечность дома, хозяйственную приспособленность, практичность и относительную чистоту его, находя даже возможным говорить об особой дагестанской «цивилизации, которой внешней отличительной чертой служит искусство в горном строительстве»⁷. Другие же, напротив, считали, что в дагестанском строительстве нет ни искусства, ни архитектуры, ни даже, собственно, строительства. Так, Е. Марков писал, что дагестанская сакля — это «сваленные в кучу, заваленные землей плиты... чуть согреваемые дымом вонючего кизяка»⁸.

В советское время изучение дагестанского жилища было поставлено на научную почву и получило большой размах.

³ И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х. О. Хашаева. М., 1958, стр. 75, 83—85, 101—102.

⁴ «Народы Дагестана». Сборник статей. М., 1955, стр. 88—92.

⁵ Например, Г.-М. Амиров. Среди горцев северного Дагестана. ССКГ, т. VII; А. Омаров. Как живут лаки. ССКГ, т. III.

⁶ См., например, Е. Марков. Кавказ в его настоящем и прошлом. «Жив. Рос.», т. IX, 1883, стр. XLIII; А. П. Берже. Горные племена Кавказа. Там же, стр. 80.

⁷ Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, т. III, стр. 24; Н. Глиноецкий. Поездка в Дагестан. «Военный сборник», 1862, № 1, стр. 123; М. К. Ковалевский, И. Ф. Бларамберг. Описание Дагестана. «История, география и этнография Дагестана», стр. 309; И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233; А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе. «Современник», т. 48, стр. 27.

⁸ Е. Марков. Указ. соч., стр. XXXV.

Изучение шло в нескольких направлениях: одни исследователи занимались проблемами дагестанского жилища в целом⁹, другие останавливались на отдельных его компонентах¹⁰, третьи изучали жилище отдельных народностей: лезгин, аварцев, кумыков, агулов, табасаранцев и др.¹¹. Материалы по жилищу имеются и в ряде работ, посвященных различным вопросам кавказской и дагестанской этнографии¹².

В работах советских этнографов имеется большой фактический материал, сделаны серьезные выводы и обобщения. Недостатками советской этнографии в этом вопросе являются, на наш взгляд, некоторая бессистемность, отсутствие единой методологии, недостаток сравнительно-исторических аналогий и отчасти обобщений.

Но даргинское жилище остается неизученным. Данная статья является попыткой хотя бы в некоторой степени восполнить этот пробел и дать этнографическое описание и исследование жилища одной из этнических групп даргинцев-цудахарцев.

Эволюция дореволюционного жилища и усадьбы

Жилище цудахарцев прошло долгий путь развития от полудземлянки до современного многокамерного, крытого шифером дома. В XIX веке их жилище сохраняло еще много особенностей, перешедших из глубины веков, ибо до XIX века хозяйственные и культурные потребности горца были невелики и его удовлетворяло жилище, с которым он прошел через средневековье.

В отношении типологии жилище цудахарцев сходно с кумыкским и лакским¹³ и несколько отличается от аварского. В нем можно выделить три типа: 1) одноэтажное (ца дерхла);

⁹ Например, Н. Б. Бакиров. Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935 и др.

¹⁰ Например, А. С. Башкиров. Резьба по камню и дереву в Дагестане. «Художественная культура советского Востока». М.-Л., 1931; Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949.

¹¹ С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—начале XX века. «Уч. зап. ИИЯЛ», т. VI, 1959; Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4; З. А. Никольская. Из истории аварского жилища. СЭ, 1947, № 2; С. Ш. Гаджиева. Народное жилище каякентских кумыков. СЭ, 1953, № 3; Б. А. Калоев. Поселение и жилища агулов. КСИЭ, XXIII; Г. Н. Любимова. С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура южного Дагестана. М., 1956.

¹² Например, С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958; Л. И. Лавров. Формы жилища у народов северо-западного Кавказа. СЭ, 1951, № 4 и др.

¹³ См. С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 78; Л. И. Лавров. Лакцы. «Народы Дагестана», стр. 167.

2) двухэтажное (чГудерхла) и 3) полутораэтажное (ахьдудибсне). Многоэтажных ансамблей, какие характерны, например, для селений Аварии¹⁴, у цудахарцев почти нет. Напротив, в расположении, планировке и структуре усадеб горские селения аварцев, лакцев, лезгин и даргинцев схожи между собой и во многом отличаются от кумыкских.

Для усадьбы горца прежде всего характерна теснота, иногда настолько ярко выраженная, что усадьбы, собственно, и нет, а есть только дом без всякого участка и пристроек. Это отмечалось многими современниками. Так, в обзоре Дагестанской области за 1891 год указывалось, что «во многих домах, преимущественно в нагорной части области не имеется вовсе дворов»¹⁵. Ю. Вадковская, участница экспедиции 1927 г. в Даргинский округ, также указывала на высокий процент «застройки усадебных участков в Цудахаре, Куппе, Хаджалмахи, где только у 10⁰/₀ дворов коэффициент застройки колебался от 25 до 38⁰/₀, а у остальных был значительно выше — до 82⁰/₀»¹⁶. В местах же более гористых «чаще всего наблюдалась 100⁰/₀ застройка участка»: двухэтажное здание со скотным двором и хозяйственными постройками на первом этаже и жилыми помещениями — на втором»¹⁷. Многие причины вызвали такую тесноту — рельеф, малоземелье, интересы обороны селения, тухумные связи, малоотраслевость хозяйства, не требующего больших площадей и пристроек, бедность природных ресурсов (в частности, недостаток леса) и др.

В подтверждение можно сослаться на тот факт, что средний размер участков аулов, строившихся после окончания Кавказской войны (напр., Цудахар — 290,4 кв. м), почти вдвое больше участков старых аулов (Санамахи, Тебекмахи — 166,8 кв. м)¹⁸. Интересы обороны тогда почти отпали, тухумные связи ослабли, хозяйства стали экономически сильнее и т. п. Следовательно, многие причины тесноты усадеб исчезли. Так, например, в старом Цудахаре дома налезали один на другой как ступени гигантской лестницы, приусадебных участков и пристроек не было вовсе, а в новом Цудахаре и усадьбы имеются и простору больше.

Особенности цудахарской и вообще дагестанской горской усадьбы, причины тесноты ее, станут яснее, если мы сравним ее с усадьбой некоторых других народов. Так, например,

¹⁴ См. З. А. Никольская. Указ. соч., стр. 160.

¹⁵ «Дагестанская область в 1891 г.». КК на 1893 г., стр. 177.

¹⁶ «Даргинцы», Социально-гигиеническое исследование. М.-Л., 1930. стр. 136.

¹⁷ Там же, стр. 137.

¹⁸ «Даргинцы», стр. 133.

усадыба в кумыкском предгорье имела, по словам А. Зиссермана, «двор длиною сажен 20», шириною — 3, «огромный сарай», хлев и навес¹⁹. Так же обстоит и на всем Кавказе: в предгорье просторная «окруженная садом усадьба» у адыгейцев²⁰, «огромный двор у кабардинцев»²¹, каждая усадьба-хутор у грузин²². А в горах 2—3-этажные дома — усадьбы с приспособлением первого этажа для хозяйственных нужд у аварцев, лакцев, чеченцев, осетин, хевсуров, пшавов и др.²³.

Эти примеры подтверждают распространенное мнение о том, что теснота усадеб горцев вызвана причинами природно-географического характера, а именно — земельным голодом. В условиях предгорий и равнины отсутствуют и многие другие причины слабого развития усадеб. Хозяйство здесь экономически более мощное, многоотраслевое, поэтому больше потребностей (и возможностей) в хозяйственных постройках и месте для них.

Связан с этим и вопрос о недоступности усадеб. У горцев усадьба обычно отличается крепостью, труднодоступностью, а на равнине и в предгорьях она для обороны непригодна. В горах — каменный дом, крепкая ограда, иногда даже башня, на равнине и в предгорьях — деревянные строения с такой же оградой, которые легко можно разрушить и сжечь. Такая картина наблюдается не только на Кавказе²⁴.

Что касается материалов, крестьянин строит из того материала, который есть у него под рукой и дешевле ему обходится²⁵. Поэтому, например, в скалистых горах, где мало леса, горец пытается заменить его камнем не только в опорных сооружениях (арки), но и в покрытии крыш, как это делают в нагорном Дагестане. В лесистых предгорьях крестьянин обходится одним лесом, на плоскости же, где нет ни того, ни другого, основным строительным материалом становится глина (саман).

¹⁹ А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе. «Современник», т. 47, стр. 1.

²⁰ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 249.

²¹ Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище. СЭ. 1948, № 4, стр. 106.

²² А. И. Робакидзе. К вопросу о форме поселения в Сванети. КСИЭ, т. 29, стр. 60; С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 276.

²³ Ср. И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, стр. 109; С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 243.

²⁴ Ср., например, усадьбы кафириков Афганистана в предгорье и горах. «Народы Передней Азии». М., 1957, стр. 142.

²⁵ Очень метко сказал об этом И. И. Пантюхов: «Быт нецивилизованных народов совершенно зависит от характера страны. Руководствуясь одними материальными расчетами, они устраивали жилища из такого материала и на таком месте, какие им казались наиболее удобными и выгодными». Указ. соч., стр. 13.

Характер усадеб предгорной зоны, построенных из леса и глины (турлучных), имеет, таким образом, свои природно-географические причины: обилие леса и земли. Защищать таские усадьбы было, конечно, невозможно, поэтому здесь сложилась своеобразная тактика обороны—покидать поселения на время нашествия, укрыть в лесу имущество, скот и людей, неспособных носить оружие, и вести партизанскую войну. По окончании нашествия можно было вернуться и сравнительно легко отстроиться. Такой тактики придерживалось предгорье и в Кавказскую войну²⁶. В скалистых же горах такая тактика не могла сложиться, так как здесь не скроешься всем селением, не построишь временных укрытий из веток, не спрячешь в лесу скот и пр. В силу этого здесь строились крепко и основательно, с расчетом на оборону даже в условиях длительной осады. В этом немалую роль играла и скудость средств горца: она побуждала его строить крепкое жилище, не поддающееся разрушительным действиям ни времени, ни человека, — ведь при бедности трудно часто отстраиваться.

Поэтому нам представляется необоснованным широко распространенное мнение о том, что одной из причин легкости и доступности черкесских усадеб является предубеждение против каменных построек, основанное на том, что «черкесские воины считали признаком трусости строить укрепленные дома»²⁷. «Воинственный быт»²⁸, на который обычно ссылаются, был и у сванов, тушин, дагестанцев, у горных осетин, кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, но такого представления у них не сложилось. Нам думается, что здесь следствие принимается за одну из причин: если кто-то в условиях сложившихся традиций строительства воздвигал каменный дом, то этому надо было искать объяснение, и объясняли это трусостью владельца. Но каменный дом бросится в глаза только тогда, когда уже есть сложившиеся традиции бескаменного строительства. Следовательно, объяснение строительства каменных строений трусостью явилось не одной из причин бескаменного строительства, а следствием позднего объяснения этих традиций и ее нарушений народной молвой. Молва же в силу преобладания традиций «воинственного быта» дала и данному явлению истолкование, исходящее из них.

Таким образом, оказывается, что закономерности, прояв-

²⁶ См. об этом: Переписка А. П. Ермолова. СМОМПК, т. 45, стр. 8; М. Я. Ольшевский. Воспоминания. Кавказ с 1841 по 1866 г. СПб, 1894, ч. 1, стр. 293; М. В. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, М., 1855, стр. 205.

²⁷ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 250.

²⁸ Там же.

ляющиеся в традиционных особенностях усадебного строительства были исторически обусловлены спецификой природно-географических и экономических условий существования народов.

Вернемся к описанию цудахарской усадьбы.

Наиболее ранней формой ее в XIX веке являлся одноэтажный, врезанный в склон горы двухкамерный дом с небольшим двориком. Справа была одна большая комната, слева — помещение для скота. Перед домом — небольшой навес, предтеча веранды. Большая комната служила и для всех хозяйственных нужд и поэтому на дворе не было никаких хозяйственных построек, даже традиционного впоследствии навеса у ограды.

В XIX веке мы не застаем, таким образом, однокамерного жилища с совместным содержанием скота и объединением в одном помещении всех функций жилья и хозяйства. Подтверждение его существования в прошлом мы находим в даргинском языке, который не знает слова «дом», а знает только слово «комната» и для обозначения первого применяет множественное число последнего (къали-къунре). Сходное положение наблюдается и у остальных народов Дагестана, в частности, у аварцев: комната — руь, дом — руьзал (буквально — комнаты).

Размеры такой комнаты в XIX веке — 25—35 кв. м. В нее ведет двухстворчатая дверь, состоящая из грубых колотых досок, слегка подровненных топором, толщиной в 4—7 см. Высота проема двери — 150—160 см., ширина 70—85 см. На лево от входа, ближе к боковой стенке, находился камин с дымоходом, переделанный, как это видно, из традиционного очага (без дымохода, ближе к центру комнаты, в углублении, чтобы можно было садиться вокруг очага на выступ). В таком виде очаг напоминает костер, на котором готовили пищу и у которого грелись, пока ее готовили. Вообще функции обогрева помещения очаг не нес.

Вся левая от входа сторона комнаты занята углублением вокруг очага и возвышением для посуды с водой, стена занята посудой на полках и в нишах. Располагалась она в определенном порядке — от нижних полок к верхним уменьшается древность посуды и ее величина, так что в самом низу располагается крупная гончарная или медная посуда, выше — медная помельче, потом одна—две полки на фарфор и фаянс и на самом верху стекло. Русские наблюдатели очень удивлялись этому, находя смешным выставление бутылок как украшений²⁹. При этом они не принимали во внимание, что эти

²⁹ См., например, А. З. Зиссерман, 10 лет на Кавказе. Указ. соч., стр. 2.

бутылки были редкостью в Дагестане, практическое использование их было неясно и поэтому им оставалось только покоиться на полках в качестве парадной посуды.

Наиболее парадная часть жилья — противоположная от двери. Здесь в метре от пола делались мостки, на которые клали все постельные принадлежности, а также ковры и паласы. Над ними, у самого потолка, развешивали на колышках громадные медные тазы. Здесь же с потолка свешивалась на нескольких ремнях жердь, на которую перекидывали куски ткани, хурджины, одежду, паласы. Между основаниями мостков помещали огромные глиняные сосуды, выполнявшие как хозяйственные, так и декоративные функции. Правая часть комнаты служит для хранения различных припасов. На небольшом возвышении здесь также созданы мостки для хранения зерна в мешках. Над ними жердь для хранения мяса.

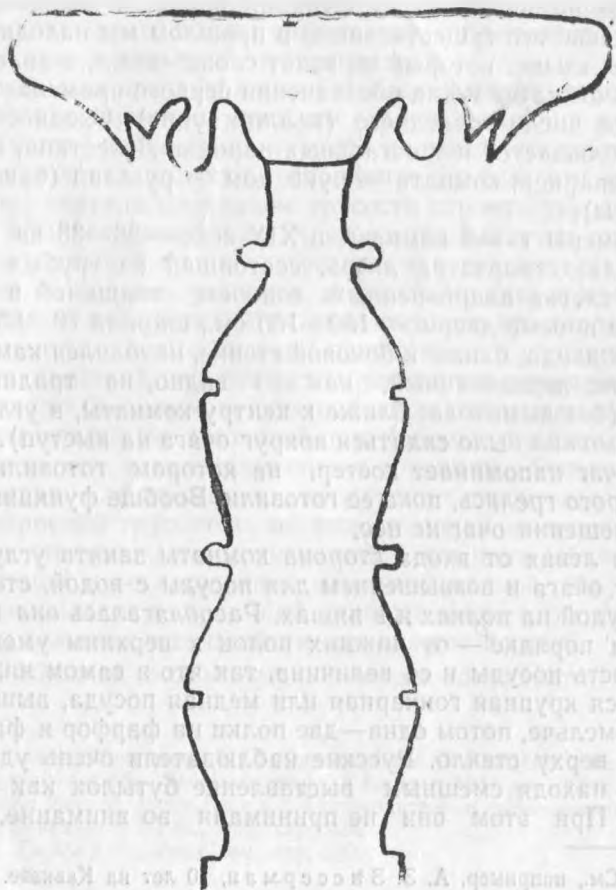

Рис. 1. Центральный столб в доме Тааевой А. (Хаджалмахи)

В центре комнаты стоял большой резной столб, красиво обработанный (особенно капитель), несущий на себе основной прогон жилья (рис. 1). Этот столб играл важную роль в жизни семьи: на нем висело оружие, здесь вырезали имена предков, записывали даты рождения детей, делали зарубку по их росту, записывали дату строительства дома, разные изречения и заклинания. Факт особой роли центрального столба известен и другим народам Дагестана и Кавказа³⁰. Причины почитания столба нам пока не ясны, хотя тот факт, что он имел раньше форму дерева, может говорить о бывшем его культовом значении.

Такова наиболее ранняя ступень цудахарской усадьбы и жилища в XIX веке, ступень, представляющая собой в известной мере пережиточную форму. Таких домов сохранилось очень немного, они разрушились или надстроены, или превращены в дворовые постройки, как например, дом Тагирова Р. в Куппа (сохранился в виде дворовой постройки — в бывшем хлеву — хлев, в бывшей комнате — склад кормов).

При рассмотрении ступеней развития усадьбы и дома нужно иметь в виду, что земельная теснота часто вынуждала к поискам выхода из нее в надстройках и поэтому двухэтажные дома-усадьбы были в Дагестане еще в средневековье, о чем свидетельствуют развалины старого Цудахара.

Для второй ступени развития усадьбы характерно появление навеса и увеличение размера двора, дробление жилья и возникновение многокамерных построек, преобладание двухэтажных многокамерных построек (чаще двухкамерных), некоторая неустойчивость форм и функций жилища, внутреннего расположения его и убранства, связанная со становлением новых форм в развитии жилища.

Навесы несли большие хозяйственные функции: хранение хозяйственного инвентаря, топлива, навоза, летом здесь отдыхал и содержался скот. Поэтому для этой ступени характерно постепенное увеличение навеса и двора.

На этой ступени широко распространено двухэтажное двухкамерное жилище. Первоначально — это просто надстройка второго этажа над жилищем первой ступени с превращением последнего в хозяйственное помещение, в силу чего роли двух верхних комнат были вначале не совсем ясны. Основная жизнь по-прежнему протекает в большой комнате, где место очага окончательно занимает камин; во второй комнате больше жили летом. На этой ступени развития можно выделить этап развития жилища, связанный с появлением

³⁰ См. З. А. Никольская. Указ. соч., стр. 162; С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 82; С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 276.

железной печи, когда семья, оставив все хозяйственные припасы в большой комнате, переселяется в другую, где ставится железная печь и тахта. Сюда же переносятся постельные принадлежности и парадная утварь: ковры, паласы, сундуки с одеждой, посуда и пр. Между обеими комнатами для удобства сообщения делают маленькую дверь. Примером такого дома является дом Тааевой в его нынешнем виде (Хаджалмахи).

Особенно большие изменения произошли в усадьбе цудахарцев после Кавказской войны.

Дальнейшее развитие производительных сил и увеличение товарообмена, расширение садоводства с сохранением зернового полеводства наряду со скотоводством, расширили профиль хозяйства, сделали его в известной степени многоотраслевым, что вызвало увеличение потребностей в усадебном хозяйстве. Усадьба занимает теперь большой участок (нет стремления к неприступным склонам), во дворе появляются насаждения, посеы, но огороды, как и «во всем горном Дагестане» все еще «совершенно отсутствуют»³¹.

Сильно разрастается навес, охватывая двор с двух—трех сторон. Особенность навеса этого времени — превращение части его в хозяйственные помещения. Иногда весь навес превращался в хозяйственные помещения и двор оказывался окруженным ими со всех сторон. Такая усадьба описана Н. Глиноецким: «Это небольшое четырехугольное строение с маленьким двориком в середине; две стороны двора составляют жилые строения, а две другие — конюшни для лошадей и разные амбарчики и склады»³² (речь идет об усадьбе в Тлохе, но пример характерный). Эта тенденция особенно усилилась после расширения садоводства: нижний этаж жилья стали целиком использовать для хранения запасов и инвентаря, а помещения, выросшие из навеса, превратились в хлевы.

Для жилищ этой ступени характерно: двухэтажность, трехкамерность, строгая определенность и дифференцированность назначения помещений и обстановки, неизменное наличие окон, отсутствие камина, большая солнечная веранда с балюстрадой. Можно выделить два вида этих жилищ:

³¹ А. Пастухов. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг. «Землеведение», кн. II, 1894, стр. 37. См. также К. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. — «Огородов у горцев нет, да они и понятия о них не имеют». — «Журнал Министерства государственных имуществ», т. 64, стр. 27.

³² Н. Глиноецкий. Указ. соч. «Военный сборник»; 1862, № 3, стр. 85.

1) трехкомнатный, с комнатой-коридором, в которой готовят пищу, хранят припасы повседневного потребления (например, муку и пр.). По одну сторону от нее — комната постоянного пребывания, по другую — парадная, служащая и для приема гостей (специальной «кунацкой» у цудахарцев не существовало);

2) трехкомнатный, с комнатами в ряд, без комнаты-коридора.

Первый вид более характерен для зажиточных, которые иногда пристраивали и четвертую комнату с боковым входом. Иногда богачи устраивали дополнительные балконы (лоджи) на задней стороне дома.

Следует отметить, что третья ступень жилища не развилась окончательно в XIX веке и продолжала развиваться вплоть до победы колхозного строя.

План расположения усадьбы в поселении и расположения усадебных построек был довольно однообразен и имел, в основном, две формы: фасадом или боковой стороной жилья к улице. Жилье и ограда образуют внутренний дворик, размеры которого колеблются от 20 до 80 кв. м.³³ Двор с навесами оказывался как бы полукрытым и в известных условиях это наталкивало на мысль дополнить покрытие и сделать полностью крытый двор. Правда, у цудахарцев этого не случилось, но у даргинцев предгорья (Урахи, Мекеги, Губден и др.) это очень распространенное явление. Такие крытые дворы или объединение всего комплекса построек усадьбы под одной крышей характерны и для жилища центральной России и Западной Европы³⁴. В последнем случае сыграл большую роль климат. Для этих местностей характерна дождливая сыкатная осень или суровая зима и вполне понятно, что усадьбу, на которой идет непрерывная работа, хотят укрыть от стужи и сыкости.

Примером усадьбы этого времени является усадьба А. Гасанова в Цудахаре. Следует, впрочем, отметить, что создание дополнительных помещений из навесов не является массовым явлением у цудахарцев и вообще строительству нагорного Дагестана не свойственно. Они напоминают больше хозяйственные постройки табасаран³⁵.

Конечно, к концу XIX века усадьба несколько расширилась, но все-таки потребности хозяйства горца и его возмож-

³³ Ср. «Даргинцы», стр. 134.

³⁴ См. «Даргинцы», там же; И. Н. Гроздова, Н. М. Листова, Л. В. Покровская. К вопросу о типах крестьянского жилища Германии, Франции и Нидерландов. КСИЭ, т. 29, стр. 104—107.

³⁵ См. Г. Н. Любимова, С. О. Хан-Магомедов. Хозяйственные постройки табасаран, КСИЭ, т. 14, стр. 63.

ности были сравнительно ограниченными и больших усадеб здесь не возникло. Цудахарская усадьба продолжала оставаться маленькой по размерам, с небольшим количеством дополнительных помещений, состоя, как правило, из двухэтажного дома с небольшим двориком с навесами, иногда частично превращенным в хозяйственные помещения. В этом заключается еще одно отличие усадьбы нагорного Дагестана (и вообще скалистых областей Кавказа и Передней Азии) от усадьбы равнин и предгорий этих же стран, где усадебные постройки очень развиты и дифференцированы. У горцев усадебные постройки не имеют строго очерченных функций — житель Цудахара, например, приспособливает новое помещение для хранения фруктов, а житель Алиханмахи — для содержания овец. В усадьбах же предгорий и плоскости, где имеются большие традиции крупно-усадебного ведения хозяйства, каждый угол усадьбы, каждое помещение имеют свое определенное место и назначение. Так, например, в адыгейской усадьбе имеются главный двор, двор для молотьбы и хранения сена и скотный двор³⁶. Стоит только сравнить эти факты с данными о надворных постройках в Даргинском округе, как мы убедимся в том, какая громадная разница была между усадьбами адыгейца и даргинца: 30% усадеб даргинцев совсем не имели надворных построек, 45% имели одну и 25% — несколько построек³⁷.

Усадьба и жилище цудахарцев прошли, таким образом, в своем развитии в XIX веке три ступени. В течение века с развитием производительных сил и расширением садоводства в них прослеживаются тенденции увеличения усадеб и дифференцированных построек в них, увеличения объема жилища и его жилого фонда, более последовательного разграничения функций отдельных его помещений, осветления, типизации и пр.

Другие вопросы жилища XIX века (планировка, украшения, внутреннее убранство и пр.) целесообразнее рассмотреть в связи с современным жилищем.

Современное жилище цудахарцев.

Типы жилища

Выше мы говорили о сохранении форм жилища XIX века в качестве основы для жилищного строительства на протяжении всего последующего времени, что объясняется максимальной приспособленностью этих форм как к традициям

³⁶ См. С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 249; Е. Н. Студенецкая. Там же.

³⁷ «Даргинцы», стр. 136.

и потребностям горцев, так и к местным условиям и возможностям.

Возможность такой концентрации всего лучшего, наиболее отвечающего местным условиям, создалась в силу того, что здесь в XIX веке шло очень большое жилищное строительство, а в период массового строительства быстрее и лучше усваивается опыт предыдущих поколений и внедряется новое. В результате, опыт горного домостроительства дагестанцев и новое, идущее от русского рынка и культуры, создали во взаимодействии формы жилища, наиболее отвечающие запросам горцев.

XIX век был вообще очень продуктивным в отношении строительства. Частые разрушения аулов в ходе военных действий вынуждали отстраивать их заново, а при отстройке после разорения обычно начинают с простейших, архаичных форм, пока аул не оправится от разорения, а потом начинается массовое строительство с учетом запросов времени. Так как разорений было несколько, то и эволюция жилища несколько раз повторялась, поднимаясь после каждого разорения и отстройки на новую ступень. Поэтому XIX век оказался очень насыщенным и продуктивным в смысле эволюции жилища, которое, можно сказать, повторило за это время весь свой путь развития от полуземлянки до современного дома.

Тем не менее в современном жилище мы найдем много изменений, вызванных новыми условиями жизни. Эти изменения коренным образом преобразовали лицо цудахарского аула.

Прежде всего, бросается в глаза преобладание двухэтажного жилища, как правило, трехкамерного. Долгое время эта форма бытовала как наилучшая. Двухэтажность обеспечивала крестьянина хозяйственными строениями при максимальной экономии земли, трехкамерность наилучшим образом отвечала сложившимся традициям домашнего быта и ведения хозяйства, давая возможность выделения хозяйственной комнаты и кухни, парадной и семейной комнат.

Как и в XIX веке, одна из комнат является парадной (барщиб-къали — убранная, наряженная комната) и одновременно комнатой для гостей, так как специальной кунацкой нет и теперь. Между прочим, у цудахарцев, как и у остальных горцев Дагестана, не сложилось и разделения дома на мужскую и женскую половины. Это было отмечено Б. А. Калоевым у агулов, но ошибочно приписывалось им только последним³⁸. Если вспомнить, что наиболее строго это разделение проводится у народов с развитым феодальным строем (хан-

³⁸ См. Б. А. Калоев. Указ. соч., стр. 39.

ства Азербайджана и южного Дагестана, кумыкские, кабардинские феодальные владения, среднеазнатские ханства), то станет ясным, что отсутствие этого разделения у цадахарцев объясняется незрелостью форм общественного развития.

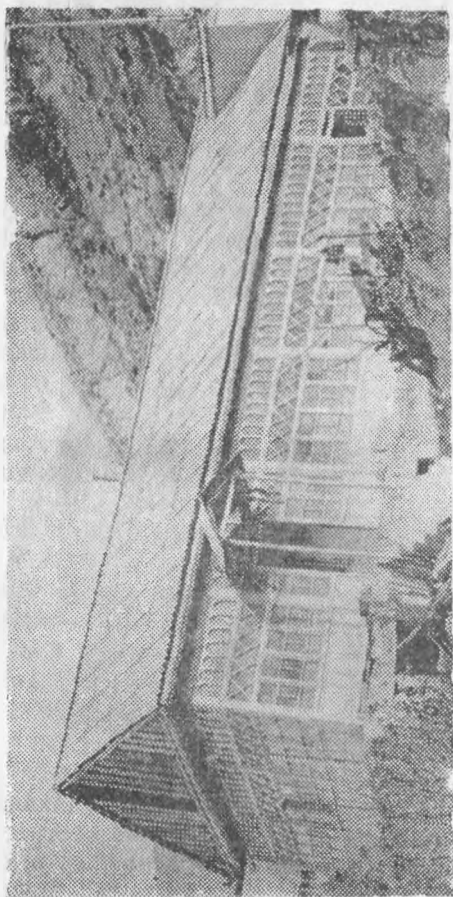
Вторая комната (чаще средняя) служит, как и раньше, для хозяйственных нужд (хранения). Третья комната — это центр семейной жизни. Она служит и кухней (зимой), и столовой и спальней (зимой), и гостиной.

Конфигурация дома, внешние очертания его в основном не изменились: дом с тремя комнатами в ряд, веранда, одна удлиненная комната (Г-образная); с двумя удлиненными комнатами (П-образная). Промеры таких домов: длина — 12—15 м, ширина 4—6 м. Комнаты 3,5—5×4,5—6 м, веранда — 1,5—3 м, высота (второго этажа) — 2,5—3 м. Экономическое усиление большого числа хозяйств в послереволюционные годы привело к увеличению количества домов с четырьмя комнатами, которые имелись раньше только у богатей.

Преобладание в строительстве трехкамерного двухэтажного жилища продолжалось у цадахарцев вплоть до послевоенных лет. Но уже с довоенных лет, с сосредоточением хозяйственной жизни в колхозе, первый этаж таких жилищ стал пустовать, а второй этаж в связи с улучшением жилищных условий и новыми потребностями (увеличение мебели, украшений и пр.) стал тесен, и жилые помещения стали вторгаться и в нижний этаж, занимая одно—два помещения, чаще под семейную или хозяйственную комнату. Но помещения первого этажа не были приспособлены для жилья (отсутствие окон, полов и пр.) и кроме того разрывался комплекс жилых помещений одной семьи — часть была внизу, а часть наверху, что создавало известные неудобства. Эти обстоятельства вызвали необходимость таких изменений в планировке дома, которые сократили бы ненужные хозяйственные помещения и увеличили бы жилые. Двухэтажная конструкция исключалась, так как первый этаж не оправдывал затраченных средств, ввиду неудобств для жилья и отсутствия потребности в больших хозяйственных помещениях. Не подходила, однако, из-за земельной тесноты и одноэтажная конструкция, так как для размещения всех жилых и в необходимом количестве хозяйственных помещений потребовалась бы слишком большая площадь. Выход был найден расположением хозяйственных помещений в подвале и созданием, таким образом, так называемого «приподнятого» дома, более известного в литературе под названием «полутораэтажного»³⁹. Дом ставится на высоком фундаменте, возвышающемся над землей на 1—

³⁹ См., например, С. Ш. Г а д ж и е в а. Указ. соч., стр. 78.

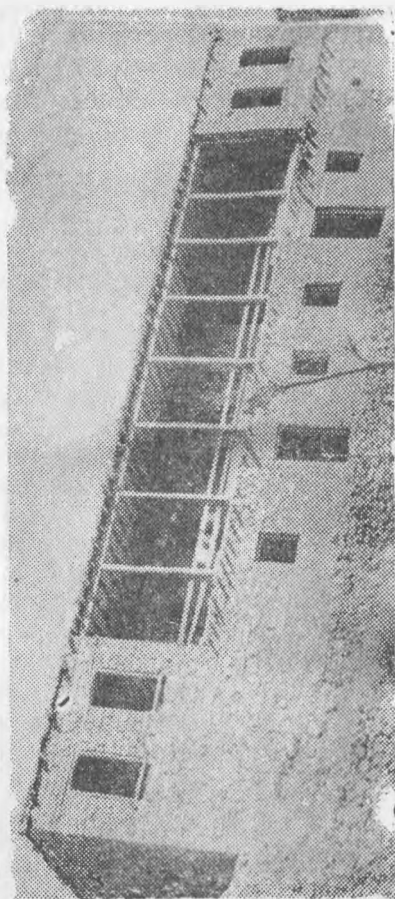
1,5 м. Место под полом комнат заполняют землей и щебнем, под верандой — углубляют, создавая здесь подвал, который служит для хранения различных припасов (соленый, мяса, зерна, фуража и пр.), инвентаря, а летом и воды. Таким образом, это — кладовая-холодильник, высвобождающая большую часть дома под жилье. Комнат бывает от 3 до 6. В результате создания такой конструкции колхозник почти вдвое увеличил свой жилой фонд и избавился от затрат на малополезные помещения нижнего этажа.

Р и с. 2. Современный приподнятый дом.

Такой дом получил большое распространение в послевоенные годы, с дальнейшим экономическим усилением колхозов и уменьшением роли индивидуального хозяйства. Конечно, надобность в помещениях для скота еще сохранилась и по-

Этому к одному из крыльев дома пристраивают помещение, а если есть возможность, его делают совсем отдельно.

Р и с. 3. Современный двухэтажный дом.

Приподнятый дом, как наиболее отвечающий потребностям современного быта и более экономичный, уже доказал свое превосходство и стал типовой основой для строительства. Но когда в селении мало свободной земли и участок невелик, строят двухэтажный дом, ввиду его превосходства в одном — он может дать максимум жилого фонда на единицу земельной площади. При этом большую часть помещений первого этажа строят под жилье, а остальные приспособляют в зависимости от хозяйственных потребностей.

Таким образом, наиболее распространенными формами современного домостроительства цудахарцев является трехкамерный, двухэтажный дом (ранее) и приподнятый, многокамерный (позже).

Строительные материалы

Большие изменения произошли и в номенклатуре строительных материалов цудахарцев. Традиционными для них являются камень, глина и лес, остававшиеся единственными материалами в строительстве горцев до середины XIX века, что засвидетельствовано многими современниками⁴⁰ (причем многие из них отмечали недостаток леса)⁴¹. Отсутствие леса вынуждало горцев искать замену ему, создавая такие формы жилища, которые позволяли бы строить его с минимальными затратами леса. Искомой конструкцией явилась арка, которая заменяла лес в опорных сооружениях и отчасти даже в перекрытиях. В последнем случае здание покоилось на ряде параллельных аркад, между которыми ставили длинные каменные плиты, поверх которых клали хворост, сено, землю⁴². Арочные конструкции широко использовались цудахарцами — часто покоятся на арках веранды второго этажа, навесы, мосты, акведуки. В большинстве случаев это делается с целью замены леса, хотя иногда преследуются и декоративные цели (оформление ворот, окон и пр. в виде арок).

В строительстве арок цудахарцы достигли большого искусства. Так, например, два моста на арках у Цудахара и Халжалмахи Ф. И. Гене характеризует как «замечательные», которые «невзирая на древнюю постройку не имеют никакого повреждения и кажутся недавно выстроенными»⁴³. Такую же высокую оценку дает цудахарскому мосту и А. Берже — «старинный, весьма прочный и красивый мост... из тесаного камня»⁴⁴.

Следует отметить, что арочные конструкции гораздо более распространены в тех аулах, куда затруднен ввоз леса (Му-

⁴⁰ См. Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. «История, география, этнография Дагестана», стр. 346; П. Данилевский. Кавказ и его горские жители. М., 1846, стр. 139; Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 78; Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1871, т. 1, кн. 1, стр. 534; И. И. Пантиухов. Современные лезгины, «Кавказ», 1901, № 233; А. Т. Васильев. Казикумухцы. ЭО, 1899, 3, стр. 69.

⁴¹ Ср. Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан в 1882 г. ИРГО. 1884, т. XX, вып. 4, стр. 432.

⁴² Ср. Ф. И. Гене. Там же.

⁴³ Там же, стр. 341.

⁴⁴ А. П. Берже. Прикаспийский край. КК на 1857 г., стр. 285.

султемахи, Аршинмахи и др.), чем, например, в Цудахаре или Хаджалмахи.

Со второй половины XIX века у горцев появляются новые строительные материалы — стекло, листовое железо, металлические скобяные изделия, приведшие к появлению застекленных окон, крытых железом домов, железных петель и пр. Однако этот процесс, хотя он и сыграл большую роль в эволюции жилища, не был глубоким, так как новые материалы, ввиду их редкости и дороговизны, были доступны только богачам. Но после победы колхозного строя, с коренным улучшением жизненных условий цудахарцев, с одной стороны, и значительным увеличением завоза новых строительных материалов, с другой, процесс этот принял массовый характер.

Ныне большое распространение получил цемент; фундаменты, углы, опорные сооружения зданий, все общественные постройки (акведуки, мосты, здания) возводятся на цементе.

Материальный и культурный подъем, обилие новых стройматериалов привели к изменению вкусов и традиций в строительстве. Так, например, в последнее время все чаще стали делать четырехскатные крыши на шифере и железе вместо плоских. Раньше про горцев писали, что они не знают стекла⁴⁵, а теперь колхозников не удовлетворяют даже двухпереплетные окна и они стали делать трехпереплетные окна и даже стеклянные галереи. Большое распространение получили также масляные краски, железные балки, скобяные изделия, фанера и т. д.

В общем, происходит заметный процесс больших изменений в строительных материалах, но, тем не менее, основными стройматериалами по-прежнему остаются камень и лес. В отношении последнего можно сказать, что есть тенденция к замене его железом, синтетическими материалами и пр.

Для нынешнего строительства цудахарцев характерна еще одна тенденция — стремление иметь при строительстве возможно больше готовых материалов и заготовок, которые облегчали бы и ускоряли строительство.

Архитектурная планировка жилища

Огромные изменения экономического, общественного и культурного характера в жизни цудахарцев после революции привели к большим изменениям в архитектурной планировке их жилища.

⁴⁵ См., например, П. Данилевский. Указ. соч., стр. 138; И. И. Пантиухов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, стр. 105.

Экономические изменения, выразившиеся в разрастании индивидуального хозяйства в первые годы после революции и в обратном процессе после победы колхозного строя, привели к изменениям в величине двора, назначении и числе хозяйственных построек, размере приусадебных участков, в системе отопления, характере помещений и пр.

Изменения общественного характера привели к изменению многих элементов дома (ограда двора, планировка окон и др.) и характере общественного строительства — вместо мечетей и медресе — клубы, избы-читальни, школы. Например, в Хаджалмахи до революции построили одну из крупнейших в Дагестане мечетей, а ныне колхоз выделил миллионные средства на строительство школы.

Культурная революция тоже сказалась на планировке жилища и его отдельных элементов, ибо она изменила привычки и вкусы, склонности и потребности цудахарцев.

Возьмем, к примеру, двор цудахарцев. Было время, когда в старом Цудахаре вовсе не было дворов и дома взбирались один на другой. В XIX веке дворы уже были, но такие маленькие, что многие современники называли их двориками⁴⁶, причем и они были не у всех.

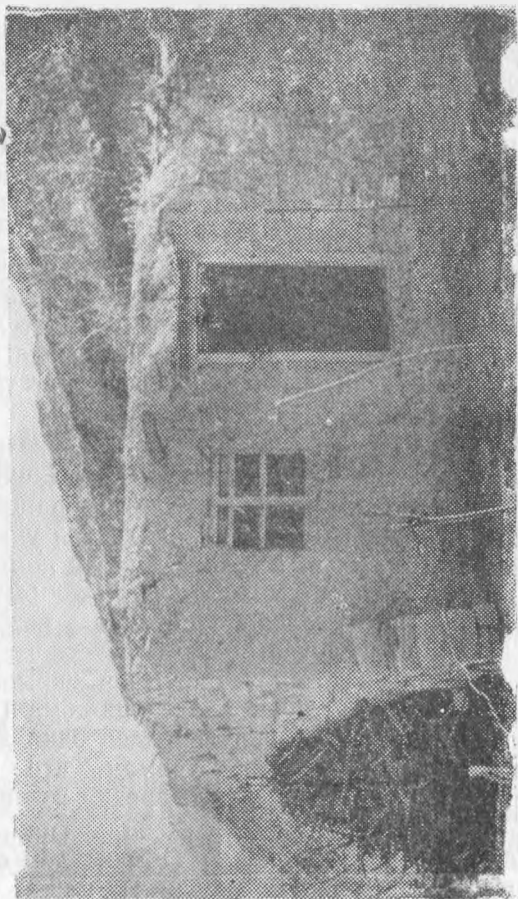
В первые годы после революции увеличение числа середняков и укрупнение их хозяйств приводит к увеличению количества и величины дворов. Отпадение оборонительных функций аула и ослабление тухумных связей привели к заселению более свободных окраин, где можно было завести и участок и двор с постройками.

С перемещением центра экономики в колхозы индивидуальные дворы и хозяйственные постройки начинают пустовать, поэтому возникает тенденция к их сокращению. Современный двор — это чаще всего огороженный участок вокруг дома, с небольшим навесом и хозяйственным помещением, которое уже не имеет своей специфики и может быть чем угодно (хлебом, конюшней, кладовой и пр.). Для него характерен невысокий забор, иногда чисто символического характера, так как он ничего не загораживает и не укрывает, являясь чем-то вроде показателя границ владельца дома и оградой для скота. В современном дворе сохранилась одна древняя черта — он всегда находится перед домом, что объясняется стремлением иметь весь двор в поле зрения хозяина.

В планировке самого дома и в расположении комнат также произошли большие изменения. Обычно дом обращен фасадом ко двору, имеет форму букв П или Г. Количество

⁴⁶ См., например, И. И. Пантюхов. Современные лезгины, «Кавказ», 1901, № 233; И. Глиноецкий. Там же.

и расположение комнат планируется с учетом изменившихся условий жизни. Хотя жилище XIX века и проделало путь до трехкамерного дома, все-таки очень многие крестьяне вынуждены были тогда ютиться в однокамерных и двухкамерных домах. Г.-А. Амиров, хорошо знавший жизнь даргинцев, указывал, что у «большой части горцев существует только одна комната, которая служит для горца всем, от гостиной до кухни»⁴⁷. В современном жилище цудахарцев еще в 1927 году 70% всего количества домов составляли многокомнатные, преимущественно трехкомнатные дома⁴⁸. Отличительная черта современных комнат — увеличение объема, главным образом за счет высоты потолка (2,5—3 м).

Р и с. 4. Старый однокамерный дом.

⁴⁷ Г.-А. А м и р о в. Указ. соч., стр. 79.

⁴⁸ «Даргинцы», стр. 147.

Следует заметить, что цудахарское жилище, благодаря более высокому жизненному уровню и большим товарным и культурным связям населения, превосходит жилище остальных даргинцев по величине, жилой площади, количеству комнат, высоте потолка, величине двора и пр.⁴⁹

Увеличение количества комнат происшедшее за счет сокращения хозяйственных помещений, позволило увеличить количество помещений с дифференцированным назначением. Теперь у цудахарцев не встретишь дома, представляющего собой «всего одно помещение, обслуживающее все потребности обитателей, приготовление пищи, ночлег и служившего также мастерской»⁵⁰. Напротив, в современном жилище цудахарцев имеются, как правило, отдельные помещения под кладовую, мастерскую, парадную, семейную и пр. Сложнее обстоит дело с кухней. Летом всегда имеется отдельная кухня, которую чаще всего устраивают в выделенной для этой части веранды, превращающейся в подобие открытой комнаты с тахтой, шкафом, печкой и пр.

Но специальной кухни, рассчитанной и на зиму, у цудахарцев не сложилось, что объясняется нехваткой топлива. Зимой пищу готовили в семейной комнате, дабы использовать для обогрева жилья тепло сжигаемого для приготовления пищи топлива. Вообще надо сказать, что система отопления цудахарского жилища, если можно говорить о таковой в XIX веке, претерпела теперь большие изменения. Тогда у цудахарцев господствовал камин. Все современники были единодушны в том, что «камины эти никогда не могут нагреть комнаты»⁵¹, а некоторые даже утверждали, что «горские сакли не отапливаются» и «камины... служат только для приготовления пищи и для того, чтобы погреться»⁵², «но никак не для нагревания помещения»⁵³.

Таким образом, эволюция камина остановилась здесь на ранней ступени, сохранившей некоторые черты первобытного костра. Основная причина этой задержки заключается, по-видимому, в скудости топливных средств, ибо при обилии их очаг через каменку эволюционирует в печь⁵⁴.

⁴⁹ Там же, стр. 142, 146.

⁵⁰ Там же, стр. 142.

⁵¹ А. А. Неверовский. Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб, 1847, стр. 31.

⁵² И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233. Его же: О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, стр. 105.

⁵³ Д. Бабаяев. Селение Ахты. СМОМПК, т. 17, стр. 142.

⁵⁴ Ср. Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896, стр. 96.

Дальнейшее развитие камина было приостановлено проникновением сюда русской железной печки-временки, которая быстро прижилась здесь и стала основным средством отопления и приготовления пищи. Но процесс вытеснения камина печью длился сравнительно долго и завершился только с победой колхозного строя; еще в 1927 году Ю. Вадковская отмечала обилие каминов и очагов у даргинцев⁵⁵. У цудахарцев, благодаря более ранним связям с русскими, печь внедрилась раньше. Но капитальных печей у цудахарцев почти нет, что объясняется недостатком и особенностями местного топлива (хворост, кизяк, листья, дрова). При таком топливе железная печь более выгодна, чем и объясняется ее господство у цудахарцев, несмотря на ее отрицательные стороны (резкие колебания температуры, неэффективность в обогреве жилища и др.).

Другой, сильно изменившийся элемент в планировке цудахарского жилища, — это система его освещения. В XIX веке все наблюдатели указывали на недостаточность окон в дагестанском жилище. Так, например, Д. Бабаев писал, что «окна делаются малые и узкие, пропускающие очень мало света»⁵⁶, А. Неверовский вообще отрицал их существование⁵⁷, а П. Зубов был более точен, говоря о небольших окошках с деревянными решетками вместо стекол⁵⁸. Если в теплое время года это было даже хорошо (вентиляция), то в плохую погоду причиняло большие неудобства, на что справедливо указывал тот же Зубов⁵⁹.

Другая особенность окон цудахарского (и вообще дагестанского) жилища заключалась в том, что они делались в стене, выходящей во двор⁶⁰.

Обе эти особенности являются пережитками, сохранившимися от более древних времен. Первобытное жилище несло вначале только функции укрытия. С развитием производительных сил и культуры увеличиваются потребности человека в свете и воздухе, и он начинает делать окна. Естественно, что он, ввиду ряда обстоятельств (ненадобность большого света в помещении, неимение пропускающего свет материала, недостатки отопления и пр.) делал их небольшими и помещал в недоступных местах жилища, каковой и является, в частности, обращенная во двор сторона дома.

⁵⁵ «Даргинцы», стр. 149.

⁵⁶ Бабаев. Там же.

⁵⁷ А. А. Неверовский. Там же.

⁵⁸ П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель, ч. III, СПб, 1835, стр. 245.

⁵⁹ Там же, стр. 200.

⁶⁰ Н. Ф. Дубровин. Указ, соч., стр. 535.

Особенности эти стали изживаться только в советское время. Уже в 1927 году лишь «три процента обследованных жилищ» и то «преимущественно находящихся в Сюргинском и частью Акушинском участках, не имели ни одного окна»⁶¹. Но размеры окон были еще малы: из 122 окон 46,7% имели размер менее 0,5 м, 32,7% — от 0,5 до 1 м и 20,6% были больших размеров⁶². В настоящее время у цудахарцев нет ни одного дома без окна и очень мало домов с маленькими окнами. Подавляющее количество домов имеет большие светлые окна со стеклянными рамами. Цудахарские дома вообще отличаются обилием света, причем следует отметить, что тяга к светлым комнатам началась у цудахарцев раньше, чем у других даргинцев. Кроме более тесных связей с русским рынком и культурой здесь надо указать еще на одну причину — свет нужен был для тканья шерстяных тканей, известных на Кавказе и далеко за его пределами под названием лезгинских. Они признавались современниками лучшими на Кавказе и пользовались большим спросом на Кавказе, в Турции, Иране, позднее и у русских, которые особенно восторгались ими⁶³. Тонкая работа над этими тканями требовала хорошего света и поэтому, естественно, с появлением стекла цудахарцы воспользовались возможностью иметь светлые помещения.

Для современного дома цудахарцев наиболее типичны два окна на комнату, размерами 0,8—1,2 м×1—1,5 м. Там, где дома строились раньше и имели меньше окон, теперь ломают стену, чтобы пробить окно. Комнаты, имеющие по несколько окон, теперь не редкость, напротив, очень трудно найти комнаты с одним маленьким окном. Окна располагаются обычно с выходом на веранду, западная комната имеет и боковые окна, восточная имеет их реже. Недостатком окон следует считать отсутствие двойных рам и форточек. Это объясняется как традициями, так и спецификой местных условий: мягкий климат не вызывает особой нужды в двойных рамах, а что касается форточек, то сухость климата позволяет открывать окно полностью. Кроме того, роль форточек выполняют у цудахарцев вентиляционные отверстия, которые закрываются только зимой.

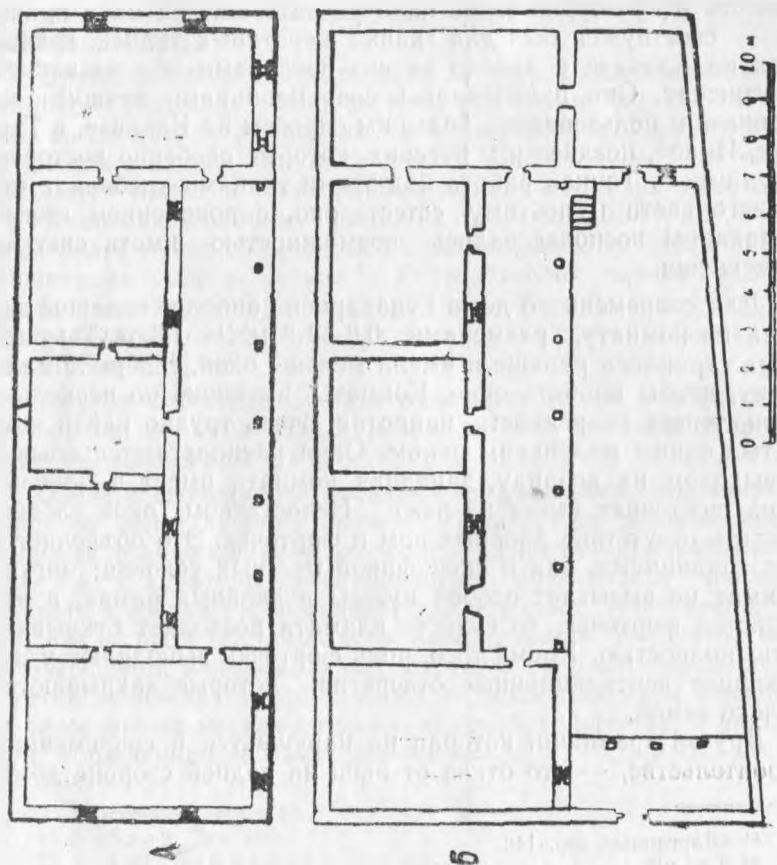
Другая традиция, которая не нарушается в современном строительстве, — это отказ от окон на задней стороне дома,

⁶¹ «Даргинцы», стр. 148.

⁶² Там же.

⁶³ См., например, А. С. Пиралов. Кустарные промыслы Кавказа. «Весь Кавказ». Баку, 1914, стр. 209; А. Нисченков. Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871, стр. 22; В. Сидоров. По России. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. СПб, 1897, стр. 374.

если она выходит на чужой двор. Объясняют ее обычно нежеланием хозяина двора, но нам кажется, что вначале нежелание было обоюдным: если хозяин двора не желал, чтобы его двор просматривался из чужого окна, то хозяин дома не желал, чтобы с чужого двора можно было легко заглянуть или проникнуть в его дом. Подтверждением этому служит тот факт, что на задней стороне дома окон не делали и в том случае, когда она выходила на улицу, но зато если дом двухэтажный, то на улицу окна делают, а на чужой двор — нет. Таким образом, обоюдное нежелание, сложившееся в условиях одноэтажных домов, превратилось с появлением многоэтажных домов в нежелание одного из хозяев.

Р и с. 5. План дома Османмагомедова К. (Хаджалмахи).

Двери современного жилища также имеют мало общего с прежними. Раньше, еще в XIX веке, они были низки, малы,

имели очень высокий порог и были неудобны⁶⁴. Традиции, экономия досок, соображения сокрытия семейного быта заставляли горца делать низкие, маленькие двери из толстых колотых досок. Изменение условий и облегчение приобретения леса уже к концу XIX века привели к появлению больших двухстворчатых дверей, но пока только у зажиточных людей. Остальные имели только одну—две комнатные двери, а в помещениях для скота ограничивались загородками из жердей.

В современном доме дверей бывает много (от 6 до 8). (Ср. рис. 5).

Двери обычно делают высокие, двухстворчатые, с резным геометрическим орнаментом. Заметна тенденция к увеличению количества дверей, вызванная стремлением соединять между собой комнаты. Это объясняется изменениями в быту, необходимостью частых переходов из комнаты в комнату в связи с дифференцированием назначения комнат (из кухни в кладовую, из семейной в парадную и т. д.).

Приведем несколько примеров современного жилища.

Дом Османмагомедова в Хаджалмахи — образец современного двухэтажного дома. Своими боковыми сторонами выходит на улицу, задняя сторона обращена на чужой двор. У входа во двор имеется навес во всю ширину двора. Под навесом хранятся инвентарь и топливо. Двор очень небольшой, лестница на веранду находится в его дальнем углу, где имеется второй навес, на котором устроена летняя кухня. Дом имеет 5 комнат, две крайние — удлиненные, средняя традиционного коридорного типа с дверьми в обе стороны. Все комнаты сообщаются между собой. Окна обращены во двор и на улицу; на чужой двор выходит только одно вентиляционное окно в средней комнате. Окон в доме много — 12 (на втором этаже). Все они большие, двухпереплетные, с большими фрамугами.

Крыша четырехскатная, крытая оцинкованной жстью. Общий жилой фонд дома 85 кв. м. (рис. 5).

Дом М. Талханова в Цудахаре. Приподнятый. Выходит на улицу левой боковой частью. Двор средних размеров. Дом имеет форму буквы Г. Комнат — 4, причем четвертая примыкает к внешней стороне веранды и, таким образом, часть веранды между ней и основной частью дома превращена в открытую комнату.

Средняя комната — коридорного типа, поэтому наружная дверь для всех трех комнат одна.

Правая сторона двора занята пристройкой для хозяйственных нужд.

⁶⁴ См. Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 536.

К левой стороне дома пристроена пятая открытая комната (кухня), которую хозяин предполагает сделать капитальной.

Во всю длину веранды устроен подвал, довольно глубокий, выполняющий роль кладовой и ледника. Окон по два на каждую комнату. Все они обращены во двор. В задней стене имеются вентиляционные окна. Интересно отметить, что судакхарцы нашли очень точное название для них — «ветряное отверстие» (дугІла тІаркЪи).

Крыша земляная, плоская, но хозяин предполагает покрыть ее железом. Дом интересен тем, что отражает эволюцию жилищности (появление последовательно 4-й комнаты, 5-й, железной крыши и пр.).

Надо сказать, что селения Аршимахи и Буртанимахи отличаются наибольшим разнообразием в строительстве. Это объясняется тем, что они состоят из переселенцев, пробывших до 1958 года (с 1943) на плоскости и поэтому испытавших воздействие архитектурных традиций кумыков и чеченцев. В Аршимахи мы насчитали 4 типа построек, причем каждый тип имеет большое количество форм, сочетающих местные и привнесенные традиции:

1) одноэтажное, однокамерное жилище с плоской крышей, возрождающее один из старейших типов и являющееся временкой;

2) одноэтажное, трехкамерное жилище, с комнатой-коридором и шиферным покрытием, с верандой, имеющей балюстраду или превращающейся частично или целиком в стеклянную галерею, с длинными крайними комнатами (если комнаты длинные в оба конца, веранда сильно сокращается и превращается в лоджию или застекленную переднюю);

3) такой же дом с подвалом под верандой;

4) такой же дом, но двухэтажный, без подвала, с верандой, покоящейся на арках.

Вариантов внутри этих типов очень много: варьируются количество комнат, этажность, длина веранды, форма ее, форма крыши, степень застроенности хозяйственными постройками и многое другое.

Исходя из вышеизложенного в отношении планировки жилища, можно указать, что она сильно изменилась в соответствии с изменившимися условиями в смысле облегчения и оздоровления домашнего быта, облегчения строительства и увеличения долговечности дома, а также улучшения его внешнего вида и интерьера.

Система украшений жилища.

В ходе строительства жилища и мастер-строитель, и хозяин, каждый по-своему, заботятся об украшении строящегося

дома. Забота мастера — это забота о своей репутации строителя в меру его эстетического вкуса. Хозяин же стремился украсить дом специально заказываемыми украшениями. Это не всем было доступно в равной степени, а беднякам и вовсе недоступно (например, резьба по дереву или камню). Такое специальное украшение дома у цудахарцев не очень развито, что впрочем характерно для большинства горцев Дагестана. Это отмечали многие наблюдатели XIX века. Так, например, Д. Бабаев указывал, что в селении Ахты «наружных украшений на домах не бывает»⁶⁵, а А. Васильев утверждал, что у лакцев дома «без всяких украшений снаружи и внутри»⁶⁶. В столь категорической форме это, конечно, неверно, но доля истины в их словах есть. В то же время горцы Дагестана прославились своим прикладным искусством, свидетельствующим о развитом художественном вкусе. Ведь тот же Васильев с восторгом говорил о богатстве природы горца, о присущем ему чувстве прекрасного»⁶⁷.

Источник этого противоречия, более кажущегося, чем действительного, лежит, по-видимому, в различии природно-географических условий разных частей нагорного Дагестана. Чувство изящного проявлялось в различных местах по-разному: у табасаранцев оно проявилось в замечательных образцах резьбы по дереву, у кубачинцев и части аварцев — в резьбе по камню, в ювелирных изделиях, у лакцев — в изготовлении посуды, ювелирных изделий, а у цудахарцев — в создании лучших образцов кавказских сукон. Дело в том, что строительные материалы цудахарцев (белый известняк и сосна) не позволяли по своим физическим свойствам (хрупкость, ломкость) так украсить дом (резьбой, например), как это могли делать кубачинцы или табасаранцы. Это не означает, конечно, что цудахарцы вообще отказались от украшения жилища. Напротив, они имеют в этом давние традиции.

Довольно широко распространено у них украшение формованным камнем. Стена из такого камня выглядит гораздо красивее, но она обходится намного дороже и поэтому доступна только состоятельным людям. Декоративность такой стены подтверждается тем, что она не крепче обыкновенной, а наоборот, больше подвержена разрушениям, особенно при малейшей недобросовестности или неумении мастера. Доказательством этому служит и тот факт, что иногда первый этаж возводят обычной кладкой, а второй — из формованного.

⁶⁵ Д. Бабаев. Указ. соч., стр. 143.

⁶⁶ А. Т. Васильев. Там же.

⁶⁷ А В-в (Васильев). Покорение Кавказа. «Русский вестник», 1890, т. 27, № 11, стр. 368.

Практикуется также отделка карниза дома формованным камнем, чаще по фасаду, но иногда и по всему дому. На одном из таких камней, большем по размерам, часто из привозного песчаника, выбивают имя хозяина дома и дату. Когда есть ворота, такой камень приделывают над воротами.

В некоторых аулах, например в Цудахаре, особое внимание уделяют красочному оформлению ворот. Проем ворот делают в виде красивой арки, заключенной в коробку из больших камней, и имеющей, таким образом, и конструктивный, и декоративный характер. Верх арки, боковые стороны и вообще все сооружение в целом украшается орнаментом (арабская вязь, растительный орнамент, пятиугольная звезда, серп и молот и др.).

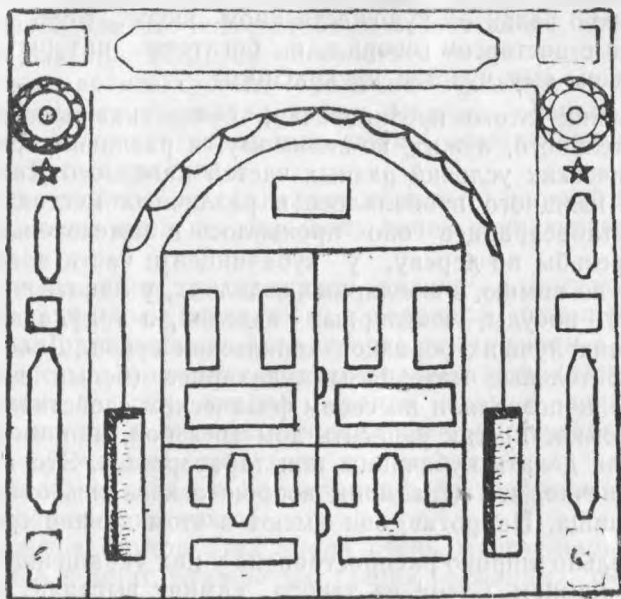
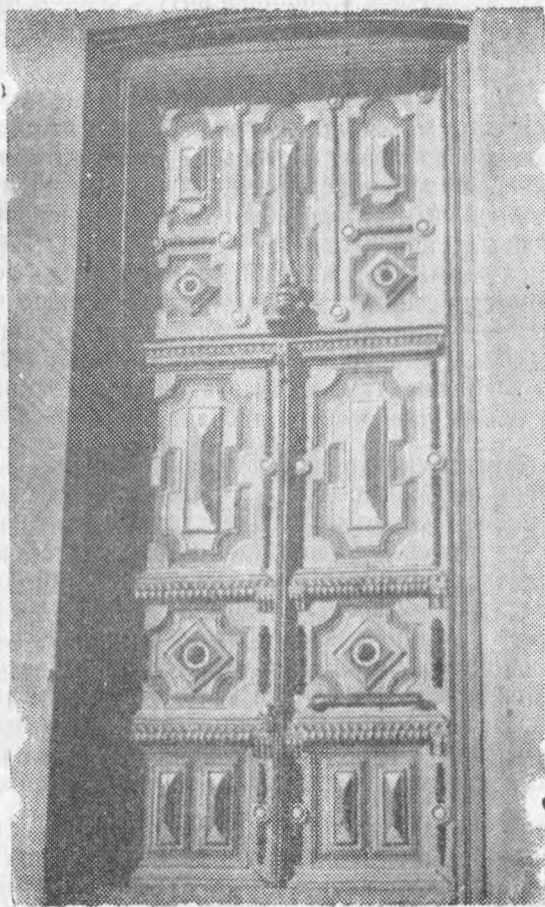

Рис. 6. Ворота дома в Цудахаре.

Такие ворота — это своеобразный паспорт дома: здесь и имя владельца, и дата строительства, и показатель благосостояния хозяина, его вкуса, взглядов, а также показатель мастерства строителя (рис. 6).

Развиты у цудахарцев и украшения из дерева. Но поскольку местное строительное дерево (сосна, ель) не подходит для резьбы, они ограничиваются фигурными украшениями из дерева. Так, например, консоли закрывают деревянным щитом, край которого бывает обработан в виде сплошного ряда

геометрических фигур, делают фигурные столбы, между которыми иногда делают нечто вроде символических капителей — обрамляющую их решетку из геометрических и растительных фигур. Балюстраду веранды также делают с фигурными балясинами. Часто украшают такими фигурами и двери (рис. 7).

Р и с. 7. Резные двери в Хаджалмахи.

Внутри дома у цудахарцев очень мало украшений; единственным украшением можно считать резной центральный столб с капителью, который делался из ценных пород дерева (дуб, орех, бук), если не целиком, то хотя бы в капители.

В последнее время усилилась роль красок, особенно масляных, которыми красят полы и стены. Потолок и верхнюю

часть стены разрисовывают красивыми узорами (потолок реже).

Следует отметить, что в советское время изменилась как тематика украшений цудахарского жилища, так и их форма: исчезают арабская вязь, арабские даты, вместо традиционных полумесяца со звездочкой появились круг с серпом и молотом или пятиугольной звездой, в красках стали преобладать светлые тона, гораздо большее внимание стали уделять внутреннему украшению жилища и т. д.

И все-таки система украшения жилища — это единственный из элементов жилища, который растерял в последнее время многие свои хорошие стороны, по сравнению, например, с XIX веком. Меньше стало резьбы по камню и дереву, совсем исчезли красивые центральные столбы; даже в фигурных украшениях сложный и красивый растительный орнамент сменился геометрическими фигурами. Если раньше часто украшали предмет приданием ему легких и изящных форм и резьбой на нем, то теперь больше употребляют геометрические фигуры и краски. Тенденция эта, насколько нам известно, является общей для всего Дагестана ⁶⁸.

Начало этому явлению положило проникновение в XIX веке в дагестанский аул городской капиталистической культуры, губительным образом воздействовавшей на местное прикладное искусство. В наше время это искусство уже не могло возродиться без соответствующих усилий со стороны общественности; кроме того, интенсификация основных отраслей хозяйства, питание города рабочей силой, увеличение числа обучающихся и другие причины создали известный недостаток рабочей силы на селе, а дело украшения домов, как известно, очень трудоемко. Некоторую роль сыграло и массовое строительство — при обилии вновь строящихся домов трудно было обеспечить традиционное украшение их.

Из сказанного следует, что у цудахарцев существуют определенные традиции украшения жилища. Основными элементами украшения следует считать — обработку камня, резьбу по дереву и камню, фигурные украшения из дерева и посредством краски, причем в последнее время замечается преобладание простых фигурных украшений и красок над резьбой и сложными фигурами, геометрического орнамента и фигур над растительным орнаментом.

⁶⁸ Ср. например, Г. Н. Любимова, С. О. Хан-Магомедов. Народная архитектура южного Дагестана, стр. 100.

Ни один из элементов цудахарского жилища не изменился в такой степени, как его интерьер, если даже взять для сравнения начало XX века.

Некоторые наблюдатели XIX века, не выдавшие, по-видимому, ничего, кроме паркетных полов Петербурга, находили дагестанское жилище неудобным и грязным. Достойный ответ таким наблюдателям содержится в оценке И. Пантюхова, хорошо знавшего Дагестан и однажды даже пробывшего некоторое время у цудахарцев. Он писал: «устройство и обстановка жилищ лезгин не так дурны, как описывают их разные путешественники» их «сакли содержатся несравненно чище, чем сакли не только хевсур, сванетов, осетин, но и закавказских татар, некоторых армян и грузин»⁶⁹.

В то же время и Пантюхов и многие другие наблюдатели указывали на почти полное отсутствие мебели в дагестанском жилище⁷⁰, хотя к концу века и произошли некоторые изменения в описанной нами обстановке. Теперь украшались уже две комнаты — крайние. В одной устраивалась тахта, недалеко от нее ставилась печь. Тахта застилалась паласами и ковром, также и стены вокруг нее. В одном углу комнаты ставили сундук и постели повседневного пользования. Все остальные вещи (ковры, паласы, постели, одежда, оружие, посуда) помещались в парадной комнате. Таким образом, « всю мебель комнат составляют лишь сундуки, ковры, разного рода перины и подушки »⁷¹. Правда, кое-какая мебель в цудахарских домах имелась, но только в зажиточных домах, ибо мебели местного производства не существовало, а привозная из центральной России⁷² стоила очень дорого.

Даже в советское время, до укрепления колхозов, в цудахарских домах было очень мало мебели. Ю. Вадковская указывает, что «у большинства населения в жилищах немного мебели», что «часто жилое помещение остается совсем пустым и только стены его украшаются» фарфоровыми тарелочками и медными тазами⁷³.

⁶⁹ И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233. Примерно то же говорят Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 346; А. А. Неверовский. Там же; Н. Глиноецкий. Указ. соч., «Военный сборник», 1862, № 3, стр. 86.

⁷⁰ Н. И. Кузнецов. В делях Дагестана. Известия РГО, т. 49, 1913, вып. I—III, стр. 79; И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, стр. 105, С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 448; В. Вильер де Лиль Адам. Две недели в Даргинском округе, ССКГ, т. 8, стр. 5, 11.

⁷¹ Н. Глиноецкий. Указ. соч. «Военный сборник», 1862, № 1, стр. 131.

⁷² Ср. Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 432.

⁷³ «Даргинцы», стр. 190.

Интересны приводимые ею цифры: столы были только в 18% обследованных жилищ, достаточное количество стульев — в 30%, кровати — в 28%⁷⁴.

Полевой материал этого года свидетельствует буквально о революции в убранстве цудахарского жилища. Правда, некоторые предметы старого убранства еще сохранили известное значение, но они не делают погоды. В семейной комнате сохранилась тахта (тагъ), на которой отдыхают, едят, спят. Но наряду с тахтой почти всегда имеется и стол, несущий как декоративные (на него ставят украшения), так и рабочие функции. Кроме стола, новым в этой комнате является кровать, бумажные обои, радиорепродуктор и пр.

В парадной комнате имеются одна—две кровати (лучшие), большой стол, стулья, комод, шифоньер, сундук. Пол и стены покрыты паласами и коврами. На сундуке лежит пирамида ковров, паласов и одеял. В шкафу и по стенам развешана парадная одежда. На комод — самовар, фарфор и фаянс, китайские термосы. Медная посуда из парадной комнаты вовсе исчезла (она чаще бывает теперь в хозяйственной комнате).

На стол ставят вазу или графин, радиоприемник и пр. Новые предметы обихода и убранства вытесняют традиционные. Раньше приданое невесты немисливо было без сундука, теперь его место занял шифоньер. Вместо обязательных паласов — кровать. Швейная машина, репродуктор, итальянские скатерти, китайские покрывала, этажерка, диван — все эти вещи прочно вошли в быт цудахарцев, а многие из них даже стали необходимостью. А медная и стеклянная посуда, громоздкие комоды, большие зеркала с фигурными навершиями, сундук, оружие и пр. вытеснены или вытесняются.

Но есть в новом интерьере цудахарского жилища маленький недостаток, являющийся скорее болезнью роста. Это — некоторая бессистемность в убранстве жилища.

Объясняется это тем, что вместе с традиционными предметами исчезли и старые традиции убранства, а новые еще не сложились, что ведет иногда к безвкусице и нарушению чувства изящного, которым так восхищался А. Васильев.

Таким образом, новые условия жизни коренным образом изменили внутреннее убранство цудахарского жилища.

Хозяйственные постройки

В процессе роста производительных сил у цудахарцев, как и у всех горцев, сложилась форма двухэтажного дома, первый этаж которого служил для хозяйственных надобностей.

⁷⁴ Там же, стр. 190, 191, 192.

Этот тип дома отмечен в XVII—XIX вв. всеми русскими наблюдателями, причем они правильно указывали и на основную причину сосредоточения хозяйственных помещений на первом этаже (теснота). Так, Ф. И. Гене, указывая, что «дома строят в два этажа», добавляет, что в «нижнем этаже обыкновенно содержат скот»⁷⁵. То же отмечает и Н. Дубровин⁷⁶, а Н. Глиноецкий добавляет к функциям нижнего этажа и «разного рода кладовые»⁷⁷. Об этом же говорит и большинство других наблюдателей⁷⁸.

Нижние помещения цудахарцев подразделялись на скотные (дерхъ) и складские (муруцI). Дерхъ — это и конюшня, и хлев, и овчарня — в зависимости от нужды. МуруцI (по-видимому от мура = сено + цули = зерно) возник как помещение для хранения сена, соломы, сухих листьев, зерна; со временем там стали хранить топливо, фрукты. Другие помещения нижнего этажа (если они существуют) не имеют специального названия и назначения, что подтверждает наше мнение о длительном господстве двухкамерного, двухэтажного типа жилых построек в истории цудахарского жилища. Они называются обычно «гу къали» (нижняя комната). «Гу къали» имеет широкий профиль — кладовая (для дров, инвентаря, хлеба, фруктов), кухня, комната.

Таким образом, хозяйственные помещения цудахарцев сосредоточиваются на первом этаже дома. Лишь во вторую половину XIX века стали появляться самостоятельные хозяйственные постройки, но их было очень мало и большинство хозяев по-прежнему обходилось для хозяйственных нужд нижним этажом и дворовым навесом.

В случае преобладания того или иного уклона в хозяйстве, может произойти перераспределение фондов хозяйственных помещений — хлев или сарай занимают дополнительные помещения, иногда заменяя друг друга. У цудахарцев чаще сарай вытеснял хлев или же с самого начала ему отводилось маленькое помещение, а для сарая — большое. Особенно участилось это явление после того, как цудахарцы стали по преимуществу садоводами. Так, например, в доме М. Дибиралиева (Хаджалмахи) три нижних помещения были распределены так: правое, самое большое, — под инвентарь, дрова и фураж, среднее — под овец и корову, левое — под фрукты и садовый инвентарь.

⁷⁵ Ф. И. Гене. Там же.

⁷⁶ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 535.

⁷⁷ Н. Глиноецкий. Указ. соч. «Военный сборник», 1862, № 1., стр. 130.

⁷⁸ См. А. Омаров. Указ. соч., стр. 8; Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 78. И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233; Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе. ССК, т. 1, 1871, стр. 300

В предвоенные и особенно послевоенные годы, в результате перемещения центра хозяйственной жизни из отдельных усадеб в колхоз, возникли новые общественные постройки, отличительными чертами которых являются: большие размеры, узкая специализация, удаленность от аула и приближение к месту производства продуктов. Так возникли склады под фрукты в садах, коровники на пастбищах и пр. Архитектура этих построек резко отличается от прежней. Хотя они тоже строятся из камня и привозного леса, но на этом сходство кончается. Они воздвигаются с учетом таких факторов, как свет, воздух, тепло и имеют большие светлые окна с вентиляционной системой, отопление, полы, ночное освещение, шиферное покрытие.

Этот процесс сокращения индивидуальных хозяйственных помещений⁷⁹ привел, как мы уже говорили, к распространению приподнятого дома, в котором функции хранения выполняет подвал, а скот содержится в небольшой пристройке.

Таким образом, происходит процесс сокращения индивидуальных хозяйственных построек, за счет которых растут общественные.

Техника и методы строительства

Техника строительства жилища у цудахарцев не отличается от таковой у других дагестанских народов. Прежде чем начать строить, хозяин запасается камнем и лесом. Затем договаривается с каменщиком. Вдвоем они намечают планировку будущего дома, его конфигурацию.

Когда каменщик начинает свою работу, хозяин заказывает мастеру-деревообделочнику оконные рамы, щит для карниза и пр.

Для возведения стены роют котлован под фундамент шириной до одного метра и такой же глубины. В фундамент закладывают камни, отобранные как по форме, так и по качеству.

При закладке фундамента в каждом углу дома раньше клали обычно по кусочку золота «для придания его качеств будущему дому».

Все подсобные строительные работы выполнялись семьей хозяина и его родственниками, и привлекать подсобных рабочих со стороны приходилось редко. Кроме того, любой проходящий мимо стройки человек, если только он не очень спешит,

⁷⁹ Кстати, отмеченный и у других народов. См., например, С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 87; Е. И. Студенецкая. Указ. соч., стр. 108.

обязательно остановится и поможет подсобнику заготовить запас (т. е. нанесет мастеру камни, приготовит раствор и пр.).

Во время строительства дома родственники хозяина приносят ему продукты питания, а по окончании строительства не только продукты питания, но и предметы домашнего обихода. Нетрудно видеть во всех этих обычаях пережитки родового строя, когда все дома строились сообща всем родом.

Пережитком тех времен следует считать, по-видимому, и обязательное кормление хозяином как мастера, так и подсобников в течение всего периода работы. Здесь мы встречаемся с тем видом взаимопомощи, который называется «билхъа». Это групповая помощь, оказываемая при необходимости производить большие работы сразу. Хозяин сам предупреждает о предстоящем «билхъа», приходят на него не только родичи, но и многие аульчане. Из всех видов «билхъа» выделяется рядом специфических черт и обрядностью «билхъа» по засыпке землей крыши. Он отличается торжественностью и праздничностью обстановки и собирает много народа, причем все приходят в лучших одеждах. Здесь играет музыка, а по окончании работы бывают общие танцы. К концу работы хозяин ставит угощение для участников «билхъа», многие родичи и друзья тоже приносят с собой в этот день разные угощения.

В этом «билхъа» можно видеть остаток праздничного обряда, совершаемого родом с окончанием строительства нового дома. Засыпка землей крыши была последней операцией в строительстве дома и поэтому она проводилась торжественно, празднично, с музыкой и танцами. Может быть, именно этот «билхъа» с танцами послужил началом для «билхъа» вообще. Ведь не случайно слова «билхъа», «булхъа» так схожи со словами делхъ, булхъиз (танец, танцевать).

«Билхъа», одна из хороших традиций народа, в настоящее время стала, собственно, одной из форм социалистической взаимопомощи, ибо помощь перестала быть родовой, тухумной, она стала помощью коллектива людей, связанных общностью социалистического хозяйства, одному из своих членов.

Вернемся к ходу строительства. После закладки фундамента начинается возведение стен, причем при возведении второго этажа замечается некоторое уменьшение толщины стен. В процессе кладки каменщик ставит и коробки окон и дверей. Укладка перекрытия крыши также производится им, так как при этом приходится разрушать и вновь строить стену. В строительстве потолка можно проследить существенные изменения по сравнению с XIX веком. Н. Дубровин отмечал, что «для образования потолка кладут во всю длину комнаты толстую четырехугольную балку, поддерживаемую одним или

тремя столбами», а потом над нею — тонкие бревна и между ними — поленья⁸⁰. Ныне совсем исчезает продольная балка, а вместе с нею и поддерживающие ее столбы, и потолок держится на средней толщины (20—30 см) бревнах, уложенных прямо в гнезда каменной стены. Поверх их выкладывают поленья (в последнее время часто тонкие доски), затем тонкий слой глины, потом землю (30—40 см толщиной). Отказ от большой продольной балки объясняется, по-видимому, наличием достаточно толстых бревен, могущих выдержать тяжесть крыши.

Плоская крыша нагорного Дагестана не так уж плоха, как иногда ее изображали. В условиях нагорного Дагестана с его сравнительно сухим климатом и максимумом осадков в летний период (в виде скоротечных ливней) плоская крыша, по справедливому замечанию И. Пантюхова, «достаточно хорошо защищает жилище как от дождей и снега, так и от холода зимою и жары летом»⁸¹.

С засыпкой крыши землей кончается работа каменщика и начинаются штукатурные и плотничьи работы. Первые, заключающиеся в обмазке глиной, производятся как профессионалами, так и без них. После второй обмазки хозяин зовет плотника и тот ставит двери, окна, перила, сбивает полы и потолки.

По окончании работы плотника делается окончательная обмазка. Новым в оштукатуривании является изменение составных частей применяемой массы (особый сорт глины, песок, цемент), в результате чего штукатурка получается гладкой и плотной, пригодной для нанесения на нее масляной краски.

После побелки (или же покраски) дом завершен строительством и можно вселяться в него.

Вселение в дом раньше отличалось большой торжественностью — его приурочивали к окончанию засыпки землей крыши, старший из рода совершал молитву о благополучии в новом доме, из старого дома или от родственников приносилась зола с жаром для первого огня. Теперь такие обряды не соблюдаются, тем не менее вселение в новый дом обставляется как праздник.

Стены второго этажа возводят из камня или самана, внутренние стены чаще из последнего (в Хаджалмахи и Цудахаре).

Если хозяин намерен строить крышу со стропилами, то он ставит их после засыпки крыши землей. Стропила делают из тонких бревен и горбылей. Крыши чаще делают четырехскатные, покрывают железом и шифером.

⁸⁰ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 535.

⁸¹ И. И. Пантюхов. Указ. соч., «Кавказ», 1901, № 233.

Таким образом, в технике и методах современного домостроительства цудахарцев фиксируются значительные изменения. Техника строительства в сочетании с новыми материалами сделала большой шаг вперед, результатом чего является увеличение крепости, удобства и красоты жилища; традиции взаимопомощи же изменились в своем содержании, отличаясь от методов как периода родового строя (только родовая помощь), так и периода его разложения (помощь, главным образом, сильнейшим и богатейшим представителям рода), своим социалистическим духом.

Черты сходства и различия с жилищем соседей

Нам уже приходилось выше говорить о том, что в домостроительстве отдельных народов и этнических групп Дагестана имеется много общих черт и нет принципиальных различий.

Все горцы имели, в основном, одну типологию жилища, одни исходные формы, сложившиеся на заре домостроительства и вызванные относительным единообразием природно-климатических и хозяйственно-экономических условий.

Теснота, многоэтажность, веранда, небольшая величина двора, укрепленность и многое другое — все это общие для домостроительства всех горцев Дагестана элементы.

Эта общность породила условия для нивелирования жилища дагестанских народов, создав возможность многочисленным наблюдателям и исследователям говорить только о дагестанском жилище вообще. Очень показательны в этом отношении слова П. Зубова, утверждавшего, что «во всем Дагестане постройка домов крайне однообразна»⁸².

И в последующем, говоря о жилище дагестанцев в сравнительном плане, почти все авторы брали только одну сторону — сходство и почти совсем не касались другой — различий. Большинство авторов говорило лишь о различиях, связанных «с экономическим положением домовладельца»⁸³ — постановка вопроса безусловно правильная, но однобокая.

Между тем различия есть, и немалые. Их можно рассматривать в двух направлениях: в историческом (различия, связанные с иноземным влиянием, изолированностью края, с разным уровнем развития общественно-экономических отношений и пр.) и зональном (между жилищами разных естественно-исторических зон).

⁸² П. Зубов. Указ. соч., стр. 245.

⁸³ Даргинцы, стр. 141; См. также Дубровин. Указ. соч., стр. 536; «Народы Дагестана», стр. 34, 167, 208.

Эти различия имеются в таких элементах жилища, как материалы строительства, усадьба (размеры и конструкция), украшение жилища (развитость, характер, приемы), планировка и конструкция жилища, система отопления, хозяйственные постройки и т. д.

Нами собран некоторый фактический материал, иллюстрирующий эти положения, но он пока совершенно недостаточен для того, чтобы с большей или меньшей полнотой осветить этот вопрос. Поэтому конкретное и всестороннее рассмотрение его лучше отложить до того времени, когда будет изучено жилище всех даргинцев.

* * *

Изучение жилища цудахарцев XIX—XX веков, проведенное на основании литературных источников и полевого материала, позволяет нам сделать некоторые выводы.

Особенности естественно-исторической зоны проживания цудахарцев наложили известный отпечаток на их жилище и поэтому оно может рассматриваться как одна из разновидностей даргинского жилища.

В XIX веке жилище цудахарцев было представлено почти всеми своими историческими типами от одноэтажного однокамерного до двухэтажного трехкамерного, что объясняется условиями сельского строительства в XIX веке (войны, разорения).

Для усадьбы характерны теснота, неразвитость усадебных построек, размещение их на первом этаже дома, почти полное отсутствие приусадебных участков.

Типология современного жилища сходна с типологией жилища других народов Дагестана и включает три типа: одноэтажное, двухэтажное и приподнятое строение.

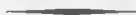
В современном жилище произошли огромные изменения, связанные с улучшением материального положения, состояния дорог, укреплением обменных связей, повышением культурного уровня населения и ростом его потребностей.

В орнаментировке и украшениях заметен некоторый упадок, вызванный в свое время проникновением городской капиталистической культуры и интенсификацией хозяйства.

Во внутреннем убранстве произошла целая революция. Многие старые предметы и традиции исчезли, а их место заняли предметы и традиции социалистического быта.

В технике, строительных материалах, методах строительства изменения произошли в меньшей степени, здесь крепче живут вековой опыт и традиции.

Жилище цудахарцев является одной из форм дагестанского горного жилища и имеет много общего с жилищем других дагестанских народов и этнических групп, отличаясь в то же время рядом особенностей.

АРХЕОЛОГИЯ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ И СКОТОВОДСТВЕ В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ¹.

Экономика доклассового общества Дагестана в целом и его горных районов в особенности все еще остается почти не исследованной. В значительной мере это объясняется слабой изученностью края в археологическом отношении, имевшей место до недавнего времени. Лишь в последние годы, благодаря значительному увеличению объема археологических исследований, были получены ценные материалы, позволяющие по-новому подойти к решению ряда важных вопросов древней и средневековой истории народов Дагестана и, в частности, к вопросу о хозяйственной деятельности древнего населения горных районов.

В настоящее время, как известно, население горного Дагестана наряду со скотоводством занимается также земледелием и садоводством, причем в экономике отдельных горных районов последние играют серьезную роль².

Судя по данным фольклора³ и этнографии⁴, земледелие было издавна известно горцам Дагестана. Оседло-земледель-

¹ Данная статья представляет собой расширенный текст доклада, прочитанного автором на заседании Кавказской археолого-этнографической секции Пленума ИИМК АН СССР в начале апреля 1959 г. См. СА, 1959, № 3, стр. 275.

² Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской С. С. Республики. Дагиз, 1926, стр. 77—91; К. Т. Енин. Зерновые культуры Дагестана. Сб. «Сельское хозяйство Дагестана», М.-Л., 1946, стр. 73; А. С. Покровская. Плодоводство Дагестана. Там же, стр. 121; Х.-М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959, стр. 33—47, 55—60.

³ А. Назаревич. Отобранное по крупницам. Махачкала, 1958, стр. 45—47; Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 57.

⁴ Г. Ф. Чурсин. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. «Изв. Кавк. историко-археологического ин-та», т. V, Тифлис, 1927, стр. 43—60.

ческий быт горцев нашел свое отражение также и в архитектуре современных жилищ⁵. Но наиболее ярко он проявился в так называемом террасовом земледелии, по интенсивности развития которого горный Дагестан значительно превосходит другие области Кавказа и обычно сопоставляется с некоторыми областями юго-восточной Азии и Южной Америки⁶.

Все это, характеризуя в некоторой степени глубокие исторические корни дагестанского земледелия, подтверждается также новыми археологическими материалами, о чем будет сказано ниже. Следует отметить, однако, что такого рода данные в литературе учитывались недостаточно, вследствие чего значение земледелия в хозяйстве горцев явно недооценено, а вопрос о его древности вообще не ставился.

В археологической литературе всеобщее признание получила схема, ставящая хозяйственное освоение горного Дагестана в зависимость от развития полукочевого скотоводства. По этой схеме, разработанной А. А. Миллером применительно к условиям Северного Кавказа, первоначальное использование богатых альпийских пастбищ—яйлагов—для выпаса мелкого рогатого скота преимущественно в летнее время постепенно привело к появлению в горах постоянного населения, хозяйство которого базировалось на овцеводстве⁷. По мнению А. П. Круглова, перенесшего данную схему на Дагестан, начало этого процесса восходит к эпохе бронзы⁸. Позднее предложенная им дата была по аналогии с Северным Кавказом удревлена до энеолитической эпохи⁹. Однако новые археологические материалы свидетельствуют о том, что хозяйственное освоение горного Дагестана шло совершенно иными путями. В известной мере это зависело и от естественно-географических условий горного Дагестана, значительно отличавшихся от соответствующих условий Северного Кавказа.

На Северном Кавказе, в частности, в Кабардино-Балкарии, на конкретном примере которой была разработана схема А. А. Миллера, наблюдается почти классически выраженная вертикальная зональность, обусловившая развитие специализированного по зонам хозяйства. Для горного Дагестана единая вертикально-зональная смена природных условий не ха-

⁵ Г. Я. Мовчан. Из архитектурного наследия аварского народа. СЭ, 1947, № 4, стр. 195—196.

⁶ Н. И. Вавилов. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. «Природа», 1936, № 2, стр. 80; М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 92.

⁷ А. А. Миллер. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1932 году. ПИМК, 1935, № 1—2, стр. 41—51.

⁸ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. (Тезисы диссертации). КС ИИМК, XIII, 1946, стр. 134. (Автореферат диссертации). М., 1953, стр. 15

⁹ Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана.

рактерна. В отличие от Северного Кавказа, он состоит из ряда обособленных геоморфологических областей, каждая из которых характеризуется своеобразием физико-географического строения и определенной вертикальной зональностью, что делает невозможным развитие здесь узко специализированных форм хозяйства.

Своеобразие геоморфологического строения Дагестана отразилось также и на его климате, отличающемся от климата более западных областей Кавказа чертами континентальности и большей сухостью¹⁰. Этим обусловлено значительное повышение всех зональных границ в горном Дагестане. В качестве примера укажем, что снеговая граница на восточном Кавказе проходит на 900—1200 м выше, чем на западном¹¹. В Дагестане она достигает высоты 3500—3700 м¹². Соответственно повышаются здесь верхние границы расположения поселений, произрастания культурных растений и пр. Самое высокогорное на Кавказе и в Европе селение Куруш находится в Дагестане¹³. Средняя высота произрастания высокогорных сортов пшеницы в Дагестане определяется в 1800 м над уровнем моря¹⁴, а граница произрастания высокогорных пленчатых ячменей поднимается еще выше. До сравнительно больших высот (1000—1500 м) поднимаются в горах Дагестана культурные плодовые растения¹⁵.

Даже беглое сравнение естественно-географических условий горного Дагестана и Северного Кавказа показывает, что они существенно различаются между собой. Эти различия, несомненно, должны были отразиться и на хозяйственной деятельности древних обитателей данных областей Кавказа. Если в условиях Северного Кавказа было возможно развитие специализированных по определенным вертикальным зонам отраслей хозяйства, то разнообразие природных условий разных геоморфологических областей горного Дагестана требовало развития различных отраслей сельского хозяйства¹⁶.

¹⁰ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской С. С. Республики, стр. 25—31; Н. А. Коростелев. Климат Дагестана. М.-Л., 1931, стр. 134; А. Ф. Викторов, В. А. Гиммельрейх, П. Л. Львов, И. Н. Микulich, М. М. Эльдаров. Дагестанская АССР, Махачкала, 1958, стр. 32—35.

¹¹ И. Шукин. Очерки геоморфологии Кавказа. Ч. 1, Большой Кавказ. «Тр. НИИ географии 1 МГУ». М., 1926, стр. 84.

¹² А. Ф. Викторов, В. А. Гиммельрейх и др. Указ. соч., стр. 31.

¹³ А. Ф. Викторов, В. А. Гиммельрейх и др. Указ. соч., стр. 31; Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 20.

¹⁴ К. Т. Енин. Указ. соч., стр. 87.

¹⁵ А. С. Покровская. Указ. соч., стр. 127—131.

¹⁶ Об этом подробнее см. С. В. Зонн. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. В сб. «Сельское хозяйство Дагестана». М.-Л., 1946, стр. 49—51, 60—62.

Естественно-географические условия горного Дагестана благоприятствовали не только развитию скотоводства, но также и развитию земледелия. Его сухой континентальный климат с достаточным количеством осадков в вегетационный период¹⁷ обеспечивал нормальное развитие и созревание растений. Горное земледелие не требовало искусственного орошения, осуществлять которое в условиях первобытно-общинного строя было крайне трудно. Несмотря на сильно пересеченный рельеф местности, в горном Дагестане было достаточно по тому времени удобных для возделывания естественно-выровненных площадей — плато и древних речных террас с плодородными горнолуговыми, черноземовидными и наносными аллювиальными почвами¹⁸. В целом, естественно-географические условия горного Дагестана обнаруживают близость с соответствующими условиями древнейших очагов земледельческой культуры в Закавказье и Передней Азии¹⁹.

В настоящее время мы располагаем многочисленными доказательствами того, что древние обитатели горного Дагестана в полной мере использовали представляемые окружающей средой возможности для занятий земледелием. Среди археологических материалов, добытых в горных районах за последние годы, часто попадаются земледельческие орудия: кремневые вкладыши от составных серпов, каменные наконечники мотыг, зернотерки. На древних поселениях горного Дагестана нередко встречаются обломки керамики с отпечатками соломы и зерен злаков, а иногда — специальные печи для выпечки хлеба.

Кроме материалов, непосредственно связанных с возделыванием земледельческих культур и обработкой продуктов земледелия, имеется немало и таких, которые косвенно помогают решению поставленного вопроса. Большой интерес представляют археологические данные, документирующие оседлость древнего населения горного Дагестана.

Как известно, длительная оседлость была возможна в древности лишь при условии существования земледельческого или рыболовецкого хозяйства. А так как в горах Дагестана совершенно отсутствовали возможности для развития рыболовства как основной отрасли хозяйства, то, очевидно, оседлый быт мог здесь возникнуть и развиваться только на

¹⁷ К. Гюль, С. Власова, И. Кисин, А. Тертеров. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959, стр. 110.

¹⁸ Б. Ф. Добрынин. География Дагестанской С. С. Республики, стр. 88—89; А. Ф. Викторова, В. А. Гиммельрейх и др. Указ. соч., стр. 74—76; А. С. Солдатов. Почвы горных пастбищ Гунибского и Лакского районов Дагестанской АССР. Тр. Отдела почвоведения Даг-филиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1956, стр. 30—78.

¹⁹ П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М. 1950, стр. 13, 23—24.

земледельческой или земледельческо-скотоводческой хозяйственной основе. Исходя из этого, мы привлекаем при рассмотрении данного вопроса археологические материалы, характеризующие оседлость древних горцев.

Недостаточная изученность археологических памятников горного Дагестана не дает возможности обстоятельно охарактеризовать древнее горное земледелие, определить степень его развития в ту или иную историческую эпоху, установить характер применявшихся систем земледелия, сорта возделывавшихся культур и т. д. Тем не менее, имеющиеся материалы убедительно документируют факт длительного существования и непрерывного развития земледелия в горах Дагестана и позволяют составить известное представление о времени его возникновения.

Изучение археологических материалов, связанных с земледелием, показывает, что его возникновение относится к глубокой древности. Судя по инвентарю выявленных за последние годы поздненеолитических стоянок в окрестностях сел. Ругуджа (Гунибский район), стоянок и кремневых мастерских той же эпохи вблизи сел. Усиша и сел. Гинта (Акушинский район)²⁰, в развитии кремневой индустрии горного Дагестана в эту эпоху произошли существенные изменения. Микролитовидный инвентарь, характерный для позднепалеолитических и мезолитических культур охотников и собирателей²¹ в позднем неолите уступил место изделиям, изготовленным из крупных ножевидных пластин и их сечений. Появляются также макролитические изделия. Столь резкая ломка многовековых традиций обработки кремня могла произойти только под влиянием серьезных причин и, в первую очередь, существенных, коренных изменений в хозяйственной жизни.

Известно, что под воздействием развивающегося земледелия кремневая индустрия в ряде южных областей (включая некоторые области Кавказа) претерпела в неолите значительные изменения, выразившиеся в замене микролитовидного кремневого инвентаря макролитовидным. В то же время в других областях, где не было благоприятных условий для развития первобытного земледелия, микролитические изделия продолжали бытовать у бродячих охотников вплоть до эпохи бронзы²². Очевидно, особенности развития кремневой индустрии горного Дагестана в неолите не являются случайными.

²⁰ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. МАД, т. II, Махачкала, 1961, стр. 19—23.

²¹ В. Г. Котович. Чохская стоянка—первый памятник каменного века в горном Дагестане. УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 135—156.

²² А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? СА, 1957, № 4, стр. 67, 71; его же. Микролитические памятники Азиатской части СССР. СА, 1959, № 2, стр. 56—57.

Они представляются вполне закономерным явлением, обусловленным потребностями зарождающегося земледелия.

Крупные ножевидные пластины, подобные найденным на дагестанских поздненеолитических памятниках, использовались древними земледельцами в качестве жатвенных ножей, предназначенных для уборки урожая, заготовки на зиму кормов для скота²³.

Еще более знаменательно появление каменных топоров в инвентаре этих памятников. Исключительно важная роль этого орудия в период возникновения земледелия и перехода к оседлости общеизвестна²⁴. С появлением топора стала возможной расчистка земельных участков под пашни, строительство долговременных жилищ и т. д. Тесловидные каменные топоры с подшлифованным лезвием, типа найденных на Буйнакской стоянке²⁵, могли использоваться и для рыхления земли. Для этой же цели, по-видимому, предназначались двусторонне-обработанные топоры-мотыги (орудия типа пик). Подобные орудия, широко известные по находкам на неолитических памятниках западного Кавказа²⁶, обнаружены и в горном Дагестане (кремневая мастерская в урочище Арачалла-бек близ сел. Усиша Акушинского района).²⁷

Совокупность рассмотренных археологических данных является, по нашему мнению, убедительным аргументом, подтверждающим глубокую древность дагестанского горного земледелия. Существование скотоводства в рассматриваемую эпоху документируется находками костей домашнего быка в культурном слое стоянки Малин-карат близ сел. Ругуджа Гунибского района. Основываясь на археологических материалах, можно с достаточным основанием утверждать, что в хозяйственной деятельности племен горного Дагестана в позднем неолите произошли серьезные изменения, выразившиеся в возникновении нового земледельческо-скотоводческого типа хозяйства и переходе к оседлости.

²³ С. А. Семенов. Жатвенные кремневые ножи из поздненеолитического поселения Лука Врублевская. СА, XI, 1949, стр. 151—154; С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука Врублевская на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 87—89; Д. ж. Г. Кларк. Донсторическая Европа. М., 1953, стр. 133—134.

²⁴ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры, стр. 70—71.

²⁵ В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев. Неолитическая стоянка близ города Буйнакск (Дагестан). КС ИИМК, 67, стр. 79—80, рис. 33.

²⁶ А. Л. Лукин. Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут. СА, XII, 1950, стр. 258—260; Н. З. Бердзенишвили (Киладзе). К истории первобытного земледелия в Грузии. «Тр. Ин-та истории АН Груз. ССР», II, Тбилиси, 1956, стр. 298.

²⁷ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, рис. 9, 5.

Последующая энеолитическая эпоха дает значительно больше материалов по рассматриваемому вопросу. Памятники этой эпохи до недавнего времени были известны только в узкой полосе приморского Дагестана²⁸. В последние годы энеолитические поселения обнаружены и в горных районах, — в окрестностях сел. Гапшима Акушинского района и сел. Мекеги Левашинского района. Культурный слой Гапшиминского поселения разрушен пахотой. Среди собранного здесь инвентаря, включающего ножевидные пластины, наконечники стрел и дротиков, топорики, скребки и другие орудия, найдены два кремневых вкладыша от составных серпов, прямо указывающих на занятия земледелием²⁹.

Более цельное представление об энеолите горного Дагестана дают материалы Мекегинского поселения. Оно расположено в непосредственной близости от границы горных и предгорных районов на высоте свыше 1000 м. Климатические условия этой местности сходны с климатом горных районов и довольно резко отличаются от более мягкого климата предгорий, что позволяет отнести Мекегинское поселение к кругу энеолитических памятников горного Дагестана. В 1959 г. здесь был заложен разведочный раскоп площадью около 50 м², в котором обнаружены остатки двух округлых в плане полуземляночных жилищ с обложенными камнем стенами. Культурный слой мощностью 1,0—1,2 м обильно насыщен золой, костями крупного и мелкого рогатого скота, многочисленными обломками керамики, каменными и костяными поделками. По отмеченным признакам он близко напоминает культурные слои энеолитических поселений приморского Дагестана. Материальная культура Мекегинского поселения также во многом тождественна культуре энеолитических поселений приморского Дагестана и отличается от последней лишь некоторыми деталями, что свидетельствует либо о ее локальном своеобразии, либо о несколько более древнем возрасте данного памятника.

Земледельческая направленность хозяйства документируется здесь находками зернотерок, вкладышей от составных серпов. На венчике одного крупного сосуда сохранились отпечатки зерен голозерного ячменя. В одном из жилищ обнаружены остатки своеобразной печи, во многом сходной с широко распространенной в быту современных горцев печью типа «кари» (даргинское название). В полу второго жилища найдена печь, представлявшая собой небольшую округлую ямку с заглажен-

²⁸ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 20—30; В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана. МАД, т. 1, Махачкала, 1959, стр. 121—135.

²⁹ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, рис. 12, 11.

ными стенками и бортиком. Печи этого типа, вероятно, являются разновидностями тондыров. Они также находят себе параллели в современности. По-даргински такая печь называется «тарум». Тарумы предназначены для выпечки лепешек, тогда как кари служат для сушки и поджаривания зерна и выпечки крупных хлебов-чуреков.

Весь комплекс находок, связанных с земледелием, ярко характеризует достаточно высокий для данной эпохи уровень его развития, документирует его первостепенную роль в хозяйственной деятельности древних горцев.

Другой важной отраслью хозяйства древних обитателей Мекегинского поселения являлось скотоводство. Судя по многочисленным находкам костей животных, стадо состояло в основном из крупного и мелкого рогатого скота.

Материалы Мекегинского поселения не оставляют сомнений в существовании здесь оседлого быта, экономическую основу которого составляли земледелие и скотоводство. Наличие достаточно развитого земледельческо-скотоводческого хозяйства у горцев Дагестана в энеолите еще раз подтверждает правомерность высказанного выше положения о том, что возникновение его относится к предшествующей неолитической эпохе.

Дальнейшее развитие оседло-земледельческого хозяйства в горных районах в эпоху бронзы освещается многочисленными материалами, накопленными главным образом за последние годы. Кроме ранее известного Андийского поселения (Ботлихский район)³⁰, аналогичные памятники обнаружены в Акушинском, Ахвахском, Гунибском, Кулинском, Унцукульском, Чародинском и некоторых других районах горного Дагестана. Здесь были найдены также могильники эпохи ранней и средней бронзы, более древние, чем ранее известные могильники каякентско-хорочоевской культуры.

Большое количество поселений, указывая на относительно густую заселенность горных районов в эпоху бронзы, свидетельствует об оседлом образе жизни древних горцев. Найденные на многих из них кремневые вкладыши от составных серпов и зернотерки доказывают существование земледельческого хозяйства. Но наиболее яркие, неопровержимые доказательства этому дают материалы раскопок.

На многослойном Верхнегунибском поселении (Гунибский район) обнаружены остатки монументальных зданий, возведение которых на чрезвычайно крутом склоне, помимо больших затрат труда, предполагает также значительный опыт и высокое мастерство строителей³¹. О развитии своеобразной

³⁰ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 24.

³¹ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. Предварительное сообщение МАД, т. II, Махачкала. 1961, стр. 108.

архитектуры и строительной техники свидетельствуют остатки каменных жилищ на Ирганайском (Унцукульский район)³² и Усишинском (Акушинский район)³³ поселениях, конструктивно сложные погребальные сооружения Гонобского могильника (Кахибский район)³⁴, массивные каменные склепы на Ирганайском³⁵ и Чохском³⁶ могильниках. Широкое распространение в горном Дагестане высокой для своего времени строительной техники является существенным показателем длительной оседлости местных племен в эпоху бронзы.

Хозяйственную деятельность горцев в рассматриваемую эпоху характеризуют многочисленные, весьма выразительные материалы. В культурных напластованиях Верхнегунибского поселения, мощностью в 2—2,5 м, земледельческие орудия труда (каменные наконечники мотыги, кремневые вкладыши от составных серпов, зернотерки) по количеству составляют вторую после керамики группу находок. Здесь обнаружены также печи для сушки и поджаривания зерна и выпечки хлеба типа упоминавшихся кари (по-аварски—«кор»), обломки керамики с отпечатками соломы и зерен злаков и обугленные зерна. Количество связанных с земледелием находок возрастает от нижних, более древних слоев, к верхним, более поздним. Этот факт, очевидно, отражает процесс непрерывного развития земледелия на протяжении всей эпохи бронзы³⁷.

Аналогичную картину развитого оседло-земледельческого быта рисуют материалы Ирганайского, Усишинского и других поселений в горных районах, верхнего и нижнего Сигитминских³⁸ и Чиркеевского³⁹ поселений в предгорьях. (Нижнее Сигитминское поселение относится к переходному периоду от поздней бронзы к раннему железу). Некоторые данные по рассматриваемому вопросу можно почерпнуть и в материалах могильников. В качестве примера укажем на находку крем-

³² М. П. Погребова. Памятники эпохи бронзы Унцукульского района Дагестанской АССР. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана, Махачкала, 1959, стр. 21.

³³ Обнаружено и обследовано 1-м горным отрядом ДАЭ в 1959 году.

³⁴ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 25—36.

³⁵ М. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 20—21.

³⁶ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане. КС ИИМК, 71, 1958, стр. 43—47.

³⁷ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 107.

³⁸ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 году. УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 158—159; К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке. Тезисы докладов на научной сессии ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана, Махачкала, 1959, стр. 25—28.

³⁹ К. А. Бредэ. Указ. соч., стр. 23.

невого вкладыша от составного серпа в погребении эпохи поздней бронзы близ сел. Хуна Лакского района ⁴⁰.

В целом, имеющиеся материалы позволяют утверждать, что племена, населявшие горный Дагестан в эпоху бронзы, вели не кочевой или полукочевой, а оседлый образ жизни, хозяйственную основу которого составляли земледелие и скотоводство, причем земледелие было более развитым по сравнению с энеолитической эпохой. Вопрос о развитии скотоводства в эпоху бронзы рассматривается особо.

Для последующих эпох—раннего железа и средневековья.—из-за слабой изученности поселений этого времени, мы располагаем меньшим количеством материалов по разбираемому вопросу. Но и они указывают на непрекращающееся развитие оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Находки костей крупного и мелкого рогатого скота лошадей и свиньи в Хабадинском могильнике (близ сел. Ругуджа Гунибского района) документируют оседлый быт населения горного Дагестана в скифский и албано-сарматский периоды, а найденный здесь железный серп указывает на занятия земледелием ⁴¹. На поселениях албано-сарматской эпохи в окрестностях сел. Кутиша и сел. Нижнее Чугли (Левашинский район) найдены вкладыши от молотильных досок. Прилегающие к поселениям склоны гор покрыты небольшими, давно заброшенными земледельческими террасами. Это наводит на мысль о возможности существования террасового земледелия уже в эпоху раннего железа.

Широкое распространение террасового земледелия произошло, очевидно, в средневековую эпоху. Окрестности большинства известных нам средневековых поселений, датируемых по керамике второй половиной I-го—первыми веками II-го тысячелетий н. э., как правило, террасированы. Террасы находятся обычно в труднодоступных местах, где горцы предпочитали основывать свои поселения в богатую бурными событиями средневековую эпоху. Иногда площади заброшенных террас (например, в окрестностях сел. Хаджалмахи, Левашинского района) даже превосходят площади возделываемых ныне земель, иногда их меньше, но они встречаются во всех горных районах и повсюду территориально связаны с остатками средневековых поселений.

Археологические материалы дают известное представление и о тех существенных изменениях, которые произошли к эпохе средневековья в земледельческой технике. В Галлинском могильнике (Хунзахский район), в комплексе V—VII вв. н. э.,

⁴⁰ Хранится в Дагестанском краеведческом музее. Инв. № 15620.

⁴¹ М. И. Пиккуль. Хабадинский могильник. МАД, т. II Махачкала, 1961, стр. 158, табл. VIII, 8.

найденое уникальное металлическое зеркало, на тыльной стороне которого изображена сцена пахоты двумя запряжками быков⁴². Эта находка замечательна тем, что свидетельствует об использовании сохи или плуга и тягловой силы животных при пахоте и документирует факт существования в раннем средневековье пашенного земледелия, заменившего собой первобытное земледелие. По нашему мнению, в ней также отражен наиболее важный обряд своеобразного дагестанского земледельческого праздника «выхода плуга»—обрядовая запашка поля. Роль запряжки быков в этом обряде весьма велика. Она запечатлена, в частности, в аварском названии праздника «оц-бай», означающем «запрячь быков»⁴³. Изображенная на галлинском зеркале сцена свидетельствует о том, что праздник «выхода плуга» был известен горцам в раннем средневековье. А если это так, то возникновение пашенного земледелия и связанного с ним земледельческого праздника уходит в еще более глубокую древность. В соседних районах Закавказья появление сохи и, следовательно, пашенного земледелия предположительно относится к эпохе бронзы⁴⁴. Не исключено, что тогда же или несколько позднее пашенное земледелие распространилось и в горном Дагестане, население которого искони поддерживало связи с Закавказьем.

Некоторые данные о горном земледелии в средневековую эпоху содержатся в письменных источниках. Арабский историк Беладзори приводит сведения о размерах дани, выплачиваемой дагестанцами арабам в VIII в. н. э.: Серир (Авария)—100 тысяч мер зерна, Зирихгеран (Кубачи)—10 тысяч мер, Хамзин (Кайтаг)—30 тысяч мер, Туман (Кумух)—20 тысяч мер⁴⁵. Внушительные, хотя, быть может, и преувеличенные размеры дани, а также сам факт, что она приносилась зерном, подтверждают вытекающий из анализа археологических материалов вывод о довольно высоком уровне развития земледелия в средневековом Дагестане.

Рассмотренные материалы освещают в общих чертах факт существования и развития земледельческого хозяйства в горном Дагестане. Перейдем к вопросу о путях развития другой столь же важной отрасли хозяйства древних горцев, а именно—скотоводства.

⁴² В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, рис. 28, 3.

⁴³ Г. Ф. Чурсин. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. стр. 44—46.

⁴⁴ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 71; Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, стр. 33—347.

⁴⁵ Беладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 18—19; «Очерки истории Дагестана», т. I, Махачкала, 1957, стр. 42.

В археологической литературе установлено представление, что в Дагестане скотоводство развивалось в сторону увеличения поголовья мелкого рогатого скота. В эпоху поздней бронзы оно приняло полукошевую форму, при которой ведущая роль перешла к овцеводству. В доказательство обычно приводятся материалы Каякентского и Джемикентского поселений и могильников каякентско-хорочоевской культуры⁴⁶. Что же представляют собой эти материалы?

Остеологические материалы из небольших разведочных раскопок этих поселений крайне немногочисленны⁴⁷. Помимо того, они целиком относятся к приморскому Дагестану и могут характеризовать состояние скотоводства только в данном районе. Поэтому перенесение основанной на них схемы на весь Дагестан, отличающийся значительным разнообразием природных условий, вряд ли будет правильным, особенно если учесть, что и количества этих материалов явно недостаточно для обоснования столь ответственных выводов.

К остеологическим материалам из могильников надо относиться с большой осторожностью. Известно, что выбор того или иного животного для принесения его в жертву определялся не столько его значением в хозяйстве, сколько, и главным образом, требованиями культов и ритуалов. Например, в Хорочоевском могильнике в качестве заупокойной пищи чаще всего помещали в могилы мясо мелкого рогатого скота⁴⁸. Однако делать на этом основании вывод о преобладании овцеводства и, тем более, о господстве полукошевого скотоводства вряд ли будет правильным, особенно если учесть, что в том же могильнике найдены кости теленка и домашней свиньи⁴⁹, а разведение свиней, очевидно, возможно только в условиях оседлого, но не полукошевого скотоводства. Разумеется, одного этого факта недостаточно, чтобы говорить об оседлом характере скотоводства в эпоху бронзы, но он заставляет усомниться и в правильности вывода о его полукошевом характере. На этом примере можно убедиться, что при рассмотрении данного вопроса остеологические материалы из могильников могут быть привлечены лишь в качестве дополнительных, подтверждающих, но не главных, обосновывающих данных.

В настоящее время мы располагаем несравненно большим количеством остеологических материалов, полученных, главным образом, при раскопках больших площадей на бытовых

⁴⁶ Р. М. Мунчаев. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана, стр. 14.

⁴⁷ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н. э., стр. 20, 25, 32, 36.

⁴⁸ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 57—58.

⁴⁹ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 57—58, 78—79.

памятников эпохи бронзы в горных и предгорных районах Дагестана⁵⁰. В совокупности с ранее известными материалами они позволяют охарактеризовать особенности развития скотоводства в Дагестане в эпоху бронзы.

Для приморских районов мы располагаем уже упоминавшимися материалами Каякентского и Джемикентского поселений. Среди костей домашних животных, обнаруженных в шурфе на Каякентском поселении, 28,6% принадлежит крупному рогатому скоту, а 71,4%—мелкому. Костные остатки из разведочного раскопа на Джемикентском поселении определены следующим образом: крупного рогатого скота—20%, мелкого—80%⁵¹.

Скотоводство предгорных районов характеризуется материалами верхнего и нижнего Сигитминских поселений (Кизилюртовский район). На верхнем двуслойном Сигитминском поселении, вскрытом на площади более 400 м², обнаружены кости домашних (63,8%) и диких (36,2%) животных (данные по количеству особей). В нижнем слое (нач. II тыс. до н. э.) кости крупного рогатого скота составляют 28,3%, мелкого—71,7%. Аналогичная картина наблюдается и в верхнем слое (рубеж II—I тыс. до н. э.): костей крупного рогатого скота—28,5%, мелкого—71,5%⁵². На нижнем Сигитминском поселении (переходный период от поздней бронзы к раннему железу), вскрытом на площади более 1200 м², также обнаружены кости домашних (75,3%) и диких (24,7%) животных. Более половины костей домашних животных (59,2%) принадлежит крупному рогатому скоту, а 40,8%—мелкому⁵³.

О развитии горного скотоводства в эпоху бронзы дают представление материалы четырехслойного Верхнегунибского поселения, исследованного в 1958 году на площади около 200 м². Здесь также обнаружены кости домашних (около 90%) и диких (около 10%) животных. Кости крупного и мелкого рогатого скота распределяются послойно следующим образом (данные по количеству особей): 4 слой (эпоха ранней бронзы)—25,3% крупного рогатого скота, 74,7% мелкого; 3 слой (эпоха ранней бронзы)—34,9% крупного рогатого скота, 65,1% мелкого; 2 слой (эпоха средней бронзы)—34,5% крупного рогатого скота, 65,5% мелкого; 1 слой (эпоха

⁵⁰ Определения и анализ фаунистических остатков из раскопок 1953—1958 гг. произведены доцентом Дагсельхозинститута К. Н. Золотовым. См. его статью «Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности». МАД, т. II, Махачкала, 1961.

⁵¹ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 25, 36.

⁵² К. Н. Золотов. Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности.

⁵³ К. А. Бредэ. Новые поселения на Сулаке, стр. 25—27.

поздней бронзы) — 38,3% крупного рогатого скота, 61,7% мелкого⁵⁴.

Сравнение приведенных данных показывает, что только в приморском Дагестане имело место некоторое уменьшение поголовья крупного рогатого скота. Что же касается скотоводства горных и предгорных районов, то в его развитии отчетливо прослеживается тенденция к увеличению поголовья крупного рогатого скота, а не мелкого, как это было принято считать.

Значение крупного рогатого скота в хозяйстве древних горцев вырисовывается еще более выпукло, если сравнить соотношение его поголовья с поголовьем мелкого рогатого скота. В результате изучения остеологических материалов из вышеупомянутых памятников установлено, что в эпоху бронзы на 1 голову крупного рогатого скота в среднем приходилось от 1,6 до 2,5 голов мелкого рогатого скота.

Чтобы конкретнее представить, о чем говорят эти соотношения, сравним их с данными, характеризующими скотоводство, полукочевой характер и овцеводческая направленность которого не вызывает сомнений. Рассмотрим статистические материалы, характеризующие состояние дагестанского скотоводства на рубеже XIX—XX вв. В 1891 г. общее поголовье крупного и мелкого рогатого скота (без буйволов) в Дагестане составляло 1 946 302 гол., из которых 291 359 гол. (14,97%) приходилось на крупный рогатый скот, а 1 654 943 гол. (85,03%) — на мелкий. В 1902 г., общее поголовье достигало 1 977 086 гол., из них 289 359 гол. (14,64%) крупного рогатого скота и 1 687 727 гол. (85,36%) мелкого. В 1910 г. общее поголовье насчитывало 21 919 648 гол., в том числе 323 338 гол. (1,475%) крупного рогатого скота и 1 868 310 гол. (85,25%) мелкого⁵⁵. Таким образом, в эти годы в Дагестане на 1 голову крупного рогатого скота приходилось 5,7—5,8 голов мелкого. Что же касается отдельно горного Дагестана, то удельный вес мелкого рогатого скота в стаде был здесь еще более значительным.

Мясная продуктивность 1 головы крупного рогатого скота соответствует продуктивности примерно 4 голов мелкого, по молочной продуктивности крупный рогатый скот стоит еще выше. Поэтому, если соотношение 1 : 4 свидетельствует о примерно одинаковой хозяйственной значимости крупного и мелкого рогатого скота, а соотношение 1 : 5,7 говорит о преобладании овцеводства, то соотношения 1 : 1,6 и 1 : 2,5 указывают на преобладание крупного рогатого скота. Сопоставляя при-

⁵⁴ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, стр. 108, таблица.

⁵⁵ Статистические данные взяты из работы Х.-М. Хашаева «Занятия населения Дагестана в XIX веке», стр. 53. (Пересчет наш В. К.).

веденные данные, не трудно убедиться, что в эпоху бронзы на 1 голову крупного рогатого скота приходилось мелкого в 2—3 раза меньше, чем это могло быть, если бы ведущая роль в скотоводстве принадлежала овцеводству. Следовательно, в дагестанском скотоводстве эпохи бронзы разведение крупного рогатого скота преобладало над овцеводством, а это значит, что оно было оседлым, а не полукочевым.

Оседлый характер скотоводства подтверждается и рядом других материалов, в частности находками костей домашней свиньи в трех слоях (1, 2 и 3) Верхнегунибского поселения. Среди остеологических материалов Мекегинского, Ирганайского и Усишинского поселений, Гोनобского могильника и других памятников эпохи меди и бронзы в сравнительно большом количестве встречены кости крупного рогатого скота. В Гонобском могильнике, кроме того, зафиксирован случай употребления в качестве топлива кизяка, что возможно только в условиях длительной оседлости. Очевидно и находки костей домашней свиньи в Хорчоевском могильнике также указывают на оседлый характер скотоводства.

Для эпохи раннего железа мы пока не располагаем необходимыми данными по рассматриваемому вопросу. Материалы Хабединского могильника позволяют предполагать, что скотоводство и в эту эпоху развивалось в основном в том же направлении. Однако окончательное решение этого вопроса станет возможным лишь после проведения раскопок на поселениях этого времени.

В настоящий момент для нас было важно установить пути развития дагестанского скотоводства в эпоху бронзы, поскольку именно на эту эпоху приходится расцвет данной отрасли хозяйства, повлекший за собой первое крупное общественное разделение труда,—выделение скотоводческих племен⁵⁶.

Развиваясь в различных областях по-разному, скотоводство достигло особенно крупных успехов в богатых пастбищами степных областях, где оно приняло кочевой характер. В других местах переходили либо к стойловому содержанию животных, либо к полукочевому скотоводству⁵⁷. В Закавказье и на Северном Кавказе, в частности, развивалось полукочевое

⁵⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1949, стр. 292; «Очерки истории СССР». Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР, М., 1956, стр. 125.

⁵⁷ «Очерки истории СССР». Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР, стр. 125—126.

скотоводство, при котором сохранились оседлые поселения и осуществлялись сезонные перекочевки отар мелкого рогатого скота на значительные расстояния⁵⁸. В Дагестане же, как мы видели выше, скотоводство приняло оседлый характер. Очевидно, выбор того или иного пути развития данной отрасли хозяйства диктовался конкретными условиями определенной области.

Прежде чем перейти к рассмотрению причин, определивших своеобразный путь развития скотоводства в Дагестане, охарактеризуем вкратце некоторые особенности полукочевой формы скотоводства. В настоящее время существуют две его разновидности, а именно: отгонное и яйлажное скотоводство. Отгонным скотоводством занимаются жители горных районов, использующие в зимнее время пастбища на плоскости, яйлажным—жители предгорных и плоскостных районов, выгоняющие летом скот на высокогорные пастбища. Обе эти разновидности обусловлены недостатком пастбищ и по-существу различаются лишь тем, где живут владельцы скота. Существенно, что в обоих случаях скот сопровождается и охраняется в пути и на пастбищах небольшой группой чабанов, тогда как основная масса владельцев скота круглый год находится на поселениях. Следовательно, обе разновидности полукочевое скотоводства предполагают гарантированную безопасность перегонов и выпаса отар скота на протяжении долгого времени. Данная особенность, очевидно, в той же степени должна быть присуща и полукочевому скотоводству эпохи бронзы. Иначе для обеспечения безопасности скота в период его длительных перекочевок и выпаса на удаленных пастбищах потребовались бы усилия всех или почти всех членов племени, что в конечном счете должно было закончиться переходом к кочевому образу жизни.

Рассматривая конкретные условия Дагестана в эпоху бронзы, необходимо подчеркнуть, что его территория в это время была относительно густо заселена оседлыми племенами. Каждое из них, развивая земледельческо-скотоводческое хозяйство, стремилось максимально использовать пригодные для этой цели земли в окрестностях поселений. Поэтому для посторонних племен вряд ли имелась реальная возможность беспрепятственно осуществлять перегоны или, тем более, выпас скота на этих землях.

Трудно предположить, что вопросы о сезонных перекочевках скота и использовании пастбищ регулировались на договорных началах. В Дагестане, как и повсеместно на Кавказе в эту эпоху, отношения между племенами далеко не всегда но-

⁵⁸ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955, стр. 6; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 83.

сили мирный характер. Судя по топографии дагестанских поселений эпохи бронзы, обычно расположенных в труднодоступных, естественноукрепленных местах, иногда дополнительно защищенных оборонительными стенами, угроза нападений со стороны воинственных соседей была весьма реальной. Усиление межплеменных столкновений вызывалось ростом скотоводства, ибо скот в эту эпоху был основным богатством племен и основным объектом нападений и грабежа. Поэтому невозможно представить, что в горном Дагестане имела возможность осуществлять ежегодные сезонные перегоны отар скота в условиях бездорожья, по сильно пересеченной горной местности, с постоянным риском подвергнуться внезапному нападению. Скорее указанные обстоятельства исключали возможность развития здесь полукочевого скотоводства.

В заключение остановимся на вопросе о кормовой базе дагестанского скотоводства в древности, тем более, что именно нехваткой кормов в ряде случаев был вызван переход к полукочевой форме скотоводства⁵⁹. В плоскостных районах Дагестана преобладала степная и пустынная растительность с лесами и лугами по низовьям многочисленных рек, в предгорьях—буково-грабовые леса со степной и лесо-степной растительностью, вершины гор были покрыты богатой альпийской, субальпийской и горно-степной растительностью, под ними располагались сосновые и лиственные леса. еще ниже — древесные и кустарниковые заросли—все это с лесо-луговой и горно-степной растительностью⁶⁰. Эти ресурсы, судя по археологическим данным, в основном удовлетворяли круглогодичную потребность скота в кормах, во всех зонах, особенно в горах, где в летнее время эксплуатировались богатые высокогорные пастбища, а зимой—специально оставляемая для этой цели растительность на южных склонах гор. Кроме того, зимними кормами для скота, главным образом крупного, служили запасы сена, листья и ветви деревьев⁶¹. Разумеется, все это отрицательно сказывалось на состоянии лесов и со временем привело к обезлесиванию горного Дагестана, к обнажению и последующему разрушению почвенного покрова на южных склонах⁶² и, в конечном счете, к сокращению кормовой базы. Несмотря на это, и в прошлом веке, и в настоящее время, когда дагестанское скотоводство продвинулось в своем развитии неизмеримо дальше, горные районы обеспечивают

⁵⁹ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, стр. 6; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 83.

⁶⁰ Е. В. Шифферс. Природная кормовая растительность горного Дагестана. В сб. «Сельское хозяйство Дагестана», М.-Л., 1946, стр. 183, 187—208.

⁶¹ Д. ж. Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 126.

⁶² Е. В. Шифферс. Указ. соч., стр. 183.

кормами в летнее время многотысячное поголовье мелкого рогатого скота со всего Дагестана, и в продолжение года—все поголовье крупного и часть мелкого рогатого скота, лошадей и других животных, принадлежащих жителям горных районов⁶³. Очевидно, в эпоху бронзы, когда поголовье скота в хозяйстве древних горцев было значительно меньшим, имевшаяся в их распоряжении кормовая база обеспечивала практически неограниченные возможности для развития оседлого скотоводства. Следовательно, недостача кормов, как одна из главных побудительных причин перехода к полукочевому скотоводству, не была характерна для горного Дагестана. Все эти обстоятельства, наряду с земледельческими занятиями населения, определили оседлый характер древнего дагестанского скотоводства.

Подведем некоторые итоги.

Человеческая деятельность в горном Дагестане началась еще в каменном веке и протекала в условиях существования присваивающего охотничье-собирающего хозяйства, что вполне отвечало уровню развития производительных сил общества в палеолите и мезолите.

Переход местных племен к производящему земледельческо-скотоводческому хозяйству не является следствием заимствования его у энеолитических пришельцев из Куро-Аракского междуречья, как можно было предполагать. Возникновение производящего хозяйства в горном Дагестане, вероятно, было обусловлено общим для всего Кавказа подъемом производительных сил в неолите, вызвавшим в ряде областей переход к оседлому образу жизни, основанному на земледелии и скотоводстве⁶⁴. Дальнейший рост производительных сил определял непрерывное развитие обеих основных отраслей хозяйства в энеолитическую эпоху и эпоху бронзы.

Глубокая неолитическая древность земледелия в горном Дагестане позволяет поставить его в один ряд с древнейшими очагами земледельческой культуры на территории нашей страны, такими, как Закавказье, Крым и Средняя Азия. Признанию этого отнюдь не противоречит тот факт, что в последующем горцам Дагестана не хватало собственного хлеба, и они были вынуждены прикупать его на стороне⁶⁵. Известно, что

⁶³ Х.-М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX веке, стр. 48—51.

⁶⁴ А. Я. Брюсов. Археологические данные об экономике доклассового общества. СА, XXV, 1956, стр. 40—48—49; Н. З. Бердзенишвили (Киладзе). История первобытного земледелия в Грузии, стр. 298—299; А. П. Окладников. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР. СА, 1957, № 4, стр. 21.

⁶⁵ Х.-М. Хашаев. Указ. соч., стр. 57—58.

многие районы древнего земледелия с течением времени утратили свое значение в зерновом производстве ⁶⁶.

Столь же глубокую древность имеет дагестанское скотоводство, которое в процессе своего развития приняло оседлую, а не полукочевую форму. Сходными путями развивалось в бронзовом веке скотоводство и у срубных племен лесостепной полосы ⁶⁷ и даже у населявших степи Казахстана андроновских племен ⁶⁸, где оно приняло оседлую придомную форму.

Что же касается ныне существующей в Дагестане полукочевой формы скотоводства, то возникновение ее относится к значительно более позднему, чем эпоха бронзы, периоду, вероятнее всего, к позднему средневековью.

⁶⁶ М. М. Якубцинер. К истории культуры пшеницы в СССР. В сб. «Материалы по истории земледелия в СССР», вып. II, М.-Л., 1956, стр. 17.

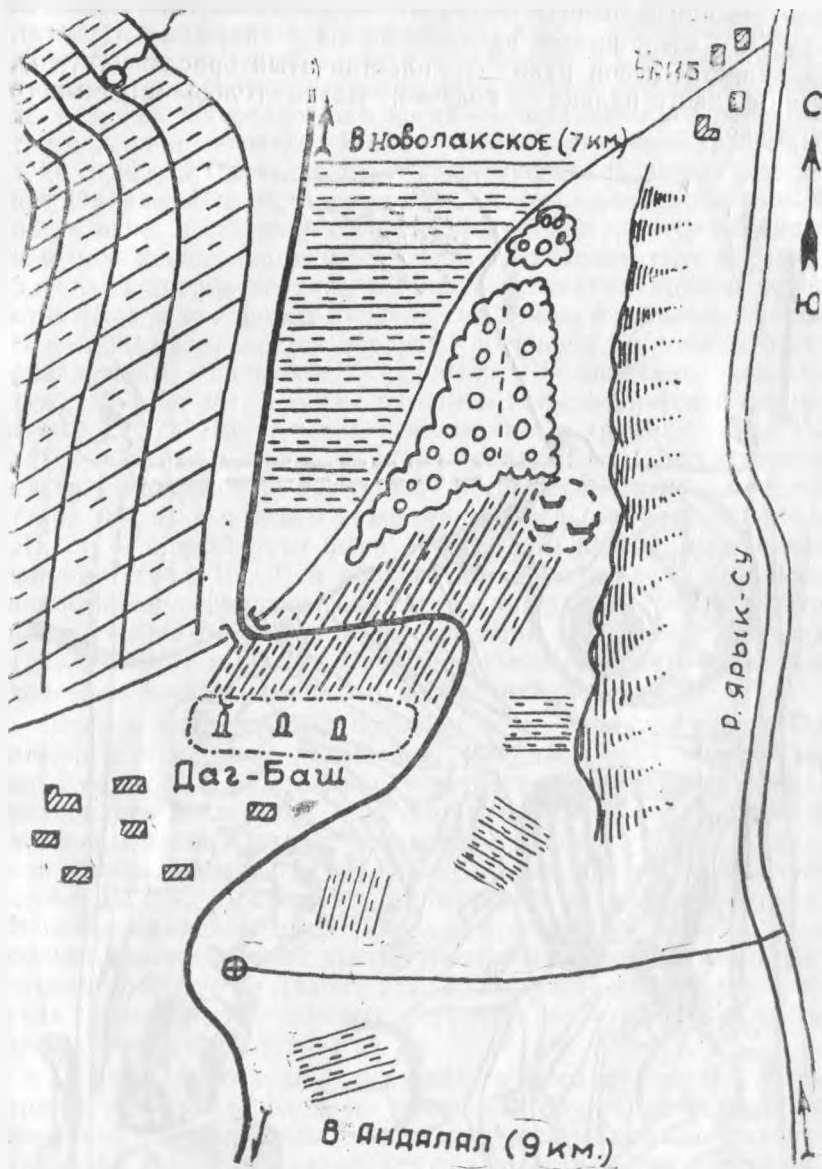
⁶⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 69—71; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 156.

⁶⁸ М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и южной Сибири в эпоху бронзы. КСИЭ, XXVI, 1957, стр. 21—28; В. С. Сорокин. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. СА, 1959, № 4, стр. 12.

ДАГБАШСКИЙ МОГИЛЬНИК

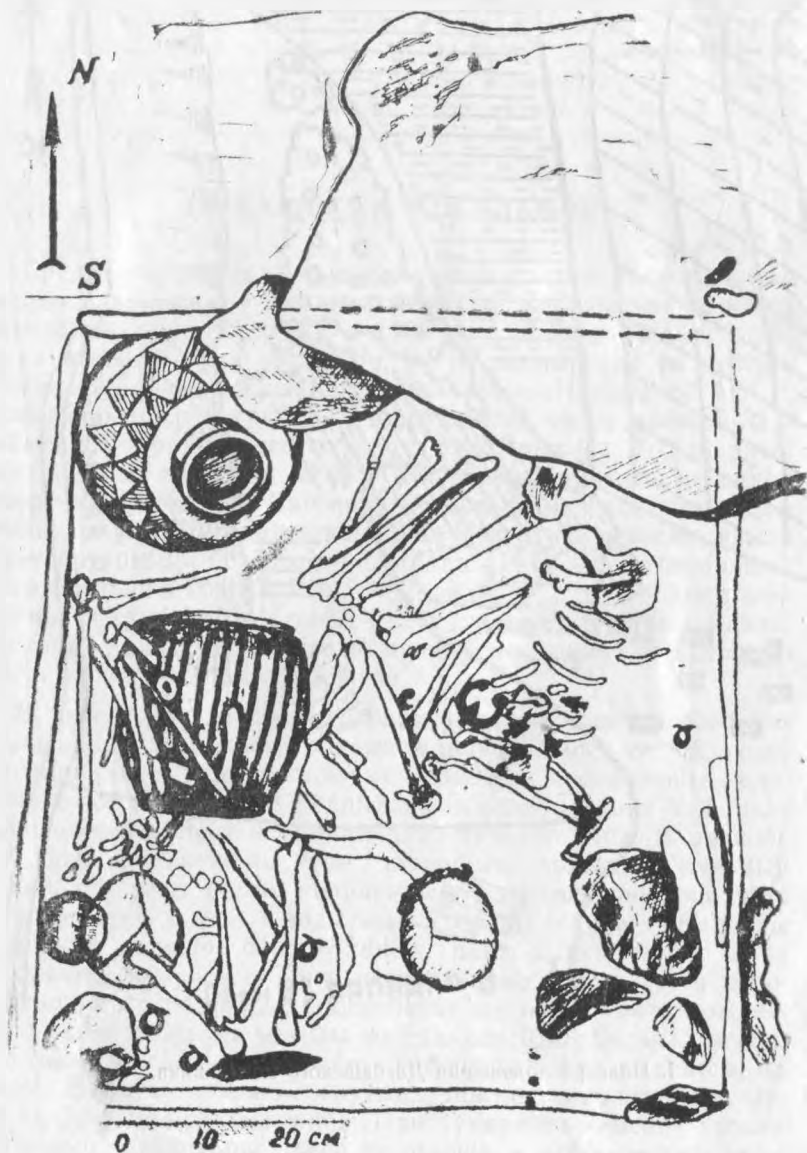
Среди немногочисленных памятников эпохи раннего железа северо-восточного Кавказа наиболее интересным является могильник, обнаруженный в 1952 году студентом Дагестанского медицинского института Н. И. Дегтяренко на северо-восточной окраине селения Дагбаш Чечено-Ингушской АССР. Могильник располагается на приподнятой части высокой надпойменной террасы левого берега реки Ярык-Су. Его территория занимает площадь 180×50 м и ориентирован он по линии север—юг (табл. 1). Дагбашский могильник частично исследован летом 1953 года экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, раскопавшей у его северного края (раскоп № 2, разм. 2×2 м) и в центральной части (раскоп № 1, разм. 4×2 м) четыре каменных ящика. Раскопки дали исключительно ценный исторический материал эпохи первого появления железа.

В перепаханном полуметровом верхнем слое первого раскопа находилось много обломков человеческих костей, сероглиняная керамика, бронзовые подвески и кремневые вкладыши от серпа. В земле, покрывавшей ящик раскопа № 2, были найдены фрагменты керамики аналогичного типа. В раскопе № 1 были обнаружены три каменных ящика. Каменный ящик № 1 имел форму неправильного прямоугольника, чуть расширенного к югу. Продольные стороны ящика составлены из тонких, хорошо обработанных плит, а поперечные — из небольших валунов и плит, поставленных в ряд. Хотя перекрытие не сохранилось, погребение не было потревожено. Внутренние размеры могилы составляли $0,40 \times 20 \times 0,25$ метра. Это было детское погребение. Ребенок лежал вытянуто, на спине. Его руки, сильно согнутые в локтях, покоились на груди. Ориентация была южной. При умершем имелся весьма скромный инвентарь. Слева от головы, в юго-западном углу, был поставлен небольшой глиняный сосуд (V, 1). Под чере-

1. План расположения Дагбашского могильника.

пом лежали бронзовые изделия: височная круглая привеска (IV, 18), возле правой плечевой кости — спиралька (IV, 11), на запястье левой руки — пластинчатый браслет (IV, 15), а на фаланге пальца — колючко. Возле головы и ног много угольков.

II. План погребения в каменном ящике № 2, раскопа 1.

Каменный ящик № 2 (табл. II) в форме неправильного прямоугольника, чуть расширенного к югу, составлен из четырех плит, по одной с каждой стороны. Каменная плита перекрытия сдвинута в сторону. Над ящиком лежало несколько валунов. Очевидно, они когда-то поддерживали перекрытие с южной стороны. Ящик имел внутренние размеры: 1,0,4×0,80×0,75 метра и был ориентирован по линии север—юг. На дне могилы, посыпанном мелом, находилось парное погребение. У северной стены умерший был погребен в сидячем положении, лицом на юг. При распадении тканей сначала упала вперед верхняя половина туловища, причем череп откатился к югу, потом рухнула на землю и остальная часть. В расположении костей верхней половины туловища были обнаружены бронзовые украшения — височные колечки (табл. IV, 14, 16), а также пуговицы полусферической формы (табл. IV, 7). Под черепом лежали витая гривна (табл. IV, 12) и бронзовое лезвие кинжала (табл. III, 1). Возле левого плеча погребенного оказались астрагал барана, браслет (табл. IV, 6) и плоский наконечник стрелы из бронзы (табл. III, 2). У правой руки были обнаружены второй бронзовый кинжал (табл. III, 3) и проволочная бронзовая спиралька, аналогичная спиральке из каменного ящика № 1. Возле восточной стены находилась третья височная бронзовая привеска (табл. IV, 13) и оселок. Около браслета найдены бронзовое колечко и плоско-черенковый наконечник стрелы.

Второй умерший был погребен возле западной стены. Он лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Кисти обеих рук, сильно согнутых в локтевом сочленении, находились возле лица. Под его черепом найдены бронзовые пуговицы и спиральки из бронзовой проволоки. Между западной стеной ящика и черепом лежал костяной молоток (табл. III, 6) а около большой берцовой — астрагал барана. В северо-западном углу могилы, в ногах умершего, стоял большой высокогорлый сосуд, украшенный резным геометрическим орнаментом (табл. VI). Возле него лежали два плоских бронзовых черешковых наконечника стрел. В области груди и таза были угольки.

Помимо первых двух костяков, в могиле имелись кости третьего. Он был положен прямо на другой скелет вдоль западной стены могилы, и лежал в скорченном положении, головой на юг. Естественно, что от этого положение костей нижележащего погребенного было частично нарушено. В большей степени были потревожены кости и погребенного наверху. Но это, видимо, объясняется фактом ограбления, о чем можно судить по сдвинутой в сторону плите перекрытия, потревоженности средней части скелета и отсутствию малобных лент,

отпечатки которых на черепахах хорошо сохранились. Справа от черепа третьего погребенного оказалось несколько пуговиц полусферической формы, бусины и спиральная подвеска. Возле его рук находились бронзовое шило (табл. III, 5), альчик и костяная булава (табл. III, 4). У ребер грудной клетки лежал на боку глиняный сосуд баночной формы с бороздчатой внешней поверхностью (табл. V, 2), а рядом с ним ворворка (табл. IV, 3) и второй альчик. В завале могилы найдены бронзовое спиральное колечко, полусферическая пуговица, две бронзовые бусины кольцевидной формы и овальная височная привеска (табл. IV, 17).

От каменного ящика № 3 сохранились только две плиты, составляющие его продольную и поперечную стороны. Внутренние его размеры 0,62×0,50 м, ориентация — с севера на юг. В могиле от скелета остались отдельные пятна костного тлена.

В раскопе № 2 имелся только один каменный ящик прямоугольной формы, сложенный из массивных, плохо обработанных плит. В отличие от каменных ящиков первого раскопа, здесь концы обеих продольных плит выступали за пределы поперечных. Перекрытие было составлено из трех плит. Самая большая из них, размерами 1×0,61×0,09 м, прикрывала почти всю могилу. За пределами ящика лежали камни и плиты небольших размеров, которыми, вероятно, воспользовались для придания устойчивости плитам перекрытия и боковым стенам. Внутренние размеры ящика 1×0,70×0,65 м, ориентация продольных сторон по линии сз-юв. Ящик был заполнен сильно слежавшейся плотной землей. В этой могиле погребено трое. На дне могилы находился только один скелет, два другие помещались над ним, примерно, на одном и том же уровне. Анатомический порядок костей нижнего костяка нарушен и *in situ* у восточной стены сохранилась только часть таза с левой бедренной костью. Части черепа, плечевые кости и позвонки лежали над ним повыше. Можно предполагать, что умерший был погребен в сидячем положении, лицом на северо-запад.

В юго-восточном углу могилы стоял глиняный сосуд баночной формы, аналогичный по форме и выделке сосуду из каменного ящика № 2 первого раскопа (V, 2). Рядом с ним находилась маленькая глиняная чаша, очень похожая на сосуд из детского погребения. Под черепом оказались костяные предметы: колечко (т. IV, 1) и дуговидная палочка с тремя сквозными отверстиями (т. IV, 2).

В более верхних слоях земли, заполнявшей могилу, у ее западной стены, находился второй человеческий скелет, кости которого сильно сдвинуты грызунами. Однако, судя по поло-

жению основных его частей, можно сделать заключение, что умерший был положен в скорченном положении, с правой кистью руки возле лица. Ориентировка его северная. Чуть выше его костей, над грудной клеткой, обнаружены позвонок и лопатка быка.

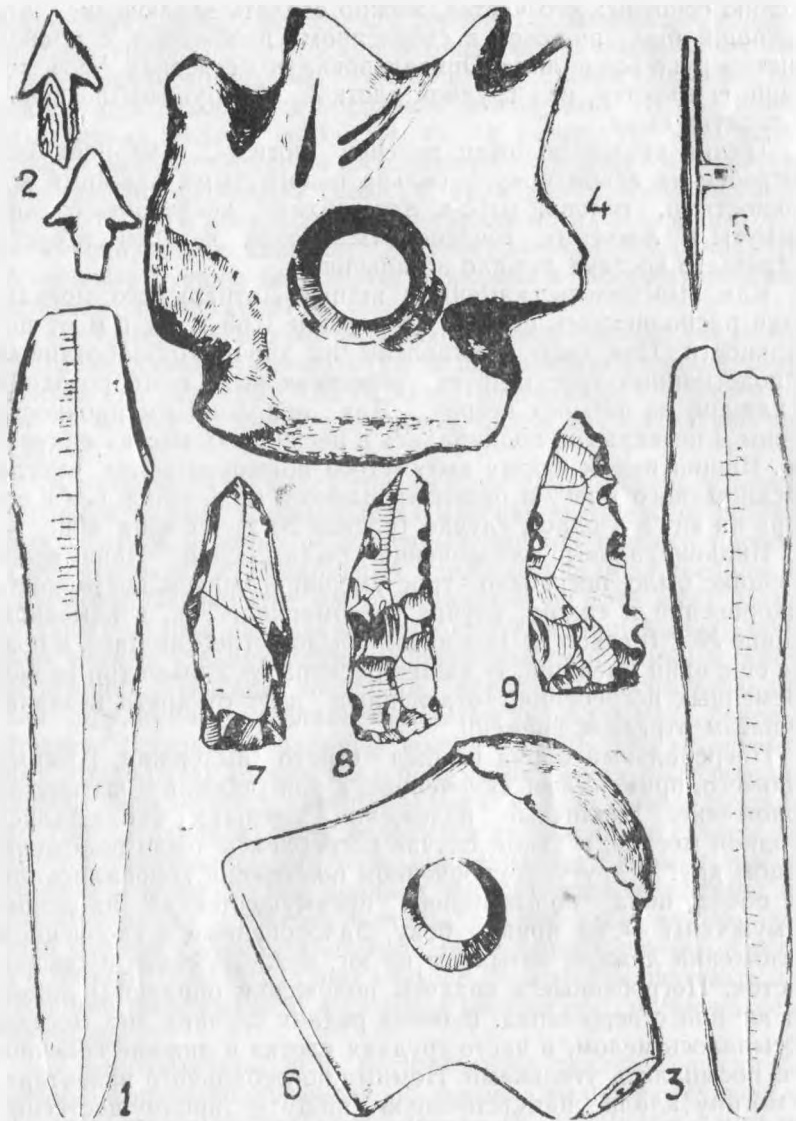
Третий скелет положен поперек могилы. Умерший был погребен на левом боку, с сильно подогнутыми нижними конечностями, головой на с-в. Его верхние конечности сильно согнуты в локтевых сочленениях. Возле черепов второго и третьего костяка лежало по альчику.

Как выяснилось, каменные ящики Дагбашского могильника располагались обычно на глубине 0,65 м до 1 м от поверхности. Они были составлены из хорошо обработанных и подогнанных друг к другу известняковых плит, по одной с каждой из четырех сторон. Для придания им прочности стены и перекрытия подпирались в нескольких местах валунами. Ящики имели форму вытянутого прямоугольника, иногда расширенного к югу и ориентированного по длинной оси с севера на юг, а в одном случае (раскоп № 2) с с-з на ю-в.

Индивидуальные захоронения были редки. Чаще всего в ящике было погребено трое умерших, причем повторность захоронений в таком случае несомненна. Так, в каменном ящике № 2 (раскоп № 1) в начале было погребено двое, а позже еще один умерший. В ящике раскопа № 2 было три разновременных погребения, отделенных друг от друга незначительным отрезком времени.

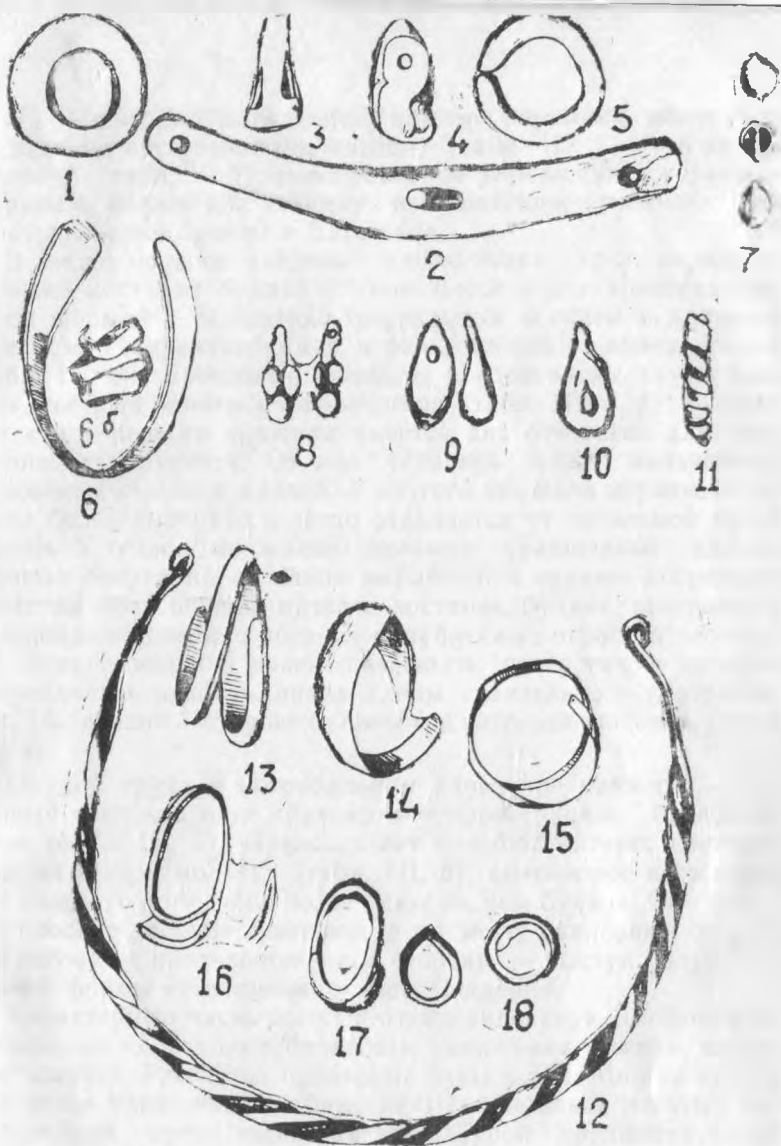
Погребальный обряд не был строго выдержан. Помимо сидячего, применялось скорченное, а для ребенка и вытянутое положение. Различные положения умерших наблюдались в одной могиле, в таком случае погребаемые были положены лицом друг к другу. В скорченном положении хоронились лица обоего пола, но женщины преимущественно на левом, а мужчины — на правом боку. Захороненные в скорченном положении лежали затылком на юг, реже на север и северо-восток. Погребенные в сидячем положении обращены лицом на юг или северо-запад. В очень редких случаях дно могилы посыпалось мелом, и часто грудная клетка и нижние конечности посыпались угольками. Помимо погребального инвентаря, в могилу клали напутственную пищу — преимущественно куски баранины или говядины.

Материалы Дагбашского могильника отличаются большим разнообразием погребального инвентаря. В него входят предметы самого различного назначения: оружие, принадлежности конской сбруи, украшения из бронзы, орудия труда и глиняная посуда. Орудия труда и оружие изготовлены из бронзы и кости. Из железа сделана только рукоять бронзового клинка кинжала.

III. Оружие и орудия труда.

- 1, 3. Бронзовые клинки кинжалов каменного ящика № 2, р. № 1.
2. Бронзовые наконечники стрел каменного ящика № 2, р. № 1.
4. Костяная булава каменного ящика № 1, р. № 1.
5. Бронзовое шило каменного ящика № 1, р. № 1.
6. Костяной молоток — каменный ящик № 2, р. № 1.
- 7, 8, 9. Концевые вкладыши из разрушенных погребений.

IV. Принадлежности конской сбруи и украшения.

1. Костяное кольцо из каменного ящика № 1, раскоп № 2.
2. Костяное коромысло из каменного ящика № 1, раскоп № 2.
3. Бронзовая ворворка из каменного ящика № 2, раскопа № 1.
4. Альчик к/я. № 2, раскопа № 1.
5. Бронзовое кольцо — каменный ящик № 2, раскоп № 1.
6. Бронзовый браслет — каменный ящик № 2, р. № 1.
- 6б. Перстень из каменного ящика № 1, р. № 1.
7. Бронзовые пуговицы — каменный ящик № 2, р. № 1.
8. 10. Бронзовые привески из разрушенных погребений, рас. № 1.
11. Спиральная привеска из бронзы — каменный ящик № 1, рас. № 1.
9. Привеска из оленьего зуба — раскоп № 1 — из разрушенного погребения.
12. Бронзовая спиральная гривна из каменного ящика № 2, р. № 1.
13. Височная привеска — каменный ящик № 2, р. № 1.
14. Височная привеска — каменный ящик № 2, р. № 1.
15. Пластинчатый детский браслет — каменный ящик № 1, р. № 1.
16. Височная привеска — каменный ящик № 2, р. № 1.
17. Височная привеска — каменный ящик № 2, р. № 1.
18. Височная привеска — каменный ящик № 2, р. № 1.

На территории могильника, помимо керамики, обнаружены изделия из кремня (вкладыши) (табл. III, 7—9) и камня (мотыга) (табл. V, 3). Все бронзовые украшения и керамика сохранили форму или технику изготовления, типичную для культуры эпохи бронзы в Дагестане.

В числе оружия найдены наконечники стрел, кинжалы, а также костяная булава. Наконечники стрел представлены одной формой с уплощенно-треугольным острием и длинным черенком, закрепляющимся в расщепленный конец древка (табл. III, 2). Бронзовые кинжалы представлены двумя разновидностями одного и того же типа (табл. III, 1, 3). В верхнем конце первого кинжала имеется два отверстия для прикрепления к рукояти. От нее остались лишь мельчайшие фрагменты дерева и железа. У другого кинжала верхнее основание более вытянуто и четко отделяется от остальной части клинка. У обоих кинжалов кованые уплощенные клинки плавных очертаний со слабо выраженной гранью посередине. Представляет большой интерес костяная булава, выточенная из основания оленьего рога. Ее обрубленные отростки заострены. Вокруг внешних краев сквозного отверстия, в котором закреплялась рукоять, видны следы длительного употребления. На внешней стороне булавки три глубокие насечки (табл. III, 4).

Орудий труда в погребальном инвентаре немного — каменный оселок в виде бруска и четырехгранное бронзовое шило (табл. III, 5). Представляет большой интерес костяное изделие в виде молотка (табл. III, 6), выточенное из основания оленьего рога даже более искусно, чем булава. Оно имеет две плоские рабочие поверхности на месте спиленных отростков рогов, а с противоположной стороны — выступ полушаровидной формы естественного происхождения.

Характерную часть погребального инвентаря Дагбашского могильника составляют бронзовые украшения: гривна, височные колечки, браслеты, бронзовые бусы и т. д. Многие из них (височные привески, налобные ленты, спиральки и бусы) иллюстрируют преемственность с культурой предшествующей эпохи, а другие свойственны только эпохе раннего железа.

Гривна представляет собой витой обруч, у которого расплющенные концы завернуты в спираль (табл. IV, 12). Налобных лент в Дагбашском могильнике было больше, чем других украшений, но ни одна из них, вследствие ограбления, не сохранилась. О них можно судить по ясным отпечаткам на поверхности черепов. По длине ленты не превышали 40—45 см, а по ширине — 1,5 см.

Височные привески также составляли распространенный тип украшения. Можно выделить несколько их разновидностей,

изготовленных только из бронзы. К первой группе относятся пластинчатые привески с широкими лопастями (табл. IV, 14). Привески второй группы представляли собой проволочные овальные колечки со слегка расплюснутыми, заходящими друг за друга концами (табл. IV, 16). К третьей группе следует отнести массивное кольцо (табл. IV, 13), также с заходящими концами, согнутое из овальной в сечении проволоки. Наконец, к четвертой группе относятся маленькие круглые колечки (табл. IV, 18), концы которых или сомкнуты, или же слегка заходят друг за друга. Имеются еще височные привески из согнутой в спираль узкой плоской бронзовой ленты (табл. IV, 11).

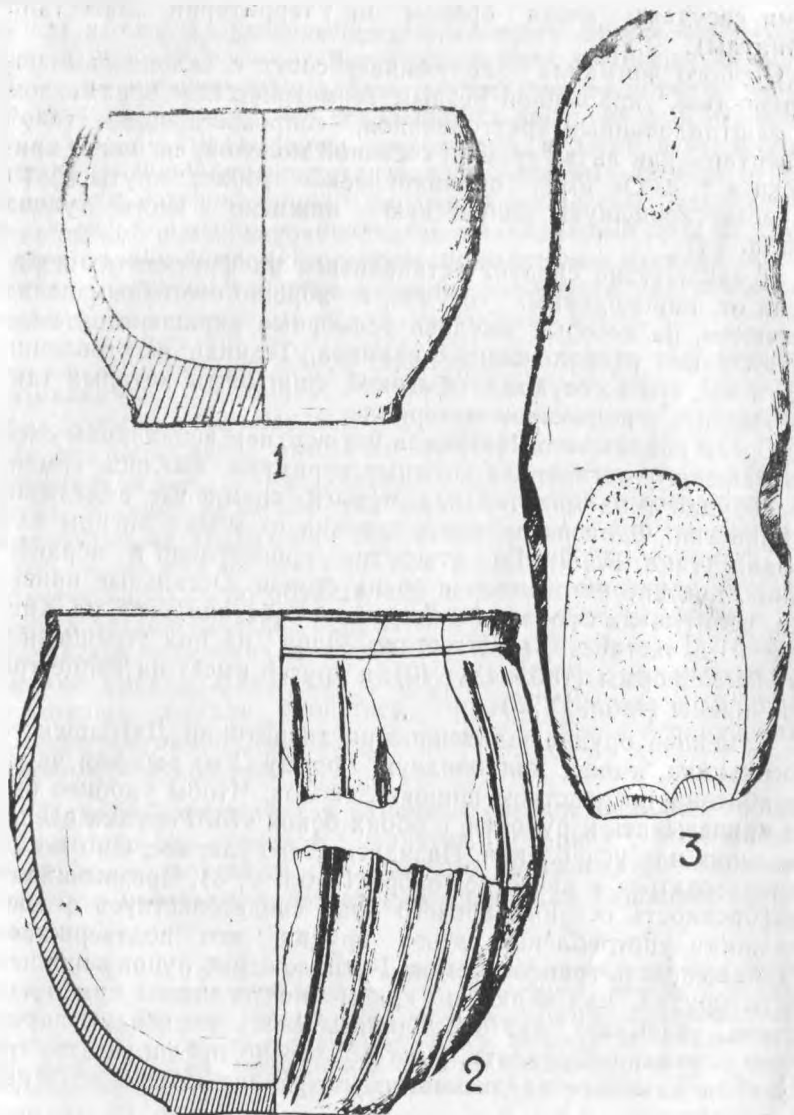
Браслеты—пластинчатые (табл. IV, 15, 6), причем у одного из них несомкнутые концы слегка расплюснуты и расширены (табл. IV, 6).

Среди прочих бронзовых изделий следует упомянуть спиральное колечко из согнутой в 2,5 оборота проволоки (табл. IV, 6б), колечковые бусы с сомкнутыми концами, пуговицы полусферической формы (табл. IV, 7) и проволочное колечко неизвестного назначения также с сомкнутыми концами (табл. IV, 5).

Заслуживают пристального внимания некоторые костяные изделия из Дагбаша: поделка в форме коромысла (табл. IV, 2) и круглое кольцо (табл. IV, 1). Костяное «коромысло» представляет собой дуговидную, слегка уплощенную палочку с тремя сквозными отверстиями на концах и в середине. Костяное кольцо уплощенное, без признаков орнамента. Помимо костяного псалия и кольца, к принадлежностям конской сбруи относится бронзовый бубенчик усеченно-конической формы с треугольными прорезями (табл. IV, 3).

Керамика Дагбашского могильника очень своеобразна. Она грубой работы, толстостенна, недостаточного обжига и вылеплена из глиняного теста с большой примесью шамота. Ее отличительной особенностью является внешняя обмазка сосуда жидкой глиной после первоначального обжига, приобретающая характер внешнего декора (полосами). Эти сосуды имеют баночную форму, но при хорошо выраженном поддоне и довольно резко очерченном прямом венчике (табл. V, 2).

Помимо керамики с обмазкой, имеются еще два сосуда, один из которых обнаружен в каменном ящике, где найдено костяное «коромысло», а второй — в детском погребении. Они представляют собой небольшие чаши с прямыми стенками и хорошо выраженным поддном (табл. V, 1). Фактура теста довольно близка основной группе керамики этого могильника. По форме они генетически связаны с более древ-

V. Сосуды и орудия труда.

1. Глиняная чаша из каменного ящика № 1, р. № 1.
 2. Сосуд, обмазанный снаружи жидкой глиной, — каменный ящик № 1, р. № 1.
 3. Каменное ударное орудие — подъемный материал с территории могильника.
- №№ 1, 2 — $\frac{1}{4}$ нат. вел.; № 3 — менее $\frac{1}{2}$ нат. вел.

ними сосудами эпохи бронзы на территории Дагестана (Миатлы).

Особого внимания заслуживает сосуд с залощенной поверхностью, украшенной резным геометрическим орнаментом из заштрихованных треугольников, сопровождавший такой инвентарь, как витая гривна, костяной молоток, височные привески и т. д. Он имел цилиндрическое горло, крутые бока и резкоскошенную коническую нижнюю часть тулова (табл. VI).

В заключение следует остановиться на фрагментах керамики от широкодонных сосудов, с хорошо отогнутым назад венчиком, на которых имелись рельефные украшения в виде параллельно расположенных валиков. Техника изготовления их та же, что и сосудов с обмазкой, фрагменты которых также имелись в подъемном материале.

Среди подъемного материала и в верхнем вспаханном слое Дагбашского могильника, помимо керамики, имелись каменное орудие типа молотка или мотыги, кремневые вкладыши и привески. Одна из привесок сделана из клыка лисицы или собаки (табл. IV, 9). Ее отверстие просверлено в верхнем конце, искусно отточенном с обеих сторон. Остальные привески, отлитые из бронзы, не встречали себе аналогий на Кавказе и, в частности, в Дагестане. Одна из них уплощенно-овальной формы (табл. IV, 10), а другая имеет на конце три выпуклины (табл. IV, 8).

Каменное орудие, найденное на территории Дагбашского могильника, имеет клиновидную форму. Его рабочая часть отработана посредством широких сколов. Чтобы удобнее было привязывать к рукояти, с обоих боков этого орудия сделаны лунки или углубления. Назначение его ударное. Оно могло использоваться в качестве топора (табл. V, 3). Чрезвычайная зазубренность острия рабочего края свидетельствует о длительности употребления этого орудия, что подтверждает и сглаженность граней выемок. Расположение лунок в нижней части орудия, над верхним краем подтесанного рабочего острия, указывает, что оно привязывалось перпендикулярно к оси деревянной рукояти. Поэтому можно предполагать, что подобное каменное орудие могло употребляться также и в качестве мотыги.

Кремневые вкладыши представляют собой копьевидные острия с выпуклыми боковыми поверхностями, обработанными плоскими сколами (табл. III, 8, 9), а рабочие края — двухсторонней ретушью. Вероятно, эти острия являются кремневыми вкладышами от составного серпа. О длительности их употребления можно судить по зазубринам краев и следам полировки на боковых поверхностях.

Изучение археологических памятников эпохи каякентско-хорочоевской культуры Дагестана и Чечено-Ингушетии показывает, что культура Дагбаша уходит своими корнями в эпоху поздней бронзы. Это доказывается захоронением взрослых в сидячем и скорченном положении, а детей в вытянутом (Тарки) — и притом обязательно в каменных ящиках, — посыпкой трупа угольками, распространенностью однотипных украшений в виде височных колец с заходящими друг за друга концами, спиральных пронизок, применением техники обмазки сосудов жидкой глиной после первоначального обжига, однотипными формами глиняных сосудов и т. д.¹

До сего времени такой технический прием, как внешняя обмазка сосудов глиной, считался одной из самых характерных особенностей посуды каякентско-хорочоевской культуры². Но его зарождение относится примерно к середине II тысячелетия до н. э. (Гинчи, Манас)³, а в горах и раньше (В. Гуниб). Бессистемная обмазка жидкой глиной встречалась повсеместно на территории Дагестана в начале I тысячелетия до н. э., но она не везде носила декоративный характер. На эту особенность не обращалось должного внимания. В свете новых археологических открытий (Нижне-Сигитминское и Новолакское поселения и могильники близ Ак-Яра и Дагбаша), можно предполагать, что декоративный характер обмазки глиняных сосудов свойствен только некоторым районам Северо-восточного Кавказа, и, притом, в строго ограниченных хронологических рамках.

Исходной формой для баночных сосудов являлись горшки каякентско-хорочоевской культуры (Тарки)⁴, но наиболее близкой — сосуды из Талгинского могильника⁵. По своей форме и прочим типологическим признакам баночные сосуды

¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе с. Тарки, МИА 23, М., 1951, стр. 243—257, рис. 10, 2, 6; 12, 7, 10 и 13, 2, 7; ОАК, 1908, СПб, 1901, стр. 192, 155—156; А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА 68, М., стр. 1958, стр. 51—146, рис. 16, 9; 25, 3, 4, 5; Его же. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. «Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 120—121.

² А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА 68, М., 1958, стр. 60; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе с. Тарки, МИА 23, М., 1951, стр. 245—248, рис. 10, 6.

³ М. И. Пиккуль. Результаты археологических исследований 2-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1950 г., т. 1. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2313; Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. т. XXVI, М., 1956, стр. 179, рис. 7, 7.

⁴ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., рис. 10, 2, стр. 245.

⁵ М. И. Исаков. Талгинский могильник, КС ИИМК, вып. 67, М., 1957, стр. 129, рис. 54.

похожи на фрагменты сосудов из могильника близ Ак-Яра⁶ и поселения близ Новолакского⁷. Подобная керамика встречалась в культурном слое Нижне-Сигитминского поселения, дата которого определяется началом железного века на территории Дагестана⁸.

Среди керамики, найденной на территории Дагбашского могильника, были фрагменты горшков с рельефным орнаментом в виде налепов. Это свойственно западной группе каякентско-хорочоевской культуры, но более близкие аналогии к вышеупомянутым фрагментам известны на Северном Кавказе (городище № 3 у В. Наура, Нестеровское поселение), которые уже датируются эпохой раннего железа⁹.

Таким образом, основная керамика Дагбашского могильника входит в круг таких памятников Дагестана, которые находятся на рубеже позднебронзовой и раннежелезной культур.

Среди бронзовых изделий, составляющих преобладающую часть погребального инвентаря Дагбашского могильника, также имеется много аналогий к украшениям местной культуры эпохи бронзы, особенно ее позднейшего периода.

Привески из согнутой в спираль бронзовой ленты (таб. IV, II), как показывают многочисленные находки, характерны для обширной территории всего восточного Кавказа второй половины II тысячелетия до н. э. (Нальчик, Кобань, Калакент, Ханлар и т. д.). Но в Дагестане они являются традиционной деталью головного убора, начиная с первой половины II тысячелетия до н. э. (Карабудахкентский могильник № 2), встречаясь также в третью четверть того же тысячелетия (Манас)¹⁰ и, особенно, в эпоху каякентско-хорочоевской культуры¹¹. Новые археологические открытия свидетельствуют о существовании их и в первых веках эпохи раннего железа (Аркас, Мака).

Оба браслета Дагбашского могильника были местного происхождения. Прототипы первого начали встречаться еще в первой половине II тыс. до н. э. (Карабудахкентский мо-

⁶ М. И. Пик у л ь. Отчет по археологическим работам за август—сентябрь 1951 — первой четверти 1952 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1987.

⁷ Ее же. Отчет о работе северного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1953 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1918.

⁸ К. А. Б р е д э. Отчет о дополнительной работе в 1957 г. на Н. Сигитминском поселении и городище. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2470.

⁹ О. А. А р т а м о н о в а-П о л т а в ц е в а. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. т. XIV, М., 1950, стр. 63, рис. 27, 2.

¹⁰ Р. М. М у н ч а е в и К. Ф. С м и р н о в. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, т. XXVI, М., 1956, стр. 173, рис. 3-а, 10—12.

¹¹ А. П. К р у г л о в. Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. «Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 13, Л., 1949, стр. 116, рис. 3, 5.

тильник № 2)¹², а второго — в конце эпохи поздней бронзы¹³ (Хорочой).

Заслуживают внимания колечки в 2,5 оборота, найденные на территории Дагестана, близ Каякента, в одном из каменных ящиков Ак-Ярского могильника конца эпохи поздней бронзы¹⁴. Расположение пары таких колечек возле черепа указывает на иной способ ношения. Характерно, что в том же погребении имеются остатки сосуда, аналогичного дагбашскому, с наведенными жидкой глиной бороздами.

Колечковидные бусы с неспаянными концами встречались в культурном слое близ наскальных изображений в Капчугае¹⁵, катакомбах Манаса¹⁶, могильнике близ Талгов¹⁷.

Большая часть височных привесок типична для Дагестана и Чечено-Ингушетии. Первые их три разновидности были типичны для каякентско-хорочоевской культуры (Тарки-2, Хорочой, Каякент, Кичи-Гамри, Кабарты-кутан)¹⁸.

Что же касается небольших круглых колечек, то они были типичны для всего Кавказа еще в первую половину II тысячелетия до н. э., в том числе и для Дагестана (Карабудахкентский могильник № 2). Налобные ленты встречались также в эпоху каякентско-хорочоевской культуры¹⁹.

Близкая аналогия колокольчику из Дагбашского могильника имеется в погребении каякентско-хорочоевской культуры в Кичи-Гамри (Дагестан)²⁰.

Наконец, в тот же период среди прочего погребального

¹² К. Ф. Смирнов. Отчет о результатах археологических исследований в Дагестане в 1951 г. Дагестанский краеведческий музей.

¹³ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., МИА 68, М., 1958, стр. 137, рис. 62, 10.

¹⁴ М. И. Пиккуль. Отчет по арх. работам... Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1957 г.

¹⁵ М. И. Пиккуль. Отчет о работе северного отряда Дагестанской арх. экспедиции 1953 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1918.

¹⁶ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, т. XXVI, М., 1956, стр. 177, рис. 5, 19.

¹⁷ М. И. Исаков. Талгинский могильник, КС ИИМК, вып. 67, стр. 128, рис. 53.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Указ. раб., рис. 13; А. П. Круглов. Указ. раб., стр. 116, рис. 3, 13; Он же. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., МИА 68, М., 1958, рис. 47, 1, 3; М. И. Пиккуль. Отчет о работе северного отряда Дагестанской археологической экспедиции 1953 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1918, стр. 111, № 6—8; Ее же. Раскопки на Сулаке в 1955 г., МАД, т. 1, Махачкала, 1959, рис. 2, 2—3.

¹⁹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе сел. Тарки. МИА 23, М., 1951, рис. 13, 7.

²⁰ М. И. Пиккуль. Отчет о работе северного отряда Дагестанской арх. экспедиции. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1918.

инвентаря находили кремневые вкладыши подобной выделки (Берикей, Кабарты-кутан) ²¹.

Круг культурных связей населения Дагбаша определяется довольно характерными аналогиями с некоторыми разновидностями оружия и украшений, употребляемых в конце эпохи бронзы и начале раннего железа, на рубеже II—I тыс. до н. э. Заслуживают самого пристального внимания аналогии к костяной булаве и молоту из Дагбашского могильника, ведущие в Самтаврскому могильнику — единственному месту, где они встречались в более раннее время. На территории всего Кавказа не имелось аналогий костяной булавы. Но ее прототипом являлись предметы того же назначения из Самтаврского могильника, употреблявшиеся в той местности с XV по X вв. до н. э. включительно ²². Наиболее близкое по типу и назначению костяное изделие в виде молотка также происходило из Самтаврского могильника и может быть отнесено к XV—XIII в. до н. э. ²³.

Плоско-черенковые наконечники стрел встречались в Закавказье в эпоху поздней бронзы. Они появились еще в начальный период, который Т. Н. Чубинишвили датировал XV—XIV вв. до н. э. ²⁴. В Самтавро такие плоско-черенковые наконечники стрел доживают до переходной эпохи от бронзы к железу ²⁵ и начала его широкого освоения ²⁶. Большое количество бронзовых наконечников стрел дагбашского типа было обнаружено Ж. Морганом при раскопках могильника в Талыше ²⁷, время которого определяется наличием первых железных изделий.

Прототипами дагбашских кинжалов были кинжалы с ажурными набалдашниками, столь типичные для вооружения закавказских племен XII—X вв. до н. э. ²⁸ В Самтавро они появились даже раньше ²⁹. Кинжал, близкий к первой разновидности, был найден Б. А. Куфтиным среди инвентаря

²¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., МИА 68, М., 1953, стр. 142; М. И. Пикуль. Раскопки на Сулаке в 1955 г., МАД, т. 1, Махачкала, 1959, стр. 157.

²² Т. Н. Чубинишвили. Древнейшие археологические памятники Мхета. Тбилиси. 1957 г., таб. XVII, № 2085, стр. 101, рис. 13.; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. 1, Тбилиси, 1951, стр. 73, рис. 78, 1—2.

²³ Т. Н. Чубинишвили. Указ. раб., таб. XVII, № 5532.

²⁴ Там же, стр. 111, рис. 16.

²⁵⁻²⁶ Там же, таб. IV.

²⁷ G. Morgan. La préhistoire orientale, Paris, 1927, v. III, d. 253, 1—2.

²⁸ МАК VI, М., 1911, таб. III, 1; Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. 1, Тбилиси, 1941, стр. 72, рис. 77, 6.

²⁹ Т. Н. Чубинишвили. Указ. раб., стр. 111, рис. 16, таб. XVI, № 6105.

правобережного могильника близ Бешташени³⁰, дата которого определялась XII—X вв. до н. э. Более поздние аналогии относились и ко второй разновидности дагбашского кинжала³¹.

Нам известно, что спиральные гривны существовали еще в VIII—VII вв. до н. э. на территории Восточного Закавказья³². Бронзовые кольца с сомкнутыми концами имелись в погребальных комплексах Хртоноца³³. Налобные ленты были распространены на Северном Кавказе в течение всего II тысячелетия до н. э. (Кабарда, Осетия)³⁴, но особенно много было их в Восточном Закавказье в эпоху поздней бронзы и первого появления железа³⁵ (Кущи, Доланлар, Мингечаур, Шамхор, Еленендорф, Човдар).

Среди украшений Дагбашского могильника имелось спиральное колечко из согнутой в 2,5 оборота проволоки. Подобные колечки появились в Закавказье и С. Кавказе еще в конце эпохи бронзы (Кущи, Еленендорф, Бойти-Ирзо, Алхастинское поселение)³⁶ и продолжают встречаться, как и колечковые бусы³⁷, в переходную — в эпохе железа (Мингечаур)³⁸.

До сих пор в археологической литературе особое внимание уделялось кольцам, вырезанным из трубчатой кости, которые характеризовали катакомбную культуру Подонья³⁹. Отмечалось их проникновение на юг (Нальчик)⁴⁰ и даже в Дагестан

³⁰ Б. А. Куфтин. Указ. раб., стр. 69, рис. 72-6.

³¹ А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954, таб. II, 1.

³² А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1954, таб. VII-7; Ж. Морган. Указ. раб., рис. 10.

³³ А. А. Мартиросян. Указ. ра., таб. XIII-42.

³⁴ Б. Е. Деген. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика, МИА 3, М., 1941, таб. X, 3; ОАК, 1890, стр. 107, рис. 43; МАК VIII, таб. СXXXII, 2, 3, СXXXIII, 3.

³⁵ Я. И. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 134, фиг. 4, 5, 4; Д. М. Шарифов. Раскопки близ сел. Човдар Ганжинского р-на. Известия Азкомстариса, вып. 4, тет. 2, Баку, 1929, стр. 256, 258; ОАК 1899, стр. 68, рис. 135; МАК VI, стр. 100, таб. VIII, 3; стр. 102, 106, 135—136; В. П. Фоменко. Грунтовое погр. № 63 в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, т. III, Б., 1953, стр. 70, таб. II, 1; Н. В. Минкевич-Мустафаева. Об археологических находках из с. Доланлар. Материальная культура Азербайджана, т. I, Б., 1949, таб. V, 7.

³⁶ Я. И. Гуммель. Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 134, рис. 4, 30. Государственный исторический музей, VII, 30 I A, 77, 35 аб, 36 б; Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. «Труды ГИМ», XII, М., 1940, стр. 171.

³⁷ Там же, стр. 176.

³⁸ В. П. Фоменко. Грунтовое погребение № 63 в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, т. III, Б., 1953, таб. I, 8.

³⁹ Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг. М., 1941, стр. 183—184, таб. XXVIII, 9; М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1953 г., т. IV, М., 1947, стр. 101, р. II—17.

⁴⁰ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА 3, М., 1941, рис. 7, 5, таб. I, 3.

«Сигитма»⁴¹. Но эти кольца не имели ничего общего ни по форме, ни по назначению с костяным кольцом из Дагбашского могильника. И его скорее следует сближать с кольцом из кургана № 91 Карабулака (В. Закавказье)⁴², датированного началом I тыс. до н. э. В отличие от последнего, кольцо из Дагбаша не имело орнамента.

Недостаточность исследования Дагбашского могильника пока исключает возможность каких-либо выводов на основании аналогий и сходств в типе погребального обряда, сооружений и погребального инвентаря. Однако вышеприведенные аналогии указывают на наличие связей не только с Центральным Закавказьем (Самтавро, Бешташени), но и с его восточной частью (Каякент, Куши, Еленендорф, Мингечаур, Хртоноц, Ленкорань), где получили большое распространение погребения в каменных ящиках и те же способы захоронения в скорченном и сидячем положении. Материалы же показывают, что эти культурные связи могли установиться еще ранее, чем рубеж II—I тыс. до н. э.

О реальных культурно-экономических связях населения Северного Кавказа и племени, жившего возле с. Дагбаш, можно судить по аналогиям к металлическому инвентарю и керамике, происходящих из могильника эпохи первого появления железных изделий (Каменноостское) и последующего времени (Исти-Су, Моздок). Височные привески в виде спиралей вообще концентрируются в первые века эпохи раннего железа на весьма небольшой территории, включая Пятигорье (Каменноостское)⁴³, Чечено-Ингушетию и Кабардино-Балкарию (Исти-Су, Дагбаш, Нестеровское) и Дагестан⁴⁴. Интересно заметить повсеместное распространение полусферических пуговиц на территории Северного Кавказа в рамках IX—VII вв. до н. э. (Кобань, Каменноостский могильник, Зеюково, р. Божан)⁴⁵, откуда они попадают и в Восточное Закавказье.

⁴¹ В. И. К а н и в е ц. Памятники бронзового века. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2326.

⁴² МАК, VI, табл. XV, 11.

⁴³ К. Э. Г р и н е в и ч. Новые данные по археологии Кабарды. МИА 23, М., 1951, стр. 130, рис. 7.

⁴⁴ Е. И. К р у п н о в. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 28, рис. 24, 19—21; Его же. Первые итоги изучения восточного Предкавказья. Советская археология, вып. 2, М., 1957, стр. 158, рис. 2, 2; О. А. А р т а м о н о в а-П о л т а в ц е в а. Указ. соч., стр. 39, рис. 14, 6.

⁴⁵ П. С. У в а р о в а. Могильники Северного Кавказа, МАК VIII, М., 1908, таб. XXXIII, 3; А. А. И е с с е н. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, МИА, 3, М., 1941, рис. 4, 5; К. Э. Г р и н е в и ч. Указ. раб., стр. 132—133, 136, 138, рис. 10; МАК VI, таб. VIII, 13—14; табл. VIII, 5.

Аналогии костяного коромысла из Дагбаша ведут на северо-восток, в Подонье (хутор Жерноклеевский)⁴⁶ и на Украину⁴⁷, где среди принадлежностей конской сбруи, датированной VII—VI вв. до н. э., встречались изогнутые костяные изделия. Они, вероятно, выполняли функции псалий. Но нам известны довольно сходные, если не по назначению, то по форме костяные изделия, находимые среди более ранних по времени предметов погребального инвентаря Кабардино-Балкарии (Нальчик).

Имеются также и более отдаленные по времени аналогии того же ареала памятников по колечковым бусам с неспаянными концами и привескам из оленьих зубов. В Кабарде такие привески из зубов являлись типичными для первой половины II тыс. до н. э.⁴⁹ Некоторые из них также носили на себе следы подточки. Но этот обычай носить амулеты в виде клыков диких животных был распространен в течение всей эпохи бронзы (от Карабудахкента п. пол. II тыс. до н. э. до Кяхулая конца II тыс. до н. э.). Поэтому вполне обосновано их появление и в начале эпохи раннего железа в Дагбашском могильнике.

Наблюдается некоторое типологическое сходство сосуда из Дагбаша с геометрическим орнаментом и урнами из Моздока и Исти-Су⁵⁰, но исходной их формой является сосуд из Каменномоетского могильника⁵¹. Они тоже иногда имели резной орнамент. Интересно отметить наличие фрагментов подобной орнаментировки керамики в верхнем культурном слое раннескифского времени поселения близ Алхасты⁵². Но дагбашский сосуд, отличаясь от них своим менее развернутым наружу устьем и большей вытянутостью тулова, занимает промежуточное место между северо-кавказскими и восточно-закавказскими формами эпохи раннего железа⁵³.

⁴⁶ Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг., М., 1941, табл. XXVIII, 8.

⁴⁷ Труды 14 археологического съезда, т. III, М., 1911, стр. 141—146.

⁴⁸ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике, МИА, 3., М., 1941, рис. 38, 1.

⁴⁹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Указ. соч., стр. 84, рис. 25, 4, табл. 1, 1, 7, 10.

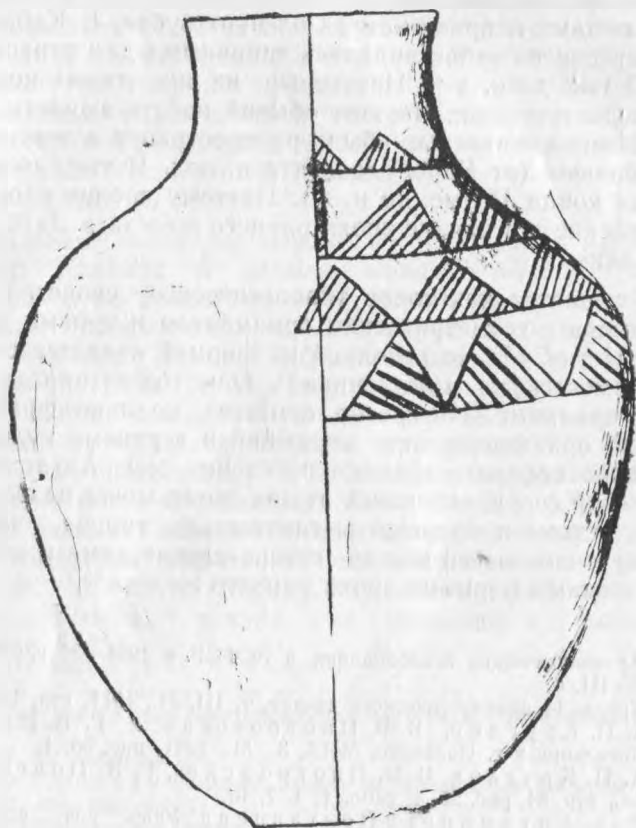
⁵⁰ О. А. Артамонова-Полтавцева. Указ. соч., стр. 62—63, рис. 16, 1. Археологические исследования в РСФСР в 1934—36 гг., М., 1951, табл. XXXIX, 8.

⁵¹ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, МИА 93., М., 1951, табл. III, 4.

⁵² Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. «Труды Государственного исторического музея». Вып. XVII, М., 1948, стр. 19—20, рис. 12.

⁵³ МАК VI, табл. X, 6.

Много общего имеется в культуре древнего Дагбаша и более позднего по времени Исти-Су. Грунтовый могильник близ Исти-Су находится к юго-востоку от ст. Гудермес Чечено-Ингушской АССР⁵⁴ и датируется раннескифским временем. Несмотря на различия в конструкции погребального сооружения, их объединяет скорченность положения костяков с кистями рук, находящимися возле лица, угольки в могилах и аналогии в погребальном инвентаре, как-то: 1) бронзовом колечке с заходящими концами⁵⁵; 2) спиральных пронизях⁵⁶; 3) бронзовом колечке-перстне из проволоки, согнутой в не-

VI. Сосуд с геометрическим орнаментом из каменного ящика
№ 2, раскопа № 1 $\frac{1}{4}$ нат. вел.

⁵⁴ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период. Советская археология, т. XIV, М., 1950, стр. 20—69.

⁵⁵ Там же, стр. 44, рис. 17, 7, погреб. № 20.

⁵⁶ Там же, стр. 44, рис. 17, 8, погреб. № 20.

сколько оборотов⁵⁷; 4) таких сосудов, как горшок баночной формы⁵⁸ и урна с трубовидным горлом⁵⁹. В этом отношении особенно близкими к Дагбашу являются погребения №№ 18 и 20 могильника близ Исти-Су⁶⁰. Многочисленные аналогии к инвентарю Дагбашского могильника указывают на существование особенно тесных постоянных культурных связей населения этой горной части Северо-восточного Кавказа с племенами Северного Кавказа, жившими близко к северной границе Дагестана. О. А. Артамоновой-Полтавцевой было даже высказано предположение, что культура Исти-Су отчасти являлась непосредственным развитием каякентско-хорочоевской культуры. Следует отметить, что, даже на основании далеко еще неполных результатов исследования, Дагбашский могильник может быть тем промежуточным звеном, которое соединяет между собой известные нам на территории Дагестана памятники каякентско-хорочоевской культуры с более поздней по времени «культурой Исти-Су». Возможно, что при дальнейших исследованиях определится возможность установления общности происхождения племен, живших на территории Дагестана и Чечено-Ингушетии.

Исследование инвентаря Дагбашского могильника и сопоставление его с инвентарем могильников Закавказья, Северо-восточного и Северного Кавказа дало возможность отнести его к эпохе первоначального освоения железа на Северном Кавказе. Прочные аргументы для установления нижней границы даты дагбашского инвентаря дает его сопоставление с бронзовыми (кинжалы, наконечники стрел) и костяными (булава, молот) изделиями Закавказья XIII—X вв. до н. э. Аналогии некоторых бронзовых изделий (спиральные привески, гривна и перстень, проволочное кольцо с сомкнутыми концами, бусы, круглые височные привески), встречающиеся в конце поздней бронзы и в первые века эпохи раннего железа (Каменноостское, погреб. № 63 Мингечаура, погребения близ Хртоноца)⁶¹ определяют его верхнюю границу. В хронологии же кавказских памятников место Дагбашского могильника устанавливается между этими границами в пределах X—VIII вв. до н. э. Связи местной культуры Дагбаша, Ново-

⁵⁷ Там же, стр. 39, рис. 14, 7.

⁵⁸ О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период, т. XIV, М., 1950, стр. 43, рис. 16, 3.

⁵⁹ Там же, стр. 43, рис. 16, 1.

⁶⁰ Там же, стр. 40—46.

⁶¹ В. П. Фоменко. Грунтовое погребение № 63 близ Мингечаура. Материальная культура Азербайджана, III, Б. 1953, стр. 67—80, табл. 1, 8, 13; II, 1; К. Э. Гриневич. Новые данные по археологии Кабарды, МИА 23, М., 1951, рис. 7, 8, 10, 13, стр. 128 и сл.

лакского (поселение) и Ак-Яра (могильник из каменных ящиков), определяемые на основании тождества форм, декоративной техники, обмазки сосудов жидкой глиной, позволяют выделить недостающее звено, соединяющее каякентско-хорочо-евскую культуру с культурой эпохи раннего железа Дагестана. Знаменательно, что и в последующие VII—VI вв до н. э. продолжают встречаться такие пережиточные формы, как спиральные привески (Аркас, Мака), височные кольца в полтора оборота и витые гривны (Хабата), не говоря уже о способе обмазки сосудов жидкой глиной (Аркас, Мака)⁶² и т. п.

Раскопки Дагбашского могильника позволяют нам сделать ряд выводов о тех коренных изменениях, которые произошли к моменту появления и распространения первых железных изделий на этой территории северо-восточного Кавказа. К этому времени получает большое развитие земледелие. Оно документируется, главным образом, подъемным материалом с территории могильника. Есть основания полагать, что землю вспахивали при помощи каменной мотыги, привязанной к деревянной рукояти, а урожай снимали с помощью составного серпа с кремневыми вкладышами. Возможность занятия земледелием в данной местности доказывается наличием на уступах террас больших участков, занятых под зерновые, огородные культуры и сады. В тот период продолжали заниматься скотоводством, разводя крупный рогатый скот, о чем можно судить по костным остаткам напуганной пищи в могилах. Косвенным свидетельством использования в хозяйстве лошади является обнаружение некоторых принадлежностей конской сбруи, вроде ворворки, кольца и псалия.

Важнейшим событием явилось проникновение в этот район Северо-восточного Кавказа первых железных изделий. Здесь был обнаружен бронзовый клинок кинжала с остатками железной рукояти. Весь остальной металлический инвентарь был отлит из бронзы, начиная от пуговиц и бус и кончая височными привесками, гривной и наконечниками стрел. Таким образом, еще не наступило время замены бронзовых изделий железными. Некоторое значение здесь получило костерезное дело, о чем можно судить по искусно вырезанным из оленьего рога булаве, молотку, псалию и кольцу.

Изучение материала Дагбашского могильника показывает, что общество в ту пору жило еще родовым строем и хоронило своих покойников по общепринятым нормам, не выделяя привилегированную часть населения. И если наблюдались вари-

⁶² М. И. Пик у л ь. Памятники эпохи раннего железа в Дагестане. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала.

ции в погребальном обряде (мужчина большей частью на правом боку, женщина — на левом, ребенок — в вытянутом положении), то они определялись половыми или возрастными различиями, как и в эпоху каякентско-хорочоевской культуры (Тарки-2, Хорочой). Некоторые основания дают возможность судить о начавшемся процессе имущественной дифференциации. И если в наиболее раннем по времени каменном ящике (раскоп № 2) мы видим бедность инвентаря, где, кроме керамики и костяных изделий, ничего нет, то в каменном ящике № 2 (раскоп № 1) имеется самый разнообразный по своему назначению инвентарь, изготовленный из кости, глины и металла. В этом случае можно говорить о накоплении богатства в руках членов одной семьи. Представляется возможным судить о воинственности этого племени, ибо при каждом мужском захоронении имелось оружие.

Материалы Дагбашского могильника показывают, что в X—VIII вв. до н. э. на западной границе Дагестана существовала довольно развитая культура населения, важнейшим достижением которого явилось освоение первых железных изделий.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

История

	Стр.
П. Б. Мосесов. В. И. Ленин об интернациональных традициях и боевом содружестве народов Кавказа.	5
Р. М. Магомедов. Происхождение названия Лезгинистан.	47
М. Шихабудинов. Молодежь Северного Кавказа и Дагестана в революции 1905—1907 гг.	58
Г. И. Милованов. К вопросу о формировании рабочего класса Дагестана в конце XIX — начале XX вв.	80
Г. Ш. Каймаразов. Борьба за ликвидацию неграмотности взрослого населения Дагестана в годы довоенных пятилеток (1928—1940 гг.)	111
А. Р. Шихсаидов. Новые данные по средневековой истории Дагестана.	137
Х. Х. Рамазанов. К вопросу о рабстве в Дагестане.	155
А. И. Исазаде. Из истории музыкальной жизни дореволюционного Баку.	168

Этнография

С. Ш. Гаджиева. О сословных отношениях кумыков в первой половине XIX века.	190
М. М. Ихилов. Семья и быт табасаранцев в конце XIX — начале XX вв.	216
М. З. Османов. Жилище цудахарцев в XIX—XX вв.	236

Археология

В. К. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане.	277
М. И. Пиккуль. Дагбашский могильник.	296